Александр Аввакумов

Судьба солдата

12+

Александр Леонидович Аввакумов
Судьба солдата

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44740147
SelfPub; 2019

Аннотация

В своей книге «Судьба солдата» Александр Аввакумов словами своего героя передает оценку военных действий отдельных подразделений Советской Армии в Афганистане, их командиров, наглядно показывает и героев, и тех, кто мешал становиться героями.В книге описано отношение к «афганцам», вернувшимся с войны, руководителей отдельных предприятий, правильно отмечает факты замалчивания об этой войне, что после мешало правильно оформить пенсию, быть признанным участником боевых действий. Но никто не должен считать этот взгляд единственно возможным и правильным.

Содержание

Предисловие к роману «Судьба солдата» 4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 7
ЧАСТЬ ВТОРАЯ 109
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ 143
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ 284
ЧАСТЬ ПЯТАЯ 377
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ 458
ЭПИЛОГ 485

Предисловие к роману «Судьба солдата»

Афганистан. Где бы это слово ни прозвучало, последние годы оно вызывает у многих в нашей стране и за ее рубежами различные размышления, ассоциации и воспоминания.

Для многих семей Афганистан – незатихающая боль и страдания. В гражданской войне 80-х годов, в которой пришлось принимать непосредственное участие войскам Министерства обороны Советского Союза и работникам иных ведомств и учреждений, погибли и искалечены физически и духовно многие сотни тысяч молодых жизней. Для самих афганцев произошедшие события после Апрельской революции 1978 года и продолжающиеся до наших дней – трагедия.

Об Афганистане написано немало книг. Тем не менее, Александра Аввакумова это не смутило. Есть среди этих книг объективные и интересные, составленные историками и генералами, писателями и журналистами. В некоторых присутствует анализ боевых действий, в других – приведены ранее не известные документы. Не со всеми суждениями этих авторов можно согласиться, такова тема – сложная и небесспорная. Через Афганистан прошли сотни тысяч солдат и офицеров Советской Армии, в том числе и офицеры запаса, вызванные на якобы военные сборы, но затем оказавшиеся

на территории Афганистана и показавшие себя по-настоящему подготовленными специалистами для участия в военных операциях.

В афганской войне принимали участие военнослужащие и сотрудники многих силовых ведомств – КГБ, МВД СССР и других. Мало кто из авторов книг описывает их деятельность в составе советнических аппаратов во всех силовых ведомствах Афганистана и в оперативных отрядах специального назначения « Зенит» и «Кобальт», а ведь во многих случаях войсковые операции Советской Армии проводились по оперативным данным сотрудников этих отрядов и советников.

Поэтому у каждого своя оценка, свои воспоминания. «Афганский узел» вобрал в себя и причудливо запутал множество нитей, в каждой из которых – своя частичка правды.

В своей книге «Судьба солдата» Александр Аввакумов словами своего героя передает правдивую оценку военных действий отдельных подразделений Советской Армии, их командиров, наглядно показывает и героев, и тех, кто мешал им становиться героями.

Автор правдиво оценивает и отношение к «афганцам», вернувшимся с войны руководителей отдельных предприятий, правильно отмечает факты замалчивания об этой войне, что после мешало правильно оформить пенсию, быть признанным участником боевых действий. Не каждый может в полной мере и с должной компетентностью оценить те или иные решения и действия. Но никто не должен считать этот

взгляд единственно возможным и правильным.

И пусть на опыте воинов-интернационалистов, на опыте ветеранов Великой Отечественной войны и тех, кто, пройдя через афганскую войну, продолжает служить Родине – учится, и воспитывается молодежь.

Я выражаю сердечную признательность автору книги за патриотизм и духовность, которые он вложил в страницы этой книги. Спасибо вам, как автору и как патриоту России.

Пусть эта книга будет памятью павшим и предупреждением живым.

В. Б. Турбин,

Генерал-лейтенант внутренней службы, Председатель Общероссийской общественной организации – Ассоциации ветеранов боевых действий органов внутренних дел и внутренних войск России

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Случайная встреча

Шел шестой год этой непонятной для него войны в Афганистане. Сейчас уже никто не говорил об исполнении интернационального долга – ни генералы, ни простые солдаты. Каждый нормальный человек, оказавшись здесь, мечтал выжить любой ценой, и все разговоры солдат крутились вокруг одного вопроса – возвращения домой.

Полуденный зной просто изматывал старшего лейтенанта Крылова. Открытое окно автомашины, словно открытый рот человека, всасывало в себя жар от уличных строений, дорожную пыль, от которых не было спасения. По мокрому лбу старшего лейтенанта тонкими ручейками стекал пот, оставляя на лице светлые борозды.

«Сейчас бы искупаться», – с неким блаженством подумал офицер и посмотрел на сосредоточенное лицо водителя.

Крылов ехал в кабине ЗИЛа и вглядывался в настороженные лица попадавшихся ему навстречу афганцев. Многие из них при виде военной автомашины прижимались к стенам домов и отворачивались, чтобы он не видел их искаженные злобой лица. Другие же просто пытались скрыться в первом же попавшемся переулке, прячась от его настороженного взгляда. Ни он, ни водитель, так лихо управлявший грузо-

виком в этих узких улочках, не знали, о чем думали эти люди. Некоторые из них не скрывали своих дружеских улыбок, приветливо махали им рукой, другие же мечтали вонзить в их спины свои остро отточенные ножи.

Оперативная обстановка в Афганистане была похожа на цветное лоскутное одеяло. В отдельных провинциях процветала мирная жизнь. Там наши военные строители прокладывали дороги, тянули трубопроводы с питьевой водой в некогда засушливые районы. В других же провинциях шли упорные бои за контроль над дорогами. Тот, кто осуществлял этот контроль, тот и был истинным хозяином данной провинции, района и города.

Официальные власти Кабула осуществляли свой контроль над населением лишь в тех городах, где размещались крупные гарнизоны Советских войск и местной милиции. Вся же остальная территория страны находилась под контролем моджахедов, или, как их называли официальные власти, мятежников. Сейчас это понимали все, и громкие слова об интернациональной помощи были просто всеми забыты. Война стала приобретать для нас совершенно другой характер, и этим характером была месть. Солдаты мстили за своих погибших товарищей и друзей, за свои искалеченные войной судьбы. Постепенно все пришло в состояние равновесия, они убивали нас, видя в нас захватчиков, мы же убивали их за гибель наших товарищей.

Грузовик резко затормозил. Крылов не ожидал этого и

сильно ударился лбом о лобовое стекло автомашины.

– Что, дрова везешь?! – со злостью спросил я водителя. – Так и голову разбить можно!

– Да вон, товарищ старший лейтенант, мальчишка чуть под колеса не угодил, – оправдываясь, ответил водитель и пальцем показал на мальчика пяти-шести лет, босоногого, одетого в рубашку до колен, который стоял в метрах трех от машины и с любопытством рассматривал людей, находящихся в кабине грузовика.

Водитель приоткрыл дверь машины и погрозил ему пальцем. Дети, игравшие в стороне от дороги, вскочили на ноги и, крича какие-то обидные для нас слова на непонятном нам языке, устремлялись за машиной, бросая в нее камни.

– Вот зверьки-то, – произнес водитель. – Видно, правильно люди говорят, сколько волка не корми, он все в лес смотрит.

– Ты знаешь, Васильев, куском хлеба этот народ не купишь. Они около ста лет воевали с англичанами за свою свободу. Им свобода намного важнее нашего хлеба.

– Вот, тогда скажите, старший лейтенант, – обратился он к нему, – что мы делаем в этой стране, если они против нашего здесь присутствия? Только не нужно говорить, что мы здесь выполняем свой интернациональный долг. Да и вы, наверное, уже давно в это не верите. Я как-то спросил об этом нашего замполита, но тот послал меня подальше с этим вопросом и ничего мне не ответил.

Крылов посмотрел внимательно на водителя и если бы не знал его, то посчитал бы заданный им вопрос, простой провокацией.

– Ты знаешь, Васильев, есть такое большое и очень весомое в жизни военного слово – присяга. Вот она и заставляет меня быть здесь. Я человек военный и не привык обсуждать приказы своих командиров. Несмотря на то, что я – ваш командир, могу сказать тебе одно, что я не владею всей информацией, позволяющей мне судить, правильно или неправильно мы тут находимся. Если Родина послала нас с тобой сюда, значит ей это нужно, чтобы мы с тобой были в Афганистане, а не где-то в другом месте. Понял?

Навстречу автомашине попала арба, запряженная тощим верблюдом. Горб верблюда, словно пустой мешок, мотался где-то сбоку. Извозчик попытался освободить грузовику дорогу, но упрямый верблюд не хотел сворачивать в сторону и, словно «камикадзе», шел посреди дороги с явным намерением помериться силой с железной машиной.

– Товарищ старший лейтенант! Он, что слепой? Не видит, что ли, машину? – выругавшись матом, произнес водитель. – Сейчас я с ним поговорю.

Однако стоило им только остановиться, как около автомашины моментально образовалась большая толпа из местных жителей. Афганцы что-то стали кричать, размахивать руками, и было не совсем понятно, то ли они возмущены их действиями, то ли стараются им что-то подсказать. Несмотря на

достаточный опыт общения с местным населением, Крылов открыл дверь кабины машины и вышел из нее. Это была явная ошибка офицера. Его моментально окружила толпа.

– Граждане! Освободите дорогу! – громко крикнул он. – Освободите дорогу!

Однако, его призыв моментально утонул в шуме толпы. Он попытался вернуться к машине, но толпа не давала ему этой возможности.

– Костя! – закричал он сопровождающему его солдату. – Приготовь автомат! Черт знает, что у них на уме. Если что, стреляй!

Костя – солдат-первогодок, небольшого роста, испугано вертел головой, сжимая в руках автомат. Он совсем недавно, последним призывом, прибыл в Афганистан и поэтому еще не знал всех особенностей этой чужой для него страны. Он удивленно посмотрел в сторону офицера.

– Отойди! – истошно закричал он и передернул затвор автомата.

Тем временем страсти вокруг машины стали заметно накаляться. Кто-то из толпы бросил в Крылова камнем, который угодил ему в грудь. Второй камень попал в лобовое стекло автомашины. Офицер расстегнул кобуру и достал пистолет. Снова в него полетел камень, запущенный кем-то из толпы. В этот раз Крылов увернулся от него, и он угодил в голову маленького мальчика, крутившегося около него. Мальчик упал на землю. Из пробитой головы заструилась алая кровь.

Вид крови еще больше возбудил толпу. Теперь они уже пытались ударить его своими палками.

– Вот гады! – прохрипел Васильев. – Да я вас сейчас!!!

Водитель выхватил гранату и, вырвав из нее чеку, размахнулся. Толпа на какой-то миг отхлынула от машины, и этого оказалось вполне достаточно, чтобы Крылов успел схватить автомат, который лежал на сиденье кабины. Он быстро передернул затвор и дал короткую очередь в воздух. По крылу автомашины застучали яркие желтые гильзы. Крылов направил автомат на испуганную толпу, которая стала быстро уменьшаться прямо у них на глазах.

Водитель, успевший к этому моменту вставить чеку обратно в гранату, тоже поднял автомат.

– Погоди, Васильев, не дергайся, – произнес Крылов, увидев среди разбегающейся толпы людей, одетых в серую форму местной полиции. – Сейчас они быстро разберутся и освободят нам дорогу.

Вскоре около автомашины остался только наряд местной милиции из пяти человек. Один из них сделал им знак рукой, и они поехали дальше.

* * *

Они быстро добрались до расположения штаба парашютно-десантного полка, который дислоцировался на окраине Кандагара. Оставив машину около ворот контрольно-пропускного пункта, Крылов быстро вбежал на второй этаж небольшого двухэтажного здания. Насколько он знал со слов

офицеров, в этом небольшом здании ранее находился какой-то административный отдел местной правящей партии. Пройдя по коридору, он остановился около выкрашенной белой краской двери. Сделав два глубоких выдоха, он толкнул дверь и вошел в небольшую комнату, в которой за столом сидел капитан и что-то стучал одним пальцем по клавиатуре пишущей машинки.

– Привет! Скажи, начальство у себя? – поинтересовался он у капитана.

– А, это ты, Крылов? – спросил офицер, оторвавшись от работы. – Давай, заходи. Отцы-командиры уже давно ждут тебя. Не удивляйся, у «Бати» представитель штаба дивизии. А что так долго добирался?

– Да местные дехкане перекрыли дорогу, пришлось стрелять, чтобы проехать.

– Я так и думал. Скоро они нас вообще заблокируют в этом городе.

Крылов глубоко вздохнул и постучал в дверь. Услышав голос командира полка, он открыл дверь и вошел в небольшой кабинет. В помещении, помимо командира полка, находились еще два человека – один был в полевой форме генерала, второй – полковника.

– Товарищ генерал! Разрешите обратить к командиру полка! – произнес Крылов, вытянувшись по стойке «смирно».

– Обращайтесь, – ответил генерал и внимательно посмотрел на молодого офицера. На внешний вид Крылову было

лет двадцать пять—двадцать семь. Он был среднего роста, широк в плечах. Генерал невольно обратил свое внимание на мощную грудь и сильные руки, которые могли легко завязать кочергу узлом.

«Сильный парень», – подумал он и стал продолжать, молча изучать внешность офицера.

Крылов доложился командиру полка о своем прибытии. Тот, улыбаясь, представил его генералу и полковнику.

– Значит, это вы, старший лейтенант Крылов, в настоящее время исполняете обязанности командира специальной разведывательной группы полка?

– Так точно, товарищ генерал, – четко отрапортовал офицер.

– Тогда присаживайся к столу и слушай меня внимательно, – как-то совсем по -простому предложил он Крылову. – Тебе поручается особое задание, старший лейтенант, оно сложное и опасное.

Крылов внимательно посмотрел на генерала. Генералу было около пятидесяти лет. Его светлые редеющие волосы были зачесаны назад. Судя по складкам у рта, это был волевой и властный по характеру человек. В его небольших глазах серого цвета жил какой-то внутренний холод, от которого становилось как-то не по себе.

Генерал расстелил на столе карту и, взяв из стоявшей на столе гильзы остро заточенный карандаш, начал ставить задачу разведгруппе.

Задача, изложенная генералом, была довольно сложной и опасной. Крылову поручалось возглавить поисковую группу численностью в двадцать человек, которая должна была высадиться в глубоком тылу моджахедов, где-то в пятнадцати километрах от границы с Пакистаном. Там, среди гор, кишевших моджахедами, они должны были найти и доставить в штаб дивизии особо важный груз, а если точнее – представителя Главного политуправления Советской Армии полковника Грачева.

Накануне вертолет, в котором летел этот полковник, попал под сильный и плотный огонь крупнокалиберных пулеметов моджахедов, загорелся и вынужден был совершить аварийную посадку недалеко от границы с Пакистаном. Летчикам кое-как удалось удержать машину от падения и посадить горящий и неуправляемый вертолет среди гор. Единственное, что было известно штабу 54-ой армии, это координаты посадки, которые успели сообщить летчики сбитого вертолета. Высланный сегодня на рассвете за ними вертолет тоже не вернулся на аэродром. Что случилось с его экипажем, никто не знал. Смог ли он найти сбитых летчиков и полковника Грачева – сведений не было. Проведенная авиационная разведка обнаружила остатки двух сбитых машин и около одного из вертолетов засекла происходящий бой.

Генерал отложил карандаш в сторону и посмотрел на офицера.

– Крылов! Твоей группе будет необходимо тщательно

прочесать весь этот район. Я пока считаю, что экипажу удалось оторваться от моджахедов и уйти в горы. Другого пути у них там просто не было. Если это так, то они могли направиться, лишь в одну сторону, вот сюда, на юго-запад.

Он снова взял в руки карандаш и отметил на карте место возможного их нахождения.

– В километрах ста пятидесяти от этого места проходит старая дорога на Кандагар, которую пока контролируем мы. Больше им идти некуда, здесь – Пакистан, а здесь – непроходимые горы, в которых без соответствующей подготовки не пройти.

Крылов внимательно следил за карандашом генерала и изредка бросал взгляд на свою карту, на которой он автоматически отмечал предполагаемый путь отхода летчиков. Неожиданно грифель карандаша генерала сломался. Он раздраженно швырнул его в сторону и снова посмотрел на офицера. Сделав небольшую паузу, он продолжил:

– Вот здесь видишь, Крылов, речка делает крутой поворот и этого места им никак не миновать. Это хорошо знаем и понимаем и мы, и моджахеды, поэтому, я думаю, они обязательно организуют на этом месте свою засаду. Они будут гнать наших туда, чтобы легко их захватить. Здесь их и нужно вам встречать или ждать. Заруби себе на носу, Крылов, ты должен их найти и живыми доставить сюда, в штаб дивизии. Полковник Грачев не должен попасть им руки! Вы поняли меня?

– Так точно, товарищ генерал, – громко ответил он и вскочил с табурета. – Есть, доставить полковника Грачева в штаб дивизии.

– Сиди, старший лейтенант, не дергайся. Я надеюсь на тебя, – произнес он тихо. – Ко мне обратился очень уважаемый мной человек, имя которого я не буду называть и попросил меня спасти этого полковника любой ценой. А я прошу это сделать тебя. Как, твои люди, готовы они выполнить это задание?

– Так точно, товарищ генерал, – снова вскочил он на ноги. – Люди в отряде надежные, не раз были на «дороге», имеют большой боевой опыт в горах. Я в них уверен, как в себе.

– Это хорошо, что ты в них веришь, Крылов. Как долго воюешь, старший лейтенант? – поинтересовался он у него.

– Больше двух лет, товарищ генерал.

– А орден за что получил? – спросил он Крылова, рассматривая на его груди, матово блестевший орден Красной Звезды.

– За караван с оружием, товарищ генерал.

Генерал, подошел к нему и уже в который раз внимательно посмотрел ему в глаза.

– Вернешь Грачева, получишь орден, я тебе это обещаю, старший лейтенант. И еще одно: верни своих бойцов их матерям и женам, если, конечно, это получится. Лишние потери нам не нужны. А теперь, самое главное. Пока ты не найдешь полковника, не возвращайся. Насколько нам извест-

но, из сегодняшних радиоперехватов разведки, спецслужбы Пакистана и США уже в курсе всех этих событий. Они почему-то считают полковника Грачева представителем Генерального штаба Министерства обороны СССР и сейчас предпринимают определенные меры к его розыску. Ты его должен найти раньше, чем они.

– Я постараюсь оправдать ваши надежды, товарищ генерал, – произнес Крылов.

– И еще. Выход в эфир только в определенное время. Никакой самодеятельности, которая может отразиться на результатах действий твоей группы.

Генерал пожал руку Крылову, давая всем понять, что аудиенция закончена.

– Можно один вопрос, товарищ генерал? Скажите, полковника Грачева случайно зовут не Антоном Сергеевичем?

Генерал оторвал свой взгляд от карты и удивленно посмотрел на него.

– Да. А ты его откуда знаешь, Крылов?

– Да мы вместе с ним служили в Витебске. Он был у нас замполитом батальона.

– Если это так, тогда мне не нужно тебе объяснять, почему ты должен разыскать этого полковника. Ты наверняка и без меня все знаешь?

– Разрешите исполнять?

Генерал махнул рукой. Крылов положил карту в летную планшетку и направился к двери. Около двери его перехва-

тил начальник узла связи, вошедший в кабинет.

– Крылов! Вот возьми, – произнес он и протянул ему небольшой кусочек бумаги. – Это твои новые частоты, позывные и время выхода в эфир. Старайся говорить меньше, чтобы они не засекли вашу группу. Надеюсь, у тебя в группе опытный радист?

– Есть говорить меньше, товарищ майор, – ответил офицер. – А радист у меня – Бог в своем деле.

– Вот и хорошо.

Крылов приложил руку к панаме и, развернувшись через левое плечо, вышел из кабинета. Он вышел во двор и, достав сигарету, закурил.

«Кого брать на эту операцию? – подумал он. – Едва ли эта «прогулка» окажется приятной и увлекательной».

– Что загрустил, Крылов? – обратился к нему знакомый майор.

Это был командир батальона мотострелкового полка, расквартированного недалеко от места дислокации его отряда.

– Да радоваться пока нечему, товарищ майор, – ответил Александр ему. – Отцы-командиры озадачили…

– Ты не прав, Крылов, – ответил майор. – Ты должен радоваться только тому, что еще живой и не искалеченный. Ты только посмотри, сколько молодых парней лежит в госпитале. У кого нет ноги, у кого руки. А ты здоров, и этому нужно радоваться.

Старший лейтенант невольно улыбнулся и посмотрел на

майора.

«А ведь майор прав. Пока я живой, я должен каждый день наслаждаться и радоваться этой жизни», – подумал он и улыбнулся.

– Вот, так-то лучше, – произнес майор и, открыв дверь штаба, скрылся за ней.

Крылов прошел мимо часовых, стоявших у ворот, и направился к ожидавшей его автомашине.

– На базу! – приказал он водителю.

Машина, поднимая клубы серой пыли и пугая местных длинноногих кур шумом двигателя, помчалась по улицам города.

* * *

Крылов сидел рядом с водителем. Заходящее за горы солнце било ему в глаза, заставляя постоянно щуриться. Он закрыл глаза и перестал обращать внимание на снующих по дороге афганцев. Воспоминания волна за волной накатывали на него, возвращая в прошлую жизнь, которая сейчас была отчетливо разделена этой войной на ту, что была ранее, и настоящую. Он хорошо помнил день и час, когда Антон Сергеевич Грачев не вошел, а, скорее, ворвался в его жизнь, уничтожив в ней все, чем он когда-то так дорожил.

Машину сильно тряхнуло на ухабе. Он интуитивно уперся руками в лобовое стекло, и это спасло его от очередного удара лбом.

– Куда гонишь? – произнес Крылов.

Водитель искоса посмотрел в его сторону, ожидая, по всей вероятности, очередного заряда мата. Однако Крылов промолчал. Его мысли сейчас были далеко от этого афганского города.

Он встретился с Катей случайно, на танцевальной площадке Парка имени Горького.

«О Боже, как давно это было, четыре года назад», – подумал Александр.

Тогда он учился в Рязанском воздушно-десантном училище, а она была студенткой четвертого курса Казанского медицинского института. Катя была яркой и красивой девушкой, очень похожей на какую-то иностранную актрису. У нее было все, что делает девушку неотразимой – черные, как смоль, густые волосы и яркие зеленые глаза, которые, как она потом ему рассказала, достались ей от бабушки. Несмотря на ее яркую красоту, она стояла, одиноко прижавшись к ограждению танцевальной площадки, и следила за своими танцующими подругами.

– Саша! Кто эта девушка в голубеньком платье? Ну, вон та, что стоит у забора?

Сашка – его приятель по школе и двору пожал плечами.

– Откуда я знаю, Крылов. Я в этом году впервые пришел сюда на танцы. А что, понравилась? Да, красивая девушка…

– Согласен. Я за ней вот уже полчаса наблюдаю и никак не пойму – всех ее подруг приглашают на танцы, а ее почему-то нет. Странно.

Товарищ снова взглянул на нее, и словно подводя итог разговору, произнес:

– Что ты на нее уставился, Крылов? Не знаю, но я бы к ней тоже не подошел. Ты только посмотри, как она смотрит на всех.

– Не знаю, как ты, а я рискну. Если откажет, не умру, но попытаться – попытаюсь.

На танцевальной площадке снова зазвучала медленная музыка. Крылов, расталкивая танцующие пары, и, не обращая внимания на их ворчание, устремился к ней.

– Здравствуйте. Девушка, можно вас пригласить на танец? – спросил он ее и протянул ей свою руку.

Она оценивающе посмотрела на него и неожиданно протянула свою руку.

– Хорошо. Пойдемте, потанцуем…

От внезапно свалившегося на него везения он на какой-то миг растерялся. Крылов никогда не считал себя красавцем и под ее оценивающим взглядом почувствовал себя каким-то маленьким и никчемным пигмеем.

– А вы неплохо танцуете, – прижавшись к нему всем телом, произнесла она. – Где вы так хорошо научились танцевать? Сейчас редко кто из ребят умеет вальсировать.

– Я когда-то в детстве занимался бальными танцами. Думал, что все забыл, а оказывается, ноги сами все делают за меня. Видно, правду люди говорят, что талант не пропьешь.

Она громко засмеялась, блеснув красивыми белыми и

ровными зубами.

– Скажите, как вас зовут? – первой поинтересовалась она у него. – Меня звать Екатериной, а вас?

– Красивое у вас имя – царское. А меня – Александр.

– У вас тоже непростое имя. Скажите, Саша, что-то я вас никак не припомню. Вы, наверное, впервые на этой площадке?

– Вы угадали, Катя. Я действительно первый раз в этом году на этой площадке. Обычно я на танцы не хожу, но сегодня меня затащили сюда мои друзья. Я учусь в Рязани, в военно-десантном училище, и сейчас я на каникулах, как бы в состоянии свободного полета.

– Какая интересная у вас жизнь. Самолеты, синее и бездонное небо, захватывающие дух прыжки с парашютом. И на каком вы сейчас курсе, Саша, если это не секрет?

– Закончил четвертый. А вы, Катя, учитесь или работаете?

Она немного смутилась, а затем, сверкнув своей очаровательной белозубой улыбкой, произнесла как-то слишком привычно и обыденно:

– Я учусь в медицинском институте. Закончила, как и вы, четвертый курс, буду терапевтом.

– По-моему, у вас шестилетний курс образования?

– Да, пять с половиной лет.

– Выходит, я быстрей окончу училище, чем вы институт.

Весь этот танцевальный вечер они провели вдвоем. После окончания танцев они решили немного прогуляться по пар-

ку.

– Пойдемте по этой аллее, – неожиданно для него произнесла она и указала на аллею, где было достаточно темно. – Вы не боитесь темноты?

– Нет, а вы?

– Я тоже не боюсь. Мне кажется, что вы в состоянии защитить меня.

Она взяла его под руку и они, болтая о пустяках, медленно побрели по дорожке.

– Стой! – раздалось у них за спиной. – Дай, закурить!

Крылов почувствовал, как вздрогнула Катя и плотнее прижалась к нему. Он повернулся, их было трое.

– Ребята, я не курю, – произнес он, оценивая физические возможности вероятных противников.

– А если найду?

Без драки здесь не обойтись, почему-то решил Крылов и первым нанес удар в челюсть лидеру этой тройки. Парень охнул и, отлетев метра на полтора, подмяв под себя кусты, повалился на землю. Вторым хорошо поставленным ударом Александр повалил на асфальт другого парня. Третий не стал испытывать судьбу и бросился в кусты.

На аллее показался наряд милиции, который бросился к ним. В планы Крылова никак не входило общение с представителями правоохранительных органов.

– Катя, жди меня у входа в парк, – произнес он и моментально исчез в густых кустах.

Она увидела Крылова, который стоял у столба при входе в парк и держал в руках букет цветов.

– Ты где их взял? – спросила она, принимая букет.

–Это военная тайна, Катя.

– Вот уж никогда не думала, что найдется такой человек, который обнажит за меня шпагу. Где ты так научился драться, наверное, не в военном училище?

–Именно там. Нам преподают уроки самбо и бокса. Я – кандидат в мастера спорта.

– А я почему-то думала, что вас учат лишь прыгать с парашютами, бегать да стрелять.

– И этому тоже. Как ты на смотришь на то, если я провожу тебя до дома? Время позднее, хулиганов много, – переходя на «ты», предложил Крылов.

– Это что? Суворовский натиск? – спросила Александра Катя.

– Конечно, нет, – улыбаясь, ответил он. – Вон и трамвай подошел, побежали!

* * *

Он проводил ее до подъезда дома. Жила Катя на улице Попова, в четырехэтажном доме, напротив общежития химико-технологического института. Они долго стояли и разговаривали. Крылов ей рассказывал о Рязани, читал стихи Сергея Есенина, которые полюбил со школы. Катя с нескрываемым интересом слушала его, мысленно представляя, что такое свободное падение – свист ветра, белый шелковый ку-

пол над головой и зелень лугов…

– Саша? Как ты доберешься до дома? – неожиданно поинтересовалась она у него. – Сейчас поздно, и уже не ходят ни трамваи, ни троллейбусы.

– Не переживай, Катя. Дойду пешком, мне не привыкать ходить. Этому нас и учат в училище. Нам один преподаватель в училище всегда говорил, что профессия у нас такая: три минуты в воздухе, а остальное по земле.

Она громко засмеялась над этим афоризмом и пожала ему руку.

– Я ведь серьезно тебя спрашиваю, а ты шутишь.

– Так и я тебе серьезно отвечаю. Ты за меня не волнуйся.

Он на секунду задержал ее руку в своей ладони и посмотрел на нее. Она осторожно освободила свою ладонь и, улыбнувшись, направилась к подъезду.

«Неужели это все? – подумал он. – Нет, я просто так не уйду!»

– Катя! Давай, встретимся завтра? – предложил он ей, почему-то не надеясь на ее согласие. – Может, сходим куда-нибудь или ты не хочешь?

Она снова посмотрела на него своим таинственным взглядом, в котором было так сложно отгадать, каким будет ее ответ. Он молча ждал, что она ответит. Катя на секунду задержалась у двери подъезда и повернулась к нему.

– Хорошо, Саша. Я не против завтрашней, а, скорей всего, уже сегодняшней встречи. Давай, встретимся в пять часов

вечера! Приходи к дому, я тебя буду ждать. Тебя устраивает это время?

Он стоял, словно заколдованный. Ему не верилось, что он мог чем-то увлечь такую красивую и эффектную девушку.

– Да! Я обязательно приду.

– Тогда, до встречи.

Она послала ему воздушный поцелуй и исчезла за дверью, словно мимолетное видение. Крылов дождался, когда на третьем этаже вспыхнул свет в окне и, легко вздохнув, и направился в сторону центра города. Погода была великолепной: полная луна освещала бездонное темное небо, где-то в кустах, скрывшись от человеческих глаз, заливался песнью соловей. От его трелей мир казался каким-то загадочным и сказочным.

* * *

Утром Крылов проснулся с счастливой улыбкой на лице. Он быстро вскочил со своей кровати и, сделав десятиминутную зарядку, полез под холодный душ. Когда он вышел из ванной комнаты, мать уже возилась на кухне, готовя ему завтрак.

– Ты что сияешь, как полтинник? – спросила его мать. – Наверное, с девушкой познакомился?

– Ты знаешь, мама, что люди сияют лишь от счастья. А, значит, я просто счастлив.

– Ты, счастлив, говоришь? Человеческое счастье – оно мимолетно, как ветер. Сейчас человек счастливый, а через ми-

нуту уже нет.

– Мама! Ты о чем говоришь? Я не согласен с тобой. Счастье – это не ветер, а состояние души человека.

Он быстро позавтракал и вышел во двор. Осмотревшись по сторонам, Крылов направился в сторону ребят, которые сидели на лавочке и резались в карты.

– Привет! – поздоровался он с ними. – Во что играете?

– В очко, – ответил Александру его тезка. – Будешь играть?

– Нет, ребята. Я просто не умею, – ответил Крылов и отошел в сторону.

– Крылов! Ну, как та девчонка, не отшила она тебя? – поинтересовался Терехов Сашка.

– Представь себе, нет. Ты заметил, Саша, какая она красивая, я давно не встречал таких красивых девушек. Все при ней, притом студентка, учится в медицинском институте.

– Согласен, – ответил Терехов. – Тебе действительно повезло, классная девчонка. С такой девчонкой не стыдно не то, чтобы пройти по улице, но появиться и в других престижных местах нашего города. Смотри, тезка, такие девчонки требуют к себе определенного подхода, больших денег и большого внимания.

– Да брось, ты! Можно подумать, что я жениться собрался. Вот отгуляю отпуск и обратно в Рязань…

Ребята быстро собрались и всей нашей небольшой группой направились на пляж, который находился у Молодеж-

ного центра. День пролетел быстро. Часа в три Крылов уже был дома и стал собираться на свидание. Он тщательно отгладил брюки, надел новую рубашку, купленную по случаю в Москве, и стал смотреться в зеркало.

– Это ты куда, сынок, собрался? – спросила его мать. – Я для кого ужин-то готовила?

– Извини, мамуля, поем после, а сейчас мне нужно бежать. Девушки не любят, когда опаздывают ребята.

Мать покачала головой и ничего ему не сказала. Да и что она могла сказать, он был уже взрослым и самостоятельным человеком. Она перекрестила его со спины и направилась из прихожей в комнату.

* * *

Крылов подошел к дому Кати минут за тридцать до оговоренного времени. Заметив во дворе свободную лавочку, он направился к ней. Присев, он положил рядом с собой большой букет ромашек, которые купил около кинотеатра «Дружба». Взглянув на часы, он стал с нетерпением ждать, когда Катя выйдет из дома. Время шло, а девушка почему-то все не выходила.

«Что могло случиться? – размышлял он. – Неужели передумала и не хочет встречаться».

Чтобы отвлечься от этих мыслей, он достал пачку сигарет и, выбив сигарету щелчком пальца, закурил.

– Ждешь кого-то, сынок? – спросила его пожилая женщина, присевшая рядом с ним на скамеечку.

– Девушку, – ответил Крылов. – Живет вот в этом доме, зовут Екатерина.

– Я сразу же догадалась, что ждешь Давыдову Катьку. К ней постоянно ребята приезжают, посидят немного и уезжают обратно. У нее отец очень строгий, не больно любит ее ухажеров. Он до сих пор считает, что у дочери ветер в голове.

– Это почему же, если не секрет?

– Катька еще тогда, когда училась в школе, влюбилась в одного нашего пацана. Любовь у нее была к нему, говорят, очень сильная. Что-то у них получилось не так, толи родители у нее были против этих встреч, то ли парень в чем-то провинился, но наглоталась она таблеток – еле откачали. Вот после этого и караулит ее отец, не дает ей возможности встречаться с ребятами.

Женщина встала со скамейки и, поправив на голове косынку, направилась в сторону играющих в песочнице детишек.

– Саша! – окликнула Крылова, вышедшая во двор Катя. – Чего сидишь? Пойдем, погуляем!

Он встал со скамейки и, улыбаясь и сияя, как начищенный песком полтинник, направился к ней.

– Привет, Катя! Вот цветы, это тебе, – тихо произнес он и протянул ей букет ромашек.

– Куда пойдем? – поинтересовалась она у него. – Впрочем, мне все равно.

– Ты знаешь, Катя, я так давно не был в Казани, что даже

не могу себе представить, куда бы я мог пригласить тебя. Как ты на это смотришь, если мы с тобой просто погуляем по городу, посмотрим на Волгу? А может, у тебя есть в этом городе какие-то любимые места, покажи их мне.

Не знаю, почему, может быть, ему так показалось, но Катя капризно скривила губы и, пожав плечами, согласилась с его предложением. Они вышли на улицу и медленным шагом направились к остановке седьмого троллейбуса. Неожиданно девушка остановилась и, повернувшись к нему лицом, крепко сжала руку.

– Саша, а у тебя там есть девушка? Я имею в виду, в Рязани? Я слышала, что девчонки там сами бросаются вам на шею?

Крылов громко засмеялся, чем привлек к себе внимание прохожих.

– Кто это тебе рассказал такое, Катя? Ты можешь мне не верить, но девушки у меня нет. Встречаться просто так, чтобы проводить время я не хочу, а серьезно – у меня почему-то не совсем получается. А сейчас, после того, как я встретил тебя, мне больше никто не нужен.

Она громко рассмеялась и, обняв его, пристально посмотрела в глаза, словно стараясь определить, говорит он об этом серьезно или просто шутит.

– Ну, ты и гусар, Александр! Увидел и сразу же в карьер, – произнесла она и засмеялась. – Можно подумать, что я так и поверила тебе? Все вы мужчины – вруны и используете нас

женщин в своих личных интересах.

– Погоди! Я что-то тебя не понял, Катя. Ты, что мне не веришь? Зачем мне тебя обманывать? Могу сказать тебе правду, ты мне очень нравишься, и я бы хотел, чтобы наши с тобой отношения не закончились этим летом.

– Я смотрю, Саша, у тебя большие планы в отношении меня? Не рано ли? Ты же меня практически не знаешь, да и я тебя, тоже. Мы же разные с тобой. Я люблю, когда за мной ухаживают, дарят цветы, делают дорогие подарки. Сможешь ли ты стать таким человеком?

Крылов, морально подавленный ее словами, невольно замолчал. Где-то в глубине души у него затаилась какая-то непонятная для него обида, но, заметив веселые глаза Кати, ее лучезарную улыбку, он сразу же забыл про эту обиду.

– Ты что обиделся на меня, Саша?! Ведь я просто пошутила. Мне было интересно, как ты отреагируешь на мои слова. Не обижайся, договорились?

– А я и не обиделся, – ответил он. – Я сразу понял, что ты меня проверяешь. Денег особо у меня нет, но я могу обещать тебе, что буду любить тебя и никогда не изменю тебе, как бы меня не искушали. Вот это я тебе могу обещать.

– Мне достаточно, ведь от добра добра не ищут, как и счастье. Ты с этим согласен?

Он впервые обнял ее и прижал к своей груди. Он ощутил запах ее волос, тела, от которого у него закружилась голова.

«Солнце, море, воздух слаще меда,

Я тебя увидел в первый раз.

Ты мне улыбнулась, как погоде,

Я упал в колодец твоих глаз…», – неслось из проезжавшей мимо них машины. Катя крепко сжала его ладонь, и они побрели по улице, то и дело, бросая друг на друга только им понятные взгляды.

* * *

В этот вечер они долго гуляли по улицам города. Он ей рассказывал о себе, о своих школьных годах, о друзьях и товарищах, об училище, а она рассказывала о себе.

– Ты даже, Саша, не представляешь, какая у меня забавная жизнь. Я, наверное, как все девчонки, с детства мечтала стать артисткой кино. Я с ума сходила от Румянцевой, Фатеевой и по десять раз, а то и больше, пересматривала фильмы с их участием. Я бредила кино, и никто не мог меня переубедить в моем желании стать артисткой. Для того, чтобы воплотить свою мечту в реальность и поступить в Государственный институт кинематографии, я много занималась с репетиторами, не пропускала ни одной постановки нашего Театра юного зрителя и театра имени Качалова. Однако все мои мечты рухнули в течение десяти минут. Я читала басню и вдруг поняла, что я не помню ее конца. Короче, поступить после окончания школы во ВГИК мне не удалось. Я не прошла по конкурсу.

Она замолчала и посмотрела на него. Поймав ее взгляд, Крылов ободряюще улыбнулся ей. Он обнял ее за плечо.

– Что было дальше, Катя? – спросил он ее.

– Ты знаешь, я готова была наложить на себя руки. Мне было стыдно возвращаться обратно в Казань, общаться со своими подругами. Я два месяца прожила в Москве, все еще надеясь, что обо мне вдруг вспомнят и пригласят меня вернуться в институт. Сейчас все это так смешно, но тогда я почему-то думала, что Москва не сможет жить без такой артистки, как я. Эти два месяца коренным образом изменили всю мою жизнь, так как я вдруг поняла, что просто влюбилась в этот город. Прошло вот уже пять лет, но я и сейчас по-прежнему люблю Москву и мечтаю жить в этом громадном городе.

Она замолчала, словно заново переживая свою неудачу.

– Я несколько раз потом пыталась перевестись учиться в Первый Московский медицинский институт, но отец был против этого перевода. Мой отец работает главным инженером одного из оборонных предприятий города. Он почему-то считает, что уровень подготовки врачей в Казани не хуже Москвы, и поэтому не дает мне возможности перевестись в этот город.

Она остановилась и снова внимательно посмотрела на него, словно стараясь угадать, какое впечатление произвел на него ее рассказ.

– Ты знаешь, Катя, а мне Москва никогда не нравилась. Улицы полны народа, все толкаются, бегут, не обращая внимания на идущих рядом с ними людей. Мне кажется, что в

этом городе отсутствует его былая духовность, и город понемногу теряет свой облик и становится просто транзитным городом.

– Ты не прав, Саша. Ты даже не представляешь, какой это город – Москва! Тысячи огней, сверкающие витрины магазинов, театры. Казань, по сравнению с Москвой, просто деревня. Ты сам подумай. Каждый день в Москву приезжают миллионы людей и столько же уезжают. Ты вот мне скажи, вот ты окончишь училище, тебя могут направить служить в Москву или нет?

Вопрос был столь неожиданным, что Крылов на какой-то миг впал в ступор.

– Не знаю, Катя, – тихо ответил он. – В том году у нас трех выпускников направили служить в Москву, что будет на следующий год, я не знаю. Мне лично в Москве не хотелось бы служить. Ты не представляешь, сколько в Москве разных генералов, рука отвалится приветствовать их каждый день.

Катя засмеялась и стукнула своим изящным пальчиком по его носу.

– Глупый ты, Саша. Москва – это город неограниченных возможностей и пренебрегать этим просто глупо.

Они еще долго спорили о Москве и Казани, и каждый из них так и остался при своем мнении.

* * *

Он не замечал, как летело время, утро сменялось вечером, а ночь утром. Может, и правы мудрецы, говорившие о сча-

стье и времени. Он встречался с Катей практически каждый день и в какой-то момент понял, что по уши влюбился в эту девушку. Стоило ему только не увидеть ее лица, не услышать ее голоса, день был прожит напрасно.

Как-то вечером, когда Крылов собирался ехать к Кате, в комнату вошла мать и села на диван.

– Саша! Послушай, меня. Я смотрю, ты совсем потерял голову из-за этой Кати. Ты знаешь, может, я в чем-то и не права, но мне кажется, что она тебе – не пара. Ты сам-то шире открой свои глаза, посмотри на себя со стороны, кто ты и кто она. Я же чувствую, что она тебя не любит, сынок. Она, словно артистка, просто крутит тобой, как хочет.

– С чего это ты взяла, мама? Катя – прекрасная девушка, и я уверен, что она любит меня, как и я ее. Ты просто плохо ее знаешь.

Мать усмехнулась.

– Любовь, Саша, сродни болезни. Когда человек влюблен, он ничего не видит и не слышит. Ему кажется, что на свете нет человека лучше, чем его избранница. Он готов на все ради того, чтобы ему улыбнулся этот человек. Ты в другой плоскости посмотри на нее. Она же – не хозяйка, она ничего не умеет делать, она просто не приспособлена к нормальной человеческой жизни. А если тебя направят служить куда-нибудь в глухомань, поедет ли за тобой, будет ли верной тебе в гарнизоне, где туча мужиков и один краше другого?

– Да, брось ты, мама, – обиженно и несколько раздражен-

но ответил он. – Она не такая, как ты думаешь, мама. Я люблю ее и ничего с этим поделать не могу. Не ломай мне жизнь, я прошу тебя, мама!

– Смотри, сынок. Близок будет локоток, но его не укусишь. Я не удивлюсь, если ты сам будешь себе готовить пищу и стирать свою одежду, лишь только потому, что у нее накрашенные ногти.

– Знаешь, мама, – громко произнес он, – я уже взрослый человек и мне видней, кто есть кто. И поэтому я очень тебя прошу больше не заводить при мне подобных разговоров, если не хочешь, чтобы мы с тобой поссорились.

Мать тяжело вздохнула и, махнув на него рукой, вышла на кухню. Он быстро привел себя в порядок и выскочил на улицу. Через минуту он уже трясся в троллейбусе седьмого маршрута. Он, наверное, действительно тогда был слепым и глупым и поэтому не слышал советов матери. Лишь потом он понял, что эти слова оказались пророческими.

Доехав до нужной ему остановки, Крылов направился к Катиному дому. Войдя во двор, он по привычке направился к пустующей лавке. Достав из кармана сигареты, он закурил.

– У тебя не будет сигареты? Может, угостишь человека? – обратился к нему парень.

Он поднял глаза и увидел трех парней и, встав со скамейки, молча достал из кармана сигареты, протянул их им.

– Вот возьмите, угощайтесь, – произнес он. – Спички есть?

– Ты здесь живешь? – спросил один из парней, прикуривая сигарету. – Что молчишь? Тогда скажи, к кому ты сюда пришел?

– Какое это имеет значение, ребята? – чувствуя, как все у него сжалось внутри в предчувствии драки, ответил Крылов. – Пришел к девушке, жду ее.

– Ты сам, откуда будешь? Я имею в виду, из какого района?

Можно было просто уйти, сделать вид, что испугался, и тогда, наверняка, можно было бы избежать этой драки, но он продолжал сидеть на лавочке, словно не догадываясь, об их намерениях.

– Ты что, глухой? Я тебя спрашиваю, ты к кому пришел, козел?

– Я же тебе сказал по-русски, к девушке. И еще тебе мой совет, ты выбирай слова, а то можешь потерять здоровье.

Сейчас, по истечении времени, трудно сказать, чем бы закончился его разговор с этими ребятами, но тут во двор вышла Катя. Она сразу же все поняла и направилась к нему.

– Витя! Вам что нужно от этого человека? – спросила она одного из них. – Я же тебе уже несколько раз говорила, чтобы ты ко мне больше не приходил. Разве тебе это не ясно?

Виктор швырнул сигарету на землю и, повернувшись, направился прочь со двора. Вслед за ним последовали и его товарищи.

– Напугался? – спросила она.

– Нет, – коротко ответил он. – Просто не хотелось драться.

– А я-то подумала, что ты испугаешься их. Я наблюдала за всем этим с балкона и подумала, что ты уйдешь, чтобы не связываться с ними.

Ему почему-то стало обидно от этих слов. Стоять и смотреть, как унижают твоего товарища, было просто нехорошо.

* * *

Незаметно пролетел июль и наступил август. Второго августа – праздник десантных войск и он пришел к Кате на встречу, облачившись в курсантскую форму. Крылов встал под ее окном и трижды громко выкрикнул ее имя. Катя выскочила на балкон и радостно замахала ему руками.

– Ой, ты какой красивый, Саша, – закричала она с балкона. – Подожди меня минутку, я сейчас.

Он не успел докурить сигарету, как она вышла во двор. Катя нежно обняла его и поздравила с праздником. Рассматривая на его груди значки, она поинтересовалась, что они обозначают. Утолив ее любопытство, они направились в Парк имени Горького, где проходили торжества, посвященные празднику крылатой пехоты. Они вошли в парк и медленно побрели по одной из аллей.

– Смотри, Саша, вот уже листья начинают желтеть, а это значит скоро осень, конец лета.

Словно в резонанс ее словам из динамика полилась песня:

Скоро осень, за окнами август,
От дождя пожелтели кусты.

И я знаю, что я тебе нравлюсь…

– Какая грустная песня, – тихо произнесла Катя, – словно о нас с тобой. Скоро ты уедешь в Рязань, а я останусь здесь одна без тебя. Я так привыкла к тебе за это время, что даже не представляю, как буду жить без тебя.

Накануне, гуляя с Катей, он сообщил ей, что через неделю должен уехать обратно в училище. Судя по ее лицу, она была глубоко разочарована этой новостью.

– Саша! А нельзя задержаться в городе, по крайней мере, до сентября? – тихо спросила она. – Ведь все это делается элементарно. Я попрошу отца, он позвонит своим знакомым, те выпишут тебе бюллетень и все. Чего молчишь? Разве ты не хочешь этого?

– Спасибо, Катя. Я человек военный, и для меня приказ есть приказ. Не выполнить его я не могу. Поэтому ничего делать не нужно, а тем более просить об этом твоего отца. Он человек занятый, да и кто я ему?

– Это не правда, Саша! Для него это сделать ничего не стоит. Мне не понятно, почему ты этого не хочешь? Может, разлюбил меня или ты вообще не любил меня никогда? А что? Поматросил и бросил, это же так называется у вас мужчин?

– Да ты что, Катя? Как ты могла подумать об этом. Я человек серьезный и намерения у меня в отношении тебя самые серьезные.

– Раз так, то поехали ко мне домой.

– Ты это серьезно или так пошутила?

Она посмотрела и крепко сжала ладонь.

– Я вполне серьезно. Неужели ты испугался моего отца?

Она схватила его за руку и, прижавшись всем телом к нему, пристально посмотрела в глаза.

– Саша! Чего ты молчишь? Я жду твоего ответа!

– В принципе, Катя, я не против этого. Если ты хочешь меня познакомить со своими родителями, поехали.

– Вот и хорошо! – восторженно произнесла она, и они направились в сторону ближайшей остановки трамвая.

Семья Кати проживала в большой, по тем временам, четырехкомнатной квартире. Отец Кати, мужчина средних лет с седыми, как лунь, волосами, встретил гостя на пороге квартиры и вежливо пригласил пройти.

– Проходите, Александр, – произнес он. – Надеюсь, я могу вас так называть?

Крылов посмотрел на него и кивнул головой.

«Интересно. Назвал меня по имени? Наверное, Катя рассказывала своим родителям обо мне» – подумал он, проходя в большой зал.

Сделав несколько шагов, Крылов внезапно замешкался на какую-то долю секунды и, развернувшись, направился обратно в прихожую, где попытался снять обувь.

– Обувь можете не снимать, Александр, – произнес ее отец. – Сейчас лето, сухо, грязи нет.

Он осторожно прошел вслед за ним в зал. После роди-

тельской квартиры и привычной казармы квартира Кати показалась ему настоящим дворцом. Комнаты были обставлены дорогой импортной мебелью, а на полу в одной из комнат лежал большой туркменский шерстяной ковер темно-малиновой расцветки. В зале, куда они вошли, в углу, справа от входа стоял японский цветной телевизор и кассетный магнитофон фирмы «Шарп». Заметив удивленное лицо гостя, хозяин квартиры невольно улыбнулся.

– Присаживайтесь, Саша. Ничему не удивляйтесь, я больше года работал за границей, вот и привез оттуда все эти чудеса современной техники, – буднично произнес хозяин квартиры. – Давай, знакомиться. Меня зовут Владимир Павлович.

Он протянул Крылову руку. Несмотря на его возраст, рукопожатие у него было довольно крепкое.

– А ты, значит, решил связать себя с военной службой, с небом и куполом?

– Да, Владимир Павлович. Я всю свою жизнь мечтал стать военным. В школе занимался спортом, неплохо бегал, стрелял, боксировал.

Хозяин дома улыбнулся, то ли он вспомнил что-то из своего детства, то ли его развеселил его ответ.

– Водку пьешь, курсант? – неожиданно спросил он его и потянулся к бутылке, которая стояла на инкрустированном журнальном столике. Взяв ее в руку, он стал разливать водку по рюмкам.

– Сложно становится работать, растут требования, военный заказчик свирепствует, требует отличного качества выпускаемой продукции, – словно оправдываясь перед ним, произнес хозяин.

– Извините меня, Владимир Павлович, но я водку не пью.

– Молодец, Саша! Но, думаю, что все это временно. Направят после окончания училища в Афганистан, там и запьешь, и закуришь. Я раньше тоже не употреблял, а сейчас каждый вечер перед ужином радую себя рюмочкой коньяка или водки.

Крылов промолчал, так как не знал, стоит ли ему возражать по этому вопросу.

– А как у тебя дела с Катей? Серьезно или так, по-солдатски?

– В каком это смысле, по-солдатски?

– Да так, погулял и бросил. Пойми меня правильно, Александр, она у меня единственная дочь и я бы хотел, чтобы она была счастлива в этой жизни. У тебя есть девушка там, в Рязани? Ты парень видный, настоящий военный, а девушкам такие ребята нравятся.

Он не успел ответить на его вопрос, в зал вошли Катя и ее мама.

– Познакомься, мама, это Александр, – представила она его матери. – Он будущий офицер, десантник, как говорят, крылатая пехота.

– Галина Павловна, – представилась женщина и направи-

лась к большому красивому серванту, в котором переливались всеми цветами радуги хрустальные рюмки и фужеры.

Она быстро стала сервировать стол. Вскоре на столе появились закуска, коньяк, дорогое французское вино. Когда все уселись за стол, хозяин поднялся и предложил выпить за знакомство. Крылов пригубил налитую рюмку и поставил ее на стол.

– Давай, Александр, пей до дна, – произнес Владимир Павлович. – Не уважать тост хозяина дома просто нельзя.

Крылов выпил рюмку водки и поставил ее на стол. Через мгновение он почувствовал, как обжигающая горло жидкость, медленно спустилась по пищеводу в желудок. Он взял дольку лимона и положил ее в рот.

– Дочка говорит, что ты скоро отбываешь в училище? Это правда?

– Да. Восьмого августа я должен быть там.

– Хочешь, я сделаю тебе справку, что ты заболел? Погуляешь еще недели две в Казани.

Хозяин пристально посмотрел на него, ожидая, как он отреагирует на его предложение.

– Спасибо, Владимир Павлович, – ответил Крылов, – думаю, что в этом нет никакой необходимости. С детства не привык обманывать.

– Это почему же? Какой обман? Все будет нормально: и справка, и соответствующий диагноз. Мало ли что могло произойти у тебя на каникулах?

– Вы знаете, Владимир Павлович, не надо. Поэтому, спасибо Вам за предложение, но мне такая справка не нужна.

Отказ Крылова смутил его, а может, даже обидел. Однако, на лице его продолжала сиять всё та же дружелюбная улыбка.

– Все правильно, молодой человек. Это я так, проверил тебя на всякий случай, чего ты стоишь. А ты, молодец, не поддался соблазну.

Все сидящие за столом натянуто заулыбались. Посидев около часа, Крылов стал собираться. Заметив это, Катя встала из-за стола и направилась вслед за ним. Александр простился с ее родителями и вышел в коридор. Катя последовала за ним. На лестнице она обняла его за шею и поцеловала в губы.

– Ты знаешь, Крылов, я очень тебя люблю, – тихо шептала она. – Я буду скучать без тебя. Я буду тебе писать каждый день, даже не каждый день, а каждые полдня – утром и вечером!

– А я, буду ждать твоих писем, Катя. Я тоже люблю тебя и буду любить до конца своей жизни.

Он крепко прижал ее к груди. Запах волос кружил ему голову. В какой-то миг он понял, что не может оторваться от ее разгоряченного тела. Через рубашку он чувствовал, как затвердели ее соски и словно два металлических наперстка уперлись в его грудь. На верхней площадке раздались мужские голоса. Катя оттолкнула его от себя.

– Не нужно форсировать события, Крылов, – тихо произ-

несла она. – У нас все это впереди.

– Извини, Катя. Я не хотел тебя обидеть.

Взявшись за руки, они вышли во двор.

* * *

Машина резко дернулась и остановилась. Пересекая дорогу, шла колонна наших войск. Танки, БТР и боевые машины пехоты, поднимая пыль, шли в голове колонны. Крылов пристально вглядывался в запыленные лица солдат, стараясь угадать, о чем могли сейчас думать эти молодые здоровые ребята. Наверняка, каждый второй думал о доме, мечтал лишь об одном, чтобы целым и здоровым вернуться с этой, никому не нужной войны.

Пропустив мимо себя колонну, ЗИЛ медленно двинулся вперед, петляя по узким улицам Кандагара. Незаметно стало темнеть. Городской шум стал затихать.

– Ты что, быстрей ехать не можешь? Плетешься, словно старый ишак, – произнес Крылов. – Тебе только на катафалке работать, вот там особо спешить не нужно.

– Да я и так стараюсь, – ответил водитель и, нажав на педаль газа, заставил машину увеличить скорость.

Вскоре показались огни базы. Выйдя из машины, Крылов приказал дежурному по отряду собрать всех бойцов на плацу. Он прошел в свою комнату и, положив автомат на койку, направился в туалет. Смыв с себя дорожную пыль, офицер вернулся к себе, сел за стол. Расстелив карту, он начал внимательно изучать намеченный им маршрут движения груп-

пы.

– Товарищ старший лейтенант! Личный состав отряда построен на плацу. Дежурный по отряду, – рядовой Артемьев.

Поправив на себе куртку, Крылов вышел на плац. Послышалась команда лейтенанта Белоусова, который временно исполнял обязанности заместителя командира отряда. Строй замер по «стойке смирно». Крылов прошел вдоль строя, вглядываясь, в знакомые лица своих бойцов. Вот его глаза встретились с глазами Быстрова – бойца из Подмосковья, затем с открытым взглядом казаха Кунаева, который был родом из Казахстана. Со всеми ими он уже не раз бывал на «дороге», плутал в «зеленке» и был уверен в них, как в самом себе.

– Бойцы! Перед нашим отрядом поставлена новая сложная задача. Мы должны десантироваться на границе с Пакистаном, это почти в двухстах километрах отсюда. Задача трудная и опасная. Со мной пойдут опытные и проверенные бойцы. Всем, чей срок службы составляет меньше шести месяцев, выйти из строя.

Из строя вышли шесть человек и вопросительно посмотрели на него.

– А теперь, пусть выйдут из строя те, кто готовится к осенней демобилизации.

Из строя вышло еще пять человек.

– Вот и хорошо. Все вы остаетесь здесь, в расположении старшины базы. Остальным готовиться к выходу. Вылет

группы в двадцать два часа, то есть через пять часов. А сейчас, всем разойтись.

Распустив бойцов из строя, он направился к себе, где снова начал изучать предстоящий маршрут движения отряда. Раздался легкий стук в дверь. Он оторвался от карты и посмотрел на дверь.

– Заходите, – громко произнес он.

Дверь открылась, и в кабинет вошел Быстров. За его спиной, переминаясь с ноги на ногу, стоял Горохов.

– Товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться, – произнес Быстров, приложив руку к панаме.

– Что у вас?

– Товарищ старший лейтенант, разрешите мне и Горохову идти в рейд.

– Вы что? Я же сказал, что «дембеля» и молодые в рейд не идут. Хватит, вы уже отвоевали, пусть теперь повоюют другие.

– Товарищ старший лейтенант, – заныл Быстров. – Мы же сами хотим идти, мы же с Гороховым, как добровольцы. Я могу быть и пулеметчиком, снайпером, сапером.

Крылов посмотрел на них, не зная, какое принять решение. Немного подумав, он ответил:

– Хорошо, Быстров. Так и быть, готовьтесь.

Они радостно заулыбались и, развернувшись, направились к двери. Не прошло минуты, как в дверь снова постучали.

– Ну, что еще нужно? – раздраженно произнес Крылов, думая, что это снова вернулись Быстров и Горохов.

В кабинет вошел лейтенант Белоусов и, настороженно глядя на командира, подошел к столу.

– Может, пригласишь присесть? – произнес он.

– Присаживайся. Какие-то проблемы, лейтенант?

– Пока никаких. Скажи командир, какова задача группы? – поинтересовался он. – Почему уходим в ночь?

Крылов отложил в сторону карандаш и взглянул на офицера.

– Необходимо спасти сбитых вертолетчиков, – ответил Крылов. – Там находятся два наших экипажа. В общем, задача как всегда – иди туда, не зная куда.

– Ты что-то не договариваешь, командир. Может, ты мне не веришь?

– Об этом не может быть и речи, Белоусов. Если бы я тебе не верил, то давно бы отчислил тебя из отряда. Однако, ты прав, дело вовсе не в летчиках, как ты догадался, а совершенно в другой фигуре, которая оказалась на борту сбитого вертолета. Нам предстоит найти и доставить живым полковника Главного политического управления Советской Армии Грачева, если, конечно, он жив. По данным штаба дивизии, им интересуется не только наше командование, но и спецслужбы Пакистана и США.

– Неужели, это такая важная фигура для Пакистана и ЦРУ?

– Конечно, нет. Но они считают его почему-то сотрудником Генерального штаба, а не политуправления и тоже предпринимают все попытки выйти на него и взять его живым.

– Вон оно что. Выходит, этот полковник дорогого стоит, если наше командование на его спасение бросает нашу группу.

– Скажу тебе только одному. Не знаю, насколько это соответствует действительности, но ходят слухи, что он является родственником начальника Главного политуправления нашей армии Епишева. Вот и делай сам вывод. Поэтому командование и подняло такой большой шум вокруг его фигуры.

– Ты что, знаешь его, Крылов? – спросил он его. – Я же вижу, что вы с ним знакомы? Чего темнишь, командир?

– Ты прав. Я хорошо знаю этого человека.

– Откуда? – удивившись, произнес он. – А командование об этом знает?

– Нет. Я никому кроме тебя об этом не говорил. К чему все это. А сейчас иди, я хочу побыть один. Нужно привести в порядок свои мысли и подготовиться к рейду.

Белоусов вышел из кабинета, оставив его одного.

* * *

В середине июня следующего года Крылов с отличием окончил военное училище и приехал в Казань. Он шел по знакомому ему двору, сверкая золотыми погонами, он ловил взгляды жильцов, которые с интересом рассматривали его в

открытые окна дома.

– Здравствуй, мама! Вот я и дома! – радостно произнес он, переступая порог квартиры.

Мать – женщина преклонного возраста, вытерла руки о передник и обняла сына.

– Проходи, Саша, проходи, – то и дело шептала она. – Я все глаза проглядела, как только получила твою телеграмму. – Раздевайся, я сейчас быстро накрою на стол.

Он прошел в комнату и стал переодеваться.

– Куда тебя направили служить, сынок?

– В Витебск, мама. Это – Белоруссия. Так что, вот немного отдохну и поеду. Сейчас поем и поеду к Кате, соскучился по ней.

Мать промолчала, видимо поняла, что время не вылечило ее сына.

– Ты знаешь, Саша, ко мне всю зиму забегала Ольга. Ты помнишь ее? Она живет в соседнем подъезде. Все интересовалась тобой, спрашивала как ты, когда приедешь?

– Не помню, я ее, мама. Когда, я уезжал в Рязань, она, наверное, еще в классики играла.

– Ты бы посмотрел сейчас на нее – настоящая красавица. Все при ней.

– Мама, ты, что решила меня женить на ней? Да брось ты это дело. Может, она и красавица, но я люблю другого человека.

– Дело твое, сынок, я свое уже отжила. Пойми, я тебе пло-

хого не пожелаю…

– Хватит мама! Давай, закроем эту тему.

Умывшись, он сел за стол. Он ел и никак не мог оторваться от еды. Теперь он хорошо понял, что весь год ему не хватало этой пищи.

– Все, мама, больше не могу, – произнес он, поднимаясь из-за стола.

Он надел белую рубашку, причесался и, повертевшись у зеркала еще с минуту, направился к выходу. Мать все это время сидела на диване и смотрела на него.

«Как вырос, – думала она. – Весь в отца – те же глаза, цвет волос, фигура, такой же упрямый как он».

– Пока, мама, – произнес сын и вышел из квартиры.

Выходя из подъезда, он столкнулся с девушкой. У нее были густые русые волосы, сплетенные в косу. Лицо этой симпатичной девушки показалось ему знакомым.

– Здравствуйте, Оля. Я надеюсь, не ошибся?

– Здравствуй, Саша. Вот вы и приехали. Вы бы только знали, как вас ждала ваша мама.

– Я знаю, Оля. Она мне уже все рассказала и о себе, и о вас. Спасибо, вам, что помогали ей скоротать эту зиму. Вы проходите…

Он посторонился, пропуская ее в коридор. Он заметил, как вспыхнуло лицо девушки, как ярко загорелись ее серые большие глаза.

– А вы, что уже уходите, Саша?

– Дела, Оля, дела…

Он повернулся и направился через двор, отмечая про себя привлекательность Ольги.

«И куда только ребята глядят? – подумал он. – Такой бриллиант и еще никем не прибран».

Он сел в троллейбус и поехал в центр города. Душа его пела в предвкушении встречи. По дороге он купил большой букет цветов и, остановившись у дверей квартиры Кати, с силой надавил на кнопку звонка. Где-то там, за дверью раздался его настойчивый звонок.

* * *

Через месяц они сыграли свадьбу. Все что происходило во время застолья, он помнил плохо. Вереницы незнакомых ему лиц, поздравления, подарки – все слилось в один вертящийся перед глазами круг. Медовый месяц, который они провели с Катей в Крыму, пролетел, словно, один день. Через месяц, он уехал в Витебск, где был расквартирован его парашютно-десантный полк. Катя осталась одна в Казани, ей оставалось учиться еще около года.

Он хорошо помнил момент, когда они с Катей стояли на перроне, тесно прижавшись, друг к другу. Теплый летний дождь, начавшийся минут тридцать назад, не хотел затихать. Его зеленая армейская рубашка промокла до нитки, но ему тогда было не до этого.

– Саша, а ты не заболеешь? – заботливо спросила его Катя. – Может, зайдем в здание вокзала?

– Я не хочу никуда идти, я так бы и стоял с тобой всю жизнь. Скажи, а ты сама-то не замерзла?

Она отрицательно покачала головой.

– Нет, я не замерзла, я же под зонтом. Ты знаешь, милый, я только теперь поняла, как ты мне дорог. Я умру, наверное, здесь без тебя. Ты мне пиши! Пиши каждый день, чтобы я все знала о тебе!

– Я тоже люблю тебя, Катя! Я буду писать тебе каждый день. Я буду вставать, и засыпать с твоим именем на устах, ты веришь мне?

Локомотив дал пронзительный гудок, а затем несколько раз сильно дернул вагоны поезда. Состав медленно покатил на запад. Крылов последний раз поцеловал Катю и побежал по перрону догонять свой вагон. С этого дня вся его личная жизнь зависела от работы почты. Он почти каждый день писал ей письма, звонил по телефону. Он словно солдат, ожидавший своей демобилизации из армии, повесил в своей крохотной комнатке календарь, на котором стал зачеркивать день за днем.

Весь день его не покидало какое-то непонятное ему предчувствие. Он общался с офицерами, занимался с личным составом, а, предчувствие по-прежнему не покидало его. Вечером, он сидел перед телевизором и смотрел фильм. Вдруг он почувствовал, как у него защемило сердце. Это была какая-то непонятная ему боль, которую он испытывал впервые.

«Неужели что-то произошло с матерью?», – подумал он.

В последнее время мать часто жаловалась ему на боли в сердце, и первая, о ком он тогда подумал, была, конечно, мать. Несмотря на позднее время, он спустился в дежурную часть и, с разрешения дежурного офицера, позвонил в Казань своему другу Терехову Саше.

– Привет, Сашка! Не знаю почему, но меня охватило какое-то нехорошее предчувствие. Ты мою маму давно видел? Как она там?

– Привет, Крылов! Я ее сегодня видел днем. Вроде бы она на здоровье не жаловалась. Ты меня извини, тезка, но сердце у тебя болит по другому, близкому тебе человеку. Я не хотел тебе об этом рассказывать, но раз ты сам мне позвонил, слушай, друг. Ты знаешь, я сейчас работаю инструктором в горкоме ВЛКСМ и за последние полтора месяца трижды встречал твою жену в обществе своего знакомого – второго секретаря Советского райкома комсомола. Судя по разговорам, которые ходят в кулуарах нашего учреждения, они довольно близки между собой.

— Ты что говоришь, Саша?! – закричал Крылов в трубку. – Ты понимаешь, что ты говоришь?

– Я, да, а ты вот, похоже, нет!

– Слушай Саша, скажи мне, что ты пошутил! Чего молчишь!? Может, ты ошибся, и это была не она? – продолжал кричать в трубку Крылов – Скажи мне честно, что ты пошутил! Оскорбляя ее, ты оскорбляешь и меня. Я не верю тебе, тезка! Моя Катя не может так поступить! Этого просто не

может быть! Она меня любит!

– Да, ты не кричи на меня, я тебе не жена. Я знал, что ты так отреагируешь на эту новость. Если не веришь мне, то позвони Волкову, и Славка тебе подтвердит мои слова, он тоже ее видел с этим мужиком.

Что-то случилось с Крыловым. Он психанул и бросил трубку на аппарат так, что она слетела с него и повисла на проводе. Его стало буквально трясти от этой новости.

– Крылов, что с тобой? – поинтересовался у него дежурный офицер. – Тебе плохо?

Он махнул рукой и направился в свою небольшую комнату при части. Открыв дверь, он повалился на койку и, накрыв голову подушкой, зарыдал от обиды.

«Как он посмел так говорить о моей жене. О той женщине, которую я люблю больше своей жизни, – думал он с негодованием. – И кто мне это сказал? Мой друг Сашка, которому я всегда так верил!»

Вечером следующего дня его вызвал к себе командир батальона. Он стоял перед его столом и гадал о причине вызова.

– Крылов! Скажи, что с тобой произошло? Мне сегодня на тебя пожаловался замполит роты. Говорит, что ты какой-то не такой, как обычно, потерянный. Жаловался, что плохо провел занятия с бойцами. Ты, случайно, не заболел?

– Я здоров, товарищ майор. У меня все хорошо, это просто показалось нашему замполиту.

– Что-то я не вижу, что у тебя все хорошо. Ты можешь мне рассказать, что у тебя произошло? Ведь я, помимо того, что твой командир, еще и твой друг.

– Я здоров, товарищ майор. У меня все хорошо.

– Раз все хорошо, тогда свободен, – произнес командир батальона. – Если еще поступят на тебя жалобы, будем говорить с тобой по-другому.

Крылов вышел из его кабинета и направился в учебный класс, где его ожидали десантники.

* * *

Сказать, что Крылов ничего не предпринимал, значит, ничего не сказать. Он писал, он звонил, он просил Катю, чтобы она объяснилась с ним, но ответа не было. Тесть загадочно молчал, теща обвиняла его в сборе каких-то слухов, очерняющих ее дочь. Сама Катя молчала, делая вид, что она глубоко обижена его подозрениями.

– Саша! Что происходит в Казани. Почему мне никто ничего не говорит?

– Крылов! Ты мне больше не звони по этому вопросу. Я и так уже пожалел, что сообщил тебе о супруге. Звони ей, а в прочем, какой я тебе в этом деле советчик.

Прошло недели две с того момента, как он узнал об измене жены. Вечером в его маленькую комнатку зашел командир батальона. Взглянув на стол, на котором стояла початая бутылка водки, он усмехнулся. Убрав с табурета брошенную Крыловым форму, он сел за стол.

– Чего не спишь, Саша? Ты хоть иногда смотрись в зеркало. Ты на кого стал похож, ходишь темнее тучи, форма вся мятая…

Крылов сидел за столом и молча слушал его. Что он мог сказать ему? Пожаловаться на неверность жены? Стать очередным рогоносцем в части?

– Вот что, Саша, слушай меня. Есть возможность съездить домой, я имею в виду в Казань. Как ты на это смотришь, если мы откомандируем тебя в Казань за молодым пополнением?

Это было столь неожиданным предложением, что он просто растерялся. Было все как в сказке, когда волшебник исполняет любое желание.

– Спасибо, товарищ майор, – тихо произнес он. – Я буду вечным вашим должником.

– Вот и хорошо, Крылов. Тогда собирайся и оформляй командировку. Можешь выехать даже завтра.

Майор посмотрел на него и, взяв с полки еще один стакан, плеснул в него водки.

– Давай, за любовь и удачу.

Они выпили. Вылив остаток водки в раковину, он направился к двери. Радость переполняла Крылова. Он вскочил на ноги и стал лихорадочно собирать свои вещи. На другой день, оформив все необходимые документы, он выехал в Казань за пополнением. Несмотря на громадное желание позвонить жене, он пересилил себя и не стал ей звонить. Прибыв в Казань, он прямо с вокзала поехал к матери.

Мать приняла его молча. Обняв и поцеловав его, она пошла на кухню и стала готовить обед. Вечером, когда он собрался ехать к жене, его остановила мать.

– Сынок! Может, тебе не стоит ехать к ней? – тихо произнесла она. – Ты знаешь, я боюсь за тебя.

– Почему, мама?

– Я, Саша, все знаю и тебе ничего не нужно от меня скрывать. Я мать, а ты мой сын, и мне очень жалко тебя. Ты ошибся, сынок. Тебя пленила ее красота. Запомни мои слова, с лица воды не пить. По рукам пошла твоя жена, а может, и до этого ходила, ведь ты никогда не интересовался ее прошлым.

– Мама! Вы, что все здесь сговорились в Казани? Да не может этого быть. Я верю, Кате и пока не увижу все это своими глазами, никому и никогда не поверю.

Мать замолчала и, взглянув на него, ушла на кухню. Он быстро оделся и, купив по дороге букет цветов, поехал к Кате на такси. Остановив машину напротив ее дома, он перебежал дорогу и быстро вбежал по лестнице на третий этаж. Сердце его стучало так громко, что казалось, что от этого стука могут развалиться все окружающие его дома. Крылов остановился напротив двери, сделал несколько глубоких вдохов и осторожно нажал на кнопку звонка. Он стоял, и все жал и жал эту черную кнопку, словно стараясь вдавить ее в белую отштукатуренную стену. За дверью было по-прежнему тихо. Услышав за спиной легкий щелчок, он обернулся и посмотрел на соседскую дверь. Дверь слегка приоткрылась, и в об-

разовавшем проеме показалась лохматая голова старушки.

– Да не звони ты, – сердито произнесла. – От твоего звонка у меня раскалывается голова. Уехали они с утра на дачу. Летом они постоянно живут там.

– А где Катя? Она тоже уехала с ними на дачу?

– Катька то? Нет. Она никуда не уехала. Дома она, дома. Она часа три назад уехала на машине.

– На такси, бабушка?

– Какое такси? Да нет. Сейчас каждый вечер за ней приезжает какая-то черная машина. Вот она на ней и ездит. Приезжает она поздно, когда в два часа ночи, а иногда появляется только под утро. Старики, похоже, уже махнули на нее рукой. Она никого не слушает, ни мать, ни отца. А ты кем будешь ей? Ухажер, что ли?

– Угадали, бабушка. Ухажер.

Он вышел на улицу и, отпустив такси, сел на лавочку.

* * *

Солнце медленно скрылось за крышами домов. С Казанки потянуло прохладой. Крылов сидел на лавочке и курил одну сигарету за другой. Дом потихоньку засыпал, и во дворе зажглись фонари.

«Где-то вдали, догорает закат,

И фонари ярче горят,

И не дают они, людям сбиться в пути,

Ночные друзья, фонари», – вдруг вспомнил он песню Жана Татляна.

Вскоре стало совсем темно, но он не уходил, все ждал и ждал. Крылов посмотрел на часы, шел второй час ночи. Вдруг из-за угла дома вывернула черная «Волга» и, сверкнув фарами, медленно поехала вдоль дома. Дверь автомашины открылась и на улицу из салона вырвалась громкая музыка. Сердце, словно автомат, моментально отреагировало на появление этой машины и громко застучало груди.

«Неужели, Катя?» – подумал он, а сердце стучало – тук, тук, тук…

Он, не отрываясь, смотрел на машину, стараясь разглядеть в салоне свою супругу. Наконец, из машины вышел мужчина лет тридцати. Он был небольшого роста, лысоватый, с заметным пивным брюшком. Он открыл заднюю дверцу машины и протянул руку. Из салона автомашины вышла Катя и, обняв мужчину, стала целовать его в губы. Кровь прилила к голове Крылова, и в какой-то миг ему показалось, что он потерял способность соображать. Все, происходящее в этом дворе, было больше похоже на сон, чем на реальность.

Катя взглянула на стоявшего в метрах пяти человека и сразу узнала в нем своего мужа. Она испугано попыталась оттолкнуть от себя мужчину, который крепко держал ее в своих объятьях и, похоже, не хотел никуда ее отпускать. Наконец, ей удалось вырваться из его крепких объятий. Она отскочила от него в сторону и испугано уставилась на Крылова.

– Кто это? – спросил ее мужчина, полупьяным голосом, рассматривая стоявшего перед ним молодого человека. – Кто

вы такой, и что вам нужно?

– Это мой муж, – коротко ответила Катя и шагнула ему на встречу. – Саша, ты только не подумай ничего плохого. Просто это мой школьный товарищ. Он проводил меня до дома и ничего более. Почему ты мне не позвонил и не сообщил о своем приезде?

– Ты знаешь, я тебе звонил много раз, но ты почему-то не отвечала. Теперь я знаю, почему. Тебе просто было не до меня, ты гуляла…

– Как тебе не стыдно, – ответила Катя. – Ты же хорошо знаешь, как я люблю тебя.

– Ну и сука, ты! Мразь! – тихо произнес Крылов и швырнул ей под ноги букет.

– Ты, почему оскорбляешь при мне эту святую женщину? Может, ты хочешь, чтобы я тебя наказал за это, – произнес мужчина и сделал два шага в его сторону.

Он схватил Крылова за рукав пиджака и попытался оттолкнуть его в сторону. Сильным и точным ударом в челюсть, Крылов опрокинул мужчину на пыльный асфальт. Тот быстро вскочил на ноги и снова попытался схватить его за полы пиджака. Однако, очередной удар заставил его снова упасть на асфальт. В этот раз он уже не пытался подняться с асфальта и закричал тонким и противным голосом:

– Люди! Помогите! Убивают!

Крылов развернулся и направился прочь от этого чужого ему дома.

– Саша! Саша! – закричала Катя и побежала вслед за ним, пытаясь остановить мужа.

– Не трогай меня своими грязными руками! – прокричал он ей в лицо, когда она схватила его за руку. – Шлюха, дрянь!

Он выдернул из ее руки свою руку и, не оборачиваясь, вышел из двора.

Он брел по ночному городу, проклиная тот день, когда впервые увидел Катю. За этими размышлениями он не заметил, как дошел до своего дома. Мать не спала, ждала его возвращения домой и когда услышала его шаги в прихожей, ушла с кухни в комнату. Он прошел на кухню и достал из холодильника бутылку водки. Налив полный стакан, он выпил его одним залпом.

– Не нужно пить, Саша, – тихо произнесла мать, входя на кухню. – Водкой горе не зальешь.

Крылов отодвинул от себя очередной налитый стакан водки, достал с полки сигареты и закурил.

Мать села напротив него и покачала головой. Заметив это, он встал из-за стола и направился в свою комнату. Ему было жалко не только себя, но и мать, которую он, как и себя, обманул своим ложным счастьем.

Утром он проснулся от стука в дверь. Крылов с трудом открыл глаза и попытался понять, где он. Спросонья он никак не мог понять, где находится – в казарме или у себя дома. В комнату вошел младший лейтенант милиции. Он посмотрел на него и прошел к столу.

– Чего смотришь, вояка? Вставай, сейчас пойдешь со мной, – произнес он. – Много не обещаю, но суток пятнадцать, ты у меня получишь. Ты хоть знаешь, кого избил? То-то и оно.

– Куда и за что? – поинтересовался Крылов. – Я офицер-десантник и нахожусь в Казани по вопросам службы. Вы не имеете права меня задерживать. Если считаете, что я что-то нарушил, обратитесь в военную прокуратуру. Если прокуратура посчитает нужным и вынесет постановление о моем задержании, у меня вопросов не будет.

– Покажите документы, – попросил Александра офицер милиции.

Он протянул ему свое офицерское удостоверение личности и, пока тот рассматривал его, успел переодеться в форму.

– За что вы хотели меня задержать? – поинтересовался он у сотрудника милиции.

– Сегодня утром в отдел поступило заявление гражданина Яковлева о том, что вы, находясь в нетрезвом состоянии, избили его. Это подтверждает и ваша супруга.

Крылов невольно усмехнулся и посмотрел на мать.

– Скажите, а сам Яковлев был в этот момент трезв, или нет? Думаю, что нет. Я вообще не употребляю спиртное и готов пройти любую экспертизу.

Милиционер помялся немного и, посмотрев на него, направился к двери.

– Уезжай скорей из города, лейтенант, – посоветовал он

Крылову. – Этот человек не забывает подобных обид.

– Спасибо за совет, – поблагодарил он милиционера.

* * *

Через трое суток Крылов вернулся в воинскую часть. Витебск встретил его проливным дождем. Пока он добирался до своей части, он изрядно промок. Быстро проскочив мимо дежурного офицера, Крылов чуть ли не бегом устремился в свою маленькую комнатку, выделенную ему командованием части. Сняв с себя мокрый китель, он повесил его на плечики.

– Крылов! – обратился к нему командир батальона. – Командир части требует, чтобы ты освободил это помещение.

– А, куда мне идти, товарищ майор? Квартиры у меня в городе нет.

– Вот возьми это адрес. Я уже договорился с хозяйкой дома. Берет недорого, правда, и комната не очень большая, но тебе одному, наверняка, хватит.

Он быстро собрал свои вещи и в течение часа, освободил помещение. Да и вещей-то, по правде говоря, у него тогда практически и не было. Небольшой чемодан, да на плечиках парадная форма. Хозяйка дома оказалась чудесным человеком. Он быстро с ней подружился и, на время стал подменять ей сына, уехавшего на строительство Байкало-Амурской магистрали.

Однажды вечером Крылов сидел на лавочке и курил. К нему подошла хозяйка дома и присела рядом.

– Ты женатый, Саша, или нет? – спросила она его.

– Женатый, – коротко ответил он ей. – А почему вы меня об этом спрашиваете?

Ему не хотелось рассказывать ей о жене, о том, как тяжело он переживает этот разрыв, что часто не спит ночами, думая о ней.

– А что не привезешь жену? Почему не пригласишь? Дом у меня, хоть и маленький, но места всем хватит.

– Я ее приглашал поехать со мной, но она отказалась. Сказала, что приедет попозже, – соврал он ей.

–Устал, наверное, все один да один. Трудно мужику без женщины.

– Ничего, Маргарита Ивановна. Мы, люди военные, выдержим все, в том числе и это.

– Ну, тогда, терпи, сынок. Если любит, то обязательно приедет.

Она встала с лавочки и шаркающей походкой направилась в дом. Крылов тоже встал и, загасив окурок сигареты, направился в свою комнату. Он плюхнулся на кровать и закрыл глаза. Перед глазами снова поплыла все та же картина. Машина, мужчина и она, утонувшая в его объятиях. Комок обиды снова подкатил к горлу и перехватил дыхание. Он встал с кровати и стал шагами мерить свою маленькую комнату. Сколько он ходил, он и сам не знает, лишь немного успокоившись, снова лег на кровать.

Чтобы подавить в себе все негативные эмоции, вызванные

встречей с женой, Крылов полностью ушел в работу. Он гонял своих солдат и днем и ночью, бегая вместе с ними кроссы, совершая ночные броски в полном боевом снаряжении. Как-то его вызвал к себе командир батальона.

– Крылов, что с тобой? Ты посмотри на себя, да на тебе лица нет. Весь почернел и осунулся. Ладно, Бог с тобой, солдаты на тебя жалуются, говорят, измордовал ты их своими бросками?

– Виноват, товарищ майор. Все занятия идут по плану, утвержденному лично вами. Ничего личного. Это – десантники, и жаловаться вам могут лишь слабенькие.

– Ты все равно, больно не увлекайся этим. У тебя и так рота стала лучшей в полку по всем показателям.

– Вот поэтому я и не хочу опускать эту планку. А слабым, я думаю, нет места в десантных войсках. Здесь все равны – и офицеры, и рядовой состав.

– Ладно, иди, но сделай вывод из нашего разговора.

Он вышел из его кабинета и направился к себе в роту.

* * *

Время летело. Душевная рана, нанесенная женой, стала понемногу затягиваться. Крылов старался как можно меньше думать о ней, однако вечерами, когда он оставался один на один с собой, он снова и снова возвращался мыслями к ней. Однажды, во время занятий, ему позвонил дежурный офицер по батальону и попросил его прибыть на контрольно-пропускной пункт.

– Что случилось, товарищ капитан? – спросил он его. – У меня занятия.

– Оставьте вместо себя сержанта и быстро сюда. К тебе приехал родственник из Казани.

Оставив сержанта, он направился на КПП. Каково было его удивление, когда в этом человеке он признал своего тестя.

– Здравствуй, Саша! Как у тебя дела, как служба?

– Здравствуйте, Владимир Павлович, – поздоровался Крылов с ним. – С чем пожаловали? Не думаю, что вы приехали сюда поинтересоваться моим здоровьем и успехами в работе. Живем, как видите…

То ли его ответ прозвучал слишком холодно, но тесть моментально сник и виновато посмотрел на Крылова. Он явно не ожидал от него такого холодного приема. Владимир Павлович укоризненно посмотрел на Александра.

– Я понял тебя, Саша. Ты вот с ней поругался, но я-то в чем виноват перед тобой? Почему молчишь? Я хочу сегодня вечером встретиться с тобой и поговорить, как мужик с мужиком. Я понимаю, что мы все виноваты перед тобой и я, и она. Но я хочу поговорить с тобой и попытаться разобраться в этой непростой истории. Она нам рассказывает одно – винит тебя, но я хочу услышать и твою точку зрения.

– Не знаю, Владимир Павлович, стоит ли это делать или нет. Просто я даже в самом страшном сне не мог подумать о том, что она мне изменит.

– Почему ты решил, что она тебе изменила? Ты, что застал её в постели с чужим мужиком?

Стоявший не так далеко от них дежурный офицер, как показалось Крылову, стал с интересом прислушиваться к их разговору. Заметив это, он кивком головы указал тестю на офицера.

– Давай, вечерком поговорим на эту тему. Здесь не стоит об этом говорить.

– Хорошо, Владимир Павлович. Я заканчиваю в семь вечера. Подходите к части, я вас буду ждать.

Вечером, как и договаривались, тесть встретил Крылова у ворот воинской части и пригласил поужинать в ресторане. Они сели в такси и поехали в центр города. Похоже, что столик в этом дорогом ресторане Владимир Павлович заказал еще днем. Они присели за стол. Официанты быстро обслуживали их столик. Выпив две рюмки коньяка, тесть перешел к разговору, из-за которого он и приехал к нему.

– Саша! Выслушай меня. Ты должен правильно понять мою дочь. Ты здесь, в Витебске, а она там – в Казани. Вы оба молоды, в вас играют гормоны, – начал он свой монолог.

Крылов прервал его на полуслове.

– Извините меня, Владимир Павлович, но не она меня поймала с женщиной, а я ее с мужчиной. Заметьте, это большая и существенная разница. Я здесь армейскую лямку тяну, отправляю ей в Казань половину своей зарплаты, а она, вместо благодарности и верности, тратит эти деньги на му-

жиков и рестораны.

Крылов замолчал и впервые за все время их знакомства с тестем взял в руки бутылку коньяка и налил себе половину бокала. Пока тот удивленно смотрел на «непьющего» зятя, он залпом выпил содержимое бокала и стал закусывать холодной говядиной.

– Саша! – снова начал тесть. – Ты прости ее. Она молодая, красивая и избалованная женщина, требующая к себе постоянного внимания. Раз тебя нет с ней рядом, значит, кто-то другой попытался сделать это за тебя. Она и сама очень переживает этот разрыв, ведь она любит тебя и дорожит твоим вниманием.

Крылов отложил вилку в сторону и посмотрел на тестя, рюмка которого до сих пор была наполнена коньяком.

– Это только ваши слова, Владимир Павлович, и не более. Люди правильно говорят, что любовь проверяется разлукой. Так вот, ваша дочь не прошла эту проверку, и все ваши слова о ее любви не соответствуют действительности. Вы же хорошо знаете, как я любил ее? Я готов был умереть ради нее. Увы, это все в прошлом.

– Что значит, любил, Саша? Ведь ты ее до сих пор любишь, а иначе не стал бы со мной встречаться. Я человек не молодой и хорошо разбираюсь в людях. Вот и тебя я сейчас читаю, как раскрытую книгу. Зачем ты гонишь от себя любовь? Зачем ты мучаешь себя и ее?

Владимир Павлович замолчал и, взяв в руку бутылку, на-

лил коньяк в его рюмку. Они выпили, словно на похоронах, и стали закусывать. Он снова начал говорить:

– Ты знаешь, я никогда и никого ни о чем не просил в этой жизни, а вот сейчас, пересилив себя и плюнув на все свои принципы, приехал сюда и прошу тебя простить ее. Вы оба молоды, красивы. У вас все еще впереди. Ты только представь, какими красивыми могут быть ваши дети. Мне трудно говорить за нее, но это – правда. Она очень переживает, что у вас так получилось.

Он сделал паузу и посмотрел на Крылова, стараясь что-то прочитать на его угрюмом лице.

– У меня жена сейчас слегла из-за этого. Пожалей нас, Саша. Я прошу тебя, перед тем как рубить, подумай. Сломать всегда проще, чем что-то построить. Вы еще с Катей ничего не построили. Вы только заложили фундамент своих отношений. Прости ее. Она и сама теперь очень жалеет о своем поступке и хочет приехать к тебе сюда, чтобы построить вместе с тобой счастливую жизнь.

– Отец! – он впервые назвал так тестя, – Вы знаете, что с момента нашего разрыва она ни разу не позвонила мне. Не попыталась объясниться, извиниться, а вы мне говорите, что она очень переживает наш разрыв. Я не верю ей и сейчас жалею, что испортил жизнь не только себе, но и ей.

Крылов замолчал, так как сам тогда еще не знал, как ему жить дальше. Ему было тяжело осознавать ее измену, но еще тяжелей было переживать отсутствие Кати рядом с собой.

Он снова потянулся за бутылкой коньяка, реально осознавая, что пытается выиграть какие-то секунды в этом затянувшемся разговоре. Крылов разлил коньяк по рюмкам и, подняв глаза на тестя, тихо произнес:

– Хорошо, Владимир Павлович. Считайте, что вы меня убедили в ее верности и любви ко мне. Пусть приезжает ко мне сюда. Время лечит. Посмотрим, сможем ли мы забыть это.

– Спасибо! – произнес тесть, вставая из-за стола. – Ты – настоящий мужчина, который может прощать обиды ради самого главного на земле – любви и будущих детей.

Они выпили. До отхода его поезда оставалось чуть более часа. Расплатившись с официантом, Владимир Павлович забрал свои вещи из гостиницы и поехал на железнодорожный вокзал, а Крылов направился к себе, в маленькую, но уютную комнату.

* * *

Прошло две недели после встречи с тестем. Крылов стоял около киоска «Союзпечать» и прислушивался к объявлениям вокзального диктора. Вокруг него сновали люди с чемоданами и баулами. Мимо шли старики, женщины с детьми на руках, все куда-то спешили, кто-то на встречу с будущим, кто-то бежал прочь от прошлого. Наконец, диктор объявил о прибытии долгожданного им состава. Бросив недокуренную сигарету в урну, он направился к третьему пути, на который прибывал поезд. Нумерация вагонов была нарушена, и ва-

гон, в котором ехала Катя, оказался в конце состава.

Она вышла из вагона и стала удивленно оглядываться вокруг, ища глазами Крылова. Наконец, она заметила его и приветливо помахала рукой.

– Здравствуй, Катя, – поздоровался он с ней. – Как дорога?

– Привет, Крылов! Я всю дорогу думала о тебе. Все гадала, как ты меня встретишь.

– И как?

Она бросилась ему на шею и стала горячо целовать его в губы, не обращая внимания на пассажиров вагона, которые с улыбками на лице обходили стороной целующуюся пару.

– Ну что, пойдем, – предложил он ей.

– Да, да, Саша, пойдем…

Подхватив чемоданы, они, улыбаясь и непринужденно разговаривая, направились к выходу с вокзала.

– Ты даже не представляешь, Саша, как я рада нашей встрече, – шептала она ему в ухо. – Я так по тебе скучала все эти дни. Спасибо папе, что он смог все это тебе объяснить. Ну, и как ты здесь без меня? Скучал?

– Трудно сказать, – неопределенно произнес Крылов. – Всякое было. А ты и вправду скучала или просто лечишь меня?

– Да! Неужели ты не веришь мне? – коротко ответила она и крепко прижалась к нему. – Ты прости меня, Саша. Я очень тебя люблю и ценю наши с тобой отношения.

Крылов посмотрел на нее, так как не почувствовал искренности в ее словах. Все это было сказано, как-то чисто механически – заранее придуманными и заученными фразами. Он еще раз посмотрел на нее, стараясь убедить себя в том, что ему это просто показалось, что она по-прежнему нежна и искренна перед ним. Заметив его пристальный взгляд, она улыбнулась.

– Скажи, Саша, мы так и будем стоять или пойдем дальше? Не знаю, как ты, но я озябла и хочу домой.

Крылов словно очнулся от ее слов и окликнул носильщика, который стоял в стороне. Тот быстро погрузил чемоданы на тележку и они все направились к стоянке автомашин, где ждала его служебная автомашина.

– Товарищ лейтенант! Вы, почему нарушаете устав, не приветствуете старшего по званию?

Крылов обернулся и увидел заместителя командира батальона по политической части майора Грачева. Видимо, увлеченный разговором с супругой, он действительно не заметил его.

– Извините, товарищ майор, не заметил. Виноват, – ответил он и приложил руку к берету.

– Плохо, товарищ лейтенант. Доложите вашему командиру батальона о моем замечании, я проверю исполнение.

– Есть, товарищ майор, доложить командиру батальона.

О майоре Грачеве ходили легенды в полку. Кто-то утверждал, что он какой-то дальний родственник начальника По-

литического управления Советской Армии Епишева, и только благодаря этому в свои неполные двадцать восемь лет ему удалось занять эту должность и получить подряд два досрочных звания. Другие же говорили о том, что он был сослан в полк за то, что был любовником дочери одного из членов ЦК КПСС. Не понятно почему, но он не вызывал у Крылова ни малейшей симпатии. Грачев был очень красивым от природы человеком, с тонкими, словно у женщины, чертами лица. У него были светлые густые волосы, которые его здорово молодили, и многие люди, впервые увидевшие его, редко давали ему двадцать восемь лет. Он всячески устранялся от тяжелой работы, которая иногда бывает в воинских частях, предпочитая смотреть на работающих офицеров со стороны. Офицеры части его не уважали за это, среди них был и Крылов. Александр вообще не любил красивых мужчин с такими тонкими и музыкальными руками. Ему всегда казалось, что все эти красавцы больше походили на капризных женщин, чем на волевых и сильных мужчин.

Не обращая внимания на него, Грачев продолжал с ног до головы рассматривать Катю. В его глазах все сильнее и сильнее разгорались огоньки похоти. Катю почему-то не смущало, что ее так пристально рассматривает этот незнакомый ей офицер.

– Товарищ майор, извините, но нам нужно ехать, – произнес Крылов.

– Скажите, лейтенант, кем приходится вам эта красивая и

обворожительная женщина?

– Женой, товарищ майор.

– Вам сильно повезло, лейтенант. Не каждый из нас может похвастаться такой красивой женой, – произнес он и улыбнулся Кате. – Я думаю, что она точно станет бриллиантом в нашем сером военном быту.

Крылов промолчал, еле сдерживая себя от внезапно накатившего приступа ревности. Катя, словно ожидая подобного комплимента из уст этого красивого мужчины, слегка покраснела и кокетливо опустила вниз свои красивые глаза. В гарнизоне ходил слух, что Грачев разошелся со своей женой и в настоящее время живет один и, якобы, он сейчас не пропускает мимо себя ни одной женской юбки. Майор еще раз улыбнулся его жене и проследовал дальше.

– Саша, кто этот красивый мужчина? – поинтересовалась она. – Он мне чем-то напоминает американского актера.

– Замполит нашей части – майор Грачев. Что, произвел неизгладимое впечатление, Катя? Это еще тот бабник, ни одной юбки не пропустит мимо себя.

– Это вполне естественно с такими данными, как у него. Ему в кино сниматься, а не торчать здесь, в этой дыре.

Она загадочно улыбнулась и посмотрела вслед удаляющейся фигуре Грачева, чем вызвала у него очередной взрыв ревности.

– Ты идешь или нет? – спросил Крылов ее и, не обращая внимания на жену, стал грузить чемоданы в багажник маши-

ны.

Погрузив чемоданы, они поехали к нему домой.

– Саша, нам еще далеко? – спросила Катя, рассматривая из окна небольшие дома, стоящие вдоль дороги.

– Уже нет. От силы еще минут десять-пятнадцать, – ответил он и крепко обнял ее за плечи.

– Саша, а чем здесь занимаются жены офицеров? – поинтересовалась она у него. – В этом городе есть хоть куда-то сходить, или кроме армейского клуба ничего нет?

– Все узнаешь, милая. Поговоришь с женщинами, они тебе все расскажут.

Она замолчала. Похоже, его ответ не удовлетворил ее любопытство. Ее сочные и красивые губки надулись, как у обиженного ребенка и она отвернулась от него в сторону. Через десять минут они были дома.

* * *

Крылов проснулся оттого, что солнечный луч бил прямо ему в глаза. Он повернулся и посмотрел на спящую рядом с ним жену. Обнаженная фигура была божественно прекрасной. Соски ее груди невольно напомнили ему о пережитых накануне ласках. В лучах восходящего солнца, кожа ее приобрела какой-то незнакомый ему оттенок. Ее черные густые волосы были небрежно рассыпаны по белой подушке.

Он быстро поднялся с кровати и, взглянув на часы, вышел во двор и приступил к зарядке. Вылив на себя ведро холодной воды, он вернулся в дом. Стараясь не шуметь и не раз-

будить жену, он быстро побрился и, натянув на себя полевую форму, осторожно прошел на маленькую кухню. Сделав себе яичницу и запив все чаем, он тихо направился к двери. Проходя мимо комнаты, он снова невольно посмотрел на спящую жену.

«Боже мой! – подумал он, – какая она красивая».

Катя лежала в кровати, словно богиня, и он в тот момент пожалел, что не художник и не мог запечатлеть ее спящую. Он осторожно закрыл за собой дверь и направился на службу.

После обеда Крылова вызвал к себе майор Грачев.

«Что ему от меня нужно? – раздраженно подумал он. – Сейчас опять начнет читать нотации о дисциплине».

Выйдя из расположения роты, он направился в другой корпус, в котором размещался штаб части. Поднявшись на второй этаж, Крылов остановился напротив двери его кабинета. Сбоку от двери была прикреплена до блеска начищенная медная табличка, на которой была указана должность и фамилия Грачева. Ни у кого, кроме него, подобных табличек не было. Крылов осторожно постучал и вошел в кабинет.

– Здравия желаю, товарищ майор. Лейтенант Крылов прибыл по вашему приказанию.

Грачев сидел за большим полированным столом и, не отрывая своих глаз от бумаг, лежавших у него на столе, указал ему рукой на стул.

— Присаживайся, лейтенант.

Крылов сел на стул и стал с нескрываемым интересом осматривать рабочий кабинет замполита. Помещение было не очень большим, заставлено стеллажами и шкафами, в которых плотными рядами стояли труды Ленина и выдающихся работников Центрального комитета КПСС. Наконец Грачев оторвался от бумаг и посмотрел на него.

– Как служба, Крылов? Как ваша супруга? Обживает новое место?

– Да, товарищ майор. У меня и у моей супруги все хорошо. Спасибо за внимание ко мне и супруге.

Он ухмыльнулся его ответу. Большие глаза Грачева, которыми он буравил его, были холодны, словно лед. От его пристального взгляда Крылову стало некомфортно, и он невольно заерзал на стуле. Замполит взял со стола пачку сигарет «Мальборо» и, достав из нее сигарету, закурил. Выпустив клуб голубоватого дыма в потолок, он заговорил:

– Я вот зачем тебя пригласил к себе, лейтенант. Судя по анкете, ваша жена Екатерина Владимировна окончила Казанский медицинский институт. Вы знаете, у нас в санчасти освобождается место терапевта. Бывший терапевт, Хромова Светлана Павловна, вместе с мужем уезжает служить в другой гарнизон. Вот я и решил помочь вашей жене с работой. Как вы сами на это смотрите, Крылов?

Данное предложение было столь неожиданным для него, что он не сразу смог понять его смысл. Насколько он знал, на эту должность уже претендовало несколько жен офицеров

их части, имевших медицинское образование.

– А это удобно, товарищ майор? По-моему, на это место претендует жена командира второго батальона. Что скажет она? Мне не хотелось бы наживать врагов среди офицеров.

Грачев громко засмеялся.

– Какой ты, оказывается, стеснительный. А мне, в отличие от тебя, плевать на то, что скажут или, что подумают эти люди. Я это решение уже согласовал с командиром части.

Крылов посмотрел на него, стараясь угадать, что он будет должен майору за это предложение. Он хорошо знал, что майор Грачев ничего просто так не делал, если не видел в этом своего интереса. Перехватив взгляд Крылова, он снова слегка ухмыльнулся и посмотрел на него, словно догадавшись, о чем он думал в этот момент.

– Вы что так на меня смотрите, лейтенант? – тихо спросил он его. – Может, вас не устраивает мое предложение? Запомните, я дважды не предлагаю. Вам это ясно, Крылов?

– Спасибо, Антон Сергеевич, – поблагодарил его Александр, впервые назвав замполита по имени и отчеству. – Просто все так неожиданно для меня. Ведь вы меня практически не знаете, и вдруг такая помощь в трудоустройстве моей жены, такое участие. Я непременно передам ваше предложение своей супруге, пусть думает.

– Вот и хорошо, Крылов. Если она согласна, то пусть завтра придет ко мне. Мы вместе с ней сходим в медсанчасть и там все обстоятельно обговорим. А то, что мы с вами прак-

тически не знакомы, это неправда. Я все о вас знаю. Даже то, что вы так тщательно скрывали от своих товарищей и командиров. Не верите?

Крылов удивленно взглянул на него, не понимая, о чем он говорит.

– Представьте себе, да. Я все знаю, в том числе и о ваших похождениях в Казани. Что вы так на меня смотрите? Я – око партии в части, а партия должна знать все о каждом ее члене.

– Разрешите идти, товарищ майор?

– Идите, лейтенант. Я вас больше не задерживаю.

Крылов развернулся и, открыв дверь, вышел из его кабинета. Этот разговор заставил его совершенно по-другому посмотреть на этого человека.

«Выходит, что я так тщательно скрывал от командования части, известно этому человеку, – подумал он. – Интересно, кто ему это все рассказал?»

* * *

Вечером, когда они с женой сели за стол ужинать, Крылов передал ей свой разговор с майором Грачевым. Выслушав его, Катя очень обрадовалась полученному предложению. В разговоре он рассказал ей о том, что на эту должность очень рассчитывала жена командира второго батальона и, насколько он знал, именно Грачев ей лично пообещал эту должность. Катя сидела и молчала, словно не слышала его. Встав из-за стола, она буквально бросилась к своему большому чемодану и стала быстро выкладывать из него свои вещи.

– Саша, а что мне завтра надеть? – спросила она его. – Как думаешь, вот это платье подойдет?

Александр посмотрел сначала на ее горящие глаза, затем перевел свой взгляд на темно-зеленое платье, которое она держала в руках, и покачал головой.

– Катя! Надень что-нибудь более скромное. Это воинская часть, а не театр.

Она таинственно подмигнула супругу и снова полезла в свой большой, и казалось, бездонный чемодан.

– Как ты смотришь на это платье? Если я это надену, как думаешь, будет нормально или нет? – снова обратилась она к нему. – Нет, я надену вот, это.

Он усмехнулся и махнул на нее рукой. Платье действительно было очень красивым и хорошо шло к ее черным, как смоль, волосам.

– Вот так всегда, – обижено произнесла она. – Неужели тебе не понравится, если я пойду к нему в этом платье. Пусть позавидует, какая у лейтенанта Крылова красивая жена.

Утром он проводил занятие с солдатами своей роты, когда его вызвал к себе майор Грачев. Оставив вместо себя своего заместителя, Крылов направился к Грачеву.

– А, Крылов, давай заходи, не стой в дверях, – произнес он, не давая ему возможности доложить о прибытии. – Ну, что скажешь, лейтенант? Разговаривал я с твоей женой. Ты случайно не в курсе, согласилась она на мое предложение или нет?

– Скрывать не буду, товарищ майор, я с ней еще не успел переговорить. Но не думаю, что она не согласится. Спасибо вам, товарищ майор, за содействие.

– Значит, говоришь, согласится на это предложение? – спросил он Крылова и как-то загадочно улыбнулся. – Это хорошо, лейтенант. Мы должны помогать друг другу. Ведь, как нас учит партия, человек человеку друг, товарищ и брат.

Улыбка его тонких губ невольно вызвала в глубине души Крылова какую-то неприятную реакцию. Видно, почувствовав это, майор снова взглянул на него, словно стараясь угадать, что он думал в этот момент.

– Спасибо, товарищ майор, – еще раз поблагодарил он замполита.

– Тогда иди, я тебя больше не держу, лейтенант.

Крылов повернулся и направился к двери. В этот момент дверь его кабинета открылась и в кабинет вошла Катя, занося в помещение шлейф дорогих духов. Она улыбнулась Грачеву, и, словно Александра не было в кабинете, сразу же направилась к нему. Крылов остановился в дверях, не зная, что ему предпринимать дальше, ждать ее или уходить. Однако, Грачев снова напомнил ему о том, что он может быть свободен. Он шел по плацу, не замечая попадавших ему навстречу солдат. В душе у него горел огонь ревности, который с каждой секундой все больше и больше выжигал в нем все доброе и хорошее.

Вечером весь разговор жены крутился вокруг фамилии

Грачева. Жена была просто восхищена его светскими манерами, его комплиментами в ее адрес. В конце концов, терпение Крылова лопнуло.

– Может, хватит, Катя, – произнес он. – Что, других тем для разговора нет? Давай, поменяем эту тему на другую. Если тебе так нравится этот человек, то мне, в отличие от тебя, нет.

– Что с тобой, Саша? Неужели ты меня ревнуешь к нему? Ты же знаешь, что я люблю только тебя и никого другого. Я тебе рассказываю про него не потому, что он мне понравился, а потому, что хочу, чтобы ты стал таким же обходительным, как он.

Он промолчал, так как в душе у него все кипело. Он никогда раньше не замечал за собой этой черты и всегда считал, что люди чаще всего изображают ревность, даже не представляя себе, что это такое.

На следующий день Крылова вызвал к себе командир батальона.

– Вот, что Крылов, – усмехаясь, произнес майор. – Командование части направляет тебя в командировку. Ты должен поехать в Минск и доставить оттуда оборудование для учебного класса.

– А почему я, товарищ майор? Разве у нас в части нет интендантов? Это же их задача?

– Это не ко мне, лейтенант, – холодно произнес комбат. – Не я тебя туда направляю, едешь с Вавиловым.

– Есть, – без всякого энтузиазма ответил Крылов.

Через три недели он вернулся обратно в часть. Катя уже работала терапевтом в санчасти. Судя по ее хорошему настроению, он понял, что работа ей очень нравилась. Крылов смотрел на ее счастливое лицо и невольно радовался, что все так хорошо складывается в их семейной жизни.

* * *

Время текло, вскоре наступила осень. Листья кленов, растущих по дороге в часть, устлали всю дорогу золотистым ковром. Где-то звучала песня…

«*Снова осень в дом стучится,*
Вновь она пришла ко мне.
Ветер с листьями кружится
Он хотел остановиться,
Но не может и опять кружит во мгле.
Я хотел, чтоб этот ветер
Никогда не затихал,
Чтоб кружился он с девчонкой,
Этой маленькой девчонкой,
Чтобы так же ее нежно обнимал.»

Крылов сидел и смотрел в окно, за которым шел дождь. Капли дождя монотонно стучали в окно, словно хотели что-то рассказать ему. Какое-то нехорошее предчувствие беды поселилось в его душе. Это чувство то усиливалось, но никогда не покидало его.

Они вместе с женой уходили утром в часть и вместе воз-

вращались с работы. Со стороны казалось, что в его жизни наступила настоящая семейная идиллия, но это был мираж.

– Слушай, Катя! Как ты смотришь на то, чтобы нам с тобой обзавестись потомством? Да и квартиру в этом случае получить будет намного проще. Что ты молчишь?

Она вздрогнула от этих слов и посмотрела на него, как на ненормального.

– Крылов! Ты хоть понимаешь, о чем ты говоришь? Я ведь не Дева Мария, чтобы рожать ребенка в этом хлеву. Да и рано еще мне об этом думать. Ты сам посуди, женщина после родов может пополнеть, подурнеть, если хочешь. У нее меняется фигура в худшую сторону. Ты что, хочешь, чтобы я превратилась в какую-то квашню?

– Почему ты так решила, Катя, что роды испортят тебя. Многие женщины после родов, наоборот, расцветают.

– Я и так не плоха. Расцветать сейчас, когда у нас нет ни квартиры и никаких стимулов, я не хочу. Так что забудь об этом.

Крылов замолчал. Ему не хотелось с ней ни ругаться, ни спорить. Нет, так нет, решил он, в душе все еще надеясь, что она изменит свое решение.

Катя быстро обзавелась множеством подруг, и они практически каждое воскресенье ходили в гости друг к другу. Он не обращал никакого внимания на то, что его жена все чаще и чаще стала задерживаться на работе. Ничего удивительного, стояла осень, и многие солдаты обращались в санчасть с

простудными заболеваниями.

Заканчивался октябрь. Как-то вечером Крылов зашел за женой в санчасть, чтобы вместе с ней идти домой. Втайне от нее, он купил два билета на вечерний сеанс в кинотеатр и сейчас, открывая дверь ее рабочего кабинета, он заранее предвидел ее радость по этому поводу. В кинотеатре шел известный американский фильм «Золото Маккены», который она очень хотела посмотреть. Перед тем, как открыть дверь ее кабинета, он постучал. Однако, за плотно закрытой дверью стояла тишина. Он был немного удивлен этим и с силой толкнул дверь рукой. Кабинет терапевта был закрыт на ключ, несмотря на время приема. Отсутствие жены на рабочем месте его просто обескуражило. С Катей он разговаривал в обеденный перерыв, и она даже словом не обмолвилась, что задержится на работе или уйдет с нее раньше времени.

– Валечка! – обратился он к дежурной медсестре. – Вы не подскажите, где Екатерина Владимировна?

– Не знаю, товарищ лейтенант. Два часа назад за ней зашел майор Грачев, и они вместе с ним куда-то ушли.

– Вы случайно не знаете, куда они пошли? – поинтересовался Крылов у нее. – Может, она вам сказала, куда пошла?

Валечка, не скрывая усмешки, посмотрела на него, словно перед ней стоял не офицер-десантник, а какой-то идиот.

– Вы уж извините меня, товарищ лейтенант, но она мне не докладывает об этом. Вы бы сами поинтересовались у нее, куда она так часто ходит с майором Грачевым.

Ее слова, словно плеть, безжалостно хлестнули по его лицу. Крылов моментально почувствовал, как к голове прилила кровь. Теперь ему стали ясны все эти постоянные задержки на работе. Он был не просто подавлен этой новостью, а скорей раздавлен. Поблагодарив Валечку, он оставил ей два билета в кино и, повернувшись, медленно побрел к выходу из санчасти. Он шел по улице на «автомате», всё время, думая о своей жене.

«Дурак! Рогоносец! Скоморох! – ругал он себя. – Неужели любовь ослепила тебя, и ты снова перестал видеть то, что видели другие».

Он искал в себе те недостатки, которые могли бы толкнуть ее в объятия этого человека. По дороге домой он зашел в продуктовый магазин и купил бутылку водки. Дома он достал из шкафа граненый стакан и наполнил его до краев водкой. Он выпил одним залпом содержимое стакана, не почувствовав ни вкуса, ни запаха водки. Впервые в жизни ему захотелось смертельно напиться и умереть. Он снова подошел к столу и налил полный стакан водки, которую тут же выпил. Однако, ожидаемого облегчения он не получил. Хмель не брал его, словно он пил воду, а не водку.

«Вот и водка не берет, – с сожаленьем подумал он. – Как же унять эту боль в груди?»

Вылив остатки водки в стакан, он снова выпил. Не раздеваясь, он упал на диван и, закрыв глаза, стал ждать возвращения Кати домой.

Она пришла домой около десяти часов вечера. Катя была явно навеселе. Ее большие глаза сверкали от какого-то внутреннего счастья. Крылов встал с дивана и попытался обнять ее, но она скинула его руки с плеч.

– Извини, Саша. Я очень устала на работе и мне сейчас не до этого.

Обнимая ее, он случайно уловил запах дорогого мужского одеколона. Он моментально вспомнил этот запах. Этим одеколоном пахло в кабинете майора Грачева.

– Ты где была, Катя? Почему от тебя так пахнет мужским одеколоном? Я заходил к тебе после работы, но тебя на месте не застал.

Она взглянула на него и с нескрываемой злостью ответила.

– Ты что меня позоришь, Крылов? Ты что меня караулишь? Ты знаешь, Саша, я была на выезде. Заболела жена командира первого батальона и мне пришлось ехать к ней домой.

– И как она? Надеюсь, ничего страшного? – произнес Крылов и усмехнулся.

– Почему ты меня об этом спрашиваешь? Раньше тебя это почему-то не интересовало. Ты что, не веришь мне? – произнесла она и гордо вскинула свою красивую голову.

Он снова усмехнулся.

– Просто раньше ты мне так нагло не врала. Тебе не кажется, Катя, что тебе пора со мной объясниться. Почему я

узнаю от посторонних людей, что у тебя в кабинете постоянно торчит замполит? Он что, хронически болен?

Он пристально посмотрел на нее. Он хорошо видел, как запылало от негодования ее лицо, отчего стало еще красивее. Он не стал ее больше ни о чем расспрашивать и, сев на диван, включил телевизор. Разговор начала она.

– Саша! Тебе не кажется, что в таких условиях, как мы с тобой живем, жить просто невозможно? Когда мы будем жить так, как живут нормальные люди? Вот сейчас я вошла в наш дом и сразу почувствовала все его убожество. Я раньше и не представляла, что когда-нибудь буду коротать все вечера в каком-то фанерном домике, уставившись в старый черно-белый телевизор.

Она заплакала и укоризненно посмотрела на Крылова, словно от него лично зависело решение, где им жить.

– Катя! Мы тоже когда-нибудь будем жить так, как все нормальные люди. Я тебе это обещаю. Ты же понимаешь, что все это временные трудности. Насколько я знаю, на следующий год часть начнет строительство нового жилого дома. Я завтра пойду в штаб части и напишу рапорт на получение квартиры.

Она перестала плакать и внимательно посмотрела на него, словно сравнивая его с кем-то.

– Ничего ты не понимаешь, Саша, – тихо произнесла она. – Ты напишешь эту бумажку, и она годами будет пылиться на чьем-то столе. Ты понимаешь, я сейчас жить хочу,

а не потом, когда стану старой и страшной. Неужели ты совсем не понимаешь меня?

То ли от выпитой водки, то ли от очередного приступа ревности и обиды, Крылов чуть ли не закричал на нее:

– Тогда объясни мне, что же я не понимаю? Ты же знала, за кого ты выходишь замуж. Я ведь ничего тебе не обещал, кроме того, что буду любить тебя вечно. Если тебе здесь так плохо, то можешь возвращаться обратно в Казань. По крайней мере, в меня никто не будет тыкать пальцем, и смеяться мне в спину, намекая на твои шашни с Грачевым.

Она сверкнула глазами, словно пыталась сжечь его своей ненавистью.

– Ты понимаешь, Саша, я, в отличие от тебя, материалистка. Ты живешь интересами государства, а я своими интересами, которые совершенно противоположны твоим интересам. Ты живешь будущим, а я сегодняшним днем. А любовь, про которую ты так часто говоришь, это все слова и не более. Ее специально придумали такие люди, как ты, идеалисты. Это они придумали, что с милым рай и в шалаше, чтобы ничего не делать. Мне это все надоело. Я хочу жить, жить сейчас, а не потом. Ты прости меня, но в этой жизни я тебя не вижу.

Это был настоящий удар ниже пояса. Он встал с дивана и, чтобы не ударить ее, вышел на крыльцо. Достав сигарету, он закурил. Немного успокоившись, он вернулся обратно в комнату. Жена уже сняла с себя платье и надела домашний халат. Не раздеваясь, она легла на кровать. Крылов лег рядом

с ней и снова попытался ее обнять. Неожиданно для него она скинула его руку с себя.

– Не трогай меня, пожалуйста! Мне не нужны твои ласки, и будет намного лучше, если ты ляжешь на диван.

Крылов закусил от обиды губу.

– Что это все значит? Объясни!

Катя встала с кровати и, взглянув на него, тихо произнесла, окончательно пригвоздив его своей откровенностью:

– Ты знаешь, Крылов, я тебе в очередной раз изменила, – произнесла она и усмехнулась. – Да, да, и не смотри так на меня. Да, изменила и не только сегодня, я тебе изменила уже не раз. Ты знаешь, он не такой как ты, солдафон. Он умеет ценить женскую красоту, красиво ухаживает. Скажу большее, он сегодня сделал мне предложение – уехать с ним в Москву, и я ему не смогла отказать. Его переводят служить в Главное политуправление Советской Армии.

Крылов встал с дивана. В нем все закипело. Он был готов убить ее прямо здесь, в этой комнате.

– Катя! Я надеюсь, что ты так глупо пошутила, – стараясь разрядить обстановку, произнес он. – Скажи, что ты сказала это лишь для того, чтобы раззадорить меня.

– Нет, это не шутка, Крылов. Я говорю это вполне серьезно. Сегодня Грачеву присвоили внеочередное досрочное звание подполковника, и он меня пригласил отметить с ним этот праздник в ресторане. Затем мы поехали к нему домой. Там все и продолжилось, что было раньше. Я знаю, ты мо-

жешь сейчас устроить скандал, даже убить меня, но я тебе не вру. Завтра я уйду от тебя, и временно поселюсь в гостинице, а также подам в суд на развод. Я надеюсь на твою порядочность, что ты не будешь препятствовать этому процессу. Ты сам понимаешь, что драться из-за меня с Грачевым глупо, тебе еще долго служить в армии. Я уже все решила сама и ты меня ничем не остановишь. Не смотри на меня так. Да, я – шваль! Я – шлюха! Но, что сделаешь, если я вот такая. Ты же знаешь, я всегда хотела жить в Москве и я ни за что не упущу эту возможность. А в отношении любви могу сказать одно. Я тебя, Крылов, никогда не любила. Надеюсь, ты понял меня? Никогда! Все это была игра и, похоже, я играла неплохо, если ты мне верил!

Он не стал скандалить. Он просто оделся и вышел из дома. Постояв несколько минут на улице, он пешком направился в воинскую часть, где и провел остаток ночи.

* * *

Не знаю, что произошло с ним, но с этого дня его жизнь пошла вразнос. Она из цветной и красивой, стала черно-белой. Он всю неделю пил, закрывшись в своей маленькой комнатке, и не выходил на службу. Как-то вечером к нему зашел командир батальона. Взглянув на кучу пустых бутылок из-под водки, валявшихся под столом, он молча покачал головой.

– Пьешь, Крылов? Раскис, словно баба! Радоваться надо, что расстался со своей женой, а не горевать. Что ты в ней

нашел? Красоту? Так это временное состояние, сегодня она, красота, есть, а завтра ее и нет. Ты еще молодой и найдешь еще с десяток таких же красивых баб, как она. Вот ты позарился на ее красоту, а я, выбирая себе подругу по жизни, выбирал по другому принципу. Для меня, как для мужика, было намного важнее другое. Мне всегда хотелось, чтобы меня всегда кто-то ждал дома. Ждал со службы, ждал с войны, как ждала моя мать отца с фронта. Чем моя жена хуже твоей Кати? Может, твоя немного и смазливей моей жены, но я всегда знаю только одно, что она меня всегда ждет, каким бы я не пришел домой. А ты чуть-чуть споткнулся в жизни и ушел в запой.

Он взял со стола недопитую бутылку водки, вылил её в пустой стакан, который стоял на столе. Крякнув, словно утка, он выпил водку.

– Все, Саша, больше пить нечего. Я оставил часового около твоей двери. Он тебя из дома никуда не выпустит. Так что ложись спать, а утром – на службу. Кстати, командиру части удалось замять твой скандал с Грачевым, так что не переживай, все будет нормально.

Крылов закрыл глаза и моментально вспомнил этот момент, когда он, разгоряченный выпитой водкой, вошел в кабинет Грачева. Он хорошо запомнил его испуганное лицо, мелко дрожащие руки. Грачев попытался что-то сказать в свое оправдание, но, видно, от страха потерял дар речи. Он смотрел на Крылова, ожидая, по всей вероятности, сканда-

ла, но его почему-то не произошло.

– Сначала я хотел убить тебя, Грачев, но потом передумал. Хочу сказать лишь одно: на чужом несчастье счастья не построишь. Мне жалко тебя, Грачев, эта тварь, да, да, тварь швырнет и тебя, если у нее на горизонте замаячит другая высокопоставленная звезда. Так что, живи и радуйся жизни. Может, приведет Господь, и увидимся еще на этом свете.

На следующий день Крылов пришел в свою роту. Для него снова началась обыденная и каждодневная работа с личным составом разведывательного взвода. Он не вылезал из подразделения и старался сделать все, чтобы солдаты его взвода с благодарностью вспоминали дни своей службы. Вскоре его подразделение снова было признано лучшим сначала в полку, а затем и в дивизии.

Сказать о том, что он страдал без женского внимания нельзя. У него были женщины, но среди них не было ни одной, которую он смог бы полюбить.

Шла весна, буйная, ранняя. Где-то далеко в Афганистане шла война, о которой он знал лишь из средств массовой информации, да еще из рассказов служивших там офицеров части. Однажды его вызвали в штаб батальона.

– Привет, Крылов, – поздоровался с ним дежурный офицер.

– Слушай, Гриша! – обратился он к офицеру. – Ты не знаешь, в связи с чем меня вызвал командир батальона?

– Знаю, – сделав таинственное лицо, произнес он. – При-

ехал командир полка и еще кто-то из штаба дивизии. Они формируют специальную группу, которая по разнарядке должна отправиться в Афганистан. Командиром группы хотят назначить тебя. Как ты на это смотришь? Ты – мужик не женатый, оплакивать тебя кроме матери некому.

– Типун тебе на язык, чтобы не болтал такой чепухи. Я не самоубийца, чтобы добровольно ехать туда, но и не дезертир, который из-за страха не выполнит приказ командования. Если прикажут, поеду, но сам напрашиваться не буду.

– Они тоже так думают. Так что приказ уже заготовлен. Вон он, лежит на краю стола, если хочешь, можешь посмотреть.

– Ты это серьезно? Странно. Я еще ничего не сказал, а меня уже женили.

Он засмеялся и поднял трубку зазвеневшего у него на столе телефона.

– Да, да, товарищ майор. Он уже прибыл, – произнес Гриша и посмотрел на Крылова. – Ну что, вперед, гвардеец, – произнес он и указал Александру на дверь кабинета командира батальона. – Удачи тебе.

Крылов толкнул дверь рукой и вошел в кабинет. За небольшим столом сидел командир полка, а комбат и еще один подполковник сидели на стульях, которые стояли вдоль стены.

– Товарищ полковник, командир разведывательного взвода первого батальона лейтенант Крылов по вашему приказа-

нию прибыл.

– Присаживайтесь, Крылов, – произнес командир полка и указал ему рукой на свободный стул, который стоял напротив его стола.

Он осторожно присел на стул и внимательно посмотрел на полковника.

– Мы здесь посовещались с вашим командиром батальона и пришли к единому мнению. Приказом командира дивизии вы направляетесь для прохождения дальнейшей службы в сороковую армию, которая дислоцируется в Афганистане. Вы, Крылов, хороший командир и нам будет не стыдно направить вас туда. Учеба учебой, но боевой опыт, который вы получите там, стоит многого. Я не буду говорить об интернациональном долге, Вы это и без меня хорошо знаете. Для меня, как для командира полка, важнее совершенно другое – это боевой опыт наших офицеров. Эта война не последняя для нас всех, и люди, прошедшие Афганистан, станут тем золотым фундаментом, на котором будет стоять наша современная армия.

Крылов сидел и молчал. Радоваться было нечему, но и горевать он тоже не хотел. Выбирая себе военную специальность, он хорошо понимал, что может настать такой момент, когда родина пошлет его туда, где нужно будет отстаивать ее интересы с помощью оружия. И вот этот момент настал.

– Что вы скажете? – спросил его полковник.

– Я готов выполнить любой приказ Родины, – встав со сту-

ла, отчеканил он.

– Вот и хорошо. Командир батальона скажет вам, кому передать ваше подразделение и объяснит, как действовать дальше. Спасибо тебе, старший лейтенант.

– Я пока лейтенант, товарищ полковник, – поправил он его. – Вы, наверное, ошиблись.

– Нет, я не ошибся, Крылов. Вам досрочно присвоено звание – старший лейтенант. Поздравляю и еще – вам предоставляется десятидневный отпуск. Съездите домой, побудьте с родителями.

Он крепко пожал ему руку. Крылов развернулся через левое плечо и вышел из кабинета.

* * *

Крылов сидел на кухне и с жадностью поедал щи, которые сварила по его просьбе мать. Она сидела напротив него и со слезами на глазах смотрела, как он быстро работал своей ложкой.

– Я смотрю, ты сильно изголодался, сынок? Похудел, чернота под глазами. Да и седина появилась на висках. Не рановато ли?

– Ну, хватит, мама, причитать! Я и так уж постоянно вспоминаю твои слова и жалею, что тогда тебя не послушал.

– Слушать нужно было, сынок. Я сразу, как ты пришел к нам с ней домой, поняла, что ты ей не пара. Разные вы люди. Ты человек домашний, а у нее в голове – ветер.

– Ты не права, мама. У Кати в голове не ветер, а точный

расчет. Она никогда ничего просто так не делала. Если она встречалась с людьми, значит, они ей были нужны для своих каких-то целей.

– Вот и я говорю, что ты, Сашка, был для нее одной из ступенек в ее жизни.

Опустошив тарелку, Крылов посмотрел на мать. Словно читая его мысли, она встала со стула и, подойдя к плите, налила еще одну порцию щей.

– Ты знаешь, сынок, кто больше всех обрадовался твоему разводу с Катей? Ты не поверишь мне, если я тебе скажу об этом!

– Ну, и кто? Говори скорей, мне это очень интересно.

– Да соседка наша, Ольга Максимова, из соседнего подъезда. Удивлен? А я вот и нет. Она давно любит тебя, а ты этого не видишь. Закрылся своей Катькой от всего белого света и не видишь, что творится вокруг тебя.

– Ну, хватит мама, пилить меня.

– Я не пилю, а говорю.

Доев щи, он встал из-за стола и, переодевшись в джинсы и рубашку, вышел во двор. Сев на лавочку, Крылов достал сигарету и закурил. О том, что после этого краткосрочного отпуска он уезжает в Афганистан, он никому не говорил. Мимо него прошла молодая симпатичная девушка. Крылов невольно обратил внимание на ее фигуру, отдельно отметил ее красивые длинные ноги.

– Ну и как тебе наша Оля? – поинтересовался у него Те-

рехов Сашка. – Цветет и пахнет. Жалко, что я не пчела, а то бы моментально сел на этот цветочек.

Крылов смерил его взглядом с ног до головы и улыбнулся.

– А что тебе мешает это сделать или ты умеешь только жужжать? Смотри, какая она красивая!

– А то, что она влюблена по уши в одного десантника, ты знаешь об этом? Ты понял это или нет?

– Да ты что? Вы, что сговорились здесь все? Ты мне о ней, мать о ней!

– Да ты открой глаза! Ты думаешь, что она просто так прошла мимо тебя?

– Я вообще ничего не думаю. Прошла и прошла.

– Дурак ты, Сашка, хоть и старший лейтенант.

– Вот что, тезка, давай заканчивай весь этот разговор. У меня, в отличие от тебя, уже имеется богатый семейный опыт. Все именно так и начинается, но печально заканчивается.

Он встал со скамейки и направился в военный комиссариат, чтобы сделать отметки в своем отпускном удостоверении. Поставив две печати и расписавшись в удостоверении, прапорщик вернул ему документы.

«Куда пойти? – подумал он про себя. – Домой или погулять по городу?»

Терехов уехал в институт, второй его приятель был на работе, и Крылов решил немного побродить по улицам города. Доехав на троллейбусе до остановки «Чернышевского», он

вышел и медленно побрел по улице Баумана. Остановившись около кинотеатра «Татарстан», Крылов стал изучать афишу, на которой были размещены анонсы будущих фильмов. Внезапно его взгляд вырвал из толпы народа знакомую фигуру девушки. Это была Оля. Он невольно улыбнулся ей и, повернувшись, направился в ее сторону.

– Здравствуй, Оля! Как учат нас в разведшколе, если ты дважды видишь человека в столь короткие сроки времени, значит, ты должен насторожиться. Если вы увидели этого человека в третий раз, значит, за вами установлено наблюдение. Это конечно, шутка.

– Вы что, считаете, что я за вами слежу? Вы ошибаетесь, Саша!

Лицо ее вдруг вспыхнуло. Легкий румянец украсил ее уже успевшие загореть щеки. Глаза ее сверкнули, и она демонстративно отвернулась от Крылова.

– Вы не сердитесь на меня Оля, я просто пошутил. Можно вам задать один вопрос? – Почему-то переходя на «вы», спросил он ее.

Она не ответила, однако, с нескрываемым интересом посмотрела на него.

– Скажите, Оля, что вы делаете в это время на улице Баумана?

– У меня сегодня экзамен и я сейчас направляюсь в университет его сдавать. Скажите, я удовлетворила ваше любопытство или нет?

– Как вы смотрите на то, что я вас провожу на экзамен, а после его сдачи мы сходим с вами куда-нибудь? Зайдем в кафе «Ял», съедим мороженое?

Ольга снова покраснела, и, как показалось ему, немного растерялась от его предложения. Сделав небольшую паузу, она кивнула головой. Они перешли улицу и направились вместе в сторону университета.

* * *

Весь остаток этого весеннего дня они провели вместе. После сдачи экзамена Крылов с Олей спустились на улицу Баумана, где сразу же направились в кафе «Елочка». Народу в кафе было не так много и, выбрав столик, Александр повел девушку к нему. Заказав по бокалу шампанского и мороженого, они стали непринужденно беседовать. Ольгу интересовала его личная жизнь, а если точнее, как он живет после развода с женой. Несмотря на то, что тема была ему не приятна, он довольно подробно все рассказывал ей, шутил и смеялся. В какой-то момент он почувствовал, что боль, которая словно буравчик точила его сердце, потихоньку стала исчезать.

– И что вы намерены делать дальше, Саша? Как планируете свою жизнь? Есть ли та, одна заветная, с которой вы хотите связать свое будущее?

Вопрос был задан в упор, и от него было сложно увернуться.

–Пока не знаю, Оля. Вот получил назначение на новое ме-

сто службы, скоро уеду. Поживу, а там будет видно, что делать дальше. У меня внезапно созрело предложение. Давайте, перейдемте с вами на «ты». Наверное, и вам так будет проще, а тем более мне.

Она с удовольствием приняла его предложение. Еще минуту назад стоявшая перед ним незримая преграда моментально исчезла. Почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд, Крылов повернулся и увидел своего бывшего тестя, который сидел недалеко от него в окружении незнакомых женщин. Он кивнул ему головой и снова повернулся к Ольге.

– Кто этот мужчина? – поинтересовалась она. – Он уже минут двадцать не сводит с тебя глаз.

– Это мой бывший тесть.

– Я почему-то тоже сразу подумала об этом, когда он стал показывать на тебя этим женщинам.

Он снова обернулся назад и посмотрел на тестя. Владимир Павлович сделал ему знак рукой, приглашая выйти с ним на улицу.

– Оля, ты меня извини, но мне нужно выйти на минутку. Я сейчас, одна нога там, другая здесь.

Она мило улыбнулась. Крылов встал из-за стола и направился к выходу.

– Здравствуй, Саша! Какими судьбами ты оказался в Казани?

– Прибыл в отпуск.

– Я недавно был в Москве и встречался с дочерью.

Она устроилась очень хорошо. Работает заведующей терапевтическим отделением в больнице четвертого Главного управления Минздрава. В этой больнице лечатся члены ЦК КПСС.

– Извините меня, Владимир Павлович, но мне это не интересно. Для чего вы мне это все рассказываете? Хотите, чтобы я порадовался ее успехами и достижениям?

– Я думал, что тебя интересует ее судьба? Ведь ты ее так любил!

– Все это в прошлом, уважаемый Владимир Павлович. Судьба вашей дочери мне совершенна безразлична. Я вычеркнул из своей памяти ее имя.

– Я не верю тебе, Саша. Скажи, что ты врешь, что тебе попрежнему ее не хватает. Я же вижу…

– Извините меня, Владимир Павлович, но меня ждут, – произнес Крылов и направился обратно в зал кафе.

– Ну, как поговорили? – поинтересовалась Ольга у него.

– Да, Оля, поговорили. Все точки в жизни уже расставлены. Сейчас поставлена последняя жирная точка. Если ты не против этого, то пойдем отсюда. Не хочу больше видеть этого человека.

Встав из-за столика, они вышли из зала.

* * *

Десять дней отпуска пролетели, словно один день. Утром он собрал свой небольшой багаж и сложил все в небольшую спортивную сумку. Крылов сидел дома и ждал, когда к нему

зайдет Ольга. Накануне он узнал от Терехова Сашки, что девушка поругалась с матерью, которая была категорически против ее встреч с ним.

Но это было вчера, а сегодня Крылов сидел дома и ждал ее. Время шло, а Ольги все не было. Он достал из кармана сигареты и вышел во двор покурить.

Из соседнего подъезда вышла Ольга и, увидев его, чуть ли не бегом, направилась в его сторону. Крылов обнял ее и прижал к груди. Краем глаза он видел, как за этой встречей наблюдали десятки глаз жильцов дома.

– Ты знаешь, Саша, моя мама против наших встреч. Говорит, что я дура, что я зря связалась с тобой.

– Я слышал об этом. Мне уже ребята все рассказали. И что ты решила, Оля?

– Что я могу решить, милый, если я тебя люблю с самого детства. Ты даже не представляешь, сколько это лет.

– А что я плохого сделал твоей матери, что она так относится ко мне?

– Она считает, что от нормального мужчины жена не уходит. Раз ты разведенный, значит, для этого были какие-то причины.

– Она права. Причин было много, я тебе о них уже рассказывал. Теперь ты стала взрослой и, наверное, сама должна решать, как и с кем, тебе жить дальше.

Крылов прогулялся с Ольгой вокруг дома и снова вернулся к подъезду. Александр быстро поднялся к себе в квар-

тиру и, обняв на прощание мать, забрал сумку с вещами и вышел во двор. Во дворе его уже ждали ребята. Попрощавшись с ними, он с Ольгой поехал на железнодорожный вокзал. Заметив в привокзальном скверике пустующую лавочку, он предложил ей присесть и немного поговорить. Ему было интересно наблюдать и слушать Ольгу. Иногда ее мысли вызывали у него улыбку, а иногда, наоборот, заставляли по-другому взглянуть на знакомые ему вещи.

Крылов посмотрел на часы. До прибытия поезда оставалось минут двадцать. Ольга сидела и молча, о чем-то думала. Он невольно вспомнил этот вокзал, его отъезд в Витебск, Катины слезы и ее жаркие слова о любви. Ольга словно почувствовала все это и прижалась к нему.

– Саша! Ты будешь писать мне? Я тебе буду, каждый день.

– И я, буду, – коротко ответил он ей, – если будет для писем время.

– Ты даже не представляешь, какой счастливой была я все эти десять дней. Все мои подруги чуть не лопнули от зависти, когда узнали, что я встречаюсь с тобой.

– Да брось ты, Оля! Я же не Ален Делон. А обычный человек…

– Это тебе так кажется. А на самом деле, ты очень красивый мужчина, и этот берет десантника, делает тебя еще неотразимей.

– Не болтай глупости, Оля, – рассмеялся Крылов. – Ну что, пойдем. Сейчас подадут поезд.

Они встали со скамейки и, не торопясь, направились на вокзал. Поезд почему-то подали на второй путь. Они перешли через мост и оказались на перроне. Около переходного моста сидела группа молодых ребят, похожих на студентов, и под гитару пела песни. Они невольно остановились около них и стали слушать:

«Ты получишь письмо, как обычно, без марки — солдатское,

Торопливо прочтешь, а быть может, не станешь читать,

Обращаюсь к тебе не за помощью и не за лаской,

Не пришлю никогда я в твой дом почтальона опять.»

– Какая грустная песня, – тихо произнесла Ольга.

– Это жизнь. Солдата всегда ждать трудно, уходит ли он на войну или на мирную службу.

– А я тебя все равно буду ждать, что бы с тобой не случилось. И ты, Саша, это должен знать и всегда помнить об этом.

– Мне хочется верить в это, Оля.

Она обняла его и поцеловала. Они еще долго стояли на перроне, застыв в поцелуе. Мимо них торопливо проходили люди, но они никого не видели. Наконец ему удалось оторвать себя от ее губ. Он ее еще раз ее поцеловал и побежал к своему вагону, так как поезд уже тронулся. Заскочив на подножку вагона, он посмотрел назад. Ольга стояла на перроне и махала ему рукой.

Афган, Афган, ты продолжаешь сниться

Ребятам тем, что вышли из огня.
Хранит альбом друзей погибших лица,
И обелиски — ваши имена.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
Афганистан

В конце апреля Крылов прибыл в Афганистан. Кандагар, словно город призрак, кривился в мареве от жары. На аэродроме его ждал представитель полка.

– Садись, старший лейтенант, – предложил он, указывая ему рукой на БТР, – другого транспорта здесь нет.

Он закинул свою сумку и, забравшись на броню, сел на какой-то ватный матрас, оставленный кем-то из солдат. Он стукнул по броне, и БТР, выбросив из себя столб черного дыма, двинулся вперед. Слева и справа от дороги зеленели поля. Бронированная машина медленно втягивалась в город.

– Ну, как? – обратился к нему сопровождающий, – впечатляет? Ничего, товарищ старший лейтенант, скоро привыкните.

Дорогу то и дело перебегали дети, одетые в какие-то непонятные одежды – рубашки до самой земли, из которых мелькали их грязные пятки. Где-то рядом громко кричал с минарета мулла, призывая правоверных к молитве.

– Далеко до части? – поинтересовался он у сопровождающего его прапорщика.

– Город проедем, а там и рукой подать, – ответил он.

Улицы города были похожи между собой, и у Крылова

первоначально создалось впечатление, что он едет по одной нескончаемой улице. Дома, лица мужчин, заросшие бородами, превратились в какой-то один мазок художника. Наконец, город стался за спиной, и БТР, увеличив скорость, словно стрела помчался к небольшим постройкам, которые виднелись впереди. Крылов спрыгнул с брони и, взяв с собой сумку, направился вслед за прапорщиком. Они прошли мимо часового и поднялись на второй этаж здания. Дежурный офицер проверил у него документы и рукой указал на потрескавшуюся от времени дверь.

– Вас ждут, – произнес офицер. – Удачи, старший лейтенант.

Крылов доложил командиру полка о своем прибытии. Полковник поднялся из-за стола и подошел к нему.

– Я вот смотрю, ты командовал в Витебске разведывательным взводом, старший лейтенант. Выходит, это дело знаешь от «а» до «я». Мне как раз нужен такой специалист. Три дня назад при выходе на дорогу погиб командир отряда разведки полка. Погиб глупо – подорвался на мине. Сможешь его заменить?

– Постараюсь, товарищ полковник, – не совсем уверено ответил Крылов. – Одно дело учить, другое – воевать.

– Правильно говоришь, старший лейтенант. Ты уж постарайся, другого, кого можно назначить на эту должность, у меня просто нет. Помогать тебе будет лейтенант Белоусов. Он тоже, как и ты окончил Рязанское училище. Думаю, что

вы найдете общий язык. А сейчас пойдем, я представлю тебе офицерам полка.

Процедура была вполне штатной и не заняла много времени. В заключение, командир полка пожелал ему успеха и, похлопав по плечу, посоветовал ему не расслабляться. Крылов сел в ожидавший его ЗИЛ и отправился к месту службы. Отряд общей численностью в тридцать два человека размещался в небольшом здании бывшего медресе. При подъезде Крылов невольно обратил внимание на стены здания, которые были все в следах от пуль. Ранее численность отряда составляла более сорока человек, но после ночного нападения на базу моджахедов численность его сократилась до тридцати двух. Охрану базы нес взвод солдат из стрелкового батальона, который был расквартирован в пяти километрах от них.

– Ну, что командир? – обратился к нему лейтенант Белоусов. – Пойдем, познакомлю тебя с твоим хозяйством. Скажу честно, хозяйство хоть небольшое, но требует определенного внимания. Это наш старшина. Фамилия его Нестеренко, зовут Глеб Степанович. Он на «дорогу» у нас не ходит, но отлично знает все тонкости хозяйственной деятельности. Поэтому у нас всегда есть, что поесть и что выпить.

Старшине было около тридцати лет. На его круглом, словно луна лице выделялись большие обвисшие усы. Внешне он чем-то напоминал Владимира Мулявина – солиста ансамбля «Песняры».

Крылов в сопровождении Белоусова и старшины переходил из одного помещения в другое. Белоусов, не останавливаясь ни на минуту, все докладывал и докладывал ему о состоянии отряда. Остановив его, Крылов задал ему главный и интересующий его на этот момент вопрос:

– Скажите, лейтенант, как часто группа выходит на «дорогу»?

– Все зависит от разведданных. Иногда раз в неделю, иногда один раз в две недели. Чаще всего уходим на две недели сразу.

– Слушай, Белоусов, давай перейдем на «ты». Это я в присутствии подчиненных тебе командир, а так я хочу, чтобы мы с тобой подружились.

– Я не против этого. Так действительно проще общаться. Да и группа у нас, как одна семья. Ты, наверное, знаешь, командир, что Кандагар полностью окружен моджахедами. До границы с Пакистаном всего двести километров. Каждый месяц сотни крестьян уходят за кордон, чтобы вернуться через три месяца хорошо обученными и вооруженными бойцами Аллаха. Они охотятся на наши воинские колонны, мы – на их караваны, которые тащат из Пакистана оружие и опий-сырец. Каждый день стычки, так что на спокойную жизнь особо не рассчитывай.

– Ты знаешь, я пока добирался до города, видел наши разбитые колонны. Вся дорога усыпана сожженными машинами и боевой техникой.

– А что, ты хотел? Они вооружены лучшими образцами оружия. Чего только у них нет для того, чтобы убить нас.

– Я понял тебя, Белоусов. Спасибо. А сейчас поднимай отряд, буду знакомиться с личным составом.

Через пять минут Крылов обходил строй десантников, останавливаясь перед каждым из них. Они с таким же с интересом рассматривали его, как и он их.

– Кто готовится к демобилизации, выйти из строя! – скомандовал он.

Из строя вышли восемь человек. Он повернулся к своему заместителю.

– Товарищ лейтенант! С сегодняшнего дня эти бойцы отстранены от боевых операций, – произнес Крылов. – Они уже полностью отдали свой долг Родине и теперь пусть готовятся к возвращению домой.

Он сделал паузу и посмотрел на реакцию бойцов. Строй молчал, и трудно было понять, как десантники оценили его первый приказ.

– У вас до отправки есть еще две недели и сейчас займитесь чем-то другим, а не боевыми операциями, – продолжил Крылов.

– Теперь, я хочу познакомиться с вами.

Он снова пошел вдоль строя и стал останавливаться перед каждым бойцом, который называл ему свою фамилию, воинскую специальность и срок службы. Из тридцати двух бойцов, стоявших в строю, новобранцев был всего четверо.

«Это хорошо, – подумал он. – Опыт – это большое дело».

Крылов распустил бойцов и направился к себе. Его кабинет был достаточно большим, по местным меркам, площадью около шестнадцати квадратных метров. В углу размещалась металлическая койка, заправленная серым солдатским одеялом, а посреди комнаты стоял красивый резной стол, доставшийся подразделению при тушении пожара в одном из богатых домов города. Он осторожно провел по столешнице рукой, отмечая про себя великолепную работу мастера-краснодеревщика.

– Я думаю, товарищ старший лейтенант, вам понравилась комната? – спросил его Белоусов.

– Спасибо, Андрей. Мне действительно нравится здесь. А теперь, давай, перейдем к делам. Что есть из штаба?

Белоусов посмотрел на него и, достав из полевой сумки карту, разложил ее на столе. Они нагнулись над развернутой картой. Андрей взял остро отточенный карандаш и стал им водить по карте.

– Сегодня утром пришел приказ. Группе поставлена следующая задача, – произнес он. – Нам необходимо выйти вот в этот район, товарищ командир, и заблокировать вот эту дорогу.

Он провел карандашом по карте и замер на еле приметной точке.

– По данным армейской разведки, по этой дороге должен пройти отряд полевого командира Муллы Маланга, числен-

ностью свыше ста человек. Наша задача – остановить его и навести на его уничтожение нашу авиацию.

– Каким образом мы должны выйти на эту точку? – спросил его Крылов.

– Для этого нам выделяют две «восьмерки». Идем двумя группами.

– Выходит, что нас должно быть не больше двадцати человек, я правильно тебя понял, Белоусов?

– Все правильно, товарищ командир. Две группы, по восемь человек в каждой. Одну из групп поведу я, а другую – вы. Мы раньше всегда так делали с покойным командиром.

– Хорошо, не будем нарушать старую традицию. Расскажи, как он погиб?

– Погиб? Как здесь погибают, по-глупому. Он подорвался на итальянской мине. Ему оторвало обе стопы. Пока несли, он истек кровью.

Крылов промолчал. Он просто зрительно представил себе носилки, на которых лежит истекающий кровью человек. Ему захотелось задать еще один вопрос, как так, что человек, провоевавший в Афганистане четыре года и не раз смотревший в глаза смерти, мог вот так просто взять и подорваться на мине, но он не стал задавать ему это вопрос.

– Готовь группу к выходу, – приказал он Белоусову. – О готовности группы доложите.

Лейтенант вышел из кабинета, а Крылов, бросив на кровать свою сумку, стал раскладывать свои вещи.

* * *

Это был его первый выход на «дорогу». Одно дело – учить солдат, другое дело – самому испытать все тяготы этого рейда. Крылову казалось, что все бойцы его отряда внимательно наблюдают за ним, что каждая его маленькая ошибка вызывает у них снисходительную улыбку.

Он обошел строй десантников, которые отправлялись в рейд. Перед каждым из них на плащ-палатках лежали автоматы, пулеметы, пулеметные ленты, одноразовые гранатометы, гранаты и другие предметы воинского снаряжения.

– Кто не готов к рейду, кто болен, выйти из строя! – скомандовал он.

Строй не шелохнулся. Он посмотрел на Белоусова, который стоял сбоку от него.

– Выход в двадцать часов. Всем быть готовыми. Старшине выдать дополнительное количество боеприпасов.

Развернувшись, он направился к себе в комнату. Положив на стол автомат, полученный у старшины, Крылов стал разбирать и смазывать его. Вскрыв цинк с патронами, он наполнил ими магазины автомата.

Неожиданно дверь комнаты приоткрылась, и в проеме двери показалось круглое лицо старшины.

– Разрешите войти, товарищ старший лейтенант?

Он махнул ему рукой. Старшина тихо вошел в его комнату и положил перед ним на стол финский нож в кожаных ножнах.

– Что это, старшина?

– Нож, – коротко ответил тот.

– Я и так вижу, что это нож. Откуда он у вас и почему вы решили подарить его мне?

Старшина немного замялся, так как не знал, как он отреагирует на его поступок.

– Товарищ старший лейтенант, это нож погибшего командира группы Карачаева. Он всегда говорил мне, что если он погибнет в рейде, чтобы я передал этот нож новому командиру группы.

Крылов вытащил нож из ножен и посмотрел на него. Это был первоклассный нож, времен Великой Отечественной войны. На лезвии ножа чернела гравировка: «Моя честь – в моей верности». Крылов сунул его в ножны и посмотрел на старшину.

– Откуда у него этот нож, вы не знаете?

Тот пожал плечами и, пятясь спиной, исчез за дверью. Взглянув на часы, Крылов стал быстро одеваться. Через минуту он вышел во двор и стал наблюдать за десантниками. Построив отряд, он обошел строй и, убедившись в полной готовности группы, дал команду на посадку. Десантники быстро забрались в кузов ЗИЛа, и машина, мирно урча мотором, тронулась с места.

Он сидел в кабине рядом с водителем и смотрел на дорогу, вернее на то, что можно было увидеть в свете автомобильных фар. Машина, словно какое-то фантастическое су-

щество, плыла в темноте, и только узкий луч автомобильных фар, словно нож, разрезал эту черноту на части. Автомобиль скрипел и мотался из стороны в сторону. Крылов достал из кармана сигареты и хотел закурить.

– Не стоит, товарищ командир, – предупредил его водитель. – Снайпера духов не спят.

Крылов невольно сунул сигарету в пачку и снова уставился в луч автомобильных фар, который выхватывал из темноты то большой валун, то куст. Наконец, грузовик сбросил скорость, и остановился около полосатого шлагбаума. Он вышел из машины и направился в сторону солдата, на груди которого сверкал огонек фонарика.

– Командир разведгруппы старший лейтенант Крылов. Позови командира, – приказал он часовому.

Через минуту машина, минуя КПП, медленно двинулась дальше и остановилась около больших армейских палаток. Около одной из них Крылов увидел группу летчиков.

– Привет! Прибыли? – спросил его один из них. – Высаживай людей, сейчас вылетаем.

Десантники быстро выгрузились из кузова машины и по приказу Белоусова построились на площадке.

– Первая группа, за мной! – скомандовал Крылов и направился вслед за летчиками.

Разместившись в вертолете, они стали ждать взлета. За бортом машины раздался шум двигателя, который стал нарастать с каждой секундой. Машина вздрогнула и оторва-

лась от земли. Он посмотрел на лица десантников. Ни одной улыбки, ни одной шутки, лица словно вырублены из гранита. Крылов прильнул к иллюминатору, за ним – сплошная темнота, ни одного огонька на земле. Неожиданно темноту ночи разорвала огненная цепочка светлячков, которая с земли устремилась в их сторону. За одной цепочкой последовала вторая, третья, и вскоре он сбился со счета. Вспышки появлялись в разных местах, количество светящихся цепочек с каждой минутой все росло и росло. Было ясно, что машина попала в зону обстрела. Вертолет, взревев моторами, завалился влево и быстро ушел в сторону.

* * *

Они десантировалась в районе кишлака Тахсильдар провинции Кандагар около двух часов ночи. Несмотря на темноту, отряд быстро собрался вместе. Крылов обошел строй и остался доволен тем, что в этом ночном десантировании обошлось без всяких непредвиденных случайностей, так как именно при высадке ночью, десантники получают различные травмы, начиная с вывихов и ушибов, заканчивая серьезными переломами конечностей.

– Травмированных бойцов нет? – еще раз уточнил он.

Строй молчал.

– Это уже хорошо, – подытожил он и стал доставать из полевой сумки карту.

Крылов усмехнулся над собой, ему стало смешно, что он в такой темноте хотел сориентироваться на местности. Раз-

делившись на две группы, они скрытно двинулись к намеченной на карте точке. Уже через несколько метров Крылов ощутил небывалую тяжесть в ногах. Сердце учащенно застучало, а лоб покрылся испариной. Все эти ощущения присущи высокогорью и, несмотря на его достаточно высокую физическую подготовку, он понял, что не успевает за своей группой. Десантники тоже поняли его состояние и автоматически сбросили скорость передвижения.

– Тяжеловато, товарищ командир? – поинтересовался у него один из бойцов. – Давайте я вам помогу…

Он кивнул ему головой.

– Ничего, скоро станет легче. Это без привычки. Потерпите немного.

Постепенно небо на востоке сначала посерело, а потом окрасилось в золотистый цвет. Рассвет застал их на контрольной точке. Выставив боевое охранение, Крылов скинул с себя мешок, набитый боеприпасами, и, словно куль с песком, повалился на влажную от росы землю. Сильно ныли уставшие ноги. Чтобы снять усталость, он положил их на высокий камень. Радист сел недалеко от него, развернул радиостанцию и вышел в эфир. Минут через двадцать к ним подошла вторая группа бойцов, которую привел Белоусов. Заметив его знак, Крылов встал с земли и отошел с ним в сторону. Белоусов подошел поближе и, стараясь говорить не так громко, доложил:

– Командир, у нас ЧП. Разведчики при движении на-

ткнулись на местных пастухов. Троих они вынуждены были убрать, однако четвертый – мальчишка лет восьми, успел скрыться. Мы пытались найти его, но темнота не дала.

Это было неожиданное сообщение для Крылова, так как он считал, что они прошли весь свой путь скрытно для противника, и вдруг.

– Плохо, Андрей. Сейчас этот мальчишка расскажет о встрече с нами. А я считал, что нам удалось скрытно пройти путь. Ты тщательно разберись с этим случаем, я не хочу больше подобных проколов – произнес Крылов. – Считаю, что эффект неожиданности нами утерян. Я больше чем уверен, что за нами вот-вот начнется охота.

– А вдруг мальчишка ничего не расскажет, командир? Может, он ничего и не видел?

– Вряд ли, – произнес Крылов. – Чудес не бывает. Если бы не видел, то и не прятался бы от вас. Так, что будем делать? Что предложишь?

Белоусов на секунду задумался и посмотрел на отдыхающих бойцов. Неожиданно он произнес:

– Разрешите, я лично возглавлю группу? Мой прокол, мне и нести ответственность за это. Я возьму троих бойцов, и мы вернемся обратно. Посмотрим, что делается там, на месте.

– Ты, что Андрей? Ты уже не доверяешь своим бойцам? Это плохо.

Заметив недовольную гримасу на его лице, Крылов продолжил:

– Хорошо, я не против твоего предложения. Пока вы осуществляете разведку, мы переместимся вот в эту точку и будем ждать тебя там. А ты, поднимай своих людей и посмотри, что там.

Белоусов выкрикнул три фамилии и, когда те поднялись с земли, он махнул им рукой. Они осторожно двинулись в обратную сторону и вскоре пропали за горным хребтом. Крылов выставил боевое охранение, и они осторожно двинулись дальше по ранее намеченному им маршруту. До точки сбора оставалось километра полтора.

– Товарищ командир, впереди, в двух километрах от нас, засада моджахедов.

– Сколько их?

– Трудно сказать. Мы насчитали восемь человек. Похоже, они нас ждут.

– Привал! – скомандовал Александр. – Будем ждать возвращения Белоусова.

Вскоре подошла группа Белоусова. Крылов посмотрел на него.

– Что будем делать, командир? – спросил лейтенант. Мы прошли дальше по дороге, прежде чем выйти на вас. На ней тоже моджахеды, их человек пятьдесят, если не больше.

Белоусов вопросительно посмотрел на него, ожидая решения. Ввязываться в бой с превосходящими силами противника было опасно. Во-вторых, перед группой стоит другая задача, это навести авиацию на банду Муллы Маланга, а не

вступать в огневые стычки с моджахедами.

– Я думаю, Белоусов, что нам нужно обойти стороной засаду и двигаться дальше. Если ты считаешь, что нужно на них навести «вертушки», тогда передай летунам их координаты. Пусть нанесут удар, а там посмотрим.

Белоусов подозвал к себе радиста и приказал ему выйти в эфир. Когда радист связался с авиабазой, он попросил их нанести удар.

– Дайте координаты, – затребовала база.

Он быстро назвал квадрат и ориентиры. Закончив связь, они снялись с места и направились к контрольной точке. Часа через полтора над ними прошло звено «горбатых», а затем до них донеслись звуки мощных взрывов и треск авиационных пушек.

* * *

Отдохнув, они привычно выстроились в цепочку и снова двинулись по намеченному маршруту. Группа обошла один из блокпостов моджахедов и стала медленно подниматься в горы. Трудней всего этот подъем, наверное, дался Крылову. Он был мокрый от пота до последней нитки. Ему приходилось часто останавливаться, чтобы немного прийти в себя, однако, отдохнув с минуту-другую, он снова поднимался и шел вслед за своими бойцами. Они поднялись достаточно высоко в горы, и сейчас под ними лежала разгромленная авиацией засада моджахедов. Сверху были хорошо видны воронки от авиабомб и разбросанные по дороге трупы мятеж-

ников, около которых сновали выжившие в этой бойне люди.

Белоусов поднял руку вверх, тем самым остановив движение группы. Крылов приложил к глазам бинокль. Внизу по узкой и извилистой дороге, поднимая клубы серой пыли, двигались четыре автомашины. Они остановились на месте уже бывшей засады и выбравшиеся из машин люди стали быстро подбирать трупы убитых моджахедов. Разместив живых и раненых в машины, они развернулись и направились в обратную сторону.

«Вот была засада и сплыла, – с каким-то радостным для себя чувством, подумал он. – Их хоть похоронят, как людей, а кто похоронит нас?»

– Что будем делать, командир? – спросил Крылова Белоусов. – Сейчас они перегруппируются и начнут охоту на нас. Пока они не убедятся, что нас в этом районе нет, караван моджахедов не двинется с места.

Он посмотрел на него, ожидая, какое решение примет Крылов. Александр на секунду задумался, а затем произнес:

– Выполнять поставленную задачу. Приказ, Андрей, никто не отменял. Сколько времени у нас в запасе?

– Двадцать шесть часов, – ответил он.

– Этого вполне достаточно, чтобы принять решение. Будем ждать, я не думаю, что они догадываются, что мы находимся над ними.

Крылов знаком подозвал к себе радиста. В его голове моментально созрел, как ему показалось, оригинальный план.

Радист быстро развернул свою рацию и, настроившись на нужную волну, протянул ему наушники и микрофон.

– Седьмой, седьмой, я – третий, как слышишь, прием, – произнес Александр.

– Седьмой, седьмой, я – третий, прием!

В эфире стоял треск и шум. Он с укором посмотрел на радиста и сунул ему в руки наушники и микрофон.

– Выйди на связь, а затем передашь микрофон мне. Понял? А, то кроме шума и треска, в эфире больше ничего нет.

Радист кивнул головой и снова начал вызывать базу. После нескольких попыток он развел руками.

– Товарищ командир, похоже, они глушат наш сигнал, – произнес радист. – Нужно поменять точку выхода в эфир.

Крылов посмотрел на десантников, которые внимательно следили за ним. Под их ожидающими взглядами он поднялся с камней и, забросив за плечи мешок, скомандовал:

– Группа, подъем! Быстро уходим.

Все поднялись на ноги и устремились за ним. Отойдя километров на десять от старой стоянки, он снова приказал выйти в эфир. На этот раз попытка увенчалась успехом. Радист передал ему наушники, микрофон и отошел в сторону.

– Седьмой, седьмой, я – третий! Как слышишь? Направьте вертушки к точке шестнадцать. Имитируйте возврат наших групп. Как понял? «Бородатые» обложили нас со всех сторон.

– Все понял, третий! – ответил приятный женский голос. –

Ждите нас на точке шестнадцать в двадцать два часа, – ответил ему седьмой.

Он передал наушники и микрофон радисту и в знак благодарности похлопал его по плечу. Посмотрев по сторонам, он взмахом руки подозвал к себе Белоусова.

– Андрей! Начинаем новую игру. Сегодня в двадцать два часа прилетят «вертушки» и сделают вид, что забирают нас обратно на базу. Думаю, что моджахеды должны клюнуть на это. Пока они считают, что мы находимся в этом районе, они этой дорогой, как ты говоришь, пользоваться не будут. Как идея?

– Лично мне нравится, командир. Только я не уверен, поведутся ли они на этот маневр или нет?

– Попытка – не пытка. Посмотрим, а пока выставь охранение и объяви привал, пусть люди отдохнут.

Выставив боевое охранение, все они с удовольствием сняли с себя тяжеленные мешки с боеприпасами и провиантом и повалились на прогретую солнцем землю. Нагретые за день камни приятно грели тело. Крылов лежал лицом вверх и смотрел в синее бездонное небо. Было так тихо, что с трудом верилось, что он находится на войне, и что в каждую секунду автоматная очередь может, словно ножом, вспороть эту тишину и унести с собой чью-то жизнь.

Рядом с ним прилег Белоусов. Он положил под голову вещмешок и, повернувшись к нему лицом, тихо спросил Александр:

– Командир, ты женат?

– Был когда-то. Бросила она меня, ушла к другому человеку. А что?

– А я так и не решился жениться, когда узнал, что меня направляют в Афганистан. Не хотелось, чтобы она осталась вдовой.

– Вот тебе и на! Ты что, Андрей, здесь умирать собираешься? Нет, брат, я хочу умереть у себя в постели, в окружении детей и внуков.

– А ты ее любил, командир? Я вот свою девушку очень люблю.

– Я тоже люблю свою Ольгу, хотя она об этом и не знает. А жену я тоже любил, а она меня нет. Такое в жизни бывает. Ты любишь, а тебя – нет.

Он хотел еще о чем-то спросить Крылова, но он попросил лейтенанта больше не задавать ему вопросов. Александр отвернулся от него и через минуту-другую, засопел. Сон и напряжение дня сморили его окончательно.

* * *

В двадцать два часа группа была в условном месте. Услышав шум приближающихся «вертушек», они отметили свое местоположение двумя зелеными ракетами. Минут через пять две «восьмерки» мягко приземлились в метрах пятидесяти от группы.

– Все в машины! – громко скомандовал Крылов.

Десантники, подхватив свои тяжелые мешки, устреми-

лись к вертолетам.

– Где здесь наши части? – спросил Крылов летчика. – Вы можете нас где-нибудь здесь оставить?

Летчик удивленно посмотрел в его сторону и, сняв с головы шлемофон, почесал вспотевший затылок.

– Меня интересует любая воинская часть в радиусе двадцати километров отсюда.

– В двадцати пяти километрах отсюда стоит афганская зенитная часть. Это около водохранилища Аргандаббанд. Но их трудно понять, за кого они, товарищ старший лейтенант. Утром они за нас, а вечером постреливают в нашу сторону. Похоже, что они заключили мирное соглашение с Муллой Малангом. Те не трогают их, а они Маланга. Это у них часто бывает.

– Давай, летим туда. Сообщите им, чтобы не стреляли по нашим машинам.

Все это заняло минут пятнадцать-двадцать. Машины мягко приземлились на плацу части. Несмотря на темноту, Крылов скорей почувствовал, чем увидел десятки любопытных глаз, следивших за их приземлением. Он подозвал к себе Белоусова.

– Андрей, передай всем – предельное внимание. Я не верю им, и не исключаю того, что они прямо сейчас не попытаются сдать нас моджахедам. Выставь посты, чтобы ни один их аскер не покинул расположение части. Задача ясна? Тогда выполняй.

Крылов хотел временно организовать здесь базу и именно отсюда нанести несколько разящих ударов по дороге. Однако, несмотря на предпринятые им меры, моджахеды не поверили его маневру. Этому способствовали и сами военнослужащие афганского полка, которые уже утром сообщили Мулле Малангу о приземлении вертолетов в расположении их полка. Направленная им на дорогу разведка по-прежнему докладывала ему, что дорога пуста, а засады и заслоны мятежников по-прежнему остаются на своих местах.

«А ты далеко не глуп, – подумал Крылов о Маланге. – Выходит, что перехитрить тебя мне не удалось».

Вечером Крылов снова вышел в эфир и доложил обстановку.

– Третий, я – седьмой. Задача остается в силе, – услышал он голос полковника из наушников. – Срок исполнения сдвинут на неопределенное время. Действуйте по обстоятельствам.

Проведя вторую ночь в бесполезном наблюдении за дорогой, он решил вторично имитировать эвакуацию группы. Для этого Крылов снова вызвал вертолеты, которые забрали их с территории афганской части и высадили в двадцати километрах. Укрывшись среди камней, группа провела здесь весь день. Как только стемнело, он снова направил своих разведчиков к дороге. Они вернулись через два часа.

– Командир, моджахеды, похоже, снялись. Засад и заслонов мы не обнаружили, но дорога пуста, движения по ней

нет. Мы оставили там двоих наблюдателей, пусть посмотрят еще.

Он не сразу поверил разведчикам и еще раз попросил их осмотреть местность. Они вернулись часа через три и снова подтвердили, что подходы к дороге абсолютно чисты. Они быстро выдвинулись к дороге и, укрывшись за большими камнями, стали вести наблюдение. Десантники быстро установили на дороге около десятка мин и скрылись за камнями. Теперь оставалось только ждать колонну противника.

Время шло, но дорога по-прежнему оставалась такой же безлюдной, как и прежде. Полуденное солнце нещадно палило. Крылов лежал за большим валуном, расстегнув все, что расстегивалось, но это не приносило никакого облегчения. Он рукой коснулся камня и тут же отдернул ее, камень был таким горячим, что обжег ему руку. Достав фляжку с водой, он сделал несколько глотков. Вода отдавала каким-то металлическим привкусом и была невкусной. Лоб и спина моментально покрылись потом.

«Настоящая сауна. Куда финнам, здесь сама природа, а не человек создает подобные условия».

Он плеснул немного воды на голову. На какой-то миг стало легче. Он подозвал к себе Белоусова и, когда тот лег рядом с ним за камень, тихо спросил его:

– Андрей! Мне что-то это не нравится. Почему нет никакого движения? Может, они нас снова вычислили, и сейчас обкладывают со всех сторон? Что подсказывает тебе опыт?

– Не похоже, товарищ командир. Если бы они нас засекли, то уже давно бы предприняли все попытки, чтобы сбить нас с этого места. Мне кажется, что моджахеды просто еще не совсем уверены в безопасности маршрута каравана. Они тоже люди неглупые и без соответствующей разведки вряд ли двинутся по дороге.

И словно в подтверждение его слов, на дороге показалась одинокая машина. Она двигалась со скоростью двадцать-тридцать километров в час. На крыше кабины машины был установлен пулемет, и моджахед, стоявший за пулеметом, внимательно разгдядывал местность, прилегающую к дороге. Иногда машина останавливалась, из кабины выходил водитель, который подходил к камням и, осмотрев их, возвращался обратно к машине.

Они пропустили эту машину и снова стали ждать колонну. Минут через сорок по дороге промчались два пустых автомобиля. Они двигались со стороны Кандагара в направлении кишлака Шерджанак. Несмотря на огромное желание уничтожить эти машины, Крылов сдержал свой порыв, так как разгадал эту уловку – это тоже были машины разведки. Они и эти машины пропустил мимо себя беспрепятственно. Всю ночь группа провела среди камней. Ночь прошла относительно спокойно. За всю ночь по дороге промчалась лишь одна машина.

Когда в небе на востоке заалел восход, все были готовы к бою. Крылов вышел на дорогу и тщательно осмотрел место

засады. Сколько он ни вглядывался, он не мог отыскать ни одной огневой точки. Удовлетворенный хорошей подготовкой места засады, он направился на свою огневую точку. Достав из мешка бумажные пачки с патронами, он разорвал их и высыпал патроны, на разложенную им тряпку.

Внутри Крылова все сжалось в комок. Ему было знакомо это чувство, оно наступало у него перед дракой. Взглянув на дорогу, он положил перед собой гранаты и прижался спиной к холодному камню.

Тук-тук – громко стучало его сердце. Он закрыл глаза и стал присушиваться к тревожной тишине. Однако, как он не старался держаться уверенно, но по-прежнему был в поле внимания своих бойцов, которые наблюдали за каждым его жестом. Рука машинально потянулась к карману, где лежала пачка сигарет, но он во время спохватился.

«Что я делаю? Это не Витебск! Здесь одна сигарета может погубить всю группу» – подумал он.

Он снова приложил к глазам бинокль и стал разглядывать дорогу.

* * *

Дорога по-прежнему была пустой. Крылов положил бинокль и посмотрел на кусты, за которыми лежал в укрытии Белоусов. В синем бездонном небе пела какая-то невидимая ему птичка. Услышав легкое шипение, он повернул голову и увидел большую серую змею, которая смотрела на него, готовясь к нападению. Страх моментально сковал его тело. Он

попытался отодвинуться от этой гадины в сторону, но тело не подчинялось ему. Змея зашипела еще сильнее, раздувая свой капюшон.

«Кобра!», – промелькнуло у него в голове.

Крылов хорошо знал, что укус этой змеи опасен для жизни, и он пытался вспомнить, что рекомендуется делать в подобных случаях, но в голове было пусто. Он смотрел на кобру, она смотрела на него, ожидая, кто из них первый совершит роковую ошибку. Змея, похоже, не увидела в нем опасность и, извиваясь своим блестящим телом, исчезла между камней.

Крылов снял с головы панаму и вытер ей мокрый от пота лоб. Он снова взял в руки бинокль и до боли в глазах, стал вглядываться в дорогу, но она все также была абсолютно пустой. Ближе к полудню стало нестерпимо жарко. Висящее над головой солнце словно хотело испепелить все и всех, кто находился внизу на этой проклятой Богом земле.

Он потянулся за фляжкой, которая висела на ремне сбоку. Отстегнув ее, он поднес ее к потрескавшимся от зноя губам. Вода была ужасно теплой. Прополоскав рот, он выплюнул ее на горячий камень.

«Почему дорога пуста? Неужели они разгадали мой маневр? А может, они боятся не нас, а нашу авиацию? – размышлял он. – А может, есть еще одна дорога, о которой мы не знаем. Здесь даже козья тропа – дорога жизни».

Чтобы отвлечься от мыслей, что роем крутились в его го-

лове, он снова приложил к глазам бинокль и посмотрел на дорогу. Он переводил свой взгляд с камня на камень, пока не остановился на одном из них. На большом валуне сидела пестрая ящерица и крутила своей крохотной головой, прислушиваясь к доносившемуся до нее шуму ветра. Внезапно она исчезла с камня. Крылов перевел свой взгляд на дорогу и увидел одинокую машину, которая, поднимая клубы пыли, быстро неслась по дороге. Он поднял руку, давая команду пропустить машину. Японский джип стремительно приближался к месту засады. Он уже хорошо видел бородатое лицо моджахеда, сидевшего за рулем. Миг – и машина, обдав их запахом сгоревшей солярки, промчалась мимо.

«Похоже, разведка, – подумал Крылов. – Если я угадал, то скоро должна пойти и основная колона».

Однако за весь световой день по дороге проследовало лишь несколько разведывательных джипов с моджахедами.

– Что будем делать? – спросил Крылова Белоусов. – Может, стоит поменять место засады?

– Что нам это даст? Если колона двинется, лучшего места для нападения на нее не найти. А пока нужно ждать, – коротко ответил он ему. – Приказ никто не отменял. Все эти джипы – просто-напросто разведка. Они полностью не уверены, что мы снялись, и поэтому катаются по дороге, рассчитывая вызвать на себя наш огонь. Если они начнут двигаться, то с этого места вся их колона будет у нас как на ладони. Так что будем ждать.

Время тянулось удивительно медленно. Десантники, измученные жарой, продолжали неотрывно следить за дорогой. Наконец, солнце коснулось кромки гор. Постепенно стало темнеть. Последние лучи жаркого солнца коснулись вершины горы и скрылись за ней.

В двадцать один час, слева от позиции их группы, показался свет одиночной машины. Машина шла медленно и тяжело. Ее мотор надрывно ревел, когда она поднималась на небольшую возвышенность. Когда машина поравнялась с позициями огневой подгруппы, Крылов неожиданно дал команду на открытие огня. До машины в тот момент было не более шестидесяти метров.

Первым по машине ударил ручной пулемет Бухарова. Огненная трасса уперлась в кабину машины, кроша все на своем пути. Машина завиляла по дороге и, съехав в кювет, уперлась в большой валун, который лежал недалеко от дороги.

– Посмотрите, что в машине, – приказал он Белоусову. – Если в машине взрывчатка, то заминируйте ее.

Поднявшись из-за камней, к машине устремились две тени. Сухая трава вокруг машины горела, воспламенившись, видимо, от попадания трассирующей пули. Из пробитого бака машины тонкой струйкой вытекало дизельное топливо, образовав уже довольно большую лужу на дороге. Разведчики попытались вытолкать автомобиль из зоны огня, но тяжелогруженая машина не поддавалась их усилиям. Вытекшая из бака солярка воспламенилась. Пламя, словно прожорли-

вый зверь, накинулось на машину. Тушить автомобиль было бесполезно, да и нечем. Обыскав два трупа, которые валялись рядом с горящим автомобилем, разведчики подобрали автомат и сумку с какими-то документами. Минут через пять они вернулись назад.

– Вот возьмите сумку. Там какие-то бумаги, – произнес один из десантников и протянул Александру сумку.

Взяв ее в руки, Крылов повернулся к Белоусову.

– Андрей! Я думаю, что нужно сниматься и быстро уходить из этого района. Держать дальше людей в засаде считаю нецелесообразным. Они этой дорогой двигаться дня два точно не будут, пока все здесь не прочешут. Предлагаю укрыться вот здесь, – произнес он и указал Белоусову точку на карте. – Искать в темноте группу – занятие отнюдь не безопасное, и духи вряд ли решаться сейчас на это. Так что вся ночь у нас с тобой впереди.

Они быстро отошли километра на три и заняли круговую оборону на одной из высоток. Минут через тридцать моджахеды, ориентируясь на горящую машину, полностью заблокировали дорогу. Установив минометы, они начали интенсивный обстрел предполагаемых позиций группы разведчиков.

«Вот дают, – подумал Крылов, прислушиваясь к грохоту взрывов. – Вовремя мы ушли с этого места, а иначе бы нам не избежать потерь».

* * *

Бойцы отряда, развалившись на земле, доедали последние остатки сухого пайка. Уходя в рейд, никто из них не думал, что вместо двух суток им придется бегать по горам более четырех дней. Да и сами бойцы, уходя на «дорогу», чаще предпочитали брать с собой несколько лишних пачек патронов, чем банку с тушенкой.

Крылов пододвинул к себе сумку, подобранную десантниками на месте стычки, и стал рассматривать ее содержимое. Вывалив все, что находилось в сумке, на землю, он закрылся плащ-палаткой, включил свой фонарик и стал перебирать предметы. В сумке оказался блок сигарет «Мальборо», фонарь, пистолет системы «Кольт» и несколько мелко исписанных от руки тетрадей.

– Слушай, Андрей, похоже, ребята на дороге завалили американца.

– Почему вы так решили, командир? – спросил он Крылова. – Паспорт, что ли, нашли?

– А потому, что в сумке находится несколько рукописных тетрадей, написанных на английском языке. Похоже, что это чьи-то дневники. Афганцы, насколько я знаю, в основном безграмотные люди. Они на своем языке писать-то не могут, не то чтобы на английском. Сейчас посмотрю, кто их автор. Вот и фамилия автора. Это некий господин Тортон. Ты как сам, английский знаешь или нет?

– На уровне средней школы, – ответил Белоусов. – Как пишут в анкете – читаю со словарем.

– Посмотри, может, поймешь, о чем он пишет, – произнес Крылов и протянул ему эти записи.

Он встал с земли и направился проверять боевое охранение. Вернулся он обратно минут через сорок и сразу же направился к сидевшему на камне Белоусову.

– Товарищ командир! – обратился к нему Белоусов. – Я кое-что перевел. Если хотите, то зачитаю.

– Валяй, – произнес Крылов и присел на камень.

– Короче, этот американец Тортон описывает, как он приехал в Пакистан, с кем из больших людей он там встречался. Еще я нашел среди его записей контактные адреса и телефоны лидеров моджахедов. А вот в этой тетради я обнаружил карту с маршрутом его движения по Афганистану. Смотри, он даже был у нас в Кандагаре. И вот, смотри, что я еще нашел.

Белоусов протянул ему небольшой пакетик, в котором оказалось несколько микропленок. Крылов подозвал к себе радиста и попросил его выйти в эфир. Прошло минут десять, прежде чем им удалось связаться с нашей базой. Он кратко доложил «седьмому» о стычке с моджахедами, о сумке, в которой были обнаружены дневники американца, карта и микропленки.

– Повтори еще раз фамилию этого американца, – попросил его «седьмой».

Он снова назвал ему фамилию убитого американца. В эфире повисла тишина. Через минуту последовал приказ –

срочно переправить эти документы в штаб полка.

– Есть переправить, – отрапортовал Крылов.

Ночью в десяти километрах от стоянки приземлился вертолет. Он передал летчику сумку американца. Через полчаса шум вертолета растворился в темноте ночи, оставив их снова в тылу моджахедов.

* * *

Дождавшись утра, группа снова выдвинулись на старое место. Крылов не сразу узнал его, так как вся земля была перепахана минами. Вокруг тут и там сияли глубокие воронки.

«Похоже, били из 82 мм минометов, – подумал он, рассматривая место, где лежал он вчера. – Видно, очень рассердились на нас моджахеды».

Разместившись на огневых позициях, они снова затаились и стали ждать каравана. Днем по дороге прошла пустая автомашина, и дорога снова опустела. Над головами нашей группы прошла четверка «горбатых», нарушая тишину рокотом своих моторов.

Вскоре мимо прошел отряд моджахедов численностью человек в двадцать. Они громко переговаривались, шутили и смеялись. Группа пропустила их мимо себя, хотя у всех чесались руки. Прошел еще один час. Вдали послышался шум приближающейся к ним автомашины. По дороге мимо них промчался автобус, набитый до отказа моджахедами, и снова наступила тишина. Стало темнеть. Наконец, вдали показались огни приближающей колонны.

«Неужели, дождались?!», – подумал Крылов.

Он повернулся к бойцам и громко крикнул:

– Без моей команды не стрелять! Радист, ко мне!»

Радист упал рядом с ним и стал быстро разворачивать свою радиостанцию.

– Вызывай авиацию. Скажи, движется большая колонна моджахедов. Мы ее обозначим зелеными ракетами.

– Все понял, командир, – произнес радист и начал связываться с базой.

Крылов почувствовал, как от нервного напряжения у него по спине потекла струйка пота, а рука, сжимавшая автомат, стала мелко и противно подергиваться. Он смахнул со своего лба капельки пота, которые застилали ему глаза, и прильнул щекой к металлическому прикладу автомата. Сквозь прорезь прицела он стал разглядывать дорогу, отмечая про себя ориентиры, при пересечении которых можно открывать огонь. Он отложил в сторону автомат и взвел в боевое положение одноразовый гранатомет.

«Пять, десять, пятнадцать, – считал он количество движущихся автомашин. – Так сколько же их?»

Вскоре вся дорога была забита машинами. Когда до первой машины оставалось метров шестьдесят, он выстрелил из гранатомета. Граната, словно выпущенный из рогатки камень, ударила в первую машину, в кузове которой сидели моджахеды. Раздался сильный взрыв. Кабина машины оторвалась от рамы и, описав в воздухе небольшую дугу, с трес-

ком упала на землю. Он впервые видел десятки искалеченных взрывом человеческих тел, отдельные из которых еще пытались ползти в сторону от горящей машины. Несколько пуль ударили в камень, за которым он лежал, и с визгом ушли куда-то в небо. Он плотней прижался к камню и, поймав в прицел автомата худенького моджахеда, нажал на курок. Моджахед несколько раз дернулся и, выронив из рук английскую винтовку, упал лицом на землю. Из-за шума боя Крылов не услышал шум винтов подлетевших вертолетов.

Моджахеды на какой-то миг замерли и, задрав вверх головы, стали наблюдать за зеленой ракетой. Через секунду раздался первый оглушительный взрыв. Стоявшая в центре колоны машина оторвалась от земли и, сделав в воздухе кульбит, упала на землю. Она моментально загорелась и окуталась ярко-красным огнем. Из горящей автомашины стали с криками выползать раненные духи. Многие из них были объяты пламенем и горели прямо у Александра на глазах. Над дорогой пополз смрад от горящей резины и человеческих тел. Колонна встала на месте, не в состоянии развернуться и двинуться назад и, ощетинившись в разные стороны автоматами и пулеметами, открыла огонь по засаде наших и вертолетам. С каждой секундой огонь становился все плотнее и плотнее. Он лежал за камнем, не в состоянии не только поменять свою позицию, но даже поднять голову. Пули свистели над головой, поднимали фонтаны пыли, высекали из камней искры и с шумом уходили куда-то в темноту.

Снова раздался взрыв. Это подорвалась на заложенном фугасе грузовая машина. Вертолеты били по машинам неуправляемыми ракетами, поливая, укрывшихся духов огнем пушек и пулеметов. Ракеты рвались так густо и часто, что за взрывами не было видно ни машин, ни людей. Сделав последний заход, вертолеты развернулись и скрылись за горой.

Пока шел бой, Крылов не заметил, как стало совсем темно. Он выстрелил вверх из ракетницы и десантники стали медленно отходить от дороги. Он шел последним, замыкая отходящую группу. Александр не оглядывался назад, так как хорошо знал, что колонна Муллы Маланга уничтожена. На следующие сутки их подобрали «вертушки». В этой первой для него операции, они не потеряли ни одного бойца. Именно за эту операцию Крылов был награжден первым орденом Красной Звезды.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
Грачев

– Всем попрыгать! – приказал Крылов и пошел вдоль строя солдат, прислушиваясь к звукам, доносившимся из-за спин бойцов.

Несмотря на обыденность приказа, десантники сделали несколько прыжков и замерли на месте. Он повернулся в сторону сержанта Назарова и подошел к нему.

– Назаров! Что у тебя в мешке? Давай, вываливай все на землю, посмотрим, что у тебя там гремит.

– Товарищ командир, у меня все в порядке, – произнес он, снимая с себя большой вещевой мешок. – Вот, сами можете посмотреть, что у меня в мешке. Видите, ничего лишнего.

Он вытряхнул содержимое мешка на землю. Действительно, в его мешке было только самое необходимое: пачки с патронами, несколько гранат и предметы сухого пайка.

Крылов жестом руки подозвал к себе Белоусова.

– Мне стыдно за вас, Назаров! Вы не первый день в отряде, и до сих пор не можете правильно уложить боеприпасы. Правильно сложенные боеприпасы не должны бренчать, как пасхальные колокола. Вы, наверное, забыли, куда мы идем. Там нет дилетантов, и любой посторонний звук может демаскировать движение группы. Уложите боеприпасы плот-

нее или переложите их чем-нибудь мягким. А вы, товарищ лейтенант, проследите за всем этим.

Минут через десять Назаров доложил Александру о готовности. Он снова попрыгал, теперь в его мешке ничего не стучало и не бренчало.

– Что, сразу уложить все нормально не могли? – укоризненно произнес Крылов. Мне стыдно за вас, сержант. Какой пример вы подаете молодым бойцам? А сейчас все грузите в машину.

Бойцы быстро побросали свои мешки в кузов машины, а затем, с шутками, полезли в кузов сами. Убедившись, что все бойцы на месте, Крылов и Белоусов сели в кабину рядом с водителем, и машина тронулась.

– На аэродром! – скомандовал Белоусов водителю.

Васильев понимающе кивнул. Машина выехала за ворота базы и, поднимая облака пыли, направилась в сторону аэродрома.

– Лишь бы до темноты успеть доехать! – бубнил себе под нос водитель. – А то могут обстрелять или свои, или эти бородатые.

С наступлением темноты отдельные группы моджахедов просачивались в город и обстреливали наши посты и одиночные машины.

– Куда летим? – поинтересовался Белоусов у Александра.

– Узнаешь на месте. Пока не приземлимся, задачу группе разглашать запрещено. Это приказ, так что не обижайся,

Андрей, а остальное, ты уже знаешь.

Он отвернулся в сторону и обиженно надул губы. Они уже не раз были вместе на «дороге», и теперь его ответ, похоже, обидел лейтенанта.

– Ты что, командир, мне не доверяешь? – спросил он Крылова. – Если не доверяешь, то зачем тащишь меня в эти горы?

– Не обижайся, Андрей. Это приказ генерала, а приказы, ты знаешь, не обсуждаются. Я обещаю тебе одно: ты об этом узнаешь первым. Впрочем, какая разница в каком именно районе нас с тобой высадят.

Дорога, по которой ехала машина, петляла, от чего машину постоянно бросало из стороны в сторону. Наконец, машина остановилась около уже знакомого им шлагбаума. Дорожная пыль моментально накрыла машину серым облаком. Мелкая противная пыль полезла в глаза, нос и рот. Из-за мешков, которыми был обложен блок-пост, появился сержант. Он был одет в бронежилет, на голове – каска.

– Пароль!

Крылов открыл дверь кабины и спрыгнул на землю. Подходя к сержанту, он невольно обратил внимание на его застывшее лицо, а также на амбразуру, из которой торчал ствол пулемета, и блестели чьи-то глаза.

– Пригласи офицера! – приказал он солдату, назвав пароль.

Сержант быстро скрылся в щели между набитыми песком

мешками. Прошло минуты три, прежде чем к нему подошел офицер. Представившись ему, Крылов попросил пропустить машину на поле аэродрома. Офицер махнул рукой и черно-белый шлагбаум поднялся. Александр запрыгнул обратно в кабину машины, и она тронулась. Проехав метров пятьсот, она остановилась около ангара.

– Спешиться! – приказал Крылов личному составу группы и направился к двери в ангар.

Бойцы спрыгнули на землю и стали быстро разгружать автомашину, складывая вещевые мешки, бронежилеты и ящики с боеприпасами около стены ангара. Разгрузив автомашину, они повалились на пыльную траву и, достав сигареты, стали курить. Десантники хорошо знали, что там, в тылу врага, уже не покуришь. Сами афганцы практически не курили и поэтому дым, и запах табака могли легко выдать расположение группы. Переговорив с летчиками, Крылов вышел из ангара и, взглянув на лежавших в траве бойцов, усмехнулся. Он тоже достал сигарету и, размяв ее пожелтевшими от табака пальцами, закурил.

– Вылет через час, – произнес громко он, чтобы слышали все. – Назаров, собери бронежилеты и погрузи их в машину, они нам там не пригодятся. Всем вскрыть цинки с патронами и взять максимальное количество боеприпасов, остальное тоже погрузить в машину.

Назаров быстро поднялся с земли. Хватая тяжелые бронежилеты, он легко, один за другим, побросал их обратно

в кузов автомашины. Вскрыв цинки с патронами, все стали укладывать дополнительные пачки патронов в свои вещевые мешки. Белоусов сидел в стороне от группы солдат и наблюдал за ним. Лицо его по-прежнему было по-детски обиженным. Закончив набивать мешки патронами, десантники снова повалились в траву. Васильев повесил на дверцы машины по два бронежилета и медленно поехал в сторону блокпоста.

Дверь ангара открылась, и из нее вышли два летчика, держа в руках летные шлемофоны.

– Ну что, мужики, готовы? – спросил он Крылова. – Пошли к машинам, сейчас полетим.

Взвалив на себя тяжелые мешки, бойцы направились вслед за пилотами. Около вертолетов суетились механики и другие технари, готовя вертолеты к полету. В стороне от них сидели штурманы боевых машин и о чем-то разговаривали между собой. Доложив о готовности машин к полету, механики отошли в сторону и направились к ангару.

* * *

Равномерный шум двигателей вертолета, словно колыбельная песня, убаюкивал бойцов. Крылов то и дело проваливался в пустоту и, испугано вздрогнув, открывал глаза. Бойцы дремали, прижавшись плечами, друг к другу. Всем хотелось хоть немного украсть у этой афганской ночи времени на сон. Пересилив себя, он посмотрел в иллюминатор вертолета, надеясь что-то разглядеть среди этой ночной черноты. Несколько раз машину обстреливали моджахеды. Пунк-

тиры трассирующих пуль неслись с земли к вертолетам, но летчики, умело маневрируя, выводили «вертушки» из зоны обстрела.

Оторвавшись от иллюминатора, Александр закрыл глаза, стараясь не думать о том, что их ожидает в этих горах. Перед самым отъездом в Афганистан, находясь в Термезе, он позвонил Ольге.

– Здравствуй, Оля! – произнес он.

– Это не Оля, это ее мать. Кто звонит? Это ты, Виктор? – переспросила она Александра.

Он моментально почувствовал, как все в нем напряглось от волнения. Внутри него все замерло. Он хорошо слышал, как мать позвала дочь к телефону.

– Да, я слушаю вас? – услышал он до боли знакомый голос. – Говорите же! Почему вы молчите?

– Здравствуй, Оля! Это я, Крылов. Ты извини меня за этот звонок. Я нахожусь в Термезе. Через час наш самолет пересечет границу, и я окажусь в Афганистане. Что там меня ждет, я не знаю, и поэтому вот решил тебе позвонить. Мать у меня не в курсе, ты ей об этом, пожалуйста, не рассказывай. Ты же знаешь, у нее слабое сердце, и я не хочу, чтобы она переживала за меня.

Он отчетливо слышал в телефонной трубке ее дыхание, словно она стояла рядом с ним.

– Может, мне не стоило, но я все же, позвонил тебе.

Ольга молчала, и это еще больше волновало его. Крылов

не знал, что ему говорить дальше, и он решил закончить разговор.

– Оля! Прости меня за этот глупый звонок, – тихо произнес он и хотел положить на рычаг аппарата телефонную трубку.

– Саша! – закричала она в телефонную трубку. – Саша! Я люблю тебя! Я буду ждать и обязательно тебя встречу.

– Спасибо, Оля. Я не погибну, я обязательно вернусь, без рук, без ног, но вернусь, потому что я люблю тебя. Ты слышишь! Я люблю тебя.

* * *

Дверь пилотов открылась, оторвав Крылова от воспоминаний. Из кабины вышел второй пилот вертолета и, осмотревшись по сторонам, направился в его сторону. Он сел рядом с ним и, разложив на коленях карту, стал рассказывать и показывать маршрут, а также место приземления вертолетов. Десантники очнулись от дремоты и попытались прислушаться к их беседе, но из-за шума двигателей сделать это было невозможно. Переговорив с Крыловым, второй пилот скрылся за дверью кабины пилота.

Двигатели вертолета вдруг взревели. Машина мелко задрожала всем своим корпусом и стала медленно снижаться. Вскоре вертолет завис на месте на высоте трех-четырех метров от земли. Второй пилот открыл боковую дверь и взглянул на десантников. В салон вертолета ворвался грохот работающего двигателя и холодный ветер.

– Пошли, мужики! С Богом! – произнес он и посмотрел на них.

Сначала они сбросили свои мешки, а затем стали прыгать и сами. Несмотря на небольшую высоту, прыгать было страшно. Земли не было видно, и поэтому многие из десантников невольно задерживались около выхода перед прыжком. Помимо всего, многие из них боялись прыгать, так как можно было угодить на голову своему же товарищу, который еще не успел отбежать от машины. Александр тоже подошел к двери вертолета, на секунду зажмурившись от порыва ветра, посмотрел, стараясь разглядеть что-нибудь внизу. Не увидев ничего кроме темноты, он прыгнул в эту черную бездну. Несмотря на темную и безлунную ночь, высадка прошла вполне удачно.

Почувствовав под собой твердую землю, Крылов быстро вскочил на ноги и стал быстро отбегать от поднимающегося вверх вертолета. Воздушный поток от работающих винтов прижал его к земле. Когда вертолет отлетел в сторону, все бросились искать свои вещевые мешки. Разыскивая свой мешок, Крылов наткнулся на чужой мешок, который лежал в метрах десяти от места его десантирования. Рассмотрев мешок, Александр понял, что это был мешок Николая Быстрова.

– Быстров! – крикнул он его. – Забери у меня свой мешок. У кого из вас мой мешок?

Они быстро разобрались и обменялись подобранными

мешками, теперь у каждого из них был свой мешок.

– Стройся! – скомандовал он. – Все целы? Травмы никто не получил?

Крылов обошел строй. Жалоб со стороны десантников не было, и это радовало.

– Десантники! Мы находимся на границе с Пакистаном. Данную территорию контролируют банды известного нам полевого командира Муллы Маланга. Если кто из вас не знает, могу сказать следующее: после того, как мы уничтожили его караван, он пообещал, что спустит с каждого из нас кожу, если мы попадем ему в лапы. Так что шансы остаться живыми в случае пленения ничтожны. Понятно?

Строй молчал.

–Задача группы, – найти и доставить в расположение наших войск летчиков сбитых вертолетов и офицера Главного политического управления нашей армии. Приказываю всем быть предельно осторожными, избегать боевых столкновений с моджахедами. А сейчас, самое главное. Этих людей разыскиваем не только мы, но и спецподразделения Пакистана и США. Это не дети, и поэтому нам приказано избегать всяческих стычек с ними. Задача ясна? – спросил он десантников.

Все промолчали, осознавая важность поставленной командиром задачи.

– Если вопросов нет, то, Белоусов, давай, командуй.

– Быстров, Бухаров, вперед, в боевое охранение. Расстоя-

ние пятьдесят метров. А теперь всем попрыгать и вперед, – скомандовал он.

Названные им бойцы вышли из строя и направились вверх по склону горы. Через минуту вслед за ними двинулась и основная группа бойцов.

* * *

Сейчас, после десантирования, главной задачей группы было уйти как можно дальше от места высадки. Хорошо зная возможности разведки моджахедов, Крылов был уверен, что их высадка не осталась не замеченной ими и уже утром по их следам направится группа боевиков, чтобы сначала заблокировать движение группы десантников, а затем ее уничтожить.

Несмотря на полную темноту и отсутствие дороги, группа шла довольно быстро. Из-за темноты они не могли повысить темп движения, так как многие спотыкались в темноте о камни, вызывая неподдельный страх не только у самих себя, но и у всей группы. Любой шум мог выдать группу и привести в засаду.

Пройдя километров семь, Крылов почувствовал, что его вещевой мешок стал раза в два тяжелее его первоначального веса. Лямки мешка больно впились в плечи, а пот просто заливал его глаза. Десантники, практически все, были в кроссовках, что значительно облегчало движение. Но, несмотря на это, ноги у бойцов, постепенно налились свинцом.

– Привал минуту! – скомандовал Крылов, чувствуя, что

бойцы окончательно выдохлись.

Остановившись на минуту, он заметил, что несколько десантников повалились на землю, чтобы немного отдохнуть.

– Кто дал команду лежать!? Кто здесь командир! – грозно произнес он. – А ну, встать!

– Устали немного, товарищ командир, – произнес один из бойцов. – Ноги словно свинцовые.

– Встать! Если еще раз повалитесь на землю без команды!!!! – он не договорил до конца, однако все уже и так поняли, чем это может грозить в этом случае.

Бойцы поднялись с земли, и группа снова двинулась вперед. Часа через полтора небо на востоке стало медленно светлеть. Крылов посмотрел на свои наручные часы, они показывали половину пятого утра.

– Давай, мужики, еще немного. Через полчаса будет привал.

Все ускорили шаг, так как хорошо понимали, что днем они не смогут так быстро и открыто перемещаться по местности. Пройдя еще километра полтора, Крылов остановился и, посмотрев на измученных бойцов, громко скомандовал:

– Привал!

Все остановились и повалились на остывшую за ночь землю. Крылов знаком подозвал к себе радиста.

– Приготовься, в пять часов у нас сеанс, – произнес он.

Радист по фамилии Ибрагимов – татарин маленького роста, был родом из Уфы и уже более года воевал здесь, в Аф-

ганистане. Тот, кто там воевал, хорошо знает, что пока жив радист, и жива его рация, то жива и группа. Поэтому эти люди всегда пользовались большим авторитетом. Он сел рядом с командиром и стал настраивать радиостанцию. Связавшись с базой, Крылов узнал, что ими был перехвачен разговор моджахедов. Один из командиров поисковой группы духов докладывал Мулле Малангу о результатах преследования группы русских летчиков. В ходе своего доклада он сообщал, что этой ночью был боевой контакт с русскими, которым снова удалось оторваться от них и сейчас они движутся по их следам на юг.

– Запроси, в каком месте был бой, – приказал Крылов радисту.

Радист запросил данные и, записав их на клочке бумаги, протянул листок ему. Он развернул карту и быстро отыскал эту точку. Она была в пятнадцати километрах от их местонахождения.

«Пятнадцать километров, это три часа хода, – подумал Крылов. – Если они сейчас тоже двигаются, то мы можем выйти на них, лишь часов через пять, не раньше. Пока люди еще не вымотались окончательно, нужно продолжать движение».

Он нанес на карте вероятное движение летчиков и поднял глаза на Белоусова.

– Вот здесь они, Андрей, напоролись на моджахедов и сейчас, похоже, отходят на юг, – произнес Крылов и посмотрел

на Белоусова. – Так что нужно двигаться, а иначе мы их не догоним.

– Командир! Тебе не кажется, что они специально гонят наших ребят на юг. Там нет кишлаков и колодцев с водой. При такой жаре, шансов у наших летчиков практически нет.

– Я тоже так считаю, и поэтому нам нужно перехватить их прежде, чем они войдут вот в этот район, – он указал Белоусову точку на карте. – Как ты сам считаешь, сможем мы сделать бросок в пятнадцать километров, или нет?

Он задумался над моими словами и не спешил с ответом.

– Я все понимаю, Андрей, что люди уже устали, но другого выхода у нас просто нет. Поднимай людей, и вперед.

– Подъем! – выкрикнул Белоусов. Начинаем движение. Идем двумя колоннами, расстояние между колоннами двадцать метров. Сейчас светло, всем смотреть под ноги, так как тропа может быть заминирована.

Группа вытянулась в цепочку и двинулась дальше.

* * *

Из-за гор показался желтый диск солнца. Сухой горный воздух стал быстро нагреваться. На синем небе не было ни одного облачка. Крылов сразу почувствовал, как его спина стала покрываться потом. Отряд шел, обливаясь потом и проклиная всех тех, кто направил их в эту поисковую операцию. Вскоре солнце окончательно выбило их из ритма, все вымотались так, что еле передвигали ноги.

Неожиданно идущий впереди них дозор остановился. Все

моментально залегли за камни и стали ждать сигнала. Как потом выяснилось, дозор остановился, почувствовав запах дыма. Крылов оглянулся назад и посмотрел на сосредоточенные лица своих бойцов.

– Товарищ командир, пахнет дымом.

– Быстров, Назаров! Посмотрите, что там. В бой не вступать.

Десантники сняли с себя мешки и, проверив автоматы, осторожно двинулись вперед. Группа застыла в ожидании. Время шло, а Назаров и Быстров все не возвращались. Крылов чувствовал, как росло напряжение среди десантников, так продолжаться долго не могло. Он приложил к глазам бинокль и стал внимательно смотреть туда, куда уползли его бойцы. От напряжения у него навернулись на глазах слезы. Местность в бинокле стала расплываться, словно кусок сахара в чашке чая. Он смахнул рукой набежавшую слезу и снова приложил к глазам бинокль.

«Что они там застряли? Ну, нельзя же так долго задерживаться? – рассуждал он. – Нужно было бы самому пойти с ними, а не сидеть и ожидать их возвращения».

К нему подполз Белоусов и лег рядом с ним. Отстегнув флягу с водой, он сделал два глотка и протянул ее Александру. Крылов отрицательно покачал головой.

– Командир, может, мне выдвинуться вперед? Мне все это почему-то не очень нравится.

– Ты думаешь, что мне все это нравится? Ушли и не воз-

вращаются. Может, их захватили моджахеды?

– Не должны. Ребята они тертые и без боя бы не сдались. Сейчас вернутся, я нутром это чувствую. Командир, может, я все-таки посмотрю, что там?

Крылов укоризненно посмотрел на него. Несмотря на то, что он отлично понимал лейтенанта, его предложение он воспринял неоднозначно.

– Ты что, Белоусов, им не доверяешь? Может, ты считаешь себя опытнее этих ребят, за спиной которых десятки выходов на «дорогу» и в «зеленку»? Поэтому лежи и молчи. Скоро они вернутся.

Быстров полз первым. Чуть отстав от него – Назаров. Они медленно перебирали локтями, чувствуя всем своим телом мельчайшие камни, которые, словно иглы, впивались в их тела. Иногда им казалось, что их тело не выдержит этой адской боли, которая заставит закричать от нее, заставит вскочить на ноги. Но, закусив губы до крови, они продолжал ползти дальше.

Преодолев ползком метров пятьдесят, бойцы, наконец, увидели моджахедов. По всей вероятности, это был один из небольших заслонов, которые они часто выставляли на тропах и дорогах. Моджахеды сидели вокруг небольшого костра и о чем-то разговаривали. Рядом с ними на земле лежали автоматы, винтовки, подсумки с патронами и гранатами. В стороне от костра была наспех сооружена огневая точка, где на треноге стоял крупнокалиберный пулемет, около ко-

торого на земле сидел молодой паренек и набивал патронами пулеметную ленту. Рука Быстрова машинально потянулась к гранате. Ползущий за ним Назаров застыл на месте, а затем медленно пополз в его сторону.

– Погоди, не спеши, лучше их послушай. Ты же как-то говорил мне, что понимаешь их язык. О чем они говорят? – тихо произнес Назаров.

Быстров по национальности был русским, но призывался в армию из Таджикистана. Он все свое детство провел в горном Таджикистане и поэтому хорошо владел этим языком. Погибший командир часто использовал его в качестве переводчика при общении с местными жителями. Назаров лег рядом и тоже прислушался к доносившемуся гортанному разговору моджахедов.

– О чем они говорят? – поинтересовался он у Быстрова.

Тот так посмотрел на него, что сразу же отбил охоту задавать вопросы.

– Лежи здесь. Я к командиру, – тихо произнес он и пополз обратно.

Назаров проводил его взглядом и на всякий случай положил рядом с собой автомат и пару гранат.

Быстров вернулся обратно минут через тридцать-сорок. Он знаком приказал Назарову возвращаться назад. Уложив гранаты и подхватив свой автомат, тот медленно пополз в обратную сторону, где его ожидал товарищ.

– Командир приказал возвращаться, – тихо произнес он.

Они медленно двинулись между большими валунами, стараясь не шуметь и не бряцать металлом о камни. Крылов сидел на камне вместе с Белоусовым и обсуждал с ним новый маршрут группы, так как по старому маршруту двигаться, похоже, было уже невозможно. Наметив новый маршрут, он встал с камня и направился к десантникам.

– Мужики! Перед нами заслон моджахедов. Миновать днем мы его не сможем. Слева от него крутой горный склон, а справа – довольно глубокое ущелье, которое хорошо простреливается. Выход один: мы должны снять этот заслон без шума. Быстрову удалось подслушать разговор моджахедов. Они ждут смены. Смена должна произойти в двенадцать дня. После смены мы должны тихо уничтожить этот пост. Тогда у нас в запасе будет как минимум часа два или три, прежде чем они обнаружат уничтоженный нами заслон. Задача ясна? А сейчас, всем отдыхать.

Все повалились на землю.

– И вот еще что. Если мы его не уничтожим, придется много шагать. Так что, все в ваших руках. А сейчас – отдыхать.

* * *

Полдень. Солнце стоит в зените. Раскаленные камни чем-то напоминали каменку в русской бане, не хватало лишь веников и тазиков с водой. Бойцы плавно перемещались по небольшому пятачку, стараясь хоть как-то скрыться от нещадно палящего солнца. Крылов посмотрел на часы, они

показывали одиннадцать часов сорок минут. Он махнул рукой, и первая группа десантников медленно поползла в сторону блокпоста моджахедов. Вслед за ними двинулись и остальные. Крылов преодолел первые десять метров ползком и почувствовал, как между лопаток потек тонкий ручеек пота. Лавируя между камней, они медленно продвигались вперед. Где-то за камнями послышались мужские голоса.

«Ну, вот и они», – подумал он, выглядывая из-за большого валуна.

Метрах в сорока от них сидели на земле моджахеды и о чем-то громко разговаривали между собой. Увлеченные обедом и громким разговором, они снизили бдительность. Дозорный моджахедов, отложив в сторону автомат, штопал старый синий халат. Второй, который находился у крупнокалиберного пулемета, похоже, дремал. Его бритая голова периодически падала ему на грудь. Моджахед испугано открывал свои осоловевшие от сна глаза и, взглянув на товарищей, сидящих у костра, снова начинал кивать головой, не в силах удержать ее на тонкой шее.

Крылов махнул рукой, и они поползли вперед. Когда разведчикам удалось подобраться к ним на бросок гранаты, все снова замерли. Бойцы лежали за камнями и готовы были по первому знаку командира атаковать заслон моджахедов. Задрав рукав куртки, Крылов посмотрел на часы. Они показывали начало первого. Полуденное солнце невыносимо пекло, выпаривая из тел последнюю живительную влагу.

Крылов постоянно облизывал сухие, потрескавшиеся от жары губы. Во рту было так сухо, что все его попытки сделать глотательное движение заканчивались неудачно. Вдали послышались чьи-то голоса. Сначала голоса еле доносились до бойцов, но затем они уже стали отчетливо различать их. Вскоре из-за поворота тропы показалась большая группа духов, их было около сорока человек. Заметив ожидавших их моджахедов, они стали что-то выкрикивать на своем языке, указывая на них руками.

– О чем они говорят? Чему они так радуются? – поинтересовался Крылов у Быстрова. – Одни, похоже, смене, а другие чему?

Он прислушался к разговору, а затем, повернувшись к Александру лицом, стал переводить разговор. Из перевода Быстрова Крылов понял, что смены поста не будет, а прибывшие на пост духи должны были просто усилить этот заслон. Он снова посмотрел на моджахедов, отдельные из которых стали таскать камни и укреплять свои позиции.

Он пристально всматривался в то место, где среди камней лежал Белоусов. Именно его группа, состоявшая из пяти человек, должна была снять этот заслон. Однако сигнала к атаке Крылов не давал. Моджахедов было в три раза больше, чем их, и просто так атаковать их не имело никакого смысла. Все, как завороженные, пристально всматривались в позиции врага, все еще рассчитывая на возможное чудо, надеясь, что сейчас произойдет смена караула. Моджахеды раз-

вьючили животных и пустили их пастись. Он снова знаком руки подозвал к себе Быстрова.

– О чем они говорят? – тихо спросил он его.

– Вон тот моджахед, что в синем стеганом халате, похоже, он – командир. Он говорит, что русские ночью высадили десант, и они обязательно должны выйти на этот заслон.

Крылов не удивился этой информации, так как предполагал, что они засекли их высадку.

– Что еще говорят?

– Их командир говорит, что люди Муллы Маланга гонят русских летчиков в горы и сейчас их задача состоит в том, чтобы не пропустить десант в эти горы и не дать им возможность встретиться со своими летчиками.

Заметив смотрящего в его сторону Белоусова, Крылов взмахом руки приказал его группе сниматься и возвращаться на точку сбора.

– Что скажешь, командир? Почему мы их не атаковали? – спросил Крылова Белоусов, когда их группы соединились.

– Атаковать было нельзя, их слишком много. Быстров говорит, что смены не будет. Просто моджахеды усиливают этот блокпост. Придется его обходить. Мы и так потеряли достаточно много времени, ожидая смены поста. Сейчас я определюсь, как лучше обойти этот заслон. Сверху или снизу по склону.

Он достал карту и стал внимательно ее рассматривать. Определив новый маршрут движения, Крылов встал с зем-

ли. Бойцы без всякой команды поднялись вслед за ним и посмотрели на него, ожидая команды.

– Вперед! – скомандовал Крылов и, указав рукой направление, повел отряд.

* * *

Десантники выстроились в цепочку и двинулись в путь. Полуденное солнце нещадно пекло. Крылов снял с пояса флягу и полил водой голову. Вода во фляге была теплой и не принесла ожидаемого облегчения. Он оглянулся назад и, заметив, что один из бойцов выливает воду из фляги, невольно остановился и закричал на него.

– Отставить! Ты что делаешь? Это же – вода! Всем беречь воду!

Десантник посмотрел на него каким-то отрешенным взглядом и повалился на камни.

– Белоусов! Посмотрите, что с ним?

Андрей нагнулся над бойцом и, выпрямившись, доложил.

– У него тепловой удар. Что будем делать?

– Оставь с ним Назарова и Горохова. Когда боец придет в себя, пусть выдвигаются к точке сбора.

Белоусов достал карту и, подозвав к себе Назарова, стал ему что-то объяснять и показывать на карте. Когда он закончил инструктаж, группа двинулась дальше. Теперь их уже было пятнадцать человек.

Пройдя километров шесть, они снова едва не нарвались на блокпост. Идущие впереди группы разведчики вовремя

остановили их группу. Стараясь не шуметь, Крылов быстро подполз к Быстрову.

– Вон, видите их, – произнес он и указал на груду камней.

Он приложил к глазам бинокль. Среди камней Крылов увидел несколько человеческих фигур. Там, среди камней, разморенные жарким солнцем и принятой пищей, крепко спали воины Аллаха. Обходить этот заслон было уже физически сложно и Крылов решил его атаковать.

Он отполз назад и, подозвав к себе Белоусова, приказал ему уничтожить заслон. Взяв с собой пятерых бойцов, лейтенант быстро пополз вперед, туда, где его ожидали разведчики. Они сняли заслон без всякого шума. Восемь спящих моджахедов умерли прямо во сне, так и не поняв, что с ними случилось.

Группа вошла в небольшую зеленую рощицу. Посмотрев на измученные лица бойцов, Крылов взмахом руки указал на привал. Усталые и голодные десантники дружно повалились на землю. Он достал из мешка банку тушенки и вскрыл ее финским ножом. Сталь немецкого ножа без труда вскрыла банку, словно эта была не жесть, а бумага. Крылов стал быстро отправлять к себе в рот большие куски тушеной говядины. Наевшись, он ножом вырыл небольшую ямку в земле, положил в нее пустую банку и засыпал землей.

– Что дальше, командир? – спросил Крылова Белоусов. – Неужели ты рассчитываешь на то, что мы разыщем летчиков и полковника в этих горах?

– В отличие от тебя, Андрей, я приказы командиров не обсуждаю. Надеюсь, ты меня понял?

– Так точно, – ответил Белоусов. – Посмотрите, одни горы. Ни одной живой души.

Крылов засмеялся, чем вызвал удивление у лейтенанта.

– Чего смотришь, Андрей? Говоришь, ни одной живой души, кроме тех восьми, что остались позади тебя. Нет, лейтенант, именно здесь мы найдем наших летчиков.

Белоусов отвернулся, похоже, он опять обиделся. Однако Крылов тоже хорошо понимал, что найти среди этих гор небольшую группу людей было практически нереально. Он посмотрел на часы и знаком подозвал к себе радиста.

– Ибрагимов! Запроси штаб, – приказал он. – Узнай, что у них есть нового по группе летчиков.

Нацепив наушники, радист включил станцию и стал крутить ручку настройки. Связавшись со штабом, он передал наушники и микрофон командиру.

– Нашим вертолетчикам удалось засечь отход их группы, – сообщили из штаба полка. – Они находились в десяти километрах от вас. Второе, параллельно вам к этой точке движется большая группа моджахедов штыков в восемьдесят. Это еще не все. Из Пакистана на джипах переброшена группа спецназа «Черные аисты». В их составе несколько американских инструкторов, прошедших войну во Вьетнаме. Они – люди опытные и не раз принимавшие участие в аналогичных специальных операциях. Следующий выход в

эфир в двадцать часов. Как понял, седьмой?

– Все понял. Выход в двадцать часов.

– Желаю успеха, – прозвучало в эфире.

Закончив радиосвязь, Крылов обвел всех взглядом. Все отлично понимали, что стычки с этими подразделениями практически неизбежны, и только время покажет, кто из них сильнее и лучше подготовлен.

– Всем подняться! – приказал Крылов.

Люди стали медленно подниматься с земли. Он молча обошел строй.

– Теперь вы все знаете. Я не думаю, что вы испугались этих «Черных аистов». Нужно найти наших товарищей прежде, чем это удастся им.

Выставив передовое охранение, группа направилась вслед за ними. Говорят, что нормальный человек может пройти за день километров шестьдесят, не более. За неполные сутки группа уже прошла около семидесяти километров. Семьдесят километров бездорожья в условиях высокогорья – запредельная нагрузка. Сейчас им снова нужно было идти вперед и сколько еще предстояло пройти, никто из них не знал.

* * *

Он шел буквально на автопилоте, плохо соображая, где находится. Перед глазами Крылова покачивался из стороны в сторону вещевой мешок одного из бойцов. Он силился прочитать его фамилию, выведенную химическим карандашом на пришитой бирке, но у него не получалось.

«Похоже, что я уже ничего не соображаю» – подумал он.

Крылов машинально посмотрел на часы, шел пятый час дня. До захода солнца оставалось еще около трех с лишним часов. Он поправил заплечный мешок и снова уперся своим взглядом в зеленый мешок, впереди идущего бойца.

Чтобы как-то отвлечься от дороги, он решил подумать о полковнике Грачеве. Ему было интересно, как он воспримет мое внезапное появление в качестве его спасителя в этом далеком Афганистане.

«Интересно, что будет преобладать на его лице при нашей встрече? – размышлял он. – Страх или радость? Начнет ли он оправдываться перед ним или нет?»

Крылов пытался представить, как он выглядит сейчас. Ведь с последней их встречи прошло около двух лет. Постарел или, наоборот, стал еще холеней?

Впереди идущий боец внезапно остановился, и он, налетев лицом на его заплечный мешок, чуть не упал от неожиданности.

– Что случилось? – поинтересовался он у бойца.

– Разведка возвращается, товарищ старший лейтенант, – тихо ответил он.

Крылов снял с себя мешок и бросил его на землю. Посмотрев по сторонам, он тихо скомандовал:

– Всем привал!

Десантники устало повалились на землю. Ноги гудели, тело ныло, на куртках белыми разводами сверкали кристаллы

соли. К нему подошли два разведчика и, упав от изнеможения около него, стали тихо докладывать, что наткнулись на группу моджахедов, которые, по всей вероятности, преследуют наших летчиков. Словно в подтверждении их слов, где-то недалеко затрещали автоматные очереди.

– Мужики, это – наши. Нужно им помочь! – произнес довольно громко Крылов. – Отдохнем потом!

Где-то впереди них раздался взрыв гранаты и снова послышался сухой треск автоматов. Десантники встали с земли. Группа без всякой команды устремилась вперед. Горное эхо разносило звук выстрелов в разные стороны, и было трудно сориентироваться, где конкретно идет бой. Неожиданно выстрелы стихли и наступила мертвая тишина.

– Вперед, быстрее! – скомандовал Крылов и бойцы, собрав последние силы, побежали.

Где-то слева раздались выстрелы. В этот раз они были редкие и одиночные, судя по звуку, стреляли из пистолета. Свернув налево, они сразу же наткнулись на тлеющие угли костра. У костра лицом вниз лежал убитый летчик. Вокруг головы растекалась большая лужа крови, валялись стрелянные автоматные гильзы. Крылов нагнулся над трупом и достал из нагрудного кармана комбинезона документы, они принадлежали лейтенанту Шкуратову.

– Белоусов! Нужно забрать с собой труп летчика, – произнес Крылов.

– Командир, ты не перегрелся? Как мы его потащим с со-

бой?

Он был прав. Таскать с собой труп они просто не могли.

– Хорошо, оставьте его здесь, заберем на обратном пути. Позови ко мне Петрова.

Когда тот подбежал, он посмотрел на него и скорей прохрипел, чем произнес:

– Теперь ты у нас самый главный. Посмотри по следам, куда они все двинулись.

Петров был родом с Ямала и, судя по его рассказам, практически всю свою жизнь до призыва в армию, провел в тайге, охотясь вместе с отцом на пушного зверя. После призыва в армию он окончил краткосрочные курсы снайперов и был зачислен в наш отряд. Он наклонился над землей и, словно собака, стал внимательно рассматривать прилегающую к костру местность. Вскоре он выпрямился и показал рукой, куда двигаться десантникам.

– Если так пойдем, как шли, то вскоре догоним их, – произнес он. – Их трое, похоже, один из них ранен.

– Белоусов, возьми с собой пять человек, и с Петровым постарайтесь догнать наших летчиков.

Когда группа Белоусова скрылась, они стали осматривать местность. Недалеко от костра, метрах в тридцати, десантники наткнулись на труп моджахеда. Вскоре бойцам удалось найти и раненого мятежника, который, укрывшись за камнями, наблюдал за ними.

– Быстров, поговори с ним. Сколько их и как они обнару-

жили наших летчиков?

Боец нагнулся над моджахедом и стал что-то быстро говорить. Раненый, видимо, плохо понимал его и иногда переспрашивал по нескольку раз. Повернувшись, Быстров стал быстро пересказывать то, что сообщил ему раненый.

– Товарищ командир! Он говорит, что их группа в составе двадцати человек преследовала русских со вчерашнего дня. Сегодня они догнали их здесь. Русские сидели у костра и что-то разогревали на углях. Им удалось застрелить одного русского, но остальные открыли по ним огонь и стали отходить в горы.

Закончив перевод, он посмотрел на Крылова. Он явно ждал его команды, как поступить с захваченным в плен моджахедом.

– Чего смотришь? В расход его – тихо произнес Крылов.

Через минуту послышался сдавленный крик моджахеда. Из-за камня поднялся Быстров и вытер свой нож о халат моджахеда.

* * *

Выполняя команду, группа Белоусова устремилась вперед. Еще час назад нещадно жарившее нас солнце скрылось за высокой горой. Раскаленный воздух неподвижно висел над десантниками. Было душно, чувствовалась высота и нехватка кислорода. До наступления темноты оставалось чуть более часа.

Впереди идущей группы снова вспыхнула перестрелка.

Стреляли где-то совсем близко. Белоусов поднял руку и десантники рассыпались в цепь, стали медленно продвигаться вперед.

Первым моджахедов увидел Лобов. Два боевика, одетые в длинные светлые рубахи, доходящие до колен, медленно двигались в стороне от него. До них было метров двадцать или чуть больше. Похоже, что эти оба моджахеда заходили во фланг обороняющихся летчиков. Лобов нашел взглядом Белоусова и на пальцах показал ему, что видит двух мятежников. Белоусов сделал знак рукой и тем самым разрешил снять этих двоих без шума. Лобов достал свой финский нож из ножен и, закинув автомат за спину, медленно пополз в их сторону. Неожиданно моджахеды замерли на месте, словно услышали шум от подползающего к ним десантника.

«Неужели они услышали его?» – успел подумать Белоусов и, подняв свой автомат на уровень груди мятежников, приготовился открыть по ним огонь.

Однако, выждав секунду-другую, духи снова осторожно двинулись вперед, иногда останавливаясь и прислушиваясь к стрельбе. Идущий первым моджахед, был маленького роста. Он часто останавливался и смотрел по сторонам, он явно чувствовал угрозу для своей жизни. Он был молод, ему от силы было лет семнадцать-восемнадцать, на его лице не было никакой растительности. Он поправил на своей голове пакуль (шапка в виде двух сложенных блинов) и повернулся спиной к десантнику. Это была его роковая ошибка, раз-

ведчик вскочил с земли и своей большой рукой закрыл ему рот. Глаза моджахеда от страха вылезли из орбит и готовы были вывалиться из глазниц. Стальное лезвие ножа без всяких усилий перерезало его горло. Душман дважды дернулся, прежде чем Лобов опустил его ватное тело на землю.

Второй моджахед, услышал шум падающего на землю тела и обернулся на звук, но было уже поздно. Увидев красное от крови лицо Лобова, он в ужасе присел, выронив из рук английскую винтовку БУР. Нож мягко вошел в его шею. Он захрипел и упал к ногам десантника.

– Молодец! – поднял палец Белоусов.

Лейтенант успел выстрелить первым, прежде чем в него выстрелил душман, спрятавшийся за тутовым деревом. Тот схватился за простреляннную грудь и повалился между камней. Он сучил ногами и громко орал что-то на своем языке. Моментально вспыхнула перестрелка.

Десантники лежали за камнями и внимательно прислушивались к перестрелке. Она, то возрастала, то затихала и лишь одиночные винтовочные выстрелы разрывали тишину. Бойцы внимательно смотрели в сторону Крылова, ожидая приказа. Однако он молчал и в бинокль рассматривал расстилающуюся перед ним местность. Наконец из-за пригорка показалась группа Белоусова. Крылов улыбнулся, когда увидел лица своих бойцов. Немного сзади их двигалась летчики, радостно размахивая им руками.

– Товарищ командир! Помогите! – обратился к нему один

из летчиков. – Там наш раненный товарищ и полковник из Главного политического управления армии.

Все вскочили на ноги и бросились к тому месту, на которое им указывал летчик. Крылов быстро подбежал к тому месту, где в каменной расщелине лежал раненный летчик, около которого сидел полковник. Он не сразу узнал в этом человеке Грачева. Он был бледен, руки у него мелко дрожали. Он не сразу понял, кто к нему подошел.

– Товарищ полковник, можете выходить, – произнес Крылов. – Душманы рассеяны. Нужно срочно уходить.

Он осторожно выглянул из-за камней и, поднявшись в полный рост, недоверчиво посмотрел на него.

– Дайте воды! – попросил он у Крылова. – Скажите, куда нужно двигаться?

Подхватив под руки раненного летчика, группа десантников направилась к точке сбора.

* * *

– Где старший группы! – закричал полковник Грачев, не узнавший Крылова. – Пусть срочно доложит обстановку и свяжется с командованием.

Раздвинув спины бойцов, Александр подошел к нему и, приложив руку к своей панаме, представился ему.

– Старший лейтенант Крылов.

– Кто, кто? – переспросил он его.

– Старший лейтенант Крылов, – снова повторил Александр. – Вы плохо слышите?

Грачев внимательно посмотрел на него, еще не осознавая и не признавая в этом черном от солнца лице и худой фигуре знакомого ему лейтенанта Крылова. Наконец до него дошло. От неожиданности он потерял дар речи и испугано посмотрел на него.

– Свяжите меня со штабом армии, черт возьми! – скорей приказал он Крылову, чем попросил. – Может, вам не понятен мой приказ? Старший лейтенант, вы слышите мой приказ?

Крылов посмотрел на него. В нем трудно было узнать Грачева, которого он знал ранее. Двое суток, проведенные в тылу моджахедов, наложили на его лицо определенный отпечаток. Он был суетлив, голос его срывался и он переходил на визг.

– Ты что уставился на меня, старший лейтенант? Или приказ старшего командира для тебя не приказ? Ты забыл, кто перед тобой находится?

– Извините, но не могу, товарищ полковник. У нас строго определенные часы выхода в эфир. Следующий выход лишь через три часа.

– А мне плевать на это. Ты что, меня не понял, старший лейтенант? Я тебе приказываю выйти на связь со штабом армии.

Вокруг них стали собираться десантники, привлеченные криками полковника.

– Еще раз повторяю, товарищ полковник, что выход в

эфир мы можем осуществить только в специально отведенные на это часы – спокойно ответил Крылов.

Он отвернулся от него и отдал команду к сбору. Быстро подобрав оружие убитых моджахедов, группа двинулась дальше, стараясь как можно быстрее уйти из этого района. Рядом с Крыловым шел полковник Грачев, тяжело дыша ему в затылок.

– Слушай, Крылов, нельзя ли сбросить темп. Ты же видишь, что мне тяжело, – произнес полковник. – Что ты мчишься, словно сайгак к водопою. Я сегодня и так целый день бегал и сейчас просто иду на автомате.

Крылов шел, не обращая внимания на его слова. Десантники окончательно вымотались и мечтали об отдыхе. Однако, сейчас их жизнь зависела оттого, как быстро они выйдут из этого района. Наконец, полковник не выдержал темпа. Он схватил Крылова за рукав куртки и демонстративно остановился, а затем повалился на землю.

– Стреляй, Крылов! Дальше идти не могу. У меня больше нет сил.

– А у них, есть? – тихо спросил он полковника, указывая рукой на бойцов, несущих на плащ-палатке труп летчика. – Может, вы думаете, им легко?

Грачев упал на землю и, демонстративно раскинув руки в стороны, наотрез отказался двигаться дальше. Крылову ничего не оставалось делать, как объявить привал. Десантники, прошагавшие уже за эти сутки около восьмидесяти километ-

ров с момента высадки, словно мешки, повалились на землю. Он тоже присел на камень и подозвал к себе Белоусова.

– Андрей, выстави боевое охранение. Пусть люди немного отдохнут. Сейчас темно, и духи вряд ли организуют за нами погоню. Иначе мы просто загубим людей.

Крылов включил фонарик и направил его луч на свои часы. Они показывали начало десятого вечера. Тот, кто бывал в горах, хорошо знает, как быстро там темнеет. Темнота может настичь человека буквально за полчаса.

– На отдых два часа! – произнес Крылов и привалился спиной к большому нагретому солнцем камню.

Белоусов словно растворился в темноте. Он достал из планшетки карту и, накрывшись с головой плащ-палаткой, стал наносить на неё маршрут движения группы. До ближайшей оговоренной в штабе точки, где вертолеты могли бы взять их на борт, было километров пять – шесть.

– Крылов? Ты что, меня не узнал? – спросил полковник Грачев, присев недалеко от него. – Чего молчишь?

– Почему не узнал, товарищ полковник? Узнал, но это ничего не меняет. У меня приказ доставить вас в распоряжение наших войск и не более.

– А если бы не было этого приказа? Что тогда? Ты бы, наверное, даже пальцем не пошевелил, чтобы спасти меня?

– А ничего! Просто бы вы все выходили сами, без нашей помощи. Думаю, что не вышли бы. До наших войск ни много, ни мало – около двухсот километров. Пройти этот путь по

тылам врага нереально.

Крылов замолчал и отвернулся от полковника.

– Сигареты не будет? – спросил у него Грачев. – Ужасно хочу курить.

– Извините, товарищ полковник, но мы в рейде не курим, – коротко ответил Крылов. – Так что вам придется придерживаться общих требований. Кстати, хотел спросить вас, а где ваше табельное оружие?

– Наверное, где-то обронил. Мы здесь тоже не щи хлебали, а воевали, как могли.

– Быстров! – окликнул он бойца, который лежал не так далеко от них. – Передайте трофейный автомат товарищу полковнику.

Грачев моментально отодвинулся в сторону от протянутого ему автомата.

– Зачем он мне, старший лейтенант? Мне не нужен никакой автомат. Ваша задача, вытащить меня из этого пекла. Так что выполняйте поставленную перед вами задачу, а оружие мне не нужно. Вы думаете, я ничего не понимаю? Если мы угодим им в руки, шансы выжить с автоматом в руках – минимален. Насколько я наслышан, они за это отрезают головы и надевают их на шесты. Так что, мне ваш автомат не нужен.

Крылов хорошо понимал, что Грачев начинает его немного провоцировать. Он махнул рукой Быстрову, давая тому понять, что отменяет свой приказ.

– Крылов! У вас есть, что поесть? Я просто умираю с го-

лоду. Накормите меня! – потребовал Грачев. – Что смотрите, я двое суток ничего не ел.

Крылов развязал свой вещевой мешок и достал оттуда банку свиной тушенки, которую протянул полковнику.

– К сожалению, хлеба нет, – произнес он. – Так что ешьте без хлеба, товарищ полковник.

Он взял в руки банку и подкинул ее в воздух.

– Может, нож хоть дашь? – произнес он и посмотрел на него. – Не руками же мне есть.

Крылов протянул ему свой нож. Полковник взял в руки нож и стал внимательно рассматривать его.

– Откуда у вас, советского офицера, этот эсэсовский нож?

– Хороший нож, из хорошей стали. Трофейный, – соврал он.

Грачев попытался вскрыть консервную банку, однако у него ничего не получилось. Порезав руку, он вернул ему нож, а банку со свининой оттолкнул ногой в сторону от себя. Заметив это, Быстров быстро вскрыл банку и передал ее полковнику.

– Мерси, – произнес Грачев и стал быстро доставать из банки крупные куски мяса.

Он быстро опустошил банку, которую швырнул в сторону от себя. Крылов встал с камня и, вырыв ножом небольшую ямку, положил банку и забросал ее землей.

– Если хотите остаться в живых, товарищ полковник, то не нужно оставлять после себя никаких следов.

Грачев посмотрел на него и криво усмехнулся.

* * *

Крылов дремал, прислонившись спиной к камню. Ему снился Витебск, вокзал, он, Катя и Грачев.

– Лейтенант! Вы, почему не приветствуете старшего по званию?

Открыв глаза, он невольно посмотрел на лежавшего недалеко от него Грачева, который тихо посапывал. На его спокойном красивом лице блуждала улыбка, похоже, он улыбался кому-то во сне. Словно почувствовав на себе взгляд, он повернулся на бок и, поджав под себя ноги, словно маленький ребенок, тихо застонал.

«Спит. Наверное, видит во сне Катю, вот и улыбается ей, – злорадно подумал Крылов. – Надо же такому случиться. Если бы кто-то раньше сказал ему о подобной встрече, то он бы никогда не поверил этому человеку».

Перед тем, как снова закрыть глаза, он посмотрел на спящих бойцов. Сейчас земля им казалась мягче любой домашней перины.

«Странно, – подумал Крылов. – Вся страна спит, гуляет, живет. Люди женятся, расходятся, а мы вот сейчас здесь лежим на этой земле, счастливы лишь только тем, что живы».

Закрыв глаза, он подумал об Ольге. Теперь перед его глазами встала Казань. Раскручивая жизнь, как в немом кино, в обратном порядке, он вспомнил школу, своих педагогов и красивую девчонку по имени Оля, проживавшую в соседнем

подъезде. Вот она сидит на лавочке в окружении своих подруг, и внимательно осматривает с ног до головы Катю, которую он привел к себе домой, чтобы познакомить со своей матерью. Ему смешно и как-то неловко от ее взгляда, ведь о том, что она его любит, знает весь наш двор. В какой-то миг она вскакивает с лавочки и стремительно исчезает за дверью. Кто знал, что он будет вспоминать о ней в этом далеком Афганистане и жалеть, что не понял, что от добра добро не ищут.

Он открыл глаза и снова посмотрел на Грачева, который повернулся на спину и захрапел.

«Вот дает, – подумал Крылов. – Можно подумать, что спит у себя дома, в Москве».

В Крылове боролись два чувства: ненависть к этому холеному москвичу и полное безразличие к его дальнейшей судьбе. Глядя на него, он так и не мог понять, какое из этих чувств сильнее. Чтобы оторваться от его лица, он посмотрел на свои наручные часы. Время, отведенное им на привал, закончилось. Он поднялся с земли и, поправив на себе амуницию, закинул за плечо АКС.

– Подъем! – негромко скомандовал он. – Всем приготовиться к маршу!

Десантники словно ждали его приказа. Они быстро вскочили на ноги и стали приводить себя в порядок. На земле попрежнему лежал спящий Грачев.

– Товарищ полковник, поднимайтесь! Нужно двигаться,

пока не рассвело – тронув его за плечо, произнес Крылов.

– А! Что? Зачем вставать? Куда двигаться? – недовольно произнес он. – Скажите старший лейтенант, а сюда нельзя было вызвать вертолеты? Почему я должен тащиться с вами куда-то по тылам боевиков.

Услышав это, десантники удивленно посмотрели на капризы полковника. Насколько он понял, их интересовала его, реакция на эти слова.

– Встаньте, товарищ полковник, – в приказном тоне, произнес Крылов. – Здесь я командую разведгруппой, и у меня приказ – доставить вас живым в расположение наших частей. Я не хочу с вами вступать здесь в различные дискуссии, оставим их на будущее.

– По-моему, вы что-то путаете, лейтенант! – ответил Грачев, специально игнорируя его звание. – Я полковник, работник Главного политического управления армии, а не ваш подчиненный. Прошу этого впредь не забывать! Я не потерплю ваших нотаций и замечаний. Вы поняли меня?

Крылов промолчал, ему не хотелось вступать с ним в полемику на глазах своих подчиненных. Как показалось ему, полковник тоже это понял и поднялся с земли.

– Группа, вперед! – скомандовал Крылов, и десантники, вытянувшись в цепочку, двинулись вслед за ним.

* * *

Крылов посмотрел на бойцов, которые несли на плащ-палатке тело убитого летчика. Труп за ночь «разнесло» и из

его ран стала сочиться сукровица, а вокруг пополз тяжелый трупный запах.

Он остановил отряд и приказал захоронить тело летчика. Бойцы вырыли небольшое углубление в каменистом грунте и положили в него труп. Обложив труп камнями, чтобы тело не растащили звери и стервятники, группа снова двинулась дальше.

Рассвет застал их около небольшого кишлака Кобай, который примостился на склоне горы. Дорога, по которой они двигались, проходила через этот кишлак. Они залегли на склоне горы и стали вести наблюдение. Рядом с ним снова оказался Грачев. Он лежал на земле и что-то рассматривал в бездонном небе Афганистана.

– Лейтенант! Ты слышишь меня? Когда ты сюда выдвигался, ты знал, кого ты должен был вытащить? – спросил он Крылова. – Почему ты не отказался? Это было бы честно. Сказал бы, что не можешь выполнить этот приказ по личным соображениям. Рассказал бы, что я увел у тебя жену, разрушил твою семью и вообще, я – не человек, а сволочь.

– Для меня приказ командира – выше личных переживаний. А вы бы пошли спасать меня, полковник?

– Нет. Хотя приказ для меня тоже приказ, но я бы специально не нашел бы тебя в этих горах. Ведь никто и никогда не проверит и не докажет, что я специально тебя не нашел.

– Что ж, спасибо за искренность. Я всегда знал, что личное благополучие для вас намного выше других интересов.

Вам партбилет грудь не жжет?

Он усмехнулся и промолчал, хотя было видно невооруженным взглядом, что он кое-как сдержал себя. Крылов сделал вид, что не заметил этого, его немого вопроса и продолжил вести наблюдение за кишлаком. Через минуту он сделал знак Белоусову и, когда тот подполз к нему, приказал выслать в кишлак разведку. У них заканчивалась питьевая вода, и нужно было срочно пополнить запасы.

– Командир, можно мне с ними? – спросил его Белоусов. – Мы быстро туда и обратно.

Он посмотрел на лейтенанта. Ему явно не хватало адреналина, и поэтому он обратился к нему с этим вопросом.

– Хорошо. Я не против этого, можешь идти – произнес он. – Запомни, Андрей, в бой не вступать. Понял?

– Есть, командир, не вступать в бой – произнес он с излишней бравадой и посмотрел на полковника Грачева, словно ожидая от него каких-то напутствий.

Однако Грачев промолчал, все так же продолжая лежать и отрешенно рассматривать небо.

Крылов отложил в сторону бинокль и знаком руки подозвал к себе радиста.

– Ибрагимов, свяжись с базой. Доложи им, что задание группа выполнила.

– Есть, товарищ командир.

Он отполз к камням и, развернув рацию, начал вызывать базу. Наконец ему удалось связаться с базой и он, сделав знак

рукой, протянул ему наушники и микрофон.

– База, я третий. Задание выполнил. Как слышишь, груз с нами.

В наушниках что-то шумело и трещало. Слова, словно наталкиваясь на этот шум, тонули в нем. Наконец, из наушников раздался четкий голос командира полка.

– Третий, я седьмой. Молодец. Груз в первую машину.

– Все понял, седьмой. Груз в первую машину.

Крылов протянул наушники радисту и посмотрел на Грачева. Тот впервые за все это время с интересом смотрел на Крылова.

* * *

Кишлак тонул в мертвой тишине. Из него не доносилось ни одного постороннего звука, который бы свидетельствовал об активной жизни этого населенного пункта.

Приложив к глазам бинокль, Крылов снова стал изучать подступы к кишлаку. Вскоре Александр увидел Белоусова с группой десантников, они, перебегая от дома к дому, медленно втягивались на территорию кишлака. За полчаса его наблюдений он не увидел в кишлаке ни одного жителя.

«Неужели кишлак заброшен? – подумал Крылов. – Не может этого быть!»

Из кишлака донеслось сдавленное пение петуха, как будто чья та рука успела схватить петуха за горло во время его пения. Он снова приложил бинокль к глазам. Видимость была не очень хорошей, так как по земле пополз плотный утрен-

ний туман.

«Этого еще не хватало, – снова подумал он. – А может, это все к лучшему. За пеленой тумана будет проще войти в кишлак и пополнить запасы воды».

Над кишлаком по-прежнему висела утренняя тишина. О том, что кишлак уже более суток занят моджахедами, которые организовали настоящую охоту на бойцов, никто из них даже не предполагал. Люди Муллы Маланга уже вторые сутки рыскали по близлежащим кишлакам, разыскивая их и летчиков, и сейчас, сморенные усталостью, отдыхали в кишлаке.

Бой вспыхнул внезапно. Крылов увидел несколько вспышек и за спинами наших бойцов, словно утренние цветы, расцвели взрывы. Он жестом поднял бойцов и они медленно, шаг за шагом, стали входить в кишлак, стараясь оказать огневую поддержку группе Белоусова. Скрываясь в тумане, группа Крылова ворвалась в один из домов. Дом был довольно большим, но абсолютно пустым. Они быстро разошлись по комнатам и заняли круговую оборону. Высокий забор, выложенный из глины, полностью закрывал обзор. Группа Белоусова засела в соседнем доме и оттуда вела огонь по моджахедам, которые пытались обойти его группу с фланга. Заметив за забором моджахедов, которые сгруппировались у входа во двор и готовились нанести удар по группе Белоусова, Крылов громко закричал:

– Без команды не стрелять! Ждать команды!

После секундной заминки лавина моджахедов, с черными от загара, потными, заросшими лицами и сверкающими глазами и зубами, с криками «Аллах Акбар» вывалилась из-за забора на небольшой двор. Огонь нашего десятка автоматов и трех ручных пулеметов был просто страшен. В этой кровавой мясорубке невозможно было прицелиться и бойцы просто водили автоматами по беснующемуся в двух десятках метрах от нас людскому месиву. Вскоре весь двор покрылся ранеными и убитыми душманами. Один из раненых духов пытался доползти до забора, но перебитые пулеметной очередью ноги не позволяли ему это сделать. Поняв, что не может отползти в сторону, он закричал от отчаяния. Ему попытался помочь какой-то дух, который выскочил из-за забора и, схватив его за подмышки, поволок к забору. Чья-то короткая автоматная очередь пресекла его попытку. Он упал около своего товарища и тоже отчаянно закричал, призывая других душманов помочь им.

Они снова хлынули, как вода, из-за забора, но моментально скрылись, оставив во дворе еще с десяток раненых и убитых. Отбив атаку, Крылов сел на земляной пол, кишащий земляными блохами, и стал набивать пустые магазины автомата патронами.

– Нужно беречь боеприпасы! – громко крикнул он.

Сколько еще продлится этот бой, никто из них не знал. Набив автоматные магазины, он приподнялся с пола и, сделав небольшой кувырок через голову, передвинулся в сторо-

ну двери. Прижавшись к глиняной стене, Крылов выглянул во двор, по которому ручьями текла алая кровь.

– Андрей, как вы там? – крикнул он Белоусову. – Потери есть?

– Ничего, держимся. У меня один «трехсотый» и двое «двухсотых». Как у вас?

– Пока ничего. Но здесь задерживаться нам нельзя, командир. Сейчас они подтянут минометы и просто уничтожат нас. Будем прорываться по моей команде.

– Как быть с двухсотыми? – спросил он Крылова.

– Придется оставить. Другого выхода нет!

Крылов повернулся к бойцам, которые находились с ним в этом доме.

– Мужики, нужно прорываться! – произнес он. – Приготовить гранаты.

– Вы как хотите, но я не пойду! – тихо произнес Грачев. – Я не самоубийца, чтобы вот так просто бросаться под огонь.

– Дело ваше, товарищ полковник. Я вас силой тащить не буду. Могу сказать лишь одно: если они захватят вас, то вам точно отрежут голову и насадят ее на самый высокий кол этого кишлака.

– Вы не можете оставить меня здесь одного! – раздраженно произнес полковник. – У вас приказ – вывести меня к нашим позициям.

– Я еще раз вам говорю, товарищ полковник. Я не собираюсь вас тащить верхом на себе. Хотите – идите, не хотите –

можете остаться здесь. Кстати, почему вы, товарищ полковник, без оружия?

– Я же вам уже говорил, что потерял свой пистолет. Что вы пристали ко мне с этим оружием?

– Вот, возьмите – произнес Крылов и протянул ему автомат, который взял у Быстрова.

Полковник осторожно взял в руки автомат и вопросительно посмотрел на него.

– Мужики! Прорываемся на счет три – крикнул Крылов.

Передернув затвор автомата, он стал громко считать.

* * *

Громко выкрикнув цифру три, Крылов первым выскочил из дома и швырнул гранату в сторону дома, в котором засели моджахеды. Граната угодила в пустое окно дома и громко там взорвалась, обдав его пылью. Крыша дома немного поднялась и, сложившись пополам, рухнула внутрь дома. Вслед за ним, стреляя в разные стороны и швыряя гранаты, выскочили остальные десантники. Раздался взрыв чей-то не удачно брошенной гранаты. Комья земли и клубы дыма на миг окутали небольшой двор, в котором оказались они. Душманы, видимо, были готовы к подобному развитию событий. Теперь уже они расстреливали их в этом небольшом и тесном дворе. Оставив на земле двух убитых и подхватив под руки двух раненных товарищей, бойцы вынуждены были вернуться назад в дом. Попытка прорыва оказалась неудачной.

Духи открыли беглый огонь по дому, не давая им возможности перемещаться. Загорелся дом, в котором скрывалась группа Белоусова. Развороченная взрывом гранатомета крыша обвалилась внутрь дома, ранив еще одного из наших бойцов. Гранатометы мятежников разваливали глиняные стены домов и дувалы, которые служили бойцам укрытием. Они хорошо знали, что их не так много, и поэтому после каждого выстрела из гранатомета громко кричали нам:

– Русские, сдавайтесь! Аллах Акбар!

Под ливнем пуль в дом буквально влетел Белоусов и упал на пол рядом с Крыловым. Лицо его было черным от копоти.

– Командир, нужно срочно прорываться, а иначе они нас здесь всех положат! – закричал он Александру в ухо.

– Не ори, я и так все знаю! Нужно прорываться в разные стороны. Вы будете прорываться на юг, а мы – на север. Встретимся вот в этой точке – произнес Крылов и показал ему на карте место сбора. – Позови ко мне радиста.

Радист оказался в соседней от него комнате. Он выскочил оттуда и упал около Александра. Несколько пуль с характерным чмоканьем впились в глиняную стену над их головами.

– Свяжи меня с базой! – приказал Крылов ему.

– А как же время, товарищ командир? – возразил он. – До нашего выхода еще три часа.

– Да не проживем мы эти три часа здесь! – закричал он на радиста. – Выполняй приказ!

Связист повалился на пол, медленно отполз от него сто-

рону и, развернув радиостанцию, начал вызывать базу.

«Чмок! Чмок!» – раздалось в нескольких сантиметрах над головой Крылова. За ворот посыпались мелкие кусочки глины. Холодный пот покрыл его спину.

«Видно, еще не мои пули, – подумал он и невольно вспомнил слова покойного отца. – Бомба, которую видишь – это не твоя бомба. Свою бомбу ты никогда не заметишь».

Крылов дал длинную очередь из автомата в душмана, который хотел перебежать двор. Он упал, словно споткнувшись об что-то, и дико заорал. По всей вероятности, он перебил ему обе ноги.

– Командир! База на связи! – крикнул Крылову радист.

Он схватил наушники и приложил их к уху. В ушах раздался привычный треск эфира. Крылов прислонился к стене и, закрыв одно ухо рукой, стал вслушиваться в шум эфира. Раздался сильный взрыв. Стена, за которой он еще минуту назад прятался от пуль, осела и в ней образовалась достаточно большая дыра. Его прижало взрывной волной к стене, а в сантиметрах пяти от его головы врезался большой стальной осколок. Все в доме исчезло в облаке пыли и дыма. Он невольно мысленно перекрестился и, схватив грязными руками наушники, закричал в микрофон:

– Седьмой, седьмой я третий. Веду бой в кишлаке Кобай. Имеются «двухсотые» и «трехсотые». Как слышишь? Да, да, кишлак Кобай. Веду бой в окружении, прощу огневой поддержки.

Что ответила ему база, он уже не слышал, так как моджахеды снова попытались выбить их из занятых ими домов. Быстров, стрелявший рядом с ним, был убит. Пуля попала ему в голову, вырвав сзади половину черепа. Он коротко ойкнул и упал лицом вниз, вытянув вперед свои большие и сильные руки. Десантники забросали нападавших душманов гранатами и заставили их снова отойти назад.

Внезапно над кишлаком повисла тишина. Было тихо так, что хорошо слышался треск горевшего рядом дома. Крылов поискал глазами Грачева. Тот лежал в стороне от него, прижавшись всем телом к толстой глиняной стене. Его некогда прекрасно скроенный китель с красивой колодкой орденов и медалей сейчас представлял собой жалкое зрелище и больше походил на какой-то клоунский наряд, так как был весь засыпан серой пылью. Его автомат лежал в стороне, а он, прикрыв голову руками, мелко вздрагивал.

– Всем приготовиться к прорыву! – закричал Крылов охрипшим голосом. – Мешки и все тяжелое оставить здесь!

– Я не пойду! – повернувшись к нему лицом, снова закричал Грачев. – То, что ты предпринимаешь – самоубийство! Я не хочу умирать! Я хочу жить! Пусть в плену, пусть рабом где-нибудь, но жить! Ты не имеешь никакого права отбирать у меня мою жизнь!

– Каримов! – подозвал Крылов к себе бойца. – Отвечаете за полковника. Если он откажется идти с нами, можешь прямо здесь застрелить его. Приказ ясен?

Тот кивнул ему головой и сел на пол напротив полковника Грачева.

– Если я останусь живым, ты, Крылов, за эти слова ответишь. Я найду возможности согнуть тебя в бараний рог.

– Хорошо, полковник, если мы останемся с вами, живы, – ответил Крылов. – А сейчас, всем приготовиться к прорыву!

Крылов достал консервную банку из лежащего у его ног вещевого мешка, вскрыл ее и свиным салом смазал свой автомат, который заклинило после стрельбы. Проверив автомат и убедившись в его исправности, он передернул затвор и вогнал патрон в патронник.

* * *

Стрельба стихла. Было слышно, как в соседнем доме догорает, потрескивая, крыша. Десантники, затаив дыхание, стали вслушиваться в эту тишину. Где-то вдалеке послышался звук работающих винтов. Звук с каждой секундой становился все сильнее и сильнее.

Крылов снова начал громкий отсчет. Вдруг из-за домов появились два вертолета МИ-24. Сделав боевой разворот, машины устремились в атаку. Они расстреливали из пушек и пулеметов, метавшихся по кишлаку моджахедов, не нанося ракетных ударов по домам, так как боялись зацепить своих.

Когда вертолетчики сделали свой очередной заход, Крылов дал команду. Десантники выскочили из дома и, расстреливая обезумевших от страха мятежников, устремились в небольшую рощу, которая начиналась прямо за кишлаком.

Когда они оказались среди тутовых деревьев, Крылов остановился и посмотрел на свой сведенный судорогой палец, который продолжал по-прежнему давить на спусковой крючок автомата, в магазине которого уже давно не было патронов. Вскоре к нам присоединилась группа Белоусова из трех человек, считая его. Построив оставшихся десантников, Крылов прошел вдоль строя, подсчитывая про себя потери. Группа потеряла в этом бою шестерых своих товарищей, четверо бойцов оказались ранены, двое из них – тяжело. Летчикам и Грачеву повезло, все они были целы и невредимы.

– Белоусов, изготовьте носилки для раненых бойцов. А сейчас, выставьте боевое охранение! – скомандовал он. – Люди должны немного отдохнуть.

– Может, пойдем, командир? Вдруг они устроят на нас охоту? – предложил лейтенант.

– Едва ли, им сейчас не до нас. Им нужно похоронить своих убитых до захода солнца.

Пока бойцы готовили носилки, Крылов и Белоусов стали подсчитывать то, чем располагали на текущий момент. Запас у них был минимальным: пять банок тушенки и три фляги с питьевой водой.

– Да, не густо, командир, – тихо произнес Белоусов. – Есть нечего, да и пить – тоже.

Недалеко от них на земле лежал Грачев и внимательно наблюдал за ними. Заметив банки с тушенкой, он встал с земли и попытался взять одну из них для себя.

– Положите банку на место, товарищ полковник! – попросил его Крылов. – Это все наши запасы, больше ничего нет. Вода и консервы только для раненых бойцов.

– Я есть хочу! – требовательно произнес Грачев. – Понимаешь, лейтенант, я есть хочу! У меня от голода нет сил, и я не могу нормально передвигаться.

Крылов промолчал. Сейчас для него было главным вывести людей из этого кольца. В том, что они блокированы со всех сторон, он уже не сомневался. Полковник Грачев продолжал смотреть на него, по-прежнему, держа в своих руках банку с тушенкой. Он, по всей вероятности, еще надеялся на то, что Крылов разрешит съесть содержимое банки одному. Но тот молчал и это молчание, похоже, стало его раздражать.

– Лейтенант! Ты для чего сюда направлен, чтобы спасти меня от смерти. Я правильно понимаю эту ситуацию? Так вот и спасай. А, может, ты хочешь, чтобы я подох здесь с голоду? Не нужно слов, лейтенант, я и так все отлично понимаю, что я нахожусь в твоих руках и что ты сейчас здесь – командир. Но это все временное явление. Я ничего и никогда не забываю.

– Я тоже, – коротко ответил ему Крылов. – Положите консервы на место, товарищ полковник, и больше к продуктам не прикасайтесь.

Крылов отошел в сторону и подошел к раненому в руку Каримову.

– Ну, как дела, Ильяс? Я надеюсь на тебя, Каримов.

– Все хорошо, командир. Я не подведу вас.

К ним подошел Белоусов. Взяв Крылова под локоть, он отвел его в сторону.

– Командир! Что у тебя с этим полковником? Я еще тогда заметил, когда мы только встретили их, что он неровно дышит к тебе? Что-то личное?

Крылов посмотрел на него. Скрывать свои отношения с полковником он не стал.

– Понимаешь, Андрей. Я тебе перед выходом говорил, что я давно знаю его, еще по Витебску. Мы служили с ним в одном подразделении. Этот человек разрушил мою семью и увел мою жену. Так что, сейчас здесь все: и личное, и не личное.

Белоусов невольно присвистнул и удивленно посмотрел на Крылова. Сейчас ему стало ясно, что лежит в их с Грачевым взаимоотношениях.

– Надо же, как судьба играет с человеком, – задумчиво произнес он. – А я -то думал, что ты тогда просто пошутил.

– Какие шутки. После того, как они с женой уехали в Москву, я думал, что я больше никогда не услышу ничего об этом человеке, а вот судьба распорядилась совершенно по-другому. Сейчас я должен жертвовать своими товарищами, чтобы спасти жизнь этому человеку.

Они замолчали, каждый думая о чем-то своем. Крылов первый прервал молчание.

– Поднимай людей, Андрей. Начинаем движение. Нам

нужно до темноты выйти в заданный район, где нас подберут вертолеты. А за Грачевым установи наблюдение. Я не доверяю ему. Он во время боя даже не взял в руки автомат. Я не знаю, что у него на уме, но глаз с него не спускай.

– Все понял, командир, – произнес Белоусов и стал поднимать уставших и раненых людей с земли.

* * *

Погрузив раненых на носилки, группа медленно двинулись на восток. Не успели десантники пройти и двух километров, как сзади них послышался рев автомобильных двигателей.

– Похоже, это за нами! – произнес Крылов. – Петренко, Вдовин, возьмите пулемет и постарайтесь задержать моджахедов, иначе нам не уйти от них.

Бойцы вышли из строя и как-то отрешенно посмотрели на него. Они великолепно понимали, что должны умереть вот здесь, в этом зеленом тутовом лесу, чтобы спасти своих товарищей. Ему было жаль их, но другого выхода из этой ситуации у него не было. Принимать бой на открытой местности, когда половина личного состава была изранена, было для них всех подобно самоубийству.

– Вдовин! Мы вас будем ждать в трех километрах к северу от этого места, – произнес Крылов. – Запомните, ждать будем до двадцати двух часов. Ваша задача – сжечь у них машины. Без машин им нас не догнать. Задача ясна?

– Так точно, товарищ командир, – ответил Вдовин. – Вы

не переживайте, все будет сделано, как надо. Пока мы живы, они не пройдут.

– Я верю вам, – ответил Крылов и крепко их обнял.

Повернувшись, он побежал догонять своих бойцов, которые с трудом уходили от погони.

Вдали в клубах пыли показались три джипа, битком набитые душманами. Впереди двигался джип с установленным на турели крупнокалиберным пулеметом. Вдовин взвел свой пулемет и направил его на головную машину.

– Володя, возьми на прицел вторую машину. Первая машина – моя, – выкрикнул Петренко, прицеливаясь в него из одноразового гранатомета «Мухи».

– Все понял, вторая машина моя, – произнес Вдовин, поворачивая чуть в сторону свой пулемет.

Когда до машин осталось метров сорок, Петренко нажал на спуск. Граната, вырвавшись из жерла гранатомета, устремилась навстречу первому джипу. Машина словно наскочила на какую-то невидимую преграду. Она взлетела метра на три в воздух, прежде, чем раздался звук взрыва. Автомобиль, словно хороший циркач, несколько раз перевернулся в воздухе и упал на колеса. В ту же секунду он скрылся в охватившем его пламени.

– А! А! А! – закричал кто-то из раненных мятежников. – Алла!

В ту же секунду огненная пулеметная трасса ударила в лобовое стекло второго джипа. Машина, потеряв управление,

врезалась в дерево. Из салона машины стали вываливаться раненные моджахеды, которых, словно коса, скашивали пулеметные очереди. Третий джип попытался развернуться и выйти из зоны обстрела, но, наехав одним из колес на большой камень, завалился на бок. В этот же миг пулеметная очередь вспорола брюхо машины. Раздался еле слышный хлопок, и машина моментально вспыхнула. В воздухе повисла тишина, изредка прерываемая треском рвущихся в огне патронов.

– Володя, ты куда? – крикнул ему Петренко. – Не ходи! Что там можно найти в этом пламени!

– Я сейчас, только посмотрю, что у них в машинах. Может, есть, что пожрать и попить. А ты меня подстрахуй на всякий случай.

Он взял в руки пулемет и осторожно направился к разбитым машинам. Неожиданно он остановился, словно наткнувшись на что-то. Раздалась одна, затем – вторая короткая очередь. Это Вдовин выстрелами из пулемета добивал раненых моджахедов, которые валялись около машин. Он медленно обошел две горящие машины. Недалеко от джипа он подобрал мешок, в котором было несколько лепешек. Сняв с убитых духов несколько наполненных водой фляг, он направился обратно в сторону Петренко, который внимательно следил за ним.

– Вот и есть, что пожрать! – радостно произнес Вдовин и поднял над головой мешок и фляги. Здесь на всех хватит…

Он не успел закончить фразу, как раздался одиночный винтовочный выстрел. Пуля пробила Вдовину грудь и застряла в толстом тутовом дереве. Ноги Володи согнулись в коленях и он, падая на землю, выронил из рук мешок. Лепешки, словно почувствовав свободу, вывалились из мешка и покатились в разные стороны.

Петренко нажал на курок, и стрелявший во Вдовина боевик уткнулся лицом в сухую и горячую землю. Он бросился к Вдовину и приподнял его голову. В груди Вдовина что-то булькало, а изо рта один за другим появлялись большие кровавые пузыри. Он что-то хотел сказать, но вырвался лишь хрип. Голова его безжизненно упала на грудь, и он закрыл глаза.

* * *

Петренко забрал документы погибшего, его пулемет и направился в сторону ушедший в горы группы. Смерть друга просто потрясла его. Неожиданно где-то впереди послышались голоса.

«Кто это? – подумал он. – Наши или враги?»

Петренко укрылся за камнем и осторожно приподнял голову. В метрах тридцати от него, около небольшого костра, сидело человек шесть моджахедов. Они о чем-то разговаривали, бросая взгляды в горы, куда ушла их группа. Один из мятежников что-то сказал товарищу, молодому и красивому парню. Тот встал с земли и, отойдя в сторону от костра, начал разворачивать радиостанцию. Настроив рацию, он начал

что-то кричать в микрофон. Наконец, он передал микрофон и наушники одному из моджахедов, который, по всей вероятности, был у них старшим. Петренко установил пулемет и передернул затвор. Поймав в прицеле главного душмана, он на миг затаил дыхание.

Командир моджахедов взял в руки микрофон, одел наушники и начал что-то быстро докладывать. Пулемет Петренко, словно на радости, выплюнул из себя огненную трассу, которая, словно палка, уперлась в грудь моджахеда, оставляя на его лохматой и темной груди большие кровавые пятна. Душман выронил из рук микрофон и схватился за простеленную грудь. Пули ударили в рацию, кроша все, что находилось в этой коробке. Сидевшие вокруг костра мятежники словно окаменели от неожиданности. Пока они приходили в себя, огненная струя, словно коса, повалила их всех на камни.

Затвор пулемета сухо щелкнул. Петренко передернул затвор, но снова услышал сухой щелчок. Двое или трое моджахедов, укрывшись за камнями, открыли по нему огонь, стараясь прижать его к земле, а затем захватить в плен. Он достал из подсумка две последние гранаты и швырнул их в боевиков. Когда стихло эхо взрывов, он медленно поднялся из камней и направился к угасающему костру.

– Это вам за Володьку, – произнес он.

Недалеко от костра лежал раненый моджахед и со страхом смотрел на Петренко. Заметив, что десантник поднял с земли автомат и направил его на него, он закричал каким-то

диким и страшным криком.

– Не ори, козел бородатый! Накрылись ваши духи медным тазом. Это вам за Володьку, – снова произнес он и выстрелил в моджахеда.

Осмотрев убитых, он стащил их всех в кучу и сунул между телами несколько гранат, обнаруженных им у убитых мятежников. Прихватив с собой пару пулеметных лент и кое-что из провианта, он направился дальше в горы.

Группа старалась идти, как можно быстрее, но вскоре все выдохлись. Раненные товарищи сковывали движение и не давали им возможности прилично оторваться от висевшего на пятках врага. Неожиданно у них за спиной вспыхнул бой. Раздалось несколько взрывов гранат, и вновь наступила мертвая тишина.

– Командир, что это? – тихо спросил подошедший к нему Белоусов. – Это ж рядом с нами?

Крылов пожал плечами.

– Привал! Белоусов, накорми и напои раненых, – приказал он ему. – Выставь боевое охранение.

Он посмотрел на него каким-то непонятным взглядом.

– Не смотри на меня так, Андрей. Здоровые могут потерпеть. Береги воду и провиант для раненных товарищей.

Лейтенант отошел от Александра и направился исполнять команду. Неожиданно в стороне от Крылова раздались веселые возгласы. Он повернулся и увидел Петренко, который обнимался с кем-то из бойцов. Заметив его, он положил пу-

лемет Вдовина на камни и направился к нему.

– Товарищ командир, ваш приказ выполнен. Нами была уничтожена группа разведки душманов численностью в шестнадцать человек. В бою погиб Вдовин Володя.

Последние слова дались ему с большим трудом. Он отвернулся от Крылова, чтобы он не заметил слез на его глазах.

– Ничего, крепись, Петренко. Мы отомстим им за смерть Вдовина – произнес Крылов.

– Я уже отомстил. Мной уничтожен вражеский дозор, численностью в шесть человек.

– Так это, значит, ты вел бой? – спросил Александр его.

– Так точно, – ответил он. – Они были в двух километрах от вас, и мне ничего не оставалось, как уничтожить их.

– Молодец! А сейчас иди, отдыхай, – ответил ему Крылов и посмотрел на часы – до темноты оставалось чуть больше полутора часов.

* * *

Внимание Крылова привлек шум. Поправив автомат, он направился туда.

– В чем дело? – спросил Крылов у Белоусова.

– Товарищ командир! Полковник Грачев требует, чтобы я ему выделил воду и продукты. Вы приказали накормить лишь раненых бойцов – доложил ему лейтенант.

Он подошел к Грачеву. Глаза его пылали негодованием, делая безобразным его красивое лицо.

– На каком основании вы лишаете меня воды и пита-

ния, старший лейтенант? Может, вам напомнить, кто я? Я – полковник, представитель Главного политуправления Советской армии.

– Не нужно шуметь, товарищ полковник. Я и так хорошо знаю, кто вы. Вспомните, именно вы учили нас, как нужно поступать в трудных жизненных ситуациях. Разве не вы говорили: сам погибай, а товарища выручай? Может, вы забыли об этом? Разве не вы рассказывали нам о героях, которые ценой своей жизни спасали людей? Что произошло, что вы все это забыли, товарищ полковник? Почему вы отказываетесь брать в руки оружие и защищать своих товарищей, а сейчас вы вдруг приравняли себя к раненым в бою десантникам и требуете к себе какого-то особенного отношения?

– Вы забыли, с кем разговариваете, – переходя на фальцет, закричал он. Я – полковник, старше вас по званию и должности.

Крылов усмехнулся и оторвал его руку от своей куртки.

– Здесь командую я, не забывайте об этом, полковник. Вот когда мы выйдем в расположение наших войск, вы тогда снова станете полковником, а я – старшим лейтенантом. А сейчас прекратите весь этот никому не нужный базар. Мне стыдно за вас, полковник. Распустились, словно баба!

Крылов развернулся и направился в противоположную от него сторону. Его всего трясло от негодования. Эта личная неприязнь к избалованному жизнью человеку обострилась в нем до критического предела и готова была вырваться на-

ружу. Чтобы как-то погасить возникшую у него агрессию к Грачеву, он громко выкрикнул:

– Всем подъем! Боевое охранение – вперед! Начинаем движение!

Люди устало поднялись с земли и медленно направились по извилистой тропе, уходящей в горы. Нужно было что-то предпринимать, так как передвигаться по горам с ранеными солдатами было опасно и сложно. Крылов окликнул шедшего впереди его радиста и приказал ему выйти в эфир. Они отстали с ним от основной группы и, устроившись среди камней, стали ждать ответа базы. Время шло, а база почему-то молчала. Наконец, до него долетел знакомый голос девушки – оператора.

– Третий, третий, я седьмой, как слышите меня?

– Слышу хорошо. Срочно пришлите транспорт для эвакуации. У меня восемь «трехсотых». Нужно две вертушки. Как поняли, база?

– Поняла, ждите в указанной точке. Машины прибудут ровно в оговоренное время.

– Давай, сворачивай радиостанцию. Срочно уходим, – скомандовал Крылов.

Они быстро свернули радиостанцию и чуть ли не бегом устремились вслед за ушедшей вперед группой. К назначенному времени они вышли на исходную точку и стали ждать, когда за нами прилетят вертушки. Минут через десять к нему подошел сержант Назаров. Он вел под руки бойца, по-

лучившего тепловой удар. Солдат шел тяжело, еле волоча ноги. Увидев нашу группу, они несказанно обрадовались этой встрече.

Где-то вдали послышался шум, напоминающий шум работающего двигателя вертолета. Звук все нарастал и нарастал. Вскоре они заметили сигнальные огни двух вертушек.

– Приготовиться всем! – произнес громко Крылов. – Сначала грузим раненных и летчиков. Во вторую машину грузимся сами. Всем понятно?

Первый вертолет завис над площадкой, а затем плавно опустился на землю, прижав клочки высокой травы работающими винтами. Когда дверь вертолета открылась, бойцы подхватили раненых, чуть ли не бегом бросились к нему. Первыми мы погрузили тяжелораненых бойцов, затем раненых, трех оставшихся в живых летчиков. Неожиданно, расталкивая всех руками, к машине бросился Грачев. Он стал стучать в борт машины и кричать, чтобы его взяли с собой летчики. Дверь вертолета открылась, и в дверях показался второй пилот.

– Что случилось? – стараясь перекричать шум винтов, спросил пилот.

– Меня возьмите! Вы слышите, возьмите меня! – закричал Грачев.

– Извините, товарищ полковник, но взять вас на борт мы не можем. Машина загружена полностью. Сейчас сядет второй борт, он вас и заберет.

– Есть приказ командующего армии. Я должен лететь этим бортом, вы поняли меня?

– Ничего не могу сделать. Места в машине нет.

Крылов подскочил к полковнику и стал буквально отдирать его от двери машины. Однако, Грачев крепко уцепился и не хотел разжимать свои руки. Наконец ему удалось оторвать его от двери, и они упали на землю.

– А как же я? – закричал ему в ухо Грачев. – Посадите меня в машину! Посадите…

Крылов оттолкнул его в сторону.

– Вы что, полковник, не слышали, что сказал летчик? Машина и так перегружена и может не взлететь. Сейчас сядет второй вертолет, и мы все погрузимся в него.

Штурман вертолета захлопнул дверь машины. Взревев двигателем, МИ-8 оторвался от земли и, набрав высоту, исчез в темном небе.

* * *

Вслед за первой машиной на свободную площадку стал медленно садиться второй борт. Вертолет уже коснулся земли. Пилот открыл дверь вертолета и махнул рукой, давая добро на посадку десантников. Неожиданно из темноты ночи по машине ударил крупнокалиберный пулемет. Пули насквозь прошили борт вертолета, убив при этом открывшего дверь пилота. Половина его тела оказалась внутри машины, а вторая безжизненно повисла в воздухе, зацепившись за что-то в кабине. Вслед за пулеметом, по машине ударили

два гранатомета. То ли ночь помешала мятежникам лучше прицелиться, то ли вертолет раскачивался довольно сильно, но две гранаты пролетели мимо машины и, ударив в камни, в сорока метрах от вертолета, взорвались, осыпав десантников комьями земли и градом мелких камней. Ми-8, взревев двигателем, оторвался от земли и начал стремительно набирать высоту.

– Куда!? – истошно закричал Грачев, протянув руки к небу. – Как же я? Возьмите меня с собой!

Через минуту машина исчезла в темном небе. Полковник упал на землю и зарыдал. Он стучал кулаками по земле, а плечи, тряслись от рыданий. Десантники, словно зачарованные, смотрели в черное небо, где исчезала их последняя надежда на спасение.

– Все, уходим! – закричал Крылов, и они стремительно стали уходить вниз с вершины высотки, на которой находились в ожидании вертолета.

Они бежали, не обращая внимания на камни и рытвины. Вслед им несся поток пуль, но они уже находились в мертвой зоне, недоступной, ни пулям, ни гранатам. Когда десантники оказались внизу, Крылов собирал своих бойцов.

– Где полковник Грачев? Кто его видел?

Все молчали.

– А вон и он идет, – произнес кто-то из десантников.

В их сторону шел Грачев. Он шатался из стороны в сторону, словно пьяный. Он схватил Крылова за грудки и, под-

тянув к себе, закричал ему прямо в лицо, обдавая брызгами слюны:

– Почему вы не дали мне сесть в первую машину? Почему ты посадил в нее двух летчиков, но не посадили меня? Ты просто решил поиздеваться надо мной! Ты нарушил приказ, а за это – придется отвечать, Крылов!

Александр оторвал от себя его цепкие руки и посмотрел на него.

– Возьмите себя в руки, полковник! Не будьте бабой, в конце концов! Кто мог знать, что они обстреляют вторую машину?

Оттолкнув его от себя, Крылов приказал группе построиться. Строй оказался как никогда коротким. В строю стояло лишь восемь бойцов. Он снова посмотрел на Грачева, который стоял в стороне.

– Встаньте в строй, полковник – тихо приказал он. – Может, вы хотите пробиваться один?

Полковник промолчал, но в строй встал. Крылову не хотелось спорить с этим человеком на глазах своих подчиненных. Полковник, он и в Афганистане – полковник. Однако Грачев, похоже, не намерен был отступать. Он снова схватил его за рукав комбинезона.

– А, знаю, знаю, почему ты это делаешь, лейтенант! Ты мстишь мне, ты не можешь простить мне свои старые обиды!

– Полковник Грачев! Возьмите себя в руки. Что вы раскисли, как кисейная барышня? Мне стыдно за вас. Кстати,

где ваш автомат? Почему вы снова без оружия? Вы знаете, полковник, что бывает с солдатом, бросившим оружие на поле боя или напомнить вам об этом? За это его предают военно-полевому суду и расстреливают на месте.

Он зло посмотрел на Крылова и, выйдя из строя, отошел в сторону.

– Десантники! Пока темно, нам необходимо уйти отсюда. Да, я знаю, что вы все устали, но нужно пересилить себя и сделать еще одно усилие. Темнота – наш союзник и нужно пользоваться этим.

Он посмотрел на часы.

– У нас в запасе еще четыре часа темноты. Так что не будем терять времени. Вперед – произнес Крылов, и первым направился вниз по горному склону.

Группа шла довольно долго. Когда рассвет заалел на востоке, они остановились в метрах двухстах выше небольшого горного кишлака. Крылов приложил к глазам бинокль и стал рассматривать дома и дворы кишлака.

– Андрей! – подозвал он к себе Белоусова. – Направь разведку. Посмотри, кто в кишлаке и поищите воду. У нас практически нет воды.

– Командир! Может, дождемся темноты, а сейчас немного отдохнем? А вдруг в кишлаке моджахеды?

– Андрей, для этого я и направляю разведку. Ночью нарваться на них еще хуже.

Лейтенант ушел исполнять его приказ, а он, сев в неболь-

шую расщелину, устало закрыл глаза. Сон, словно принятый им наркотик, моментально сморил его.

* * *

Ольга прислала Александру свое первое письмо за неделю до его отправки в Афганистан, когда он оканчивал краткосрочные курсы в городе Ташкенте. Прочитав письмо, Александр отложил его в сторону.

«Надо же так писать, – подумал Крылов про нее, ощущая теплоту строк этого письма. – Мне еще никто так тепло не писал, кроме родной матери».

Крылов невольно вспомнил письма своей прежней жены. Они были похожи на какие-то статистические сводки, а не на письма любящей тебя жены. В них не было той скрытой в словах ласки и нежности. Впрочем, ему почему-то не хотелось не только это вспоминать, но и сравнивать двух этих женщин.

«Неужели то, о чем она пишет в своем письме, правда? – подумал Крылов. – Ведь я с ней общался всего лишь десять дней».

Ему вдруг стало страшно за нее. Он здесь на войне, а она там, в мирном Союзе. Кто знает, вернется ли он домой обратно или сложит голову здесь на одном из горных перевалов. Крылов хорошо знал из писем матери и друзей, что мать Ольги настроена против него и старается в этом убедить свою дочь. Сможет ли он дать ей все, что она заслуживает? Крылов держал в своих руках ее письмо, не зная отвечать на

него или нет.

Душевная рана, нанесенная ему Екатериной, еще окончательно не затянулась и где-то там, в глубине своей души, он по-прежнему продолжал ее любить и надеяться на чудо, что она бросит все – Москву, Грачева и вернется к нему. Разум подсказывал ему, что это невозможно, что она никогда больше не вернется к нему, но сердце, словно отдельный орган его организма, все еще таило эту надежду.

Крылов ответил ей, стараясь не обидеть Ольгу, но и не вселять в нее какие-то надежды. Однако, вслед за первым письмом, пришло второе, а затем и третье письмо. Читая эти письма, Александр невольно вспомнил слова своего командира батальона, который совсем недавно говорил ему, что он счастлив лишь оттого, что кто-то ждет его дома. Он тогда как-то поверхностно отнесся к его словам, не придавая им большого значения, однако сейчас, читая письма Ольги, он полностью соглашался с его понятием житейского счастья.

За день до выхода его группы на это задание он получил от нее очередное письмо и фотографию. Крылов быстро прочитал его и, откинувшись спиной к стене, закрыл глаза. Перед глазами снова поплыл казанский перрон, ее полные слез глаза, жаркие поцелуи и слова любви.

– Я люблю тебя, Саша! – эти слова намертво застряли в его сознании.

Крылов часто сравнивал их: безумно красивую Екатерину и не менее привлекательную Ольгу. Однако, сколько бы

он не вспоминал свою прежнюю жизнь, он почему-то никак не мог вспомнить настолько искренних, идущих из глубины души подобных слов от Кати. Свернув письмо и вложив в него ее фотографию, он сунул его в карман армейской куртки – «афганки».

Крылов открыл глаза от легкого прикосновения руки. Перед ним стоял Белоусов.

– Командир! В кишлаке моджахеды. Их не так много. Они приехали на двух джипах и остановились в последних домах.

Лейтенант вопросительно посмотрел на него, ожидая команды, но он неожиданно для него произнес:

– Андрей! Выставь боевое охранение. Остальным отдыхать. Дождемся рассвета, а там будет видно, что делать дальше.

Белоусов удивленно посмотрел на своего командира, однако спорить с ним не стал. Крылов снова попытался закрыть глаза и немного подремать, но ему не позволил сделать это Грачев, который подсел рядом с ним.

– Крылов, а Крылов? Ты почему не вызываешь вертушки? – неожиданно спросил он его. – Мы так можем бесконечно мотаться по этим горам. Люди устали…

Он посмотрел на полковника и ничего не ответил.

– Крылов, не изображай из себя глухого, – стал злиться на него Грачев. – Ты можешь мотаться здесь, сколько хочешь, но отправь меня в расположение наших войск. Тебя же специально направили за мной, почему ты надо мной издева-

ешься?

– Отдыхайте, товарищ полковник, – тихо произнес он и отвернулся от него. – Отдыхайте. Завтра утром все будет ясно, улетим мы отсюда или нет.

– Что это значит? – спросил он его и, не дождавшись ответа, отошел в сторону.

Весеннее солнце палило нещадно. Вскоре все стали искать места, чтобы скрыться от его горячих лучей. Мучительно хотелось пить, но воды у них не было. Еще вечером они отдали ее раненым товарищам.

Крылов лежал за камнями и облизывал потрескавшиеся губы сухим, как наждачная бумага, языком. Небо было абсолютно чистым и бездонно синим и до заката солнца было еще достаточно долго, чтобы здесь окончательно изжариться. Он попытался вспомнить что-то из своей жизни, что могло бы отвлечь его от мыслей о воде. Однако, стоило ему только вспомнить что-то хорошее и доброе, мысли мои снова и снова возвращались к воде. Он приподнял голову и в мареве раскаленного воздуха увидел перебегающие человеческие фигуры, одетые во что-то черное. Крылову сначала показалось, что у него начались галлюцинации от обезвоживания организма. Такое часто бывает в пустыне. Он поднес к глазам бинокль. В мареве, исходящем от нагретых солнцем камней, он снова увидел эти, искаженные горячим воздухом, мужские фигуры в черных халатах и рубахах.

«Что это? Мираж? – подумал он. – Или это – плод моего

воспаленного солнцем воображения».

Он снова поднес к глазам бинокль. Нет, это был не мираж. Это были бойцы из специального подразделения Пакистана «Черные аисты», о которых так много говорили ему в штабе.

* * *

– Подъем! – тихо скомандовал Крылов. – Всем приготовиться к бою!

Его команду быстро продублировали. Он передернул затвор своего АКС и поймал на мушку рослого моджахеда с ручным гранатометом в руках. Подпустив их метров на сорок, Крылов плавно нажал на спусковой крючок автомата. Тот привычно толкнул его в плечо, словно старый и добрый товарищ. Душман, задергался, словно от удара электричеством. Он выронил из рук гранатомет и упал на землю. Ноги его еще продолжали дергаться, а Крылов уже держал на прицеле другого, загорелого и заросшего волосами, словно это был не боевик, а участник рок – группы. Десантники стреляли одиночными выстрелами, так как это было намного эффективней, чем стрельба очередями, когда лишь только первая пуля попадала в выбранную ими мишень, а остальные улетали неизвестно куда. «Черные аисты» открыли плотный пулеметный огонь, не давая возможности не только вести прицельную стрельбу, но и вообще поднять из-за камней свою голову. Но особую опасность представляли два снайпера, засевшие за камнями. Не смотря на их неудовлетворительную подготовку – по меркам наших снайперских школ,

они били довольно точно.

Только Крылов успел перекатиться из-за одного камня к другому, как по нему ударила пуля. Похоже, снайпер очень торопился подстрелить кого-то и дергал крючок винтовки, тем самым, срывая прицельную стрельбу. Наконец Крылову удалось доползти до лежавшего недалеко от него одноразового гранатомета. Он быстро привел его в боевое положение и, не целясь, выстрелил в сторону камней, за которыми укрывался снайпер. Сначала он увидел огненную вспышку, а затем услышал взрыв. Он не знал убил ли снайпера или нет, но тот больше не стрелял. Второго снайпера достал из пулемета Назаров. Тот чуть-чуть приподнялся из-за камней, и в этот миг пулеметная очередь снесла ему половину головы.

Крылов поменял уже третий магазин с патронами и с ужасом заметил, что это был его последний магазин. Не успел он еще раз выстрелить, как рой пуль пронесся над его головой, высекая снопы искр из гранитных камней. «Черные аисты» снова пошли в атаку. Они, словно черные навозные мухи, облепили камни и, стреляя на ходу, бросились в сторону бойцов. Крылов стрелял одиночными выстрелами. Вот упал один моджахед, рядом с ним упал второй, третий. Прошло около минуты и они, наткнувшись на плотный огонь десантников, стали отходить назад, волоча за собой трупы убитых и раненных.

– Белоусов, где охранение? – закричал ему Крылов ему. – Почему не предупредили?

Тогда еще никто из них не знал, что «черным аистам» удалось тихо снять заснувший заслон.

– Раненые есть, убитые? – выкрикнул Крылов.

В ответ – тишина. Похоже, что нам очень повезло, что мы не понесли в этой стычке потерь.

– Подберите боеприпасы и оружие противника! – приказал он. – Не знаю, как у вас, но у меня нет патронов.

Из-за камней медленно в сторону противника, скрываясь между камнями, поползли два бойца. Вскоре они вернулись с двумя автоматами и подсумками, в которых находились магазины к автоматам. Один из бойцов прихватил и брошенный мятежниками гранатомет. Над полем боя висела тишина. Это был нехороший признак, говоривший о том, что враг готовит очередную атаку.

«Хватило бы патронов», – подумал он и, вынув один патрон из магазина, сунул его в карман куртки.

Неожиданно тишину разорвали громкие суры из Корана. От этих звуков внутри Крылова что-то похолодело. Суры с каждой секундой становились все громче и громче. Под эти нескончаемые призывы из-за камней показались «черные аисты», одетые в черные рубашки, черные шаровары. На головах у них были надеты черные платки. Похоже, это было подразделение, составленное из жителей арабских стран. Они шли в полный рост, не прячась за камни, выкрикивая какие-то религиозные суры, и были очень похожи на офицеров из дивизии генерала Каппеля из кинофильма «Чапаев».

Их было около пятидесяти или чуть более. Расстояние сокращалось каждую секунду. Подпустив, их метров на тридцать пять – сорок, десантники ударили по ним из всех имеющихся у них стволов.

– Аллах Акбар! – закричали они и бросились в сторону десантников, несмотря на то, что огонь косил их, словно снопы.

До них добежало человек около двадцати и началось месиво из человеческих тел. «Черные Аисты» дрались, как умели, наши же дрались, как их учили. На Крылова навалился массивный мятежник. Он схватил его за горло и, сделав подсечку, повалил на землю. Крылов попытался скинуть его с себя и в какой-то момент понял, что не может этого сделать. Противник был на две головы выше его и весил около ста тридцати килограммов. Его на какой-то миг охватило отчаяние, и он понял, что через мгновение он умрет оттого, что душман просто отвернет ему голову.

«Вот и все, – подумал Крылов. – Сейчас наступит темнота, и все…»

Рука офицера автоматически шарила по земле, надеясь нащупать хоть какой-то камень, но камней не было. Неожиданно он нащупал у мятежника на поясе большой кривой нож, который в драке почему-то оказался у него не на поясе, а на боку. Он выхватил нож и несколько раз ударил им в бок врага.

– Алла!!!! – простонал мужчина и разжал свои огромные

ручищи.

Крылов кое-как выбрался из-под тела поверженного им врага. Окровавленный Белоусов и еще несколько десантников ходили вокруг разбросанных боем тел и добивали раненных бойцов пакистанского спецназа.

* * *

– Белоусов! Помоги мне подняться на ноги. Это туша буквально раздавила меня, – обратился к нему Крылов.

– А мы, командир, подумали, что он вас задушил. Вы же весь в крови… – произнес Белоусов, помогая ему подняться с земли.

– Какие потери? – спросил Крылов его.

– Погибли Шевченко и Малахов. Смирнов и Ярцев – ранены.

– Передвигаться могут?

– Да, – коротко ответил он.

– Соберите боеприпасы, провиант, воду, нужно уходить. Что у нас с охранением?

– Погибли.

– А Грачев? Что с ним?

– Жив он, товарищ командир. Что с ним будет. Он весь бой прятался за камнями. Из-за него и погиб Малахов. Спас его от душмана, а сам погиб. Скажите, есть справедливость в этом мире? Мы этого труса должны тащить за собой, кормить, спасать?

– Не шуми, Андрей, словами делу не поможешь. У нас с

тобой приказ и мы должны его выполнить.

Лейтенант замолчал и виновато отвел от него взгляд.

– Я думаю, что это была просто разведка. Если мы сейчас не покинем это место, то больше уйти они нам вряд ли дадут.

– Что делать с пленными «аистами», таких у нас трое?

– Не задавай подобных вопросов, словно первый день на «дороге». Не тащить же их с собой.

– Все понял, командир, – тихо произнес Белоусов. – Построй бойцов.

Но строиться было некому. В строю было всего три человека, не считая Белоусова, полковника Грачева и его.

«Не густо», – подумал он.

Через десять минут они уже двигались по горной извилистой дороге. Теперь их основной пункт назначения был Кандагар, до которого было километров сто пятьдесят или чуть меньше. Рассчитывать на помощь наших войск из Кандагара им больше не приходилось. В последнем бою автоматные пули одного из моджахедов в хлам разбили рацию, лишив десантников возможности связаться с базой.

СПРАВКА

Несмотря на все свои усилия, советские войска никогда не могли установить полный контроль над главным пуштунским городом – Кандагаром. Необычность борьбы за Кандагар состояла в том, что все группировки моджахедов действовали здесь совместно и соблюдали принцип ротации сил, как в боях, так и вне боя с целью поддержания непрекра-

щающегося давления на советские и афганские правительственные гарнизоны. Окраины и предместья Кандагара были одними из главных мест блокирования дорог и устройства засад на протяжении всей войны. Не проходило и дня без атак моджахедов на колонны, двигавшиеся по главной трассе, соединявшей город с Газни на северо-востоке и Гиришком – на западе. В этом районе моджахеды могли прятаться в зеленой зоне, кишлаках и аулах, чтобы делать засады на советские воинские конвои.

Силы моджахедов были не в состоянии выбить посты безопасности (блок посты) советских войск, которые были установлены советскими частями потому, что им приходилось действовать с «засвеченных» позиций почти без прикрытия и у них не было инженерного оборудования для нейтрализации минных полей, установленных вокруг этих постов. Поэтому моджахеды были неспособны продолжать длительное давление на гарнизоны этих постов и, как правило, после нескольких нападений, они уходили обратно в «зеленку».

* * *

Моторизованные группы моджахедов буквально висели у группы на ногах и не давали им возможности остановиться и не отдохнуть. В принципе, они выбрали правильную тактику, которая позволяла им полностью измотать десантников, лишить пищи и воды, а затем – или захватить их живыми и измотанными, или уничтожить где-нибудь, прижав нас к какой-нибудь горной речке или заперев в ущелье. Они уже не

хотели больше терять своих людей в стычках с бойцами.

На очередном привале к Крылову подошел Белоусов.

– Командир, что будем делать? Грачев отказывается идти дальше. Я все хорошо понимаю, приказ есть приказ, но его постоянное нытье плохо сказывается на моральном состоянии бойцов. У нас с вами двое раненых, которым тяжело, но они все-таки движутся, а этот все ноет и ноет.

– Чего ты хочешь от меня, Андрей, чтобы я его расстрелял или бросил здесь в тылу моджахедов?– спросил его Крылов. – Ты думаешь, что я ничего не вижу и не слышу? Андрей, придется немного потерпеть. Ну, хорошо, я постараюсь с ним переговорить., хотя мне вдвойне сложнее с ним говорить, чем тебе. Все, что я говорю ему, он переводит в плоскость личных взаимоотношений.

– Решай, сам. Ты у нас – командир. Но дальше, думаю, будет еще сложней.

Переговорив с Белоусовым, они пустились вдогонку за группой. Крылов шел последним, замыкая группу. Слова Белоусова, словно кислота, разъедали его душу. Он уже в который раз невольно вспоминал этот «масленый» взгляд Грачева на перроне Витебского вокзала, которым он словно раздевал его бывшую супругу. Теперь ему было ясно, почему он подошел к ним. В принципе, его приветствие было ему до лампочки, он просто хотел с самого начала знакомства показать Кате, кто в доме хозяин. И эта, неожиданно предложенная им помощь в трудоустройстве его жены была очередной

демонстрацией своих возможностей не перед ним, а, скорее всего, перед его женой. Какой же он был наивный, считая все эти приглашения его с женой в местный театр за жест доброй воли. Что могло быть общего между родственником начальника Главного политического управления Советской армии и простым лейтенантом ВДВ?

Впереди идущий боец внезапно остановился. Крылов не заметил этого и налетел на его спину.

– Что произошло? В чем дело? – спросил он, обгоняя стоявших бойцов.

– Впереди, похоже, духи, товарищ командир, – произнес, подбежавший к нему Белоусов.

– Сколько их?

– Пока не знаю. Я послал посмотреть Назарова. Он хоть и раненный, но свое дело знает хорошо.

Двигаться дальше без данных разведки они не могли, и Крылов решил дать бойцам несколько минут отдыха. Если говорить откровенно, то он устал и измотался за эти дни ничуть не меньше их. Если на них давила лишь физическая усталость, то на него еще давило само присутствие рядом с ним полковника Грачева. Он уже несколько раз пожалел о том, что не посадил его в первый вертолет. Сейчас, бросая на него свой взгляд, Крылов отчетливо видел, как ему тяжело идти с ними. Он оказался не только морально не готовым к этому переходу, но и физически. Его некогда блестящие на солнце сапоги превратились, черт знает, во что.

– Привал! – скомандовал он и устало повалился на землю.

Заметив, что он сел на землю, к нему подошел Грачев. Он сел рядом с ним и тихо спросил его:

– Лейтенант, мне кажется, что ты завел группу в тупик. Дальше идти нельзя, кругом одни мятежники. Скажи, на что ты рассчитываешь? Неужели ты думаешь, что сможешь прорваться сквозь их заслоны?

– Не знаю, как вы, товарищ полковник, но я рассчитываю на это. Другого выхода у нас с вами просто нет. Не сдаваться же?

– Вы – утопист, Крылов. Вы еще на что-то рассчитываете. Сами подумайте, нас всех можно пересчитать по пальцам, двое из которых ранены, а их – сотни, тысячи.

– Что вы предлагаете, полковник?

Грачев замолчал и, как затравленный зверь, посмотрел по сторонам. Убедившись, что его никто из бойцов не слышит, он нагнулся к Крылову еще ближе и горячо зашептал ему на ухо:

– Я не знаю, ты – командир. Кому нужны все наши усилия, родина все равно их не оценит. Думаю, что нужно просто сдаться. Ведь существует же Красный Крест и Красный Полумесяц. Там люди грамотные, они обязательно помогут нам добраться до родины живыми или вы предпочитаете гнить среди этих камней?

Крылов невольно отстранился от него и первым делом подумал, что он пытается его просто спровоцировать.

– Выражайтесь яснее, товарищ полковник. Я что-то не совсем понимаю вас. Что вы мне предлагаете? Сдаться? А вы поинтересовались вот у этих ребят, хотят ли они сдаться?

– Плохо, лейтенант, что вы меня не понимаете. Разве вы не видите, что люди просто устали от всего этого? – он снова начал шептать в ухо. – Крылов, мы уже отвоевались с тобой. Кому нужна эта война? Тебе? Мне? Она нужна лишь нашим старым маразматикам из Кремля. Так пусть они едут сюда и воюют. Вот о чем я тебе говорю. Спасать себя надо, а не прикрываться красивыми словами типа – присяга, родина, приказ.

– Вот что, товарищ полковник, – жестко ответил Крылов. – Будем считать, что вы мне ничего не говорили, и я, ничего от вас не слышал. В сорок первом году вас бы просто расстреляли за пораженческие разговоры. Но я этого не сделаю, хотя сказать по-честному, очень хочу. Мне стыдно за вас и ваше малодушие. Идите прочь и больше не подходите ко мне с подобными предложениями. Если подойдете, я вас просто расстреляю.

Грачев зло посмотрел на него, встал и отошел в сторону. Заметив, что полковник отошел от него, к нему подошел Белоусов.

– Я все слышал, товарищ командир, – произнес он. – Ну и сука этот полковник. Одно слово – сволочь.

– Ну и что от этого, Андрей? Кто об этом, кроме тебя и меня, знает? Никто! Ну, может, быть, еще Ибрагимов, – про-

изнес Крылов и рукой указал на радиста, который лежал не так далеко от них. – Разве нам кто с тобой поверит, что полковник, представитель Главного политуправления предлагал нам сложить оружие и добровольно перейти на сторону врага. Ладно, у нас с ним свои взаимоотношения и мы сами разберемся в этом. Ты только не лезь в эти дела. Тебе еще служить и служить.

– Вы не правы, товарищ командир. Мне ваши личные отношения с этим человеком – до лампочки. Вы сами разбирайтесь в них. Меня другое в этой истории задевает – его трусость и непорядочность. Я не хочу защищать этого человека ценой жизни наших ребят.

– Я согласен с тобой, Андрей, но другого выхода у нас просто нет.

Белоусов посмотрел на Крылова с нескрываемой злостью и отошел в сторону. Он был полностью согласен с Белоусовым, но другого выхода из этой ситуации у Крылова действительно не было.

* * *

Группа лежала между камней уже больше часа, ожидая возвращения из разведки Назарова. Вокруг царила мертвая тишина, разрываемая лишь иногда криками неизвестных им птиц. Однако, эта тишина их не только не радовала, а скорей всего пугала. Все еще помнили смерть боевого охранения, которое от усталости просто заснуло в дозоре, и было вырезано «Черными аистами».

– Командир, можно, я посмотрю, что у нас с разведкой? – спросил подошедший к Александру Белоусов. – Может, что-то случилось и Назарову нужна наша помощь?

– Отдыхай, Андрей, – тихо произнес Крылов. – Если что-то и произошло, то ты ему все равно не поможешь.

Прошло еще минут тридцать томительного ожидания. Вдали показалась сгорбленная фигура нашего разведчика, который тащил на себе кого-то. Он сбросил с себя мужчину, одетого в белые шаровары, рубашку, жилет, пеструю чалму, и направился к командиру.

– Товарищ, старший лейтенант! В метрах пятистах от нас тропа, по которой движутся группы моджахедов. За час наблюдения, по тропе прошло около двухсот человек.

– Понятно, Назаров, – произнес Крылов и полез в планшет за картой.

Он невольно посмотрел в сторону раненого Ибрагимова, радиста нашей группы, который с нескрываемой надеждой смотрел на Назарова. Если бы не разбитая рация, то группа смогла бы не только улететь отсюда, но и навести на движущихся моджахедов авиацию. Открыв карту, Крылов стал рассматривать этот район. Александр долго водил пальцем по карте, однако, тропы, на которую наткнулся Назаров, обозначено не было. По всей вероятности, это была абсолютно новая тропа, еще не известная нашей разведке.

– Ты кого притащил? – спросил он Назарова. – Зачем он нам? Ты же ранен и тащишь…

– Языка, – ответил разведчик.

– А для чего ты его взял, у нас все равно толмача нет? – словно размышляя, тихо произнес Крылов. – Кто с ним будет говорить? Ты, а, может, ты?

– А он хорошо разговаривает по-русски, товарищ старший лейтенант. Похоже, он наш, попал в плен к ним, там и принял ислам. Поговорите с ним сами, мне было не до разговоров. А зарезать его мы всегда сможем.

– С чего это ты взял, что он русский, Назаров?

– А когда я его ломал, то он таким трехэтажным матом орал, что я даже от неожиданности растерялся.

– Интересно. Тогда тащите его сюда поближе, посмотрим, что он нам расскажет, – приказал ему Крылов.

К нему подвели молодого мужчину в возрасте двадцати-двадцати пяти лет, руки которого были связаны за спиной. Лицо его было сильно разбито, верхняя губа была рассечена надвое, что делало его лицо комически смешным и страшным. Его загорелое лицо обрамляла небольшая русая бородка.

– Кто такой? – спросил его Крылов. – Ты откуда знаешь русский язык?

Мужчина отвернулся от него и сплюнул кровью на землю. Он взглянул на Крылова и криво усмехнулся.

– Давай, верши свое правосудие. Чего смотрите, я готов умереть…

– Я тебя еще раз спрашиваю, ты кто такой? Не хочешь

разговаривать со мной, дело твое. Назаров! – окликнул он десантника. – Отведите его в кусты, пусть с Богом говорит, раз с нами не хочет.

Разведчик схватил его за шиворот и потащил в сторону ближайших кустов. Нужно отметить, что, несмотря на ранение, Назаров был еще достаточно сильным, чтобы совладать с этим пленным. Отпустив мужчину, он передернул затвор автомата и уперся стволом ему в спину.

– Товарищ командир, стоит ли поднимать шум? Разрешите, я его просто зарежу, – спросил Крылова Назаров.

– Решай сам, мне все равно. Не тащить же его за собой в Кандагар.

Назаров вытащил из ножен финский нож и, схватив пленного за длинные волосы, подставил нож к его горлу. Он уже готов был перерезать ему горло, но тот, оставив в его руках большой клок волос, вырвался из рук.

– Погоди, не убивай меня, – закричал незнакомец. – Погоди, еще успеете пустить меня в расход.

Крылов поднял руку вверх и тем самым, заставив Назарова остановиться.

– Погоди минутку. Послушаем, что он нам расскажет, – произнес он.

Разведчик отошел в сторону и, толкнув пленного стволом автомата в спину, приказал тому подойти к командиру.

– Что ты хочешь мне сказать? – спросил Крылов его. – Если решил соврать, мы тебя просто убьем прямо здесь. Ты,

надеюсь, это понимаешь?

Мужчина посмотрел на него. Похоже, он решил рассказать нам все, что нас интересовало. Однако насколько он был с нами искренен, никто не знал.

– Командир! – произнес пленный. – Я действительно русский. Фамилия моя Сергеев Аркадий Витальевич. Родом я из города Пензы, там и призывался. Наша колонна направлялись из Кандагара в город Газни. Во время боя меня тяжело ранило, я потерял сознание. Удивительно, но меня не подобрали наши санитары. Очнулся я уже у духов. Полгода держали меня в яме, а затем предоставили мне выбрать ислам или смерть. Я выбрал ислам. Оружие получил лишь только в этом году. Полтора года был у них погонщиком мулов.

Крылов с недоверием посмотрел на него. О том, что наши воинские колонны часто попадали в засады моджахедов, все они хорошо знали. Так что изложенная им история была обыденной и ничего, кроме недоверия, у него не вызывала.

– Как оказался здесь? – спросил он Сергеева.

– Три дня назад командир нашего отряда Назир сообщил своим нукерам, что людьми Муллы Маланга было сбито два вертолета и сейчас нашей задачей стало захватить летчиков и офицера Генерального штаба, который летел в одном из вертолетов. Сегодня Назир приказал нам уничтожить русских десантников, которые вчера уничтожили разведывательное подразделение «Черных Аистов». Ни я, ни кто-либо из наших боевиков не предполагали, что вы уже здесь. Для нас

это – полная неожиданность.

Он закончил и посмотрел на Крылова, ожидая, что он скажет, но тот молчал, не зная, что с ним делать. Пусть даже то, что он ему рассказал, и было правдой, перед ним встал не менее важный вопрос – тащить его за собой или нет. Крылов посмотрел на Белоусова, но тот отвернулся от него и смотрел в сторону. Чтобы оттянуть принятие решения, он решил задать ему вопрос.

– Сергеев, ты сражался против наших солдат или нет? На твоих руках есть кровь наших солдат или нет?

Он, словно догадавшись, о чем он думал, моментально ответил:

– Вы можете мне не верить, но я против русских еще не воевал. Я закончил трехмесячные курсы в Пакистане и меня зачислили в отряд Назира. Пока наш отряд еще не вступал в бой с русскими.

Крылов посмотрел на Белоусова, ожидая от него какого-либо совета по этому не простому для меня вопросу, однако тот по-прежнему молчал и смотрел куда-то в сторону от него.

– Ты на родину хочешь, Сергеев? – спросил Крылов его.

– Да,– коротко ответил он. – Пусть меня осудят, как предателя, но это все равно лучше, чем здесь быть на воле.

– А что раньше не перебежал к нашим? Может, желания или возможности не было?

– Боялся, что никто не будет слушать меня, а возьмут и

просто расстреляют без суда и следствия, как только, что хотели это сделать вы.

Крылов усмехнулся. Впервые за всю его службу в Афганистане перед ним стоял русский человек и с надеждой смотрел на него. Он не щадил моджахедов, которые как было известно всем, не щадили шурави, но сейчас перед ним стоял не афганец, а свой – соотечественник, простой русский парень, одетый в чужую одежду.

– Говоришь, боялся, что убьют раньше, чем доведут до русских блокпостов?

Он кивнул ему головой. Крылов замолчал, прикидывая про себя, как ему поступить дальше с этим человеком. Он снова посмотрел на Белоусова Андрея, но тот по-прежнему сидел, отвернувшись от него, и протирал свой автомат. Немного подумав, он предложил ему следующий вариант.

– Вот, что Сергеев, слушай меня внимательно. Если поможешь нам выйти из этого кольца, то у тебя появится шанс в какой-то степени реабилитироваться перед командованием и судом. Если мы заметим, что ты чего-то крутишь, мы тебя просто убьем. Как мое предложение? Подходит?

Он согласился сразу.

– Да, я согласен. Лучше у себя отсидеть, чем жить всю жизнь здесь.

– Вот и хорошо. Пойдешь с нами. Руки мы тебе пока развязывать не будем, а там посмотрим. Белоусов, поднимай людей, начинаем движение.

Бойцы поднялись с земли и медленно тронулись вперед, вслед за идущим впереди нас Сергеевым.

* * *

Сергеев, нужно отдать ему должное, неплохо ориентировался на местности. С его слов, он неоднократно в составе караванов моджахедов бывал здесь. Он вел группу уверенно, и вскоре их недоверие к нему стало понемногу таять с каждым пройденным километром этих горных дорог.

Он вел бойцов параллельно тропе, по которой двигались группы моджахедов. Пока им удавалось обходить их без огневых стычек и это радовало не только Александра, но и всех бойцов его группы. Однако, все они великолепно понимали, что это везение должно было рано или поздно закончиться боем. Преследовавшие группы моджахедов, похоже, потеряли десантников из виду, и это позволило им значительно ускорить движение. Единственной проблемой по-прежнему оставалось отсутствие провианта и особенно – воды. Люди, измотанные постоянными переходами, стали слабеть. В какой-то момент темп движения упал до минимума. Нужно было что-то предпринимать, чтобы накормить уставших бойцов, но где брать продукты, Крылов не знал.

Идущий впереди Назаров неожиданно остановил движение. Он знаками руки объяснил бойцам, что он наткнулся на стоянку большой группы моджахедов. Обходить их они не стали, а просто решили подождать, когда моджахеды сами снимутся с места и последуют дальше в сторону Кандагара.

Больше всех, на взгляд Крылова, страдал от голода полковник Грачев. Его красивое лицо посерело, глаза запали, скулы выступили вперед. Теперь он больше походил на какого-то рабочего с завода, чем на представителя Главного политуправления. Его хромовые сапоги с жесткими лаковыми голенищами разбились в хлам и сейчас для того, чтобы передвигаться в них, он вынужден был перетягивать отваливающуюся подошву какой-то грязной, неизвестно где подобранной тряпкой.

В ожидании они провели всю ночь. Ночи в горном Афганистане сильно отличаются от ночей в нашей средней полосе. Бойцы спали, плотно прижавшись, друг к другу, согревая себя и своих товарищей теплом голодных и измученных дорогой тел. Утром Крылов проснулся оттого, что почувствовал, как его волосы примерзли к камню и не давали ему возможности изменить положение тела. Кое-как растопив тонкую корку льда, образовавшуюся вокруг его головы, он смог повернуть голову, чтобы снять боль с затекшей шеи. Растолкав спящих бойцов, они стали готовиться к маршу.

– Где Сергеев? Подведите его ко мне, – приказал Крылов.

К нему подвели пленного. Он стоял перед ним с опущенной головой и виновато смотрел на него, словно он был причиной плохого настроения у командира.

– Скажи, Сергеев, тебе эти места знакомы? Ты ранее здесь бывал?

Тот кивнул ему головой.

– Да, мне приходилось здесь бывать ранее, когда я был погонщиком мулов.

– Как далеко до наших блокпостов?

– Врать не буду, километров девяносто, а может, чуть и больше.

– Скажи, здесь есть тропы, по которым мы можем выйти к нашим блокпостам?

– Были, но сейчас я не знаю, что на них. Можно легко нарваться на моджахедов.

– У нас закончились продукты, и если мы не сможем пополнить свои запасы, шансы выйти к нашим постам – просто нулевые. Люди – голодные и двигаться быстро мы едва ли сможем.

–Ты знаешь, командир, здесь есть не так далеко небольшой кишлак. В нем, наверняка, мятежники. Но я могу попытаться пройти туда, там многие дехкане меня хорошо знают. Я попробую раздобыть хлеб.

Крылов задумался над его предложением, которое было рисковым, но и довольно заманчивым. Он смотрел на Сергеева, еще не зная, какое принять решение . Александр еще не полностью верил этому человеку. Да и почему он должен быть уверен в том, что этот человек, вернувшись к моджахедам, не предаст их. Ведь он уже один раз предал свои убеждения и принял ислам, чтобы выжить. Они смотрели друг на друга. Он – в ожидании решения, а Крылов – с мыслями о возможном его предательстве. Сергеев не торопил его с ре-

шением, так как хорошо представлял, что сейчас творится в голове командира.

– Командир, если ты не веришь мне, то можешь все оставить, как и прежде. Держать меня связанным, а их – голодными. Я – не маленький и все хорошо понимаю. Как говорят русские, обожжешься на молочке, подуешь и на водичку. Тебе решать.

– Хорошо. Веди нас к кишлаку, а там мы посмотрим, как поступить с тобой дальше.

Они выстроились в цепочку и двинулись вслед за ним.

* * *

Группа быстро дошла до кишлака и залегла метрах в двухстах от него. Крылов, как всегда, приложил к глазам бинокль и стал внимательно рассматривать подходы к кишлаку. Он всегда помнил золотое правило разведчика: перед тем как войти, всегда подумай, как потом оттуда выйти.

Кишлак был небольшой, от силы – домов около пятидесяти. Впрочем, количество домов всегда было загадкой, так как дома там лепились практически стена к стене, образуя между собой лишь узкие тропки.

– Белоусов, приготовь пулемет к бою, – тихо приказал он ему.

– Ты не веришь Сергееву? – поинтересовался он у Крылова, прежде чем продублировать приказ. – Если не веришь, то зачем направил его в кишлак?

– Есть нечего, вот и направил. А что, у тебя есть еще ка-

кой-то вариант, как достать еды? – со злостью ответил он на его замечание. – Ты посмотри на людей, они же падают от голода.

Крылов приложил к глазам бинокль и стал внимательно рассматривать надворные постройки населенного пункта. На улицах в пыли играли дети, а на лужайке мирно паслись козы и ишаки.

«Неужели в кишлаке нет моджахедов?», – подумал он, переводя свой взгляд с одного дома на другой.

И вдруг его взгляд выхватил дом, из которого вышел человек с автоматом в руках. Он что-то крикнул, похоже, кого-то позвал. Крылов моментально перевел свой взгляд на другой дом и, присмотревшись, увидел еще двоих человек с автоматами, которые, укрывшись от солнца, сидели в тенечке.

Вышедший из дома человек снова что-то сказал, и из дома появились еще три человека, в руках одного из них был ручной пулемет Калашникова.

«Вот тебе, бабушка, и юрьев день?– подумал он, продолжая рассматривать эту группу моджахедов. – Интересно, сколько же их в кишлаке?»

По команде старшего двое душманов, встали на ноги и направились к середине двора. Все тот же мужчина снова что-то сказал им и они побежали вдоль улицы. Вскоре в конце улицы появились два джипа. Один из джипов остановился напротив дома, за которым он внимательно наблюдал в би-

нокль.

Командир отряда, в чем Крылов уже не сомневался, вышел со двора и сел в джип. Двое оставшихся мятежников быстро забрались в кузов, и она тронулась. Александр проводил ее взглядом до конца кишлака. А затем повернулся к Белоусову, который лежал рядом с ним.

– Похоже, уехали, – произнес Крылов. – Что делать дальше? Посылать Сергеева в кишлак или нет?

Белоусов промолчал. Александр великолепно понимал его, брать на себя ответственность за это решение он просто не хотел. Он снова приказал привести к нему Сергеева.

– Сейчас пойдешь в кишлак, – произнес Крылов. – Я тебе верю, думаю, что ты не обманешь нас?

– Спасибо, командир, я постараюсь оправдать ваше доверие. Может, вы мне дадите гранату. Второй раз попадать им в лапы, у меня желания нет.

– Развяжите ему руки, – приказал Крылов.

Когда его команда была исполнена, он снова посмотрел на Сергеева.

– Давай, с Богом, – тихо произнес он и протянул ему пистолет и гранату.

Сергеев встал в полный рост, сунул пистолет за пояс своих белых штанов и, не оглядываясь, направился к кишлаку. Крылов неотступно сопровождал его взглядом до тех пор, пока он не исчез среди домов кишлака. Лишь только после этого он повернулся в сторону полковника Грачева, который

тряс его за рукав куртки.

– Крылов! Ты и, правда, сошел с ума! Как можно доверять предателю оружие? Он же предаст нас всех! Если сам жизнь свою не ценишь, то пожалей других людей!

– Не кричи, полковник, он не хуже тебя и меня. Он попал в плен раненым, а ты готов здоровым сдастся им. Если что, я сам отвечу и за него, и за всех вас.

Грачев громко засмеялся, уткнув в его сторону пальцем, громко с вызовом произнес:

– Не смеши меня! Перед кем ты собрался отвечать? Перед Богом? Мне наплевать, что он тебе ответит, я жить сейчас хочу! Ты понял меня или нет?

Крылов оттолкнул его от себя, полковник споткнулся и упал. Он моментально осекся и замолчал.

– Смотри, лейтенант, – с угрозой в голосе произнес Грачев. – Ты можешь сам рисковать, как хочешь, но жизнью других людей распоряжаться не нужно. Я ничего не забуду – ни этих толчков, ни унижений.

Крылов промолчал и посмотрел на десантников, которые внимательно следили за этой стычкой. Ему вообще не хотелось вступать с полковником в эту дискуссию, которая все равно сведется к тому, что он начнет обвинять Александра в сведении с ним своих личных счетов. Однако чтобы минимизировать риск от возможного предательства Сергеева, они отошли от этого места метров на пятьсот, оставив на старом месте лишь одного Назарова, и расположились на опушке

небольшой тутовой рощицы.

Ждать пришлось довольно долго. Он, наверное, переживал больше всех, проклиная себя за излишнюю доверчивость. Теперь для него было главным отвести своих людей без потерь подальше от кишлака. Потеряв надежду на возврат Сергеева, Крылов поднялся с земли и махнул рукой Назарову, которого оставил около кишлака. Тот быстро поднялся с земли и перебежками направился в их сторону.

– Отходим! – приказал Крылов. – Больше ждать Сергеева не имеет смысла. Похоже, я ошибся в нем.

– Может, еще подождем минут десять? – предложил Назаров. – Он же там, в кишлаке? Мало ли, что там могло случиться?

Крылов покачал головой.

– Ждать больше нельзя. Похоже, я ошибся в нем! – снова тихо повторил он.

– Да вон же Сергеев! – выкрикнул Назаров. – Смотрите, видите его? Он вон там, за пригорком!

Присмотревшись внимательней, Крылов увидел Сергеева, который тащил на себе большой мешок с продуктами. Он знаком руки остановил своих бойцов, решив дождаться его.

Сергеев подошел к нему и положил у его ног мешок.

– Командир, ваше задание выполнено, – произнес он и протянул ему пистолет и гранату обратно.

Крылов осторожно приоткрыл мешок и увидел в нем около десятка лепешек белого хлеба, небольшой кусок вяленой

баранины, грецкие орехи, урюк и кишмиш.

– Молодец. Как это тебе удалось? – поинтересовался он у Сергеева.

Он хитро улыбнулся и посмотрел на него каким-то лукавым взглядом.

– Я сказал, что меня направил сюда полевой командир Назир. Кстати, это он был в кишлаке и уехал из него на джипе.

– Хорошо, Сергеев, встаньте в строй. Белоусов, пусть Назаров отдаст ему свой автомат, а сам останется с пулеметом.

– Есть, – коротко отрапортовал Белоусов.

* * *

Они отошли от кишлака километра два и, устроившись под деревьями, быстро перекусили. Немного отдохнув, группа снова двинулась в путь. Чем ближе они подходили к Кандагару, тем чаще им дорогу закрывали посты мятежников. Приходилось затрачивать много времени и силы, чтобы обходить их стороной. Однако, обойдя один такой блокпост, они тут же натыкались на другой. Создавалось впечатление, что они просто кружили по какому-то замкнутому кругу без всякой надежды вырваться из него. Обойдя очередной блокпост, Крылов подозвал к себе Белоусова.

– Андрей! Днем двигаться стало довольно опасно, в любой момент мы можем нарваться на заслоны духов. Думаю, что днем нужно отдыхать, а передвигаться только ночью.

– Все правильно, командир. Но душманы думают, наверное, так же, как и ты. Они на ночь усиливают свои заслоны.

Поэтому, если мы нарвемся на них ночью, то они просто рассеют нас, а затем по одному уничтожат.

Крылов задумался, так как в словах заместителя была определенная логика. Действительно, ночью им будет намного проще рассеять их, а затем по одному, уничтожить.

– Убедил, Андрей, я согласен с тобой. Усиль разведку, – приказал он ему, хотя знал, что сделать это невозможно из-за отсутствия людей.

Когда Белоусов отошел, он взмахом руки приказал Сергееву подойти к нему.

– Что скажешь? Далеко до наших войск, как ты думаешь? Ты видишь, люди окончательно измотаны и твои девяносто километров уже превратились в двести километров.

Сергеев усмехнулся и посмотрел на Крылова.

– Что, командир, думаешь, что я специально таскаю вас по этим горам? Для чего мне это? Ты же сам отлично все понимаешь, что, если двигаться прямо, то до наших позиций осталось километров семьдесят, если не меньше.

– Ты тогда говорил, что до наших войск километров сто. Мы двигаемся уже вторые сутки, неужели за все это время мы прошли всего километров тридцать?

– Командир, это же – горы. Здесь не трасса и поэтому приходится много крутиться, обходить посты и заслоны, а это – лишние километры, а может и десятки километров.

– Сергеев! У нас вся надежда на тебя. Ты должен провести нашу группу через эти кордоны.

– Я не обещаю, товарищ командир, но постараюсь это сделать.

Он отошел от него, а Крылов сел между камнями и закрыл глаза. Усталость моментально навалилась на него. Он даже не заметил, как задремал. Ему приснилась Ольга. Она стояла недалеко от него и махала рукой, словно, куда-то звала. Он пытался ей что-то ответить, но как это бывает во сне, у него пропал голос. Крылов открыл глаза, перед ним стоял Грачев.

– Почему не отдыхаете, товарищ полковник? – тихо спросил он его. – Если не спится, смените Ибрагимова. Пусть он немного отдохнет.

– Слушай, лейтенант. Я хотел бы предупредить тебя, чтобы ты особенно не доверял этому изменнику Сергееву. Я слышал твой разговор с ним и поэтому решил еще раз тебя предупредить. Никто из нас не знает, что он делал там, в кишлаке, с кем общался и что им рассказывал. Сейчас он понял, что ты доверяешь ему, и даже дал ему автомат. А если он – волк в овечьей шкуре? Ты ему автомат, а он нас из этого автомата… Я за ним давно наблюдаю, темный он какой-то. Здесь он на воле, а что ты ему обещаешь там, в Союзе? Там – тюрьма, и это он хорошо понимает. Так вот и подумай, лейтенант, кто просто так променяет волю на неволю.

– Спасибо за совет. Я вас понял, товарищ полковник. Вы бы автомат ему, конечно, не дали, я вас правильно понял? Так вот, что я вам скажу. Я дал ему оружие, я за это и отвечу. А сейчас идите, отдыхайте. Скоро пойдем дальше.

– Ты меня не гони, Крылов, а лучше послушай. Не верь ему. А вдруг он совсем не русский, а какой-нибудь американец, из ЦРУ? А ты, по своей наивности, сам ведешь его в расположение наших войск. Ты смотри, за последние три дня у нас ни одной стычки с душманами. Ты сам не думал об этом, ведь такого не бывает. Просто моджахеды знают, что он с нами, и пока дают нам возможность передвигаться под их контролем.

– В чем смысл, полковник? Его моментально расколют сослуживцы и мужики из особого отдела. Слишком большой риск.

– Почему ты решил, что он сразу же направится к себе в часть? Он может оказаться с ранением в госпитале, а затем – в Союзе с нормальными документами.

– Спасибо. Я вас понял, полковник.

Он, обиженный ответом, отошел от Крылова и демонстративно сел на камень. Крылов посмотрел на него и удивился тому, что за все-то время, что они находились в пути, этот человек ни с кем из бойцов не проронил ни одного слова.

«Одно слово – барин», – подумал он про себя, продолжая рассматривать одинокую фигуру полковника Грачева.

– Командир! – обратился Белоусов. – Разведка вернулась.

Крылов встал с камня и направился к Назарову.

– Ну, что, скажешь, разведчик?

– Впереди нас заслон, товарищ командир. Человек около двенадцати. Два пулемета, один гранатомет РПГ и «барабу-

хайка» (старый грузовик, приспособленный для перевозки людей). Спят, сволочи, словно нет войны.

– Понятно. Как рана?

– Слава Богу, потихоньку затягивается.

Пока он разговаривал с Назаровым, его неожиданно посетила довольно авантюрная идея. Она, словно маленький буравчик, застряла у него в голове. Отпустив Назарова, Крылов подозвал к себе Белоусова.

– Андрей, как ты смотришь, если мы захватим эту «барабухайку» духов? – поинтересовался он у него. – Водитель у нас есть, это – Сергеев. Одет он, как положено афганцу. Если нам удастся проехать километров двадцать на ней, будет очень здорово.

– А что? Лично я не против этого дела. Попробовать можно. Посмотрим, куда кривая нас выведет.

– Я рад, что ты поддерживаешь эту идею. Ты, давай, держись, не опускай голову и не теряй надежды. Мы с тобой еще повоюем, Андрюша.

– Причем здесь это? Вы – командир, а я – ваш заместитель. Вы и несете ответственность за весь личный состав.

Ему тогда не понравился этот ответ. Крылов посмотрел на него и не увидел в глазах привычного для него огонька.

«Вот и он съехал, – подумал он про него. – Похоже, потерял уверенность в том, что нам удастся вырваться из этого котла».

– Если согласен со мной, тогда готовь бойцов к уничтоже-

нию заслона. Будет хорошо, если нам удастся все это сделать без особого шума и пыли.

– Тогда я пошел, товарищ командир? Сейчас начнем подготовку.

– Да, Андрей. Иди, готовь. Я сейчас к вам подойду – произнес он.

Белоусов повернулся и направился к бойцам, а он сел на камень и разложил у себя на коленях карту.

* * *

Десантники медленно позли среди камней, стараясь как можно ближе подобраться к отдыхающим моджахедам, которые сидели вокруг костра и о чем-то тихо разговаривали. В метрах пятнадцати от них были оборудованы две огневые позиции, на которых дежурили четыре мятежника. Крылов перевел свой взгляд в сторону, около машины находился еще один боевик, который, подняв капот, копался в двигателе. Александр подсчитал – душманов было двенадцать человек, то есть в два раза больше, чем их. Но они, по сравнению с этим, были десантниками, а не вооруженными и кое-как обученными крестьянами, а во-вторых, на их стороне был фактор неожиданности.

Крылов подозвал к себе Белоусова. Когда тот подполз и лег рядом с ним, тихо произнес:

– Пусть первым к ним подойдет Сергеев и начнет этот спектакль. Когда он соберет около себя всех моджахедов, нам останется лишь тихо снять часовых, которые находят-

ся на огневых позициях. Предупреди бойцов, чтобы ни одна пуля не попала в автомашину. Понял?

Он кивнул ему головой и тихо пополз к ожидавшим его бойцам.

– А вы, – произнес он, обращаясь к двум раненым бойцам, Назарову и Ибрагимову, – возьмите на мушку пулеметчиков. Если что, стреляйте, не давайте им возможности использовать против нас пулеметы.

На дороге, идущей к блокпосту, показался Сергеев. Его окликнул часовой и направил на него английскую винтовку. Он на какую-то секунду замешкался и, подняв руки вверх, что-то произнес на их языке. Держа руки высоко над головой, он медленно направился в сторону сидевших у костра моджахедов. Один из них поднялся с земли и что-то сказал другому, показывая рукой в сторону Сергеева.

Водитель, стоявший около машины, тоже взял в руки автомат и направился в сторону Сергеева. Вскинув автомат, он что-то произнес и передернул затвор автомата. Сергеев ответил ему и положил свой автомат на землю. Моментально около него образовалась маленькая толпа моджахедов, которые стали что-то кричать и размахивать своими автоматами. Сергеев был абсолютно спокоен и, улыбаясь им, стал что-то рассказывать и показывать рукой в нашу сторону.

«Неужели Грачев оказался прав? – подумал Александр, наблюдая за Сергеевым. – Вот и верь после этого людям».

Крылов невольно навел на него свой автомат и, поймав

его в прицел, стал наблюдать за его дальнейшими действиями. Его рука, крепко сжимавшая цевье автомата, стала мокрой от напряжения, лоб вспотел и скатывающийся со лба пот стал застилать ему глаза. Он ладонью смахнул со лба пот и снова взял на прицел группу моджахедов, которые пытались скрутить Сергеева. Наблюдая за ним, он не заметил, как Белоусов тихо подполз к огневым позициям мятежников и одного за другим, без шума завалил четырех часовых, которые, забыв обо всем, наблюдали за этой картиной.

Кто-то из мятежников ударил Сергеева в лицо, от чего тот зашатался и упал на землю. Он попытался подняться на ноги, но сильный удар автоматного приклада, словно гвоздь, прибил его к земле. Духи стали его топтать ногами, не давая ему подняться на ноги. Крылов глазами нашел главного из них и навел на него свой АКС. Поймав в прицел его разъяренное и потное лицо, он выстрелил в него из автомата.

– А, а, а …– закричал Александр, разряжая весь магазин своего автомата в столпившихся душманов.

Он видел, как пули кромсали тела моджахедов, отбрасывая их в разные стороны от Сергеева. Все утонуло в грохоте выстрелов. Мятежники явно не ожидали этого нападения, и десантникам понадобилось всего несколько секунд, чтобы смести их плотным автоматным и пулеметным огнем. Крылов выскочил из укрытия и бросился к Сергееву, который, похоже, был без сознания. Лицо его было все в крови.

– Сергеев, ты живой! – закричал он и стал трясти его за

плечи. – Отвечай, ты живой!

Наконец тот открыл глаза и, увидев перед собой его лицо, улыбнулся беззубым ртом.

– Ну, как мы их, командир? – еле произнес он разбитыми губами.

– Все хорошо, Сергеев. Ты – молодец! – произнес Крылов, помогая ему подняться на ноги.

– Белоусов! – окликнул он своего заместителя. – Собери боеприпасы, провиант, заминируй трупы и грузитесь в машину.

Он весело улыбнулся и продублировал его команду.

– Сергеев, ты в состоянии управлять машиной? – поинтересовался Крылов у него.

– Попробую, – шепеляво произнес он разбитым беззубым ртом. – Надо же, сволочи, все зубы выбили.

– Ничего, новые зубы вставишь, – ответил Александр, – будут не хуже своих зубов.

Все громко засмеялись. Неожиданно для всех раздался выстрел, а затем пророкотала короткая автоматная очередь. Назаров, выронив свой ручной пулемет, медленно осел на землю. Его зеленые глаза были полны недоумения. Воздух вспорола автоматная очередь, которая ударила по палатке моджахедов. Десантники осторожно подошли к палатке и заглянули в нее. Там на каких-то тряпках корчилось маленькое тело человека. Это был мальчишка в возрасте двенадцати-тринадцати лет. Пули перебили ему ноги и он тихо выл,

словно брошенный сукой щенок. Рядом с ним лежал АКМ.

Все посмотрели на командира, ожидая его решения.

– Чего смотрите? Он вашего товарища, словно кабана, завалил, а вы все смотрите на меня.

– Надо же. Сначала Вдовин, а теперь и Назаров. Были друзья, и нет друзей, – тихо произнес Белоусов.

Раздался выстрел. Александр обернулся и увидел, как Белоусов прячет пистолет в кобуру.

– Все, теперь мы квиты, – тихо произнес Белоусов.

– Давай, в машину! – приказал Крылов и направился к грузовику.

Погрузив труп Назарова в автомашину, они тронулись в сторону Кандагара.

* * *

Барабухайка медленно двигалась по грунтовой дороге. Ее бросало из стороны в сторону и иногда казалось, что ходовая часть машины не выдержит таких нагрузок и просто развалится. Однако, несмотря на сильный скрип, она продолжала, уверено двигаться вперед.

Крылов сидел рядом с Сергеевым и внимательно наблюдал за дорогой. На коленях у него лежал автомат, и он был готов открыть огонь в каждую секунду. Неожиданно Сергеев нажал на тормоза и машина резко дернулась и остановилась.

– Что случилось? – спросил Крылов его. – Почему мы встали?

– Похоже, закончился бензин, командир. – Нужно посмот-

реть, есть ли за запасные канистры с бензином. Духи всегда ездят с запасом, так как здесь нет автозаправочных станций.

Он выпрыгнул из кабины и, ударив ногой по колесу, открыл дверь фургона.

– Мужики, посмотрите, нет там у вас канистр с бензином? – спросил их Сергеев.

– Стоят две. На, возьми! – произнес Ибрагимов и протянул ему две двадцатилитровые канистры.

Сергеев быстро заправил бензином машину. Неожиданно из-за горы показались два вертолета МИ-24.

– Вертушки! – закричал Сергеев и бросился в кювет.

Все выскочили из машины и словно горох разбежались в разные стороны. Десантники со страхом смотрели в синее небо, где кружили наши вертолеты. Каждый из них думал о чем-то своем. Было глупо и обидно умирать от рук своих же товарищей по оружию. То ли вертолетчики не заметили одиноко стоявшую на дороге автомашину, то ли цель им показалась недостойной их внимания. Они прошли над ними без единого выстрела так низко, что Крылов успел даже рассмотреть лица пилотов. Он поднялся с земли и стал отряхивать с себя дорожную пыль.

– Командир! – обратился к нему Белоусов. – Давайте похороним Назарова. Жара, боюсь, что труп начнет разлагаться.

Он был прав, везти труп дальше не имело смысла.

– Хорошо. Похороните – ответил Крылов.

Отойдя в сторону, он достал из планшетки карту и стал ее внимательно рассматривать.

– Сергеев! Покажи на карте, где группа, – обратился Александр к нему, заметив, что тот закончил заправлять машину.

Он подошел к нему и стал внимательно рассматривать карту.

– Я думаю, что мы где-то здесь, – неуверенно произнес он и ткнул своим корявым пальцем в точку на карте. – Я плохо знаю карту, командир, и легко могу ошибиться.

«Что за страна, – подумал Крылов. – Ни дорог, ничего у них нет. Похоже, там, где пройдет ишак, там у них и дорога».

Белоусов и Ибрагимов обкладывали тело погибшего Назарова камнями и иногда бросали свои взгляды на него. Он сразу же понял, чем они недовольны. Рядом с ними на камне сидел Грачев и с отрешенным видом смотрел на них.

– Может, вы им поможете, товарищ полковник? – спросил его Крылов. – Вам не кажется странным, что кто-то работает, а кто-то смотрит.

Он криво усмехнулся.

– Я – не из похоронной команды. Если вы считаете, что им нужна помощь, то возьмите и помогите им. А мне указывать не нужно, что мне делать.

Крылов хотел что-то сказать ему, но из-за горы вдруг снова вылетели два вертолета МИ-24. Один из них сделал боевой разворот и устремился на них. «Горбатый» дал корот-

кую очередь из пулемета и, развернувшись на сто восемьдесят градусов, последовал за ведущим вертолетом. Пули пробили колесо, и Сергееву снова пришлось возиться с машиной, меняя пробитый скат на запасное колесо. Пока он это делал, им удалось обложить камнями тело Назарова и они сейчас были готовы отправиться на машине дальше. Дорога, по которой они уже проехали километров тридцать, на карте обозначена не была. Крылов свернул бесполезную карту и засунул ее обратно в планшетку.

– Погодите, товарищ старший лейтенант, – произнес Ибрагимов. – Я здесь соорудил крест из подручного материала. Давайте поставим его на его могиле.

Десантники снова вернулись к могиле и общими усилиями установили православный крест у него в ногах. Сделав это, они направились снова к машине.

Сергеев завел машину и она, закряхтев, как старый дед, тронулась с места. Они проехали километров пять, и машина вдруг снова встала. Перед ними лежал небольшой кишлак, через который шла их дорога.

– Что будем делать, командир? – спросил Сергеев. – А вдруг в кишлаке духи?

– Сергеев! Здесь кругом духи, и надеяться на чудо нам не стоит. У тебя машина может ехать чуть быстрее, чтобы мы на скорости промчались через этот кишлак?

– Не знаю, командир. А вдруг она встанет в самый ненужный момент? Гарантии я вам не даю, но попробовать можно.

Крылов невольно задумался. Бросать машину было жалко, она здорово помогла нам. Он вышел из кабины и позвал Белоусова. Когда тот выпрыгнул из фургона и подошел к нему, Александр отвел его чуть в сторону от машины и негромко произнес:

– Андрей, я принял решение. Машина будет прорываться через кишлак. Подготовь людей к бою. Установите с Ибрагимовым пулеметы, приготовьте гранаты. Особо обратите внимание на полковника Грачева. Пусть ляжет на дно кузова. Мы так долго его тащили за собой, и поэтому я не хочу потерять его просто так.

– Все понял, товарищ командир, – ответил Белоусов.

– Если все ясно, тогда в машину. До кишлака километра полтора, не более.

Они обнялись. Белоусов полез в фургон, а он сел в кабину машины.

– Ну, давай Сергеев. Посмотрим, на чьей стороне фортуна.

Машина тронулась и, набрав скорость, устремилась к кишлаку.

* * *

Барабухайка скорей влетела, чем въехала в этот кишлак, который растянулся над ущельем. Машина мчалась по единственной улице кишлака, поднимая за собой облако мелкой серой пыли. Пыль была такой плотной, что трудно было разобраться, что конкретно движется по дороге. Местные

мальчишки, игравшие на улице кишлака, моментально разбежались в разные стороны.

– Гони! Гони! – кричал Крылов Сергееву, направляя ствол автомата на каждый дом, мимо которого проносилась автомашина.

Первого моджахеда они увидели, проехав половину кишлака. Он шел с автоматом в руке и нес за лапы петуха, который безнадежно размахивал своими крыльями. Душман удивленно посмотрел на мчавшуюся ему навстречу машину. Глаза его с каждой секундой становились все больше и больше. Еще миг, сильный удар, и он отлетел в сторону от машины. Вырвавшийся из его рук петух помчался впереди машины, размахивая своими крыльями. Из-за высокого глиняного забора выглянула чья-то голова в белой чалме и моментально исчезла за ним. Вслед им уже неслись автоматные выстрелы, но пули проносились выше машины, не причиняя ей никакого вреда.

Внезапно двигатель автомашины заглох. Машина несколько раз чихнула, дернулась и замерла посреди дороги.

– Что с машиной? – закричал Крылов, обращаясь к водителю. – Почему остановились?

Сергеев пожал плечами и посмотрел на него.

– Похоже, радиатор накрылся, командир, – ответил он. – Движок перегрелся, вот его и заклинило.

– Давай, из машины! Уходим! – закричал Крылов и выстрелил в моджахеда, который выскочил на него из облака

поднятой пыли.

Ибрагимов выпрыгнул из машины первым и сразу же упал. Укрывшись за колесом машины, он открыл огонь из пулемета, давая возможность Белоусову и Грачеву выскочить из машины. Они отбежали в сторону от машины и, укрывшись за дувалом, начали отстреливаться. Прикрыв огнем, отход Ибрагимова, они все побежали в сторону небольшого дома, который находился на окраине кишлака. Заметив их, хозяин дома бросился бежать.

– Занять оборону! – приказал Крылов. – Беречь боеприпасы!

Десантники залегли в доме и приготовились встретить духов огнем двух пулеметов и автоматов.

– Ибрагимов! Как ты? – спросил его Александр.

– Якши, командир. Терпимо…

Автомашина, стоявшая посреди улицы, внезапно вспыхнула и окуталась черным жирным дымом. Раздался сильный взрыв. Стоявший перед домом глиняный забор моментально окутался клубами серо-коричневой пыли, который закрыл им видимость. Затрещали автоматы и с криком «Аллах Акбар» моджахеды пошли в атаку. Расстояние быстро сокращалось. Пули роем проносились над головами десантников и впивались в глинобитные стены, покрывая все вокруг пылью. Подпустив их метров на тридцать, они ударили по ним из пулеметов и автоматов. Оставив около десятка трупов и раненых, они откатились назад за забор, откуда стали вести

по ним огонь из автоматов. У них появился еще один раненный. Пуля снайпера попала Ибрагимову снова все в ту же руку. Оставаться в доме не имело никакого смысла. Внезапно над кишлаком повисла тишина. Где-то вдали послышался шум автомашин.

«Что это?» – подумал Крылов, набивая пустой магазин автомата патронами.

То, что это были автомашины, они уже не сомневались. Единственной загадкой оставалось – чьи это были автомашины. От плохого предчувствия у Крылова защемило сердце.

– Приготовьте гранаты, будем прорываться – приказал он.

Прежде, чем он подал команду, из-за забора выскочил джип, на турели которого стоял крупнокалиберный пулемет. Он успел дать две длинные очереди, прежде чем они сумели понять, что произошло. Пули пробили толстую глиняную стену и впились в противоположную стену, не задев никого из группы.

– Сергеев, подай мне гранатомет. Пока мы не уничтожим этот джип с пулеметом, прорываться бесполезно, он нас скосит, как траву, – обратился к нему Крылов.

– Есть, командир,– ответил тот и протянул ему гранатомет.

Прихватив с собой РПГ, он медленно выполз из дома.

Чмок, чмок, чмок – услышал Крылов около своего уха. Это пули снайпера ударилась в стенку на пять сантиметров выше его головы.

«Как хорошо, что тебя так плохо обучили в тренировочном лагере – подумал он. – Если бы ты стрелял чуть лучше, то, наверняка, снял бы меня первым выстрелом».

Душманы, заметили его и открыли шквальный огонь. Они били как по нему, так и по окнам и двери дома, не давая возможности десантникам прикрыть Александра огнем. Укрывшись за углом дома, Крылов выстрелил из него в забор, за которым, как ему показалось, собралась большая группа духов, готовясь к атаке. Когда пыль улеглась, он увидел большую дыру в заборе, несколько тел духов, лежащих около этой образовавшейся дыры. Зарядив гранатомет новой гранатой, он снова приготовил его к выстрелу. Где-то рядом послышался шум автомобильного мотора. Он поднял гранатомет и стал ждать, когда появится джип.

Несмотря на то, что он его ждал, появление машины было столь неожиданным, что он не успел даже понять, с какой стороны она появилась. Машина на несколько секунд замерла перед домом, пулемет рыгнул огнем по дому и она стала пятиться назад, пытаясь укрыться за высоким забором. Крылов успел выстрелить раньше, чем она успела скрыться. Машина, словно в замедленной съемке, отделилась от земли и на какое-то время повисла в воздухе. Стоявший в кузове пулеметчик, сделав в воздухе гимнастический кульбит, рухнул на землю. Крылов быстро перезарядил свой гранатомет и сделал очередной выстрел в забор. Бросив уже ненужный ему гранатомет на землю, он громко подал команду на про-

рыв.

Бойцы выскочили из дома и, забросав гранатами разбегающихся в разные стороны моджахедов, бросились из кишлака. Как ни странно, но духи за ними не погнались. То ли их прорыв был для них неожиданным, то ли наступающая темнота отбила у них желание преследовать бойцов.

Крылов оглянулся назад. Полковник Грачев, выбившись из сил, еле брел за ними.

* * *

– Помогите полковнику! – приказал Крылов Белоусову. – Разве не видно, что он кое-как тащит за собой ноги.

Лейтенант подошел к нему с целью помочь, однако, полковник оттолкнул его в сторону и, грозно сверкнув глазами, выругался матом:

– Пошли вы с Крыловым на….. Ничего, если дойду, я найду возможность сказать вам спасибо. Я – не злопамятный, у меня просто отличная память.

Белоусов схватил Грачева за грудки, но, заметив неодобрительный взгляд Крылова, отпустил его.

– Вот-вот, мы это припомним…

Оба посмотрели в его сторону, ожидая от него какой-то адекватной реакции. Но Крылов промолчал. Ему уже было так тяжело таскать за собой этого человека, что если бы его в этот момент застрелил бы Белоусов, то, наверняка, всем бы им было заметно легче, как физически, так и морально.

– Приведите себя в порядок! – приказал он бойцам. – Пе-

ревяжите раненного Ибрагимова. Отдых – тридцать минут.

Все стали приводить себя в порядок, поправлять амуницию, набивать патронами пустые магазины автоматов. Крылов сидел в стороне от десантников и внимательно наблюдал за ними. К нему подошел полковник Грачев.

– Как думаешь, Крылов, нам удастся прорваться через это кольцо духов? – задал он вопрос.

– Почему вы меня об этом спрашиваете, товарищ полковник? Вы в этом сомневаетесь?

– Не буду скрывать, но все твои солдаты все больше и больше сомневаются в твоих умственных способностях – тихо произнес он. – Как вы могли пойти в тыл противника, не оговорив с командованием возможные точки контакта? Разве нельзя было оговорить все это еще там, в штабе. Наверняка, вы рассчитывали на русский авось, что повезет, как всегда? Я не буду сейчас винить тех людей, которые вас направили за мной и летчиками, многие из них – не специалисты. Однако, вы, человек, командир разведывательного отряда, должны были все рассчитать и все предвидеть. У вас должны были быть запасные точки, откуда нас должны были забрать вертолеты.

Крылов промолчал, комок злости и ненависти, подкатил к его горлу, не давая ему не вздохнуть, не сказать. Ему не хотелось спорить с ним, ведь он был в чем-то прав. Все эти точки они могли обговорить еще там, в штабе, с генералом. Но, ни он, ни генерал не думали, что все превратится из спа-

сательной операции в рейд по тылам противника. Кто мог подумать тогда, что они потеряют радиостанцию, а советские вертолеты при посадке будут обстреляны моджахедами.

– Крылов! Я всегда считал вас авантюристом. Еще тогда, когда я вас увидел первый раз в Витебске с вашей женой. Неужели вы тогда не понимали, что совершили роковую ошибку, женившись на ней? Эта женщина не для вас, вы не стоите даже ее мизинца. И вы знаете, я оказался абсолютно прав. Завидев меня, она сразу же стала со мной флиртовать, а затем сама нырнула ко мне в постель, потому что хорошо понимала разницу между тобой и мной. Сейчас вы таскаете нас за собой по этим горным дорогам и перевалам, обещая, что выведете нас в расположение наших частей, хотя сами в это не особо верите.

Крылов мочал.

– Что вы предлагаете, полковник? – тихо спросил он Грачева. – Может, сдаться моджахедам, уповая на их гуманизм? Вы хоть раз видели, что они делают с нашими пленными? Сергеев – это не пример. Они просто отрезают нам головы и все. Это вас не пугает?

– Да бросьте, лейтенант. Я вам ничего не говорил. Вы сами пришли к этому логическому ответу. Поймите же, все правильно! Неужели нужно еще загубить с десяток наших бойцов, чтобы прийти к этому решению. Плен – лучше, чем смерть здесь, в горах. Кто оценит вашу преданность Родине? Может, Брежнев или Косыгин? Они и не знают о тебе и ва-

ша судьба их не волнует! А, там, Красный Крест, Красный Полумесяц, они не дадут погибнуть нам.

– Значит вы, полковник, считаете, что нужно сдаться в плен?

Он кивнул.

– Да я тебя, сука, за эти слова… – неожиданно для десантников буквально взревел Крылов. – Сука! Сволочь!

Он схватил автомат, но на него навалился Белоусов, Сергеев и крепко прижали руку с автоматом к земле.

– Не делай этого, командир! Он хоть и гад, но он – полковник! – произнес Белоусов, продолжая крепко сжимать его в своих объятиях. – Неужели ты не понимаешь, что он специально провоцирует тебя на этот скандал!

Стало тихо. Ему освободили руку, но автомат отодвинули в сторону.

– Хорошо, Андрей. Отпусти меня – попросил он его. – Пусть эта сволочь живет. Но, если он еще раз предложит мне сдаться, то я просто убью его на месте.

Они поднялись с земли и стали отряхиваться.

– Построй группу! – приказал Крылов ему.

Белоусов невольно улыбнулся.

– Какую группу, командир. Она вся перед тобой. Я, Сергеев, раненый Ибрагимов и полковник Грачев.

Тем не менее, все поднялись с земли и стали в строй. Он медленно прошел вдоль строя, вглядываясь в глаза каждого бойца.

– Может, среди вас тоже есть желающие сдаться врагу? – громко спросил он их. – Вы не стесняйтесь, можете, открыто сказать мне об этом. Вот полковник предложил нам всем сдаться, рассчитывая на благородство противника. Может, кто-то разделяет с ним это желание. Сергеев! Может, ты снова хочешь вернуться обратно к моджахедам? Там кишмиш, курага! Там, может, быть и сладко, но там нет Родины.

Строй стоял, пожирая его своими глазами.

– Бойцы! Мы не для того прошли сотни километров, чтобы взять и так просто сдаться врагам. До наших войск осталось совсем недалеко, от силы километров сорок-пятьдесят, а нам вдруг полковник предлагает сдаться. Нет, уважаемый полковник, мы не сдадимся, а сделаем все возможное, чтобы соединиться с нашими войсками. А теперь – налево, шагом марш.

Строй бойцов повернулся и, тяжело ступая, направился дальше, туда, где за вершинами гор садилось багровое солнце.

* * *

За ночь группа прошли около восьми километров. Уже под утро, сморенные усталостью, они повалились на холодную землю и забылись в тревожном сне. Крылову снова почему-то снилась Ольга, ее слезы на глазах и губы, пахнущие лесными ягодами. Он открыл глаза и посмотрел по сторонам. Ему показалось, что он услышал надрывный звук моторов автомашин.

«Неужели дорога? – с радостью подумал он. – Неужели дошли до своих?»

Шум двигателей то нарастал, то снова исчезал и становился едва уловимым. Крылов толкнул в бок, спящего рядом с ним Белоусова.

– Андрей! Похоже, где-то рядом идет большая колонна, – произнес он. – Поднимай, людей!

Через минуту все были на ногах. Группа направились в сторону доносящегося до них звука моторов. Они ускорили шаг, а затем перешли на легкий бег, который мог позволить себе раненый Ибрагимов. Шум моторов нарастал с каждой минутой. Неожиданно, где-то совсем недалеко от них раздался сильный взрыв, затем – второй, третий. Вскоре в дело вступили танковые пушки, пулеметы и автоматы.

– Там, похоже, бой – произнес Белоусов. – Можно, я с Сергеевым пойду быстрее. Вдруг им нужна наша помощь.

– Давай, мы пойдем тем же темпом, – ответил ему Крылов и посмотрел на полковника Грачева. – Антон Сергеевич, может быть, Вы усилите группу Белоусова?

Крылов впервые за все время рейда назвал его по имени и отчеству.

– Извините, но я пойду с вами. А во-вторых, вы хорошо знаете, что я – политработник, а не солдат.

– Да, там нужно будет сражаться, а не учить людей, как нужно это делать, – с усмешкой ответил Александр.

Белоусов и Сергеев отделились от них и бегом устреми-

лись вперед. Грохот боя нарастал, уже отчетливо слышались хлопки танковых пушек и отрывистая стрельба крупнокалиберных пулеметов, установленных на БТР. Наконец они увидели и саму воинскую колонну, зажатую в ущелье с двух сторон моджахедами. На дороге уже горело несколько бензовозов и черный дым, словно черные крылья, застилал всю колонну. Стволы двух танков были подняты вверх, однако угол подъема пушки не давал им возможности вести огонь по засевшим за камнями на склоне горы моджахедам. Один из танков съехал с дороги в кювет и стал методически подавлять огневые позиции духов. Но это продолжалось недолго, выпущенная из гранатомета граната разворотила танковую башню. Танк вспыхнул, словно свеча, и моментально окутался черным дымом.

Крылову хватило лишь взгляда на состояние этой колонны, чтобы понять, что она практически обречена на гибель и сейчас ее могли спасти лишь Белоусов и Сергеев, которые, как он понял, зашли в тыл душманов.

– Атакуем – закричал Крылов и первым открыл огонь из автомата.

Первой же очередью из автомата ему удалось завалить гранатометчика. Тот упал на камни с удивленным лицом. Он, видно, никак не мог представить, как могли оказаться русские у них в тылу. Десантники сумели воспользоваться растерянностью моджахедов. Пока они соображали, что с ними делать, им удалось опрокинуть их под пули колонны.

Вскоре они не выдержали плотного огня и бросились бежать, бросая по дороге боеприпасы и оружие.

Минут через десять в небе появилась четверка «крокодилов» и, чтобы не попасть под их огонь, Крылов дал команду быстро спускаться к дороге. Склон оказался довольно крутым, и им понадобилось определенное время, чтобы спуститься вниз. Они были смертельно рады, что их не обстреляли наши же летчики.

Оказавшись на дороге, десантники попали в теплые объятия своих товарищей по оружию. Двухсоткилометровый рейд их группы был успешно завершен. Когда улетели вертолеты, и на дороге стало тихо, Крылов направился к командиру колонны. Он доложился ему о их группе и поинтересовался, куда движется колонна. На наше счастье, она направлялась в Кандагар.

– Старшой! Неужели из-за этого полковника вы лазили по горам, теряли своих товарищей? – спросил Александра полковник с эмблемами инженерных войск. – Чем же он так дорог нашему командованию?

Крылов кивнул.

– Откуда он свалился на твою голову? – снова спросил его полковник.

– Он из Москвы, из Главного политуправления.

Полковник невольно усмехнулся и посмотрел на Крылова.

– Если бы не он, то и наши летчики навсегда бы остались

там. Им просто повезло, что он летел с ними.

Передав полковника Грачева, он вышел из штабной машины и направился к своим бойцам, которые стояли в стороне и ожидали его возвращения.

– Чего стоим? Быстро всем на броню! – произнес Крылов и указал им рукой на БТР. – Я смотрю, привыкли пешком ходить и не желаете больше ездить на транспорте?

Разместившись верхом на бронетранспортере, они стали ждать, когда тронется колонна. Расчистив дорогу от поврежденной техники, она медленно тронулась вперед, оставив в кювете догоравшие боевые машины.

* * *

Военная техника натружено гудела и чадила несгоревшим бензином и соляркой. Она, словно ленивая зеленая гусеница, медленно ползла по черному серпантину дороги Кандагар – Гиришк. Колонну возглавлял танк Т-72, который с гордо поднятой пушкой осторожно двигался вслед за идущими впереди него саперами.

Крылов сидел на броне БТР и внимательно следил за саперами, которые медленно шли впереди колонны. Моджахеды использовали десятки мин различных производителей. Отдельные из них были в пластмассовых корпусах и обычными средствами – миноискателями обнаружить их было практически невозможно. В этих случаях саперам часто помогали собаки, натасканные на запах взрывчатых веществ. Душманами использовались неизвлекаемые мины, которые

невозможно снять, и приходилось просто взрывать их прямо на полотне дороги. Поэтому от мастерства саперов зависела жизнь многих солдат и офицеров, и эти военные специалисты всегда пользовались большим уважением среди бойцов Советской Армии.

Вот один из саперов замер на месте и поднял вверх руку. Колонна снова замерла. К нему подошел черный от загара офицер и опустился рядом с ним на колени. Он стал медленно разгребать землю и осторожно переносить ее с одного места на другое. Откопав мину, он отослал солдата в сторону и снова склонился над миной. Несмотря на эти пятьдесят метров, которые разделяли их, Крылов хорошо видел его вспотевшее от напряжения лицо и мелко дрожащие руки. Наконец он вывернул взрыватель из мины и, подняв его над головой, улыбнулся. Подошедший к нему солдат выдернул из земли уже не опасную мину и забросил ее в грузовик. Они снова встали в ряд и медленно двинулись вперед.

Крылов сидел на БТР, облокотившись на башню, и лениво рассматривал местность. Рядом с ним дремал Белоусов. Александр иногда бросал на него свой взгляд, стараясь отгадать, что ему снится. Лицо Белоусова иногда становилось грустным, а иногда он улыбался, от чего его лицо становилось смешным, и это вызывало у Крылова улыбку. Было скучно и жарко. А еще, очень хотелось холодной родниковой воды, но ее ни у кого не было. Была только теплая, противно пахнущая хлоркой вода, которую было трудно проглотить.

Недалеко от него на броне сидел солдат, который облил чехол фляги водой и поднял ее на стволе автомата, таким образом, хотел охладить воду во фляге. Но, похоже, даже такой испытанный способ охладить воду почему-то не помогал. С гор непрерывно дул горячий иссушающий кожу, ветер. А горы – они вот, рукой подать, синеют слева и справа по ходу движения нашей колонны.

Машина неожиданно резко наклонилась, заставив Крылова ухватиться за металлическую скобу. Он оглянулся назад, за его машиной тянулся длинный хвост воинской колонны, который скрывался за плавным изгибом поворота дороги. Белоусов открыл глаза и виновато посмотрел на него. Он понимающе подмигнул ему и улыбнулся. Бойцы, сидевшие рядом с ним, лениво крутили головами, наблюдая за безжизненным пейзажем. Спать нельзя, даже, если монотонная езда и духота свинцовой тяжестью наливают веки. Крылов повернул голову направо и посмотрел на обочину дороги, по которой мирно катила арба, запряженная верблюдом.

«Интересно, как они определяют здесь расстояние между городами и населенными пунктами? Кто и когда замерял эти расстояния? – подумал он. – А впрочем, зачем им все это?»

Он снова посмотрел на идущую вверх дорогу. Народу – никого. Хотя нет, вон какой-то дехканин с лопатой из ямы вылезает. Стоп, да ведь это гранатометчик, вон еще один.

– К бою! – что есть силы, закричал Крылов. – Впереди, слева – гранатометчики!

Радист быстро нырнул в машину и стал докладывать по рации.

– Слева триста метров – гранатометчики, уничтожаю.

Стрелок БТРа успел развернуть башню влево и, поймав в прицел гранатометчиков, открыл по ним огонь из крупнокалиберного пулемета. Огненная трасса, словно кнут, ударила по дороге и моментально дотянулась до первого душмана. Прежде, чем Крылов успел спрыгнуть с брони машины, он увидел отлетевшую в сторону руку гранатометчика, сжимавшую ручной гранатомет. Второй, похоже, успел укрыться от пуль в своей глубокой яме. Однако выстрел пушки идущего впереди нас танка, похоже, похоронил его в этой яме.

Первый выстрел из гранатомета прошел перед их бронемашиной и взорвался метрах в тридцати сбоку от машины, заставив водителя резко затормозить. Следующая граната взорвалась метрах в десяти перед БТР, осыпав бойцов градом мелких осколков и камней. Не успевший вовремя спрыгнуть, солдат упал с брони. Он попытался подняться на ноги, но одной ноги у него уже не было. Увидев оторванную ногу, он забился на пыльной земле и закричал каким-то нечеловеческим голосом.

Крылову удалось вовремя засечь гранатометчика. Его огневая позиция находилась метрах в восьмидесяти от него за грудой больших камней, лежащих слева от дороги.

«Сейчас я тебя, сука, достану!» – подумал он, удобнее ложась между камней.

Гранатометчик снова появился через несколько секунд. Он поднялся из-за камней и выстрелил по колонне. На этот раз граната угодила в колесо идущего за нашей машиной БТ-Ра. Колеса многотонной машины, словно игрушечные, отлетели в разные стороны, а сама машина, проехав еще несколько метров по инерции, уткнулась носом в большой придорожный камень. Прежде чем гранатометчик успел скрыться за камнем, Александр срезал его длинной очередью из автомата.

* * *

Что тут началось! Еще несколько минут назад пустой эфир колонны «взорвался» командами, докладами, все перебивали друг друга, словно очнулись после дремоты и стремились показать свое служебное рвение. Один из командиров, перепутав батальонную волну с бригадной волной, стал отдавать распоряжения своим командирам отделений. Тявкали пушки БМП, посылая снаряд за снарядом в облако пыли по ямам, в которых находились гранатометчики. Прекратил всю эту суету грозный рык комбрига:

– Прекратить огонь! Всем молчать! Говорю один я! Третий, третий, я «Пламя». Выдвинуться к месту засады! Жду доклада!

Крылов обернулся назад и увидел, что от командирской машины в его сторону бежит начальник разведки бригады майор Гуревич.

– Крылов! Бери своего Белоусова, взвод солдат и – вперед,

на зачистку дороги – скороговоркой произнес он. – Нужно убедиться, что впереди нас никого нет. А иначе, мы так и не дойдем до Кандагара.

Он подозвал к себе Белоусова и продублировал приказ майора. Через минуту на трех БТРах подъехал взвод солдат. Они развернулись цепью и осторожно направились в сторону дорожной насыпи, откуда вели огонь гранатометчики. Было тихо, лишь шум работавших двигателей машин нарушал эту тишину. Солдаты мелкими перебежками приблизились к месту засады.

– Командир, а здесь никого нет! – произнес Белоусов, указывая Крылову на пустые ямы.

– Как так нет? Я же сам видел здесь гранатометчиков! – удивленно произнес он. – Вот, смотри, и граната лежит, и мертвый гранатометчик, которого я срезал.

Внимание Александра привлекло небольшое углубление в стенке ямы, завешанное обычной тряпкой. Он с силой рванул ее на себя. За тряпкой было небольшое отверстие, в которое мог свободно пролезть человек. Ему уже неоднократно приходилось слышать о подземных ходах, которые рыли моджахеды, но встречаться с этим пока не приходилось. Теперь он впервые увидел, что это такое.

– Слышишь, Белоусов? Похоже, эта их новая тактика нападения на наши колонны. Они сначала следят за их продвижением, отсиживаясь в ямах, а в нужный момент выскакивают из них, как черт из табакерки и, сделав несколько пус-

ков гранат, снова уходят под землю. Все эти подземные ходы они знают с детства, постоянно занимаются ремонтом этих ирригационных сооружений.

– И как далеко они тянутся? – спросил он его.

– А черт его знает. Может, метров на сто, а может быть, и на триста.

Бросив в это отверстие несколько гранат, солдаты стали кидать гранаты в такие же боковые ходы и во всех остальных ямах. Они быстро поняли, что искать гранатометчиков надо километром выше или ниже этих ям. Рассыпавшись в цепь, они прошли еще вперед метров сто – сто пятьдесят и снова наткнулись на подобные ямы.

– Товарищ старший лейтенант! Можно, я спущусь в эту яму. Я худенький, не застряну.

– Давай, сержант! – произнес Крылов. – Смотри только – осторожно. Они могли заминировать этот лаз.

Легкий, как пушинка, сержант буквально змеей пролез в лаз ямы. Из-под земли раздалось несколько автоматных очередей и он вылез из соседней ямы, держа в руках гранатомет.

– Это ты стрелял? – спросил Александр его.

– Да. Он, сука, раненый был, лягаться начал. Не тащить же его на себе, – как-то вполне обыденно произнес сержант.

– Крылов! К командиру бригады – услышал он приказ.

Оставив около ям Белоусова с солдатами, он бегом отправился к командирской машине. Колонна медленно стала втягиваться в кишлак.

* * *

– Товарищ полковник, старший лейтенант Крылов прибыл по вашему приказанию, – отчеканил он.

– Присаживайся, Крылов, – произнес полковник и рукой указал ему на пустое сиденье в машине.

Он присел и внимательно посмотрел на него, ожидая его приказа.

– Крылов! Моя задача – довести эту колонну до Кандагара. Впереди у нас еще около тридцати километров. Не буду скрывать, что мы уже понесли значительные потери в технике от этих постоянных набегов духов. У тебя, – достаточный опыт в этом деле. Ты сам неоднократно выходил на «дорогу», лазал в «зеленку» и поэтому хорошо знаешь их методику боевых действий.

Полковник замолчал и внимательно посмотрел на него. Заметив, что он по-прежнему внимательно слушает его, он продолжил:

– Нужно организовать разведку по маршруту движения колонны. Ты понял меня?

– Так точно! – произнес он и попытался вскочить с сиденья.

– Да сиди ты, не дергайся. Вот и хорошо, что ты понял. Все остальное реши с майором Гуревичем. Виктор Александрович – человек опытный, он поможет тебе.

– Есть! – произнес Крылов и вышел из штабного УАЗа.

Он быстро разыскал майора Гуревича. Тот уже был в кур-

се всего этого.

– Что тебе нужно, Крылов, для этого? – поинтересовался он у него.

– Товарищ майор, мне нужны две, а лучше три автомашины.

– Это – не вопрос. Но три дать не могу. Бери любые две машины и делай с ними, что хочешь.

Подозвав к себе Белоусова, Крылов быстро объяснил, что нужно сделать. Они быстро установили на одну из автомашин крупнокалиберный пулемет ДШК. В другую машину устанавливали 12,7-мм пулемет «Утес» и автоматический гранатомет «Пламя». Борта машин завесили бронежилетами, а на дно кузова уложили мешки с песком, которые нашли на разбитом моджахедами блокпосту.

Когда они все это приготовили, он доложил о готовности майору Гуревичу. Виктор Александрович осмотрел машины и остался доволен.

– Еще что-то нужно? – спросил он Крылова.

– Мне необходимо переодеть своих бойцов в афганскую одежду. Это нам позволит свободно передвигаться по дороге.

– Это тоже не проблема, – произнес майор. – Через полчаса у вас будет одежда.

Он не соврал. Через полчаса к нему подошел старшина и положил у ног ворох тряпья.

– Здесь все для ваших людей, товарищ старший лейте-

нант, – доложил он и, повернувшись, направился в сторону стоявших БТР.

Они быстро переоделись и, помахав на прощание майору Гуревичу, выехали из кишлака, направившись в сторону дороги.

* * *

Две машины двигались по дороге с небольшой скоростью. Крылов сидел рядом с водителем в первой машине и внимательно рассматривал прилегающую к дороге местность. Он иногда бросал любопытствующий взгляд на молодого водителя, одетого, как и он, в афганскую одежду. Пакуль (головной убор) съехал у него в сторону, и из-под него торчал вихор рыжих волос, который он с периодичностью пытался засунуть обратно, под этот непривычный ему головной убор.

Где-то в километрах десяти позади группы двигалась колонна. Дорога все время уходила куда-то вниз и терялась за очередным поворотом. Кругом стояла мертвая тишина, разрываемая лишь шумом автомобильных двигателей. Пустыня, если это можно так назвать, и ничего более, на чем можно было остановить свой взгляд.

«Огромная песочница, – подумал Крылов, – в которой есть все: горы и холмы, долины и овраги, сухие русла рек и озер. Что за страна, за которую нужно бороться, рвать друг другу глотки. Здесь же ничего не растет».

Он посмотрел на водителя и приказал ему остановить автомашину. Александр выпрыгнул из кабины и направился к

следовавшей за ними машине. Крылов рывком открыл водительскую дверь.

– Боец! Ты, видимо, меня не слушал, когда я инструктировал вас. Ты, почему куришь за рулем? Хрен с тобой, если ты жить не хочешь. Ты о ребятах подумал или нет?

– Но ведь дорога пуста, кто меня увидит, товарищ старший лейтенант, – ответил он, продолжая держать сигарету в зубах.

Крылов со злостью вырвал у него сигарету и, бросив ее на землю, затоптал.

– Еще раз закуришь …

Солдат моментально понял, что его ожидает. Крылов развернулся и направился к своей автомашине. Сев рядом с водителем, он положил на колени автомат и чтобы немного успокоится начал рассматривать унылый пейзаж, проплывающий за окном машины.

«Что мы здесь делаем? – снова подумал он. – Кого мы пытаемся осчастливить здесь своим присутствием в этой стране? Они здесь сражаются за свои крохотные земельные участки, на которых можно хоть что-то вырастить, а мы за что?»

Впереди машины показалось ровное плато какого-то бурого цвета. Ему уже приходилось пересекать эти обезвоженные площадки. На первый взгляд, кажется, что эта площадка однородна, на самом деле это не так. Где-то в отдельных ее местах ноги проваливаются по колено в песок, а где-то да-

же разрыв гранаты оставляет только пыльное пятно на скалистом грунте. Эта бурая пустыня – совсем мертвая, а где-то есть жизнь и буйная растительность. Над всем этим – солнце. Страшное солнце, которое может свести с ума, парализует волю людей, заставляет думать только о воде, о глотке воды. Жить в такой пустыне тяжело и небезопасно для людей.

Машину качнуло. Крылов отвел свой взгляд от дороги и посмотрел на водителя.

– Задремал? – спросил его Александр.

– Никак нет, – ответил водитель, – просто немного задумался.

– Смотри за дорогой, – посоветовал Крылов. – Так будет лучше для всех. Понял?

– Так точно…

Александр сидел в кабине, прижавшись спиной к двум бронежилетам. Закрыв глаза, он почему-то подумал о полковнике Грачеве. С момента встречи его группы с основными частями нашей армии, он больше его не видел. Грачев все время неотступно следовал за командиром бригады и делал вид, что совсем не знаком с ними. Когда он встречался и разговаривал с комбригом, то почему-то выходил из его штабной машины, стараясь не оставаться с ним один на один. Крылов как-то хотел поинтересоваться у комбрига его состоянием, но затем передумал. Александр был уверен на сто процентов, что он постарается свести с ним свои личные счеты, однако прошло трое суток – и по-прежнему тишина,

никаких рапортов и отчетов о деятельности группы в тылу противника.

Крылова больно ткнул в плечо водитель. Он приподнял глаза и посмотрел на него.

– Впереди духи, командир! – тихо произнес он. – Что делать?

Головной дозор моджахедов, ожидая встречи с армейской боевой техникой, был растерян, увидев в машинах себе подобных. Посчитав десантников за пополнение, они выскочили на дорогу и радостно замахали им руками. Их было около двадцати человек, одетых в полосатые халаты и вооруженных автоматами и гранатометами. Он приказал водителю остановиться и когда тот исполнил приказ, Крылов встал на подножку кабины и посмотрел на бойцов, которые прильнули к своему оружию.

– Всем приготовиться к бою!

Машины остановились в метрах двадцати от блокпоста. Из кабины второй машины вышел Сергеев и что-то спросил у них.

– Что они говорят? – спросил его Крылов.

Он повернулся к нему и еле слышно произнес:

– Они радуются, так как считают, что прибыло пополнение. Их всего здесь восемнадцать человек и им обещали прислать пополнение. Вот они и приняли нас за своих бойцов.

Крылов отстегнул гранату и швырнул ее в стоявшую на дороге толпу моджахедов. Прежде, чем раздался взрыв гра-

наты, из машин ударили пулеметы, сметая с дороги все живое. Минуты через две все было кончено.

– «Пламя»! Я «третий» – дорога чистая. Сбит один из заслонов духов.

– Молодец, «третий», – услышал Крылов. – Колонна выходит на дорогу.

– По местам! – скомандовал он. – Движемся дальше!

Отряд тронулся дальше по дороге. Вскоре они заметили шлейф пыли – явный признак идущей навстречу колонны. Крылов снова вышел в эфир и запросил у полковника сведения о наличии на дороге наших воинских частей. Было бы очень обидно погибнуть от пуль своих ребят.

– «Третий», наших колонн на дороге нет, – последовал ответ из штаба. – Разбирайся сам.

Они остановились у обочины дороги и стали готовиться к бою. До идущей колонны оставалось метров восемьсот, а может, чуть больше. За столь короткое время саперам удалось заложить несколько фугасов. Крылов приложил к глазам бинокль. Им навстречу мчались пять автомашин «Симург». Расстояние, разделявшее караван духов и их разведгруппу, составляло около 100-150 метров. Уже были видны радостные лица мятежников, их приветливые жесты.

Крылов ждал, когда они подъедут ближе. Машины духов сбросили скорость и стали прижиматься к бровке дороги. Заходящее солнце светило в спину их группе и ослепляло моджахедов, не давая им возможности внимательно рассмотреть

их. Когда расстояние сократилось до пятидесяти метров, он отдал команду открыть огонь.

Почти одновременно прозвучало четыре взрыва. Это сработали наши фугасы. Две машины замерли сразу, третья прошла метров двадцать и загорелась. Последние две машины попытались развернуться, но узкая дорога не позволила им это сделать. Пули крупнокалиберного пулемета изрешетили эти две машины, словно консервные банки. Когда все стихло, они осторожно вышли на дорогу и, держа автоматы наизготовку, направились в сторону горевших автомашин, чтобы убедиться, что там нет живых.

* * *

Солдаты осторожно подошли к машинам и стали собирать оружие, боеприпасы и документы. Собрав все, что можно, они все это перенесли в наши автомашины.

– Белоусов! – крикнул Крылов Андрею. – Столкните все это в кювет, чтобы не мешало прохождению колонны.

– Есть, командир! – ответил он, и бойцы по его приказу стали сбрасывать горевшие машины с обрыва.

– Свяжи меня с полковником! – приказал он радисту.

Когда Крылов услышал голос полковника, он доложил ему о результатах этой стычки.

– Третий, каковы ваши потери? – спросил его полковник.

– Потерь нет, – коротко ответил он ему. – Можете двигаться дальше. Дорога на Кандагар свободна.

Дождавшись подхода основных сил бригады, они все вме-

сте преодолели последние километры дороги и вошли в Кандагар. При входе в город Крылов попрощался с командиром бригады, начальником разведки майором Гуревичем и, вызвав с базы автомашину, стал ожидать ее прибытие. Около него разместились остатки его некогда большой группы. Их оставалось только трое. Раненого Ибрагимова они сразу же передали в руки военных врачей, а Сергеева у них забрали сотрудники особого отдела.

– Спасибо, товарищ старший лейтенант, что поверили мне, что вернули оружие и дали возможность сражаться, – произнес на прощание Сергеев. – Бог даст, может, еще и увидимся.

– И тебе спасибо, Сергеев, что помог нам выйти в расположение наших частей.

Они обнялись с ним по-братски. Он молча пожал руку и Белоусову и, немного ссутулившись, направился к машине, около которой его ожидал капитан из особого отдела дивизии. Машина с Сергеевым тронулась и быстро исчезла в клубах серой пыли.

Крылов закурил и, положив под голову пустой вещевой мешок, лег и стал рассматривать бездонное афганское небо. Неожиданно он вскочил с земли, словно его прострелило электрическим током, и стал осматриваться по сторонам. Около одной из палаток стоял полковник Грачев и внимательно смотрел в их сторону. На нем был новый китель и новые блестящие хромовые сапоги.

«Надо же, как вырядился, словно собрался на парад», – с ненавистью подумал Крылов, рассматривая его со стороны.

Поймав его полный ненависти взгляд, полковник направился в его сторону.

– Лейтенант! Почему не приветствуете старшего по званию командира, – снова спросил он его, невольно заставляя вспомнить перрон Витебского железнодорожного вокзала.

Александр поднялся с земли и, отряхнув с себя дорожную пыль, вытянулся по «стойке смирно».

– Извините, товарищ полковник. Задумался, отвлекся, вот и не заметил вас, – довольно бодро произнес Крылов, наблюдая, как за его спиной поднялся с земли Белоусов и вытянулся по «стойке смирно».

– Плохо, товарищ старший лейтенант. Сегодня вы не заметили полковника, а завтра вы начнете брататься с предателем. Я обязательно доложу об этом вашему непосредственному командиру подразделения. Теперь, Крылов, шарик на моей стороне. Я ничего не забываю, не забуду и это. Это и вас касается, лейтенант Белоусов.

Крылов продолжал стоять перед ним. В его голове одна за другой проносились страшные для него мысли о мести, однако ему удалось сдержаться и ничего ему не ответить. Полковника Грачева кто-то окликнул и он, сверкнув на него своими недобрыми глазами, направился к подъехавшей автомашине.

В тот же вечер Крылова вызвал к себе генерал. Он пожал

ему руку и нацепил на левую сторону груди орден Боевого Красного знамени.

– Извините, товарищ генерал, а как остальные бойцы?

– Подготовь наградные листы на каждого из них сам. А это – то, что я тебе обещал.

Он похлопал его по плечу.

– Молодец, Крылов!

– Служу Советскому Союзу! – громко произнес он и, развернувшись, вышел из его кабинета.

Я СЕГОДНЯ, ВАЛЕРА, ОПЯТЬ,
ТАМ, ГДЕ РВУТСЯ ВПЕРЕД ПАЦАНЫ,
ЧТОБЫ СЕРДЦЕМ СВИНЕЦ ДОБЫВАТЬ
ДЛЯ СТРАНЫ…

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
Перед бурей

Прибыв вечером на базу, он с Белоусовым сразу же направился в натопленную старшиной баню. Крылов долго нежился в этом влажном тепле, постегивая иногда себя неизвестно откуда добытым старшиной березовым веником. Он в этот момент был самым счастливым человеком на земле. Перед тем как идти в баню, к нему подошел старшина и протянул три конверта. Первое письмо было от матери, а два других – от Ольги. Взяв в руки письма, он сразу же направился в свою комнату и, не снимая с себя обмундирование, повалился на койку. Крылов быстро прочитал письмо матери, в котором она писали ему о здоровье его родных и близких, интересовалась службой. Мать, похоже, до сих пор не догадывалась, где он служит, и интересовались у него, когда он приедет в отпуск. Отложив в сторону прочитанное письмо от матери, он с каким-то внутренним трепетом, вскрыл конверт Ольги. Она писала ему о себе, о своих проблемах и переживаниях. Она, в отличие от его матери, хорошо знала, где он служит. Читая ее письмо, Крылов отлично понимал, что кроется между всех этих обыденных строк, написанных аккуратным девичьим почерком. Он несколько раз перечитал ее письма, чувствуя необычную теплоту и любовь, которой ему так не

хватало в последнее время. Он аккуратно сложил исписанные листы и положил себе в карман чистой армейской куртки, которую заботливо повесил в углу на гвоздь старшина.

Намывшись вдоволь, Крылов поужинал и направился к себе в комнату. Сев за стол, он вырвал из школьной тетради лист бумаги и приготовился писать письма домой и Ольге. Дверь комнаты открылась, и в комнату вошел командир парашютно-десантного полка. Он моментально вскочил с койки и вытянулся по стойке смирно.

– Вольно! – тихо произнес он. – Докладывать не нужно, я все знаю, Крылов. Орден еще не обмыл?

– Никак нет, товарищ полковник.

Полковник сел на стул и предложил ему тоже присесть рядом с ним. Александр сел на койку и внимательно посмотрел на него. Визит полковника был до того неожиданным, что он сейчас просто терялся в догадках.

– Крылов! Я хорошо понимаю, что ты сильно устал, мотаясь по тылам моджахедов, но дело есть дело. Из штаба дивизии получен приказ и его нужно обязательно выполнить. Карта у тебя есть?

Он протянул полковнику карту.

– Присаживайся поближе, буду ставить тебе задачу.

Когда он сел рядом с ним, командир полка развернул карту.

– Воздушная разведка и радиоперехваты говорят, что около кишлака Юзлак моджахеды организовали большую пере-

валочную базу. Сюда стекаются десятки караванов с оружием и боеприпасами. Вся эта переброска осуществляется в темное время суток и наша авиация не в состоянии засечь координаты этой базы. Насколько нам известно, сами склады, со слов перебежчика, размещены в двух больших соединяющихся пещерах. Как сегодня выяснилось, в этом районе расположены четыре кишлака с таким же названием, что окончательно внесло неразбериху в наши планы. Сегодня нами были получены сведения, что туда направляется большой караван с переносными зенитными установками «Стингер». Что это такое, ты, наверняка, знаешь. Если они попадут в руки полевых командиров, небо для наших летчиков будет закрыто на длительное время.

Полковник сделал паузу и посмотрел на Крылова. Он сидел и не спускал глаз с карты, а вернее, с пальца полковника, которым тот водил по карте.

– Ты с группой должен высадиться вот в этом районе, найти и уничтожить эту базу. Я понимаю, что ты смертельно устал, и это сложно, но другого выхода у нас нет.

Он посмотрел на Крылова. Тот сидел, не произнося ни одного слова.

– Вот посмотри, Крылов, здесь ты подберешь «показчика», то есть проводника, который покажет тебе на месте расположение этой базы.

Крылов посмотрел на его желтый прокуренный палец, который упирался в точку на карте. Он хотел задать вопрос

полковнику, но тот опередил его.

– Почему он покажет на месте? Да потому, что он не умеет читать карту, ты понял меня? Если бы он мог, мы уничтожили бы эту чертовую базу с воздуха.

– Так точно, товарищ полковник, – ответил он. – Когда выход группы?

– Группа у тебя будет небольшой. С тобой вместе двадцать пять человек, двадцать твоих и пять – саперов. Вылет завтра в двадцать два часа. А сейчас, отдыхай.

Полковник поднялся с табурета и направился к двери. Он тоже встал с койки и медленно направился вслед за ним. Проводив полковника, он вернулся в комнату. Еще полчаса назад царившее в нем лирическое настроение, куда-то улетучилось. Он снова почувствовал себя военным человеком, перед которым поставлена конкретная боевая задача.

* * *

Рано утром Крылов поднял отряд по тревоге. Построив людей на плацу, он стал отбирать из них тех, кто вечером пойдет с ним в рейд. Отобрав двадцать человек, он приказал им готовиться к «выходу», а остальных распустил. Не успел он отдать необходимые приказы, как у него на столе зазвонил полевой телефон. Он поднял трубку и услышал хрипловатый голос командира батальона – старого и доброго друга.

– Слушай, Крылов! У тебя вчера был командир полка? – поинтересовался он у него.

– Да. Вчера вечером заходил. А, что?

– Он тебе ничего не говорил?

– Кроме боевой задачи – ничего. А что он должен мне был сказать? Ты меня уже заинтриговал своим вопросом.

– Давай, сейчас не будем говорить об этом. Придешь с «дороги», там и поговорим.

– Слушай, Валера, лучше бы ты мне ничего не говорил. Давай, выкладывай, или я обижусь на тебя.

Он немного замялся, а затем, видимо набравшись мужества, захрипел в телефонную трубку:

– Слушай, Саша! Я вчера днем был в штабе полка и случайно услышал разговор в отношении тебя. Суть его сводилась к тому, что ты в ходе рейда по спасению летчиков и полковника Грачева угрожал последнему расстрелом. Я впервые вчера узнал, что вы, оказывается, с ним давно знакомы и ты, якобы до сих пор не можешь простить ему то, что он увел у тебя жену.

– Ну и что? Он о себе там ничего не говорил?

– Может, что-то и говорил, но я этого не слышал. Я тебе лишь говорю о разговоре командира полка с кем-то из штаба.

Крылов слушал комбата и не мог поверить в то, о чем он ему сейчас рассказывал. Еще минут пять назад он был абсолютно спокоен, но сейчас в нем все кипело, и эмоции просто захлестывали его. Кровь прилила к его голове, и он уже не слышал то, о чем ему говорил комбат.

– Крылов? Ты слышишь меня или нет? Если слышишь, то

ответь!

– Слышу, Валера, – еле выдавил он из себя.

– Так вот, я не исключаю того, что когда ты вернешься с «дороги», тебя потянут сотрудники особого отдела. Ты же сам знаешь, они очень любят подобные факты, тем более, им развязали руки наши отцы-командиры.

– В каком смысле, – развязали?

– Командир полка сказал, что он не против того, чтобы во всем этом разобрались люди из особого отдела.

– Спасибо, друг. Предупрежден, значит – вооружен. Мы еще посмотрим, кто кого завалит в нашем противоборстве. Что не говори, за мной с десяток свидетелей, а у него – никого.

– Ты, наверное, забыл, чей он родственник. Это родство пересилит показания всего твоего отряда.

– Ты меня не пугай, Валера. В особом отделе тоже служат нормальные люди, они разберутся кто из нас прав, а кто виноват.

– Ладно. Ты сам просил меня, чтобы я тебе рассказал об этом. Я и рассказал, а теперь поступай, как знаешь.

Комбат положил трубку, а он все еще продолжал сидеть на кровати, крепко сжимая в руке телефонную трубку. Почему-то его стала бить мелкая нервная дрожь. Крылову не верилось в то, о чем так подробно рассказал ему комбат. Он сел за стол и стал писать письма. Письмо матери он написал быстро, а вот письмо Ольге заняло у него довольно мно-

го времени. Он написал ей все, что случилось с ним в последнем выходе. Закончив писать, он вытер вспотевший от напряжения лоб и вышел из комнаты. Перекурив на крыльце, он вернулся обратно в комнату и, застелив стол какой-то местной газетой, Александр стал чистить свой АКС.

Раздался скрип двери. Он резко обернулся и увидел Белоусова, который вошел в его комнату.

– Что не отдыхаешь, командир? Я вот проходил мимо твоей двери, смотрю, свет горит, вот и вошел.

– Раз вошел, садись. Чай будешь?

– Буду.

– Тогда ставь чайник на плиту. Я сейчас закончу чистить автомат и будем пить чай.

Он быстро собрал разобранный автомат, убрал газету и сел за стол.

– Ты знаешь, Андрей, мне сейчас позвонил комбат и сообщил, что полковник Грачев написал рапорт в особый отдел дивизии. Пишет, что я во время рейда угрожал ему расстрелом, оскорблял его и унижал в присутствии подчиненных.

Белоусов поставил металлическую кружку на стол и, отодвинув ее в сторону, удивленно посмотрел на него.

– Это ты серьезно, командир?

– Серьезней не бывает. Я сейчас до тебя сидел здесь и думал, почему я его тогда не убил? Выстрелил бы в спину, и все.

– Ну и сука этот полковник. Выходит, зря ты его тащил за

собой, командир. Правильно, нужно было его там завалить, кто бы стал разбираться – от какой пули он погиб. Тем более, что у тебя с ним уже были неприятные трения.

Теперь уже Крылов удивленно посмотрел на него.

– Что так смотришь, командир? Скажи, разве я не прав? Если не мог сделать это сам, обратился бы ко мне. Я бы его точно завалил. Видишь, какая сволочь, то автомат не хотел брать в руки, то предлагал нам всем сдаться, а теперь вот он на коне, а мы с тобой – в дерьме. Если что с тобой произойдет, я этого просто так не оставлю. Я прямо сейчас же попрошу всех бойцов, что были тогда с нами, написать мне рапорта об этом рейде. Пусть напишут, как он, расталкивая раненных бойцов, рвался в вертолет и так далее. Пусть напишут, лишним не будет. Пусть все знают, кто такой полковник Грачев!

– Погоди, Андрей. Не гони лошадей. Стоит ли этим заниматься? Сегодня вечером мы снова выходим на дорогу и надо готовиться к рейду.

– Все понял, командир. Но я все равно попрошу бойцов это сделать. Мало ли что может произойти там, на «дороге», а бумага есть бумага, что ей будет.

Крылов пожал ему руку. Оставив на столе кружку с недопитым чаем, Белоусов вышел из комнаты, оставив его один на один со своими мыслями.

* * *

В двадцать два часа группа были на аэродроме. Быстро

выгрузившись из автомашин, они стали так же быстро грузиться в два стоявших на полосе вертолета. В каждую машину погрузились двенадцать десантников. Наученные горьким опытом, все были обвешаны боеприпасами, и поэтому выглядели неуклюжими и медлительными.

– Белоусов! Прикажи бойцам, пусть помогут грузиться саперам, – крикнул Крылов ему, заметив, что те продолжают еще возиться у вертолетов.

В этот раз они, на всякий случай, погрузили в «вертушку» автоматический гранатомет АГС -17 с двумя комплектами кассет с гранатами. Увидев гранатомет, командир вертолета Зайцев стал ругаться и требовать, чтобы он оставил на земле этот гранатомет и боеприпасы к нему.

– Крылов, ты же хорошо знаешь, на чем полетишь. У МИ-8Т двигатель значительно слабее, чем у нормальной «восьмерки». Из-за этого перебора груза мы можем просто не взлететь. Ты подумай, что делаешь, – произнес он и, схватив за ствол гранатомет, начал его вытаскивать из машины.

– Да, брось ты, лишнего страховаться. Куда мы денемся, все равно я никого и ничего высаживать и выгружать не буду. Этот гранатомет мне нужен там, где ты меня оставишь.

Рука Крылова легла на его руку. Он повернулся к нему лицом и выругался матом. Наконец, после долгих споров ему все-таки удалось уговорить его. Махнув на него рукой, пилот забрался к себе в кабину и запустил двигатель машины. Он долго гонял двигатель на холостых оборотах, прежде чем

оторваться от земли. Как Крылов потом узнал от летчиков, в условиях высокогорья данная машина вообще никуда не годилась, и вскоре все вертолеты этой марки были заменены на другие машины.

Вертушки летели над горами. За бортом стояла темная ночь, и трудно было понять, где земля, а где небо. Наконец внизу замелькал маленький огонек, который очертил круг. Это был сигнал. Крылов встал с места и направился в кабину пилотов. Открыв дверь, он попросил Зайцева подобрать проводника.

– Ты что, Крылов, придумал? Я не хочу рисковать людьми и машиной.

– Тогда поворачивай обратно, без него все равно нам там делать нечего. Ты что, Зайцев, ломаешься! Не я это придумал, это – приказ командования! – стараясь перекричать шум двигателей, произнес он.

Зайцев заскрипел зубами и, сверкнув на него недовольным взглядом, стал плавно опускать свой вертолет вниз. Второй вертолет продолжал кружиться в небе.

– Крылов! – окликнул его командир вертолета. – Я боюсь, что если мы здесь сядем, то можем не взлететь.

– Почему не взлетим? Ты же мастер своего дела, – подбодрил он пилота. – Главное, не трусь, и все будет в порядке.

Наконец машина коснулась колесами земли. Они быстро втащили проводника на борт и машина, с трудом стала отрываться от земли. Двигатель машины натужно заревел, словно

раненый зверь. Машина стала качаться из стороны в сторону. Все схватились за сидения, словно это могло их спасти, в случае падения «вертушки». Наконец, набрав высоту метров десять, машина задрожала и стала медленно оседать на землю. Он посмотрел на командира. Зайцев повернул к нему голову, лицо у него было сероватого цвета.

– Крылов! Ты понял, что ты наделал! – закричал он на него, используя весь лексикон русского мата.

Ми-8 резко ударился о землю всеми колесами, слегка подскочил над землей и завалился в пропасть, которую они не заметили из-за темноты. Крылов стоял в кабине у летчиков и хорошо видел их искаженные страхом лица. Сердце у него тоже моментально оказалось в районе гланд. Но видимо то, что они завалились, а точнее – это Зайцев завалил машину в пропасть, спасло их от неминуемой смерти. Вертолет поймал воздушный поток и стал медленно набирать высоту. Чтобы не мешать летчикам своим присутствием, он вышел из кабины и присел на вещевой мешок.

Минут через пять из кабины вышел Зайцев и, посмотрев на него, сделал знак рукой, чтобы он вошел за ним в кабину. Александр встал с сиденья и направился вслед за ним.

– Крылов, через двадцать минут будем над точкой. Скажи, может твой «наводчик» показать нам этот кишлак с воздуха или нет?

– Не знаю. Я с ним на эту тему не говорил.

– Пригласи его сюда, пусть попробует. Кстати, он по-рус-

ски понимает или нет?

– Мне говорили, что он два года учился в Советском Союзе и, по всей вероятности, должен немного говорить по-нашему.

Он выглянул из кабины и рукой подозвал к себе проводника. Судя по всему, он неплохо владел разговорной речью.

– Ты сможешь показать нам этот кишлак с воздуха? – спросил его Зайцев.

– Темно, – коротко ответил он нам и попятился обратно в салон вертолета.

– Сейчас через двадцать минут начнет светать и будет все видно.

– Не знаю. Я его никогда сверху не видел и могу просто ошибиться.

Но все наши труды были абсолютно напрасны, проводник не смог показать нам этот кишлак с воздуха. Крылов сразу заподозрил какую-то провокацию с его стороны и приказал второму вертолету не высаживать десант самостоятельно. Он вышел из кабины и внимательно посмотрел на проводника, который отвернулся от него и уставился в пол. Немного подумав, Александр решил, что тот не виноват. Он первый раз в жизни видел землю с птичьего полета и, естественно, не мог найти нужный им кишлак.

Зайцев вышел из кабины и показал два пальца. Крылов кивнул ему головой и приказал бойцам готовиться к высадке.

* * *

Через две минуты десантники высадились около небольшой речушки и Крылов, собрав около себя всех своих бойцов, повел их вслед за идущим впереди них проводником. Рядом с ним шел Белоусов.

– Андрей! – обратился он к нему. – Я что-то не совсем верю нашему проводнику. Он уверяет меня, что здесь нет моджахедов, но это его утверждение что-то не соответствует действительности. Я уже за этот короткий срок видел две их стоянки. Выставь, на всякий случай, боевое охранение. Береженого человека и Бог бережет.

– Все понял, командир, – тихо ответил он и быстро побежал назад.

Вскоре мимо Крылова бегом пробежало четыре бойца, которые быстро скрылись из глаз за поворотом тропы.

– Ты можешь идти быстрее? – спросил Александр проводника.

– А вы, можете сами идти быстрее с таким грузом? – произнес он и показал на бойца, который тащил на своей спине тяжелую кассету с гранатами. – Я-то смогу, а он сможет?

Крылов ускорил темп движения и группа, приняв этот вызов с его стороны, тоже ускорилась. Трудней всего было угнаться за ними расчету автоматического гранатомета. Десантник кое-как шел, согнувшись под тяжестью боеприпасов. Чтобы как-то облегчить его ношу, Александр приказал забрать у него стрелковое оружие и часть боеприпасов.

Неожиданно идущие впереди них бойцы из боевого дозора сбавили темп.

– В чем дело? – спросил он Белоусова. – Почему группа сбавила темп? Пока еще темно, нужно как можно быстрее покинуть зону высадки.

– Сейчас узнаю и доложу, – ответил тот и побежал вперед.

Вскоре вернулся обратно. Он тяжело дышал и, дав время на восстановление дыхания, Александр стал ждать доклада.

– Впереди на тропе много «итальянок»! – доложил он Крылову. – Я уже приказал саперам выйти вперед и убрать с тропы мины.

«Выходит, у нас впереди минное поле. Моджахеды не дураки и не будут просто так разбрасывать их у себя в тылу. Значит, мы не так далеко от нужного нам кишлака», – решил он.

Появился проводник и сделал знак, чтобы он подошел к нему. Крылов отошел от Белоусова и подошел к нему.

– Шурави! Извини меня, но дальше я не пойду. Нужный вам кишлак находиться в трех километрах ниже по течению этой небольшой речки. Идите осторожно, там много мин и заслонов.

– Хорошо, Масхуд. Можешь возвращаться обратно. Спасибо тебе за помощь.

– И вам спасибо, – тихо ответил он и, повернувшись, быстро исчез в предрассветной мгле.

Группа наших саперов снимала одну мину за другой и

по мере очистки тропы от мин они снова медленно двинулись дальше. Бойцы старались ступать нога в ногу, опасаясь наступить на мину. Пройдя километра два, Крылов решил устроить привал.

– Привал! – скомандовал он и бойцы, словно скошенные острой косой колосья, повалились на влажные от росы камни. – Белоусов! Выставить охранение.

Он удобно разместился между двух камней. Подложив под голову вещевой мешок, Александр закрыл глаза. Он старался не думать о предстоящей операции и пытался переключить себя на что-то приятное и позитивное, но у него ничего не получалось. Он открыл глаза и посмотрел на вершины гор, которые стали окрашиваться в золотистый цвет.

Он снова закрыл глаза и попытался вспомнить лицо Ольги, ее большие, полные слез глаза. Однако сколько он не напрягался, он никак не мог сосредоточиться на ее образе. Александр повернулся и посмотрел в сторону гор. Обостренный до предела слух уловил какое-то движение среди больших камней, которые находились в метрах ста от него. Послышался едва уловимый цокот копыт. Он приложил бинокль к глазам и стал рассматривать прилегающую к речке местность. Неожиданно сердце у него замерло. Метрах в пятидесяти ниже их лагеря к речке подошла небольшая группа козлов-архаров. Он впервые видел этих диких животных так близко и был просто поражен их грацией. Александр знаком руки показал Белоусову на речку и стал наблюдать за ним,

какое впечатление произведут на него эти животные. Козлы попили водички и, гордо подняв свои головы, скрылись в ближайших кустах.

Ему тогда казалось, что и в этот раз привал около неширокой речушки, у каскада небольших водопадов, пройдет как обычно, спокойно и размеренно. В собственной безопасности они не сомневались, стоянка была окружена пиками непроходимых гор. Поэтому, когда они услышали выстрелы, поначалу не особо встревожились, подумав, что это стреляют в стадо козлов-архаров местные охотники. Прошло несколько секунд и он понял, что там шла настоящая перестрелка. Крылов быстро поднял группу и направил в ту сторону двух разведчиков.

Они быстро снялись и поднялись на склон горы. Навстречу им бежал один из разведчиков.

– Товарищ командир! На наш заслон наткнулась группа разведки моджахедов. Им удалось смять наш дозор. Один наш боец убит, второго они забрали с собой. Сейчас Гришин пошел вслед за моджахедами, а меня отослал к вам.

– Куда он двинулся? – спросил его Крылов.

Он указал ему рукой в сторону гор.

– Белоусов, возьми с собой трех человек, и постарайтесь отбить у них нашего бойца.

– Есть! – коротко ответил он.

Отобрав бойцов, он бросился в сторону, указанную разведчиком.

* * *

Они медленно продвигались вслед за группой Белоусова, стараясь не оторваться от них. Пройдя километров шесть, группе, наконец удалось настичь Белоусова, бойцы которого отдыхали, сидя на камнях. Заметив Крылова, он подошел к нему и стал докладывать.

– Товарищ командир, нами полностью уничтожена разведгруппа противника. Спасти рядового Ивлева не удалось. Один из моджахедов успел зарезать его раньше, чем мы смогли освободить его.

– Сколько их было?

– Шесть, – коротко ответил Белоусов. – Мы уже похоронили Ивлева. Вот его документы, возьмите.

Он протянул Александру документы. Крылов взял эти документы и положил их в свою планшетку. Они подошли к небольшому могильному холмику и приложили свои руки к панамам. Ребята отстегнули магазины с патронами и, подняв стволы автоматов и пулеметов, нажали на спусковые курки. Раздался сухой треск спущенных курков.

Крылов обвел всех стоящих взглядом, а затем произнес:

– Бойцы! Вот что бывает, когда засыпает выставленный нами дозор. Этот пример должен многому научить вас. Это – война и здесь дилетантов нет. Этих афганцев не смогли сломить многие, в том числе и англичане, и об этом ни на минуту нельзя забывать, а особенно – когда ты находишься у них в тылу. Здесь нет друзей, если кто этого не понял еще,

то пусть посмотрит на этот могильный холмик. А сейчас – вперед.

Они снова шли, но теперь уже вниз по склону, придерживаясь русла речки. Впереди группы шла разведка, поредевшая, но наученная горьким опытом. Неожиданно группа, словно по команде, застыла на месте. Разведка засекла движение большого отряда духов численностью около ста человек. За ним медленно двигался основной караван из ста пятидесяти груженых ящиками мулов и лошадей.

У Крылова сразу же возникло желание навести на этот караван наши вертолеты, однако он вовремя сдержал свой порыв. В случае уничтожения этого каравана авиацией, они могли так и не найти этот склад, для уничтожения которого прибыли сюда. Он махнул Белоусову рукой и караван, не замечая их среди кустов зелени, медленно проследовал мимо них.

Пропустив караван мимо, они осторожно двинулись вслед за ним в надежде, что он приведет их к нужному кишлаку, а если точнее – к пещерам, в которых моджахеды складировали боеприпасы и продовольствие. Вскоре они поняли, что не ошиблись в своих расчетах. Перед ними появились первые дома кишлака. Караван свернул влево и, оставив населенный пункт, справа от себя, вскоре исчез с их глаз. Дальше продвигаться за караваном было опасно.

– Командир, что будем делать? – спросил Александра Белоусов.

– Двигаться за ними опасно, могут обнаружить. Если в кишлаке мятежники, то мы можем оказаться в их кольце. Считаю необходимым подняться выше и оттуда провести разведку.

Сменив темп движения, группа медленно стала подниматься в горы. Подъем оказался довольно сложным. Десантники и саперы, обвешанные взрывчаткой и боеприпасами, кое-как передвигали ноги. В двух местах им пришлось использовать веревки и горное оборудование. Оказавшись на вершине, Крылов поднес бинокль к глазам и стал осматривать местность. Интересующие их пещеры оказались метров на семьдесят ниже. Они сразу изготовились к бою. Быстро залегли за камнями и приготовили оружие.

– Без приказа не стрелять! – скомандовал Крылов и снова приложил к глазам бинокль.

Прошло несколько минут, и из пещеры показался большой отряд моджахедов. Вслед за ними появились и караванщики. Мулы и лошади были уже без ящиков. Вся эта большая группа направилась в сторону кишлака.

«Интересно, сколько в пещере и в кишлаке людей? – подумал он. – Хватит ли у них сил, чтобы уничтожить весь этот склад. Нужно дождаться смены постов, там и решим, что делать дальше».

– Всем отдыхать! Белоусов – ко мне! – приказал Крылов.

– Вот что, Андрей. Установи за пещерой круглосуточное наблюдение. Нужно узнать, какова система охраны, и сколь-

ко человек несет охрану этой пещеры.

– Есть – установить круглосуточное наблюдение! – ответил он и направился к бойцам, которые готовились к отдыху.

* * *

Утром после доклада Белоусова он уже знал, что охрану этой пещеры осуществляет двадцать три человека. Смена караула происходит один раз в сутки в двадцать часов вечера. Крылов решил начать операцию по уничтожению этого склада на следующий день, рано утром, когда утренний сон так сладок и крепок. Восход солнца, утренняя прохлада – это, то самое время, когда клонит человека ко сну, независимо от его физического состояния. Весь день он наблюдал в бинокль за работой этого перевалочного пункта. Уже через час он понял – уничтожить этот склад с воздуха было практически невозможно.

– Андрей! Посмотри, у тебя есть какие-то соображения по спуску?

Он подполз к нему и, взяв бинокль, стал рассматривать базу.

– Да, сложно будет спускать саперов с их взрывчаткой. У них ведь нет высокогорной подготовки.

Основной и, наверное, самой сложной задачей группы являлся спуск по крутому склону. Нужно было метров двадцать спускаться вниз по веревкам, а затем уже осуществить спуск по более пологому скату горы. Помимо всего этого, большая опасность заключалась в том, что они не знали си-

стему охраны внутри этого склада, а если точнее – схему расположения постов внутри самой пещеры. Крылов отобрал десять самых опытных бойцов, имевших боевой опыт и, отведя их в сторону, стал ставить им задачу.

– Ваша прямая задача – это уничтожение моджахедов, несущих охрану внутри склада. Главная сложность этой задачи состоит в том, что в пещере нельзя стрелять, так как она до отказа забита боеприпасами. Малейшая оплошность, шальная пуля – и все это взлетит на воздух. Поэтому вы должны работать только ножами и прикладами. Вопросы есть?

– Есть, – ответил один из бойцов. – А если они начнут стрелять в нас?

Александр невольно усмехнулся.

– Они наверняка знают, что охраняют, и поэтому стрелять в вас не будут. Все решит рукопашная схватка, если вы сами допустите ее. Поэтому вся ваша задача и сводится к тому, чтобы избежать этой схватки. Вопросы ко мне есть?

В этот раз вопросов у бойцов уже не было.

– Раз вопросов нет, тогда всем готовиться к операции. Вашу группу возглавит мой заместитель Белоусов. Я со своей группой буду тоже страховать вас внизу. Сверху нас прикроет группа Романова.

Ночь прошла спокойно. Дневная жара сменилась холодом. Было ужасно холодно. Где-то в темноте кричала птица, от криков которой было как-то не по себе. Моджахеды, по-

хоже, и не подозревали, что над их головами находится наша разведгруппа. Внизу под ними горели костры, около которых, закутавшись в байковые серые одеяла, сидели воины Аллаха. Когда на востоке заалел восход и горы стали тонуть в белесом утреннем тумане, группа десантников, сбросив веревки вниз, стала осторожно спускаться. Шум горной речки полностью скрывал звуки движения и не вызывал у душманов какой-то излишней настороженности. Вскоре фигуры десантников растворились в тумане. Теперь оставалось только ждать. Время шло томительно медленно. Сколько Крылов ни прислушивался, внизу по-прежнему было тихо.

«Что там? – подумал он. – Почему они молчат?»

Александр посмотрел на свои наручные часы. С момента выхода группы прошло лишь десять минут, которые показались ему вечностью.

«Ну, что же они молчат?» – снова подумал он, чувствуя, как все его нервы напряглись, словно канаты.

Крылов нервно передернул затвор АКС и опять взял бинокль в руки. Однако густой туман не давал ему возможности рассмотреть то, что творилось внизу, у входа в пещеру. К нему подполз Романов и лег около него.

– Что там? – товарищ командир.

– Не знаю. Ничего не видно, – ответил Александр. – Речка вся в тумане.

Туман сгустился до того, что стал напоминать ему куски ваты, разбросанные чьей-то рукой. До него долетел какой-то

сдавленный крик, который моментально утонул в шуме бегущей среди камней воды. Наконец он заметил Белоусова, который снизу махал им рукой.

– Всем вниз! – коротко скомандовал Крылов. – Спускаемся осторожно, страхуя друг друга.

Они быстро спустились вниз. Расчет АГС и группа Романова остались наверху, прикрывать их. Он спустился последним, оставив все эти веревки на месте.

– Все чисто, командир! – коротко доложил ему Белоусов. – Всех моджахедов бойцы убили спящих. Ни один не дернулся и не ушел.

– Тогда минируйте здесь все! – приказал Александр. – По мере готовности, доложишь.

– Командир! Оказывается, не только эти две пещеры связаны между собой, здесь целый каскад таких же пещер.

– Понятно. Минируйте все, что можете!

Белоусов быстро исчез. Десантники стали быстро оборудовать свои огневые позиции. Крылов не торопясь, обошел позиции и направился в пещеру.

* * *

Александр осторожно двигался по пещере, восхищаясь творением рук человека. Судя по всему, это были какие-то старинные выработки руды. Отдельные пещеры были довольно маленькими, другие поражали своим объемом. Во всех пещерах горел электрический свет, поступающий от мощных генераторов, которые находились в одном из поме-

щений. Около этих генераторов стояли металлические канистры с соляркой – топливом для генераторов. Самое удивительное было то, что в одной из пещер стояло два автомобиля – джип и автобус японского производства.

– Белоусов, где саперы? – поинтересовался он. – Они еще не закончили свою работу?

– Минируют, товарищ командир. Они и так очень торопятся.

– Проследи, чтобы они уложили заряды везде, чтобы одним взрывом уничтожить все.

– Хорошо, все понял! – произнес он и моментально исчез в одной из пещер.

Александр переходил из одной пещеры в другую, попрежнему удивляясь инженерному оборудованию этих помещений. Командир полка был прав, разбить эти сооружения с воздуха было практически невозможно.

– Слушай, Андрей! – окликнул он Белоусова, заметив его в одной из пещер. – Если мы это сделаем, то духи надолго запомнят наш рейд и сделают все, чтобы мы не вырвались из этого района.

– Я тоже так думаю, командир. Неужели все мы здесь обречены вместе с этим складом.

– Ты что, Андрей, такие глупости говоришь! Мы обязательно вырвемся отсюда. Вспомни наш с тобой последний рейд? Вспомнил? Машины есть, люди есть, что нам с тобой еще нужно. Пока саперы минируют, ты займись этими ма-

шинами, а я посмотрю, что находится на этих складах.

– Я все понял, товарищ командир.

– Если понял, то иди и занимайся этим вопросом.

Выставленное Белоусовым охранение доложило, что в нашу сторону движется небольшой караван моджахедов. Крылов невольно посмотрел на свои наручные часы, которые показывали начало шестого утра.

«Не вовремя», – подумал он, однако ему ничего не оставалось, как отдать приказ готовиться к бою.

Десантники моментально выполнили его приказ. Александр вышел из пещеры и тоже лег за большой камень, положив перед собой две гранаты. Вытащив из автомата магазин, убедившись, что тот полон патронов, вставил его обратно. Привычным движением руки он передернул затвор.

Прошло несколько томительных минут, и на дороге показался караван мятежников. Они на какой-то момент остановились на повороте, словно почувствовав засаду.

«Неужели заметили засаду?» – подумал он.

Однако, постояв с минуту, и не заметив ничего подозрительного, они продолжили движение. Караван все глубже и глубже втягивался в это узкое ущелье, разделенное на две части небольшой речкой. Теперь у них была только одна дорога – вперед. Но и десантники оказались не в лучшем положении. У них была тоже одна дорога – вперед, это – через них или снова подняться и уйти в горы.

Моджахеды, похоже, никуда не торопились. Они шли мед-

ленно, сзади них, мотая головами, брели ишаки с зелеными ящиками по бокам. Горло Крылова пересохло от напряжения, и он кое-как смог отдать команду открыть огонь.

Александр нажал на курок автомата. Идущий первым высокий моджахед схватился за свой большой живот, а затем, взмахнув руками, упал на землю. Духи, не ждали от них подобного приема и, растерявшись, стали пятиться назад, внося еще больше сумятицы в свои ряды. Ишаки, сбившиеся в кучу, моментально перекрыли всю дорогу, от чего на дороге создалась довольно большая пробка. Именно по этой пробке и ударил наш автоматический гранатомет с высоты горы. То, что творилось на дороге, трудно не только рассказать, но и представить. Похоже, ишаки и машины везли ящики с зенитными ракетами «Стингер», которые стали рваться и разлетаться в разные стороны. Оставшиеся в живых мятежники бросались в реку, спасаясь от всепожирающего пламени. Прошло около трех минут с начала нашей атаки. Дорога была пуста, лишь только трупы животных и людей в халатах тлели на дороге. Запахло горелым мясом.

Но затишье длилось недолго. Минут через пять начался минометный обстрел наших позиций. Выпустив около десяти мин, моджахеды устремились в атаку, стараясь прижать десантников к горе и уничтожить. Подпустив их метров на пятьдесят, они открыли кинжальный огонь из автоматов и пулеметов. Те, кто не успел залечь за камни, повалились от плотного пулеметного огня. Отдельные из душманов попы-

тались форсировать горную речку, чтобы зайти им с фланга, но быстрое течение реки сбивало их с ног и тащило вниз по течению.

Через некоторое время моджахеды поняли, что перед ними небольшая горстка десантников, и устремились в очередную атаку. Что их толкало на эту бессмысленную, на их взгляд, атаку, Александр так и не понял. Поймав в прицеле автомата молодого моджахеда, он плавно нажал на спусковой крючок. Душман вскинул руки, выронил автомат Калашникова и повалился на землю. Второму моджахеду он, видимо, попал в живот. Тот упал между камней и, катаясь по земле, неистово кричал, заглушая своим воплем крики атакующих духов. Оставив более десятка трупов, они откатились назад и стали группироваться для новой атаки.

Снова над головами десантников завыли мины. Они падали хаотично, не нанося серьезных потерь. Вскоре в группе появились первые раненые.

– Белоусов! Собирай раненых и поднимай их наверх. Мы прикроем вас огнем.

Чтобы сорвать очередную атаку духов, Крылов приказал расчету автоматического гранатомета накрыть их вертикальным огнем. Громко заработал АГС. Гранаты стали рваться в самом центре скопления мятежников. Еще минута – и те бросились бежать, спасаясь от разящего огня. Александр оглянулся назад. По веревкам медленно поднималась первая группа раненых бойцов. Заметив Белоусова, он махнул ему

рукой. Лейтенант успел сделать лишь одну перебежку, как его прижал к земле огонь автомата. Крылов быстро поймал автоматчика в прицел и выпустил по нему целый магазин. Похоже, что он достал его, так как тот больше не поднимался из-за камня.

– Белоусов! Проверь другой выход из пещер. А вдруг он по-прежнему свободен, если что, будем уходить через него.

Вскоре тот доложил ему, что моджахеды успели заблокировать выход из пещеры. Теперь они оказались в огненных клещах духов.

* * *

«Откуда их столько?» – подумал он, когда они отбили очередную атаку моджахедов.

Перед ними, на площадке лежали десятки трупов людей и животных. Отдельной группой стояли грузовики, которые чадили черным дымом. Изредка эти искореженные металлические трупы машин вздрагивали, когда где-то внутри них начинали взрываться боеприпасы. Черный дым низко стелился по руслу этой небольшой, но быстрой реки и ему казалось, что он находится в каком-то ином измерении, где нет войны и нет этих горящих и чадящих трупов. Он лежал и ждал очередной атаки, но ее почему-то не было. То ли моджахеды поняли, что им не сбить их с занятых позиций, то ли что-то замышляли, стараясь с минимальными потерями решить этот вопрос с русским десантом. Крылов по-прежнему лежал за камнем, держа во вспотевших руках цевье автома-

та, и внимательно смотрел за действиями душманов, которые сновали между трупами животных и скелетами машин, вытаскивая с поля боя погибших мятежников и раненых товарищей.

Отложив в сторону бинокль, Александр посмотрел по сторонам и увидел Белоусова, который лежал в воронке от взорвавшейся мины. Заметив, что он смотрит на него, он весело улыбнулся ему, давая тем самым понять, что у него все хорошо.

– Андрей! Подсчитай наши потери! – приказал Александр ему. – Собирай бойцов, и начинайте отход. Я прикрою вас.

Прошло минут пять, прежде чем он снова увидел его. Названная им цифра буквально ошеломила Александра. Они еще никогда не несли такие большие потери, как здесь. Чтобы спасти свои жизни, нужно было взрывать склады и быстро уходить отсюда. Но что значит взрывать, если они были просто-напросто вплотную притерты огнем моджахедов к этой проклятой богом пещере, из которой нет выхода. Взорвать эти склады сейчас было равносильно тому, чтобы уничтожить самих себя. В пещерах было складировано столько взрывчатки и боеприпасов, что практически не оставалось никаких шансов выжить.

– Что будем делать, командир? Еще одна такая атака – и они сотрут нас в порошок.

– Андрей! Мне пришла в голову хорошая идея. Можно уйти отсюда так же, как и пришли, то есть по веревкам вверх.

– Но они нас снимут раньше, чем мы поднимемся вверх, – обреченно выдавил он из себя.

– Если мы выдвинем два пулеметных расчета вот сюда, то у нас будет шанс. Пусть небольшой, но шанс. Когда мы окажемся на горе, мы сможем прикрыть отход и этих бойцов.

В подтверждение его слов Александр указал ему рукой на позиции пулеметчиков, которые лежали между больших камней, не так далеко от них. Он быстро оценил эти позиции, и словно соглашаясь с ним, улыбнулся.

С первым пулеметным расчетом пошел сам Крылов. Пока моджахеды собирали трупы, они, укрываясь за камнями, поползли в тыл боевиков. Заметив их, духи открыли шквальный огонь, стараясь отрезать их от основной группы. Один из пулеметчиков, не выдержав огня моджахедов, вскочил на ноги и побежал назад. Однако, пробежав метра три по открытому пространству, он с криком упал на камни. Пуля навылет прошила его бедро. Заметив это, Крылов открыл огонь из автомата, чтобы дать возможность его второму номеру подобраться к раненому товарищу. Но стоило тому сделать несколько движений в его сторону, как он тоже был моментально ранен в плечо, а затем пуля разнесла ему череп.

Снова ударил АГС с вершины горы, наполнив ущелье грохотом и дымом взрывов. Воспользовавшись этим, он подобрался к раненному бойцу и вколол ему в бедро обезболивающий препарат. Парень сразу немного успокоился, перестал кричать. Он приподнялся и посмотрел на его вдруг побелев-

шее лицо. Он был уже мертв от потери крови.

–«Боже, спаси меня, грешного», – невольно подумал он и прильнул к пулемету.

Поймав в прицел первого моджахеда, он плавно нажал на курок. Огненная трасса буквально впилась в тело мятежника. Его тело забилось в конвульсиях, а затем затихло. Однако это не остановило их. Душманы, словно змеи, поползли между камней. В этот раз атаковать открыто, как прежде, они просто не решились. Они медленно ползли среди камней. Когда один из них приподнялся над землей, пуля Крылова прошила его насквозь. Второго, раненого в бедро моджахеда, подхватила река и понесла вниз по течению.

Второй расчет пулемета действовал более осмотрительно, чем его. Они оказались в тылу у духов и, прикрываясь каменной грядой, ударили им в тыл из пулемета. Он тоже открыл огонь из пулемета, не давая им возможности выйти из-под их огня. Духи сначала стали пятиться назад, оставляя свои удобные позиции, а затем бросились бежать. Воспользовавшись этим, Белоусов стал поднимать вверх первых бойцов. Вскоре, оказавшись уже наверху, они стали поднимать наверх раненых товарищей.

Я знаком руки подозвал к себе радиста. Он, оказался ранен в руку.

– Вызывай авиацию! – приказал ему Александр. – Пусть наносят удар по нашим красным ракетам.

Радист, перевалившись за камень, стал разворачивать

свою станцию. Выполнив приказ, он пополз к камням, за которыми находился Белоусов, командовавший отходом наших десантников.

* * *

Тишина вновь разорвалась на мелкие клочки. Моджахеды, встав в полный рост, побежали в их сторону. В этот раз они уже не бежали сплошной стеной, а, перебегая от камня к камню, стали приближаться к ним.

Крылов прижал к плечу приклад пулемета и, поймав в прорезь прицела одного из перебегавших моджахедов, нажал на курок. Расстреляв все патроны, он стал стрелять из автомата.

Раздалась гортанная команда и моджахеды стали отходить, подбирая с собой трупы убитых и раненых. Александр оглянулся назад и увидел махавшего ему рукой Белоусова. Захватив с собой пулемет, он кое-как перешел речку и пополз в его сторону.

– Командир! Люди все наверху. Остались лишь убитые и мы с тобой. Нужно уходить!

Схватившись за концы веревок, они стали медленно подниматься вверх. Эти двадцать метров вертикальной стены показались ему настоящей дорогой в ад. Несмотря на то, что группа Романова продолжала вести огонь сверху, моджахеды перенесли весь свой огонь на них. Они болтались на этих веревках, словно «сосиски», не в силах самостоятельно подняться вверх. Вокруг них, словно пчелы, проносились огнен-

ные трассы, которые впивались в гранитные стены, выбивая из них снопы искр. Вдруг стало тихо.

«Что случилось? – успел подумать он. – Почему никто не стреляет?»

И, словно в подтверждение его мыслей, до него донесся одиночный выстрел. Крылов увидел, как обмякло тело его заместителя. Его некогда мощное тело вдруг безжизненно повисло на веревке, а из уголка рта показалась алая струйка крови.

– Тащите его быстрее! – закричал он бойцам, тянувшим веревку.

Снова раздался выстрел. В этот раз пуля снайпера ударила Александру в левое плечо и прошла навылет. Рука обессилено повисла. Он почувствовал, как вдоль его руки заструилась теплая кровь, капли которой быстро окрасили камень.

«Надо же, первый раз!» – успел подумать он, прежде чем бойцы успели его затащить наверх горного склона.

Александр поднял голову и посмотрел в синее небо. Он любил его глубину. Ему показалось, что он услышал приближающийся рокот авиационных моторов. Вертолеты показались неожиданно для него. Четыре машины вывернули из-за горы и, зайдя на цель со стороны солнца, понеслись в их сторону.

– Ракеты! Красные ракеты! – закричал он, пытаясь подняться с земли.

Раздалось несколько выстрелов и красные ракеты устре-

мились в сторону моджахедов. К нему подошел командир отделения саперов и вопросительно посмотрел на Крылова.

– Давай, сержант! – тихо попросил он его. – Взрывай!

Раздался какой-то подземный гул. Земля вздрогнула, качнулась в разные стороны и там, где раньше находился комплекс пещер, сначала земля поднялась, а затем, словно выдохнув из себя лишний воздух, медленно осела. Взломав горную породу, из недр земли вырос громадный куст из огня и земли.

Машины все заходили и заходили на новые боевые развороты, расстреливая весь этот хаос, что происходил в ущелье. Среди взрывов неуправляемых ракет метались одинокие фигурки моджахедов, которые не знали, где спрятаться от огня вертолетов. Вертолетчики, расстреляв весь свой боезапас, развернулись и скрылись за горой. Стало тихо. Александр услышал, как в ущелье плещется вода. Над ним наклонился десантник и ножом вспорол мокрый рукав его комбинезона. Он достал тюбик с обезболивающим препаратом и, не говоря ему ни слова, вколол его содержимое в его бедро. Он поморщился от боли, но стерпел

– Что, осторожней нельзя, что ли?– тихо произнес Крылов. – Больно же.

– Извините, товарищ старший лейтенант. Я не специально.

Он махнул на него рукой и отвернулся в сторону. Десантник быстро перебинтовал его руку и, завязав узлом бинт, по-

интересовался:

– Не туго, товарищ старший лейтенант?

– Нет. Все нормально. Спасибо. Что у нас с Белоусовым?

– С ним хуже. Ранение у него тяжелое. Его срочно нужно оперировать, иначе скончается.

– Сначала нужно уйти из этого района. Поднимай людей, забирайте раненных и уходим.

Все стали подниматься с земли. Он обошел строй и ужаснулся, половина стоявших в строю бойцов были ранеными.

– Вперед! – скомандовал Крылов и они медленно двинулись по склону в сторону заходящего солнца.

* * *

Неразбериха и паника, которая творилась в рядах моджахедов, позволила им оторваться от них километров на пять, если не больше. Преследовать их они не решились. Под утро прилетевшие вертолеты подобрали разведчиков в заранее обусловленной точке.

Все были рады этому. Крылов сидел в вертолете и внимательно смотрел на бледное лицо Белоусова, который лежал на носилках у него в ногах. Иногда Андрей открывал глаза и пытался улыбнуться ему, но у него это получалось довольно плохо.

– Лежи, Андрей. Осталось совсем немного, а там госпиталь. Залатают тебя, Белоусов и снова будешь, как новенький.

Он несколько раз пытался с ним заговорить, но простре-

ленное навылет легкое не позволяло ему это сделать. Из его рта вырывались какие-то звуки, мало похожие на человеческую речь.

Вертолет мягко коснулся земли, вызвав у всех радостное возбуждение. Александр выглянул в иллюминатор и увидел несколько автомашин с красными крестами, которые, поднимая облака пыли на взлетном поле, мчались в их сторону.

«Вот и все…», – подумал он.

Крылов мысленно благодарил Бога за то, что он спас его в этой человеческой мясорубке, за то, что у снайпера дрогнула рука, когда он целился в него. Он первый вышел из вертолета и направился к грузовику, который стоял в стороне от машин.

– Товарищ старший лейтенант! – произнесла молоденькая девушка. – Вы ранены и вас нужно осмотреть врачу.

– Займитесь другими ранеными. Видите, я еще могу ходить, другие лишены этой возможности. Сначала помогите им, а уж затем посмотрите меня.

Недалеко от него остановилась штабная автомашина. Из нее вышел командир полка и направился в его сторону. Крылов развернулся и, глядя себе под ноги, сделал несколько шагов, а затем, приложив к панаме здоровую правую руку, громко доложил, что группа выполнила поставленную задачу, потеряв при этом девять человек, и шесть бойцов получили различные виды ранений.

– Молодец! – поздравил его полковник. – Я сегодня же

представлю вас всех к наградам.

– Товарищ полковник, не забудьте представить и убитых. Они погибли честно в бою с превосходящими силами противника.

– Не переживай, Крылов. Я никого не забуду, не настолько я старый, – ответил он и направился к своей машине.

Стоило ему только отойти полковнику, как к нему подбежала все та же девушка.

– Товарищ старший лейтенант, давайте, я вас перевяжу, – нежно пролепетала она. – Нельзя же ходить с грязной повязкой.

– Хорошо. Будем считать, что вы меня уговорили, – ответил он ей. – Давайте подойдем к машине и вы меня там перевяжете.

Она аккуратно сняла старый пропитанный кровью и грязью бинт и стала обрабатывать ему рану. Ему было очень больно и он, как ни старался сдерживать себя, все же не удержался и тихо застонал.

– Потерпите, товарищ старший лейтенант. У Вас очень нехорошая рана. Видите, она стала загнаиваться и вам необходимо тщательно почистить рану, иначе может начаться воспаление. Я не буду вас пугать, но вам нужно пройти небольшой курс лечения.

Александр улыбнулся ей, хотя ему было не до смеха, так как вид самой раны не радовал его.

«Милая девушка. Если бы только знала, как я далек сей-

час от этого – подумал он. – Сейчас, если меня не разыграл комбат, уже давно ждут сотрудники особого отдела, чтобы допросить по рапорту полковника Грачева. От них меня не спасет никто, даже госпиталь».

Она сделала ему укол от столбняка и после обработки раны аккуратно перевязала его рану.

– Если будет беспокоить ранение, не стесняйтесь, обращайтесь ко мне. Меня зовут Настя.

– Спасибо, Настя, – тихо поблагодарил он ее и сел в машину.

Он помахал ей рукой и, стараясь показать, что ему все нипочем, улыбнулся ей. Через минуту машина тронулась. В кузове, тесно прижавшись, друг к другу, проклиная водителя и машину, тряслись десантники.

* * *

Всю ночь Крылов не спал. Какое-то нехорошее предчувствие не давало ему покоя. Он несколько раз вставал и выходил во двор покурить. Лишь когда на востоке заалел восход, он забылся в тяжелом сне. Утром Александр проснулся с сильной головной болью. Ужасно ныло простеленное снайпером плечо и не давало ему занять удобное положение в постели. Очередное внутреннее беспокойство, словно волна, накрыла его, заставляя учащенно стучать сердце.

Где-то во дворе слышались команды. Он невольно посмотрел на свои наручные часы, они показывали начало восьмого утра. Поднявшись с постели, он вышел в коридор.

Заметив старшину, он окликнул его и поинтересовался, с чем связан шум во дворе.

– Приводим в порядок двор, товарищ старший лейтенант. Должен подъехать командир батальона.

Крылов тоже привел себя в порядок и направился завтракать. После завтрака к ним в подразделение приехал командир батальона. Александр увидел его машину из окна своей комнаты и сразу же направился к выходу, чтобы встретить его около дверей. Александр принял «стойку смирно» и когда тот вошел в помещение, стал громко докладывать. Он остановил его на полуслове и жестом руки приказал ему следовать за ним. Они вышли на улицу и сели на лавочку под густой старой алычой.

– У меня две новости, Саша. Одна плохая, а другая очень плохая. С которой начать?

– Мне все равно, но начните лучше с хорошей.

– Тогда начнем с хорошей. Ты представлен к ордену «Красной звезды» за помощь бригадной колонне, за находчивость и смелость, проявленную при ее проводе в Кандагар. Ты что, не рад? – спросил он Крылова, заметив, что он абсолютно спокойно выслушал эту новость.

– Почему не рад, рад. Собаке – и той приятно, когда ее гладит хозяин. Мне уже вручил генерал орден «Боевого Красного знамени».

– Ну, ты и даешь, Крылов! Это кто у нас собака, а кто хозяин? А в отношении ордена скажу одно. Он тебе вручил

ее за Грачева, а здесь идет речь о колонне. Понял меня или нет?

Они оба засмеялись, привлекая к себе внимание отдыхавших в саду бойцов.

– Теперь, давай плохую новость, – обратился он к комбату.

– Вторая намного хуже, чем первая. Командир дивизии получил из Москвы конкретное указание, провести в отношении тебя служебное расследование. Это все по рапорту полковника Грачева, о котором я тебе уже говорил перед твоим рейдом. Расследование поручено особому отделу. Могу только догадываться, что тебя ждет впереди.

– Скажи, что они хотят от меня?

– Я не могу отвечать за других товарищей, но, по-моему, Грачев хочет твоей крови. Уж больно ты его обидел в этом рейде. Эти люди привыкли командовать, а ты вдруг поставил его ниже своего рядового бойца.

– Жалко, что я тогда его не расстрелял за паникерство. Расстрелял, и сейчас не было бы ко мне никаких вопросов.

– Давай, я сделаю вид, что я ничего не слышал, а ты сделай вид, что ничего подобного мне не говорил. Здесь – война, и всякое могло случиться, как с тобой, так и с ним. Но вы оба выжили, а это значит, что пришло время отвечать за этот рейд.

– За что отвечать? – возмутился Крылов. – За то, что тащил его двести километров по тылам? За то, что не убил его

в бою, когда он демонстративно бросил на землю автомат и отказался стрелять в моджахедов? Забыть погибших, может, ты это хочешь сказать!

– Ты не кипятись, Крылов. Мне ничего не нужно доказывать. Я и без тебя знаю все, что там было. Ты это им объясняй, а не мне. Понял? И еще, перед тем, как что-то доказывать, подумай про себя. Все, что ты будешь говорить, все это могут использовать против тебя.

Крылов усмехнулся и посмотрел на комбата. Он положил свою тяжелую руку на его простреленное плечо и так же открыто посмотрел ему в глаза. Александр поморщился от боли. Комбат убрал руку с плеча и, опустив в землю глаза, словно был в чем-то виноват, тихо произнес:

– Я верю, Крылов, что рано или поздно правда восторжествует, если она – правда. Могу сказать только одно, тебя ждут большие испытания. Запомни: мы все за тебя и если у нас будет хоть малейшая возможность помочь тебе, мы тебе обязательно поможем. Командир полка вчера был у комдива, говорил о тебе. Тот пообещал помочь, но ты сам понимаешь, кто он и кто Грачев. Весовые категории слишком разные.

– Спасибо, – поблагодарил он его за моральную поддержку. – Буду ждать, когда меня вызовут к себе сотрудники особого отдела.

– Ну, давай, Саша. Я поехал. Удачи тебе, Крылов, – прощаясь с ним, произнес комбат. – Запомни, правда – есть правда, ее брат не спрячешь и не убьешь. Давай, бывай и за-

помни, слово – серебро, а молчание – золото.

Он вышел из помещения и направился к своей автомашине. Проводив его фигуру взглядом, Крылов направился в санчасть на перевязку. Навстречу ему выскочил старшина, он подбежал к нему и, вытянувшись в струнку, стал докладывать.

– Товарищ командир! Звонили из особого отдела дивизии. Интересовались, прибыли вы в расположение базы или нет?

– Чем они еще интересовались?

– Вашим здоровьем, товарищ старший лейтенант. Больше вроде бы ничем.

– Это все?

– Так точно.

– Свободен. Будут спрашивать, я – в санбате, на перевязке.

Старшина приложил руку к панаме и, развернувшись, побежал в здание базы.

* * *

– Что с вами? Вам плохо? – поинтересовалась у Александра медицинская сестра, ранее делавшая ему перевязку.

– Терпимо, – коротко ответил он. – Просто немного закружилась голова. Наверное, такое бывает?

– Зачем вы меня обманываете, товарищ старший лейтенант. Сейчас подойдет хирург, он посмотрит, что с вашей раной. Я еще при первой нашей встрече с вами говорила, что

рана мне не нравится. Видите теперь сами, что стало с вашей раной, она полностью покрылась коркой гноя.

Не успела она закончить фразу, как в открытую дверь вошел мужчина средних лет. Его белый халат был забрызган кровью. Крылов моментально догадался, что этот человек и есть хирург.

– Кто это и что с ним? – спросил хирург у медсестры и посмотрел на него.

– Это – десантник. Командир разведгруппы. Они вчера вернулись с «дороги». Всех раненых мы еще вчера отправили в госпиталь, а он не захотел ехать, считает, что может перенести это ранение на ногах.

Врач улыбнулся. За время его практики он встречал десятки вот таких же молодых ребят, которые отказывались от лечения в госпитале.

– Мне не интересно, что он считает. Мне куда важней мое мнение, нужна госпитализация или нет. Ну, давай, показывай, вояка, что с тобой, – как-то обыденно произнес он, умывая руки над раковиной. – Настя! Ты опять сегодня забыла наполнить рукомойник водой. Не забывай это делать каждое утро.

– Извините, Анатолий Иванович, – тихо извинилась она. – Больше подобного не повторится.

– Вот и хорошо, голубушка, – ответил врач и направился к нему.

Он долго и тщательно рассматривал его раненое плечо,

мял его своими толстыми, но жесткими пальцами. Наконец, он закончил осматривать и, взглянув на Александра, сел за стол.

– Вот что, Крылов. Если честно, то мне твое плечо не нравится. Пуля, похоже, задела кость, и сейчас у тебя там происходит воспалительный процесс. Хочешь – не хочешь, но нужна операция. Нужно вскрыть рану, обработать все там, удалить мелкие частицы кости. Просто так в амбулаторных условиях этого не сделать. С этим не шутят, так как можно потерять руку.

– А можно все это сделать без госпиталя? – поинтересовался он у врача. – Я просто не могу сейчас покинуть свое подразделение. У меня заместитель сейчас в госпитале. Пока нового не пришлют, не могу.

Хирург внимательно посмотрел на него.

– Ты понимаешь, старший лейтенант, а вдруг осложнение? Можно потерять и руку. Ты же – молодой, сам подумай, кому ты нужен без руки?

– Товарищ военврач, давайте будем рассчитывать на хороший исход. Если воспалительный процесс не остановится, то я готов поехать в госпиталь.

– Хорошо. Приходите, сегодня после обеда, а еще лучше – часов в пять. Я сам вас прооперирую, а там посмотрим, что делать с вами дальше.

– Спасибо, доктор, – поблагодарил он его, надевая куртку.

– Не шутите с раной, молодой человек, – еще раз преду-

предил его врач. – Задор беды не знает.

Крылов вышел из кабинета и плотно закрыл за собой входную дверь. Не знаю, почему, но весь его лоб был покрыт испариной. Он никогда не был трусом, как он считал сам, но предстоящая операция на какое-то время парализовала его волю.

«Лучше бы я попал в госпиталь и там мне сделали бы эту операцию», – подумал он, выходя из санчасти.

Александр быстро добрался до базы и, выйдя из машины, сразу же направился в сторону барака, в котором жили десантники.

– Товарищ командир! – обратился к нему дневальный. – Вас ожидает в вашем кабинете капитан из особого отдела дивизии.

«Началось в деревне утро – подумал Крылов. – Как всегда – вовремя».

Он резко повернулся и направился в свою комнату. Приоткрыв немного дверь, Александр увидел, как сидящий за его столом капитан копается в бумагах. Он был так увлечен этим делом, что не заметил, как он вошел к себе в комнату и остановился у дверей.

– Что-то крамольное нашли, товарищ капитан? – задал Александр ему вопрос. – Вам не кажется, что это неприлично – копаться в чужих вещах? Да, о чем я говорю? Вы же – сотрудник КГБ, а это значит, что вам все можно.

От неожиданности особист вздрогнул и с каким-то испу-

гом посмотрел на него.

– А, Крылов! А я вот уже давно жду вас. Хотел с вами встретиться, поговорить на интересующую меня тему. А в отношении, как вы выразились, крамольного – все возможно. Сейчас не нашел, может, позже найду. Как говорил товарищ Сталин, был бы человек, а статью для него мы найдем.

Теперь уже он невольно усмехнулся этому изречению бывшего «вождя всех народов».

– Напрасно иронизируете, Крылов. Я на вашем месте не стал улыбаться. Вам, наверное, уже доложили, кто я?

– Да, мне дневальный доложил о вашем приходе. Однако вы еще ничего мне не предъявили, а уже стараетесь нагнать на меня тучу страха. Я – боевой офицер, не раз смотрел в глаза смерти, и все ваши попытки меня напугать обречены на провал. Если вы хотите со мной говорить нормально, то поменяйте свой тон, товарищ капитан.

– Зря вы так со мной, Крылов, зря. Дерзите вот, не думая о возможных последствиях вашего поступка. Меня обижать не надо, я не люблю этого. Я таких ребят, как ты, ломал через колено и ломал их десятками. Ты понял меня, Крылов, или нет? А сейчас сядь на стул и приготовься отвечать на мои вопросы.

Крылов сел на табурет и посмотрел на капитана, который встал из-за стола и направился к нему. Неожиданно, капитан схватился своей рукой за его раненое плечо и рывком повернул его в свою сторону. От резкой боли Александр охнул.

Голова закружилась и он упал с табурета.

– Что? Не нравится, Крылов? – прошипел капитан, наклонившись над ним. – Это – только цветочки, ягодки будут потом. Ты еще поскулишь у меня, как собака, и будешь языком лизать мои сапоги.

Крылов попытался самостоятельно подняться с пола, но капитан уперся своим сапогом в его грудь и пресек эту попытку. Здоровой рукой Александр столкнул его ногу, но он снова уперся ею, теперь уже – в место ранения. От резкой боли у Крылова закружилась голова, и он потерял сознание.

* * *

Очнулся Крылов от резкого запаха нашатыря, который бил ему в нос. Он замотал головой и открыл глаза. Перед ним стоял капитан из особого отдела и с легкой усмешкой смотрел на него.

– Очнулся, герой? – с явной иронией спросил он. – Испугался, в штаны наложил? Все вы такие, сначала гордые, а затем становитесь тряпками, хоть ноги о вас вытирай.

– Капитан, я ранен и сейчас меня ждет хирург, чтобы сделать мне операцию. Давайте поговорим в другое удобное для вас время.

– Хорошо! – бодро ответил он Крылову. – В другое время, так в другое время. А сейчас поехали со мной. Я хочу сам посмотреть на твое ранение, а заодно и переговорить с хирургом. На госпиталь можешь не рассчитывать. Отлежаться я тебе, Крылов, в госпитале не дам. Сам, наверное, знаешь, у

нас процессуальные сроки рассмотрения подобных обращений.

– Какие сроки, товарищ капитан? Я что-то вас не понял? – тихо спросил его Александр. – Я не понимаю, о чем вы говорите? Я не против вашего разговора с доктором. А в госпиталь я не собирался и не собираюсь.

– Это хорошо. Значит, рана у тебя, Крылов, не требует серьезного медицинского вмешательства. Я так и думал. Наверное, слегка поцарапало. Сейчас зеленкой помажут, и все.

Они сели в ожидавший капитана «УАЗ» и поехали в санчасть. Машина остановилась недалеко от санчасти и они, выйдя из машины вместе с капитаном, направились в помещение санчасти.

– Крылов! Ну, сколько Вас можно ждать! Я уже решил, что вы испугались операции, и распорядился о том, чтобы вас завтра отправить в госпиталь.

– Вы бы не торопились с этим решением – с усмешкой ответил ему капитан. – Как говорят в народе, поспешишь, людей насмешишь. Эти вопросы вы будете решать со мной, а не с Крыловым.

– Кто это? – спросил Александра хирург. – Что ему здесь нужно?

– Я из особого отдела дивизии, капитан Овечкин. Мне нужно с вами поговорить доктор, прежде, чем вы приступите к операции.

– В чем дело, капитан? Мне не о чем с вами разговаривать.

– Не спешите с выводами. Здесь я решаю, будете вы разговаривать со мной или только я с вами. Крылов, выйди из кабинета. Что не понял? – произнес он грозно и посмотрел в его сторону.

Он вышел из кабинета и плотно закрыл за собой дверь. Присев на лавочку, Александр стал ждать, когда капитан закончит свой разговор с хирургом. Минут через тридцать из кабинета хирурга вышел капитан Овечкин. Взглянув на него, он молча сплюнул себе под ноги и направился к ожидавшей его автомашине.

– Заходите, Крылов! – позвал его военврач и он, поднявшись с лавки, направился к нему в кабинет.

– Потерпи, Крылов, буду резать без анестезии. Сейчас будет очень больно. Спирт пьешь?

Он кивнул ему головой. Врач налил Александру грамм сто пятьдесят спирта и протянул стакан с жидкостью.

– Извини, закусить нечем. Вот, возьми, – сказал хирург и протянул ему стакан с холодной водой.

Александр опрокинул в себя спирт и сразу же запил его водой. Через минуты две он почувствовал, что начинает слегка пьянеть. Перед глазами медленно поплыл кабинет, а фигура доктора стала какой-то расплывчатой, воздушной и невесомой.

– Посиди немного. Сейчас он подействует.

– По-моему, я уже поплыл.

– Давай, подождем еще минут пять, – предложил ему док-

тор. – Так будет надежней.

Он сделал ему два обезболивающих укола и приступил к операции. Ассистировала ему Анастасия. Ни выпитый спирт, ни уколы не смогли полностью подавить в нем боль. Он тихо охал, ругался матом и все время пытался схватить оперирующего его врача за руку. Наконец алкоголь и обезболивающие уколы сделали свое дело. Перед его глазами все закрутилось, и он с невероятной скоростью полетел куда-то, теряя связь с реальностью. В какой-то момент ему показалось, что он разговаривает то с матерью, то с Ольгой, то с комбатом. Очнулся он часа через три, не понимая, где он находится.

– Вот и очнулся, – тихо произнес врач. – Давай, Крылов, отдыхай до утра. Утром я тебя осмотрю и – свободен. Кстати, этот капитан Овечкин тоже просил меня не задерживать тебя здесь более суток.

– Спасибо, доктор. Мне тоже не хочется здесь залеживаться.

– Давай, поправляйся, Крылов. Извини, нужно идти, там тоже раненые люди.

Он закрыл глаза и снова провалился в темноту. Ему снился какой-то хороший сон. Он все время хотел его запомнить, но, проснувшись утром, он так и не мог его вспомнить.

* * *

Утром Крылова разбудил хирург. Он открыл глаза и никак не мог понять, где он находится. Все что раньше было с ним,

показалось ему просто сном.

– Ну что, Крылов? Как ваши дела? Как самочувствие? Давайте, я осмотрю вашу рану, и можете ехать к себе в подразделение.

Он поднялся с кушетки и направился вслед за врачом в кабинет. Хирург размотал бинт и стал осматривать его рану.

– Ну, вроде бы все хорошо. Краснота и отек прошли. Сейчас вам перевязку и можете ехать к себе. Завтра в течение дня приедешь на перевязку.

– Спасибо, доктор. Если ничего сверхъестественного не произойдет, обязательно приеду.

Александр вышел из кабинета и направился к ожидавшей его машине.

– Как здоровье, товарищ командир? – поинтересовался у него старшина, когда он вошел на территорию базы. – Вчера этот капитан из особого отдела опрашивал всех наших бойцов.

– Ну и что они?

– Не знаю. Все происходило за закрытыми дверями. Он все интересовался у них, как вы выходили из тылов моджахедов, как встретились с Сергеевым, и так далее.

«Странно. Зачем все это ему? Из тех, с кем он выходил, в подразделении остался всего один человек – Ибрагимов, а все остальные в госпиталях», – подумал он.

Приняв у него рапорт, Крылов сразу же направился в свою комнату. Ему хватило лишь одного взгляда, чтобы понять,

что в его отсутствие происходил обыск. Он стал укладывать все вещи на прежние места, а заодно внимательно осматривать комнату. Что-то ему подсказывало, что все это было не просто так, и по всей вероятности, капитан мог что-то случайно забыть здесь

Александр медленно перемещался по комнате, заглядывая в каждую щель. Вскоре его любопытство было полностью удовлетворено. В дальнем углу шкафа он наткнулся на небольшой узелок. Вытащив его из шкафа, Крылов осторожно положил узелок на стол и стал его развязывать. В узелке лежало несколько серебряных ювелирных изделий и четыреста долларов США.

«Надо же, – мысленно произнес он, рассматривая дорогие изделия. – Похоже, капитан помимо всего этого, хочет меня обвинить еще в мародерстве. Неплохо придумал».

Достав из патронного ящика, пустую банку из-под тушенки, он переложил в нее содержимое узелка, а в узелок положил несколько небольших камней, которые подобрал во дворе базы. Уложив узелок на место, он снова продолжил свой поиск. Под кроватью, в ящике из-под автоматов, в котором он хранил все свое армейское имущество, Александр обнаружил два старинных афганских кремниевых пистолета, инкрустированных серебром и какими-то полудрагоценными камнями.

«Ну, это – уже перебор, товарищ начальник, – подумал Крылов. – Вы, похоже, считаете меня полным идиотом.

Неужели, если бы я имел подобное антикварное оружие, то я бы его хранил в своем ящике».

Ему стало даже обидно за себя. Спрятав все найденные ценности за бараком, он вернулся обратно в комнату и лег на койку. Он мысленно представил, что его ожидало, если все эти вещи были бы обнаружены этим капитаном Овечкиным во время обыска. От всего этого его стало колотить, так как он не был на сто процентов уверен в том, что нашел все его закладки.

Крылов встал с койки и крикнул старшину. Когда тот вошел, он попросил его принести ему спирта и закуску. Минут через десять старшина вернулся и поставил на стол котелок с разогретой тушенкой и полную алюминиевую кружку со спиртом.

Когда он вышел из комнаты, Александр разбавил спирт водой. Когда жидкость немного остыла, он сделал несколько глотков водки и стал закусывать ее мясом. Все его мысли в этот момент крутились вокруг этого капитана Овечкина.

«Если он подбросил мне все эти предметы, значит, хочет повязать меня на мародерстве. Для него сейчас самое главное – арестовать меня и ему не столь важно, как он это сделает – размышлял он. – Видно, одного рапорта Грачева ему явно не хватает для моего ареста. Ему еще нужно чем-то меня припереть, а для этого подойдет статья и по мародерству. Раз ходил по тылам, то мог и награбить что-то».

Скрывать нечего. Отдельные его бойцы иногда пытались

«прибарахлиться». Снимали с убитых моджахедов часы, подбирали кассетные магнитофоны. Он, как командир, старался пресекать подобные факты, однако проследить за всеми своими бойцами он конечно не мог. Сам он никогда и ничего не брал, тем более – с убитых мятежников. Это была плохая примета, он ее хорошо усвоил еще из рассказов своего отца, бывшего солдата Великой Отечественной войны.

Он поднял кружку и снова сделал один большой глоток водки. Поставив кружку на стол, он потянулся за куском мяса. В этот момент дверь его комнаты открылась, и в дверях показался капитан Овечкин.

«Стоит только о черте подумать, как тот тут же! – подумал он, рассматривая разморенное жарой лицо сотрудника Особого отдела.

– Пить будешь, капитан? Давай, садись.

– А ты все пьешь, Крылов? – спросил он его, поднося к носу кружку с водкой.

– А почему бы не выпить? Я пью не ради пьянки, а ради здоровья. Хотите, угощу, – тихо ответил Александр ему. – Правда, с такими людьми, как вы, я не пью.

Наверное, он сказал лишнее. Лицо капитана моментально стало красным от гнева.

– Что, брезгуешь?

– Угадали. От вас плохо пахнет, капитан.

Капитан схватил кружку и швырнул ее в сторону. Крылов промолчал и стал закусывать выпитую водку мясом.

– Ты знаешь, Крылов, я обязан осмотреть твою комнату. Ты не переживай, так положено. В своем рапорте полковник Грачев отмечает, что вы со своими бойцами, разгуливая по тылам противника, занимались мародерством. Вот мы сейчас и посмотрим, что ты хранишь у себя в комнате. А вдруг нам повезет, и мы что-нибудь найдем у тебя.

– Валяй, капитан, я не возражаю. Я думаю, что для проведения этих следственных действий моего согласия не требуется?

– Ты угадал, Крылов. Вот ознакомься, это постановление военного прокурора, где он санкционирует мои действия. Сейчас я приглашу понятых, и мы начнем обыск.

– Ну, раз сам военный прокурор санкционирует, то я молчу. Валяй, капитан. Ищи, может, найдешь то, что тебя так интересует.

Пригласив в качестве понятых старшину и кого-то из десантников, капитан приступил к обыску.

* * *

Крылов сидел за столом и внимательно наблюдал, как капитан Овечкин медленно переходил от одного угла его комнаты к другому, делая вид, что тщательно осматривает все его вещи. Наконец он остановился перед шкафом.

– Крылов! Скажите, что у вас в шкафу? Кстати, я вам добровольно предлагаю сдать все запрещенные законом вещи. К таким вещам относятся предметы антиквариата, наркотики, оружие…

– Извините, что я вас немного огорчаю, но ничего из перечисленных вами предметов, не храню.

– Тогда я посмотрю, с вашего разрешения, надеюсь, вы не будете возражать, Крылов?

– У вас же на руках постановление на обыск. Почему вы спрашиваете моего разрешения на это? Откройте и посмотрите – ответил ему Александр. – Я давно не пользуюсь этой вещью и не знаю, что сейчас может там находиться. Раньше там висела моя старая парадная армейская форма, которую я недавно выкинул.

Овечкин улыбнулся и осторожно приоткрыл створку шкафа. Овечкин уставился на Крылова, надеясь ошеломить его своей находкой. Неожиданно глаза капитана загорелись каким-то не добрым для Александра огнем. Его рука, словно змея, исчезла за створкой шкафа. Он, улыбаясь, достал из шкафа небольшой узелок и демонстративно поднял его в воздух. Лицо его сияло, а глаза…

– Понятые! Посмотрите, что я нашел в шкафу вашего командира! Вы видите этот узелок? Что это? – тихо спросил он Крылова.

Его глаза сверкали таинственным и радостным огнем. Александр пожал плечами, делая вид, что не знаком с содержимым этого узелка. Капитан осторожно положил его на стол и, обращаясь к понятым, попросил их подойти поближе к столу.

– Я еще раз вас спрашиваю, Крылов, что находится в этом

узелке?

– Я не знаю, товарищ капитан. Это – не мой узелок, и откуда он появился в моем шкафу, я не знаю.

– Может, это не ваш шкаф, Крылов и это не ваша комната? И вещи, находящиеся в нем, не ваши?

Александр снова пожал плечами.

– Я же вам уже говорил, что три дня назад вернулся из рейда. Кто пользовался моим шкафом, я не знаю. Могу лишь сказать, что это не мой узелок и поэтому я не знаю, что в нем находится.

Овечкин осторожно развязал узел. Крылов внимательно наблюдал за его лицом. Сначала глаза у капитана медленно превратились в чайные блюдца, а затем полезли на лоб. Нижняя челюсть упала и из уголков его удивленного рта показалась тонкая струйка слюны. Он перебирал руками камни, не понимая, как они могли оказаться в этом узелке. Оттолкнув Александра, он стрелой метнулся к его койке. Он выдвинул зеленый армейский ящик и стал из него выбрасывать его вещи прямо на пол.

– Вы что ищете, капитан? – поинтересовался Крылов у него. – Вы, почему выбрасываете мои вещи на пол?

Его слова заставили его остановиться. Он поднялся с колен и внимательно посмотрел на него. Он начал грозить Александру пальцем, махая им перед его носом.

– С огнем играешь, Крылов! – прошипел он. – Смотри, не сгори.

– Я что-то вас не понимаю, товарищ капитан. С каким огнем? Не нужно мне угрожать, мне – боевому офицеру! – заорал Крылов на него. – Чего стоишь, вали отсюда, пока я тебя, тыловую крысу, не завалил прямо здесь в своей комнате.

Хмель ударил Александру в голову. Он попытался достать из кобуры пистолет, но старшина повалил его на койку и прижал к ней всем своим огромным телом.

– Не дури, командир! Обуха плетью не перешибешь.

– Все, все! Отпусти меня, я погорячился.

Он отпустил его из своих могучих объятий. Крылов встал с койки и, поправив на себе куртку, посмотрел на Овечкина, который сидел на табурете и отрешенно смотрел куда-то в угол. Еще вчера он был уверен в своей оперативной комбинации и для ее использования взял вещественные доказательства по другому уголовному делу. Теперь он хорошо понимал, что его ожидает, если он не вернет эти ценности обратно.

– Дайте воды, – обратился он к старшине. – Что-то пересохло в горле.

Тот быстро исчез за дверью. Через мгновение он вошел в комнату с алюминиевой кружкой в руках. Овечкин жадно выпил и посмотрел на Александра.

– Не радуйся, Крылов. Ты еще не раз пожалеешь об этом дне. Как говорят люди, хорошо смеется тот, кто смеется последним.

Он схватил свою фуражку, которая лежала на краю стола,

и вышел из комнаты.

Отпустив старшину и десантника, Крылов лег на койку и заснул сном младенца. Его радовало лишь одно, что он выиграл пусть и маленькую, но опасную для себя стычку с капитаном Овечкиным.

Вечером ему позвонил офицер из штаба дивизии и приказал прибыть к генералу утром.

* * *

Машина, в которой ехал капитан Овечкин, несколько раз чихнула, словно простуженный человек, и остановилась посреди улицы. К машине моментально бросилась стайка игравших в пыли детей и, хватая его грязными руками за рукава шерстяной гимнастерки, стала выпрашивать у него конфеты и другие лакомства.

– Нет у меня ничего! Пошли вон! – кричал он им, отбиваясь от множества грязных рук. – Совсем обнаглели!

Он взглянул на водителя, который поднял капот и что-то крутил в двигателе.

– Игнатенко! Что у тебя? – закричал он ему, стараясь перекричать уличных мальчишек.

– Сейчас, товарищ капитан. Еще минутку – и поедем.

Овечкин сунул руку в карман и, вытащив из него какие-то мелкие монеты, кинул их в уличную пыль. Мальчишки, словно стая серых воробьев, с криком бросилась их поднимать. Они толкали друг друга, дрались между собой за право обладать этой мелкой монетой.

– Смотри, дерутся, словно петухи, – указал он рукой водителю. – Ну, что, все в порядке?

Водитель опустил капот и, вытерев руки какой-то грязной ветошью, сел в кабину. Двигатель взревел, словно зверь, и машина медленно покатила по узкой улице. Шофер сразу догадался, что капитан был зол, взглянув на его сосредоточенное лицо. Он был прав. Овечкин все еще не отошел от своей стычки с Крыловым. Ему никак не хотелось верить, что этот молодой десантник так запросто переиграл его не только тактически, но и морально.

Три дня назад Овечкину повезло. Он впервые за последние три месяца поймал с поличным двух водителей, которые на рынке за какие-то два кремниевых пистолета и несколько серебряных безделушек отдали местному торговцу два ящика с автоматными патронами. Он арестовал их и доставил к себе в отдел. Бойцы быстро раскололись и рассказали ему о своем бизнесе. Он быстро оформил все необходимые документы, вынес постановление о возбуждении уголовного дела, изъял у них все эти пистолеты и серебряные безделушки в виде вещественных доказательств их вины и быстро доложил своему начальнику майору Жданову.

Выслушав его доклад, начальник похвалил капитана за оперативность и попросил его не затягивать с этим делом. Сейчас, когда эти вещественные доказательства по этому уголовному делу исчезли благодаря Крылову, он просто не знал, что ему делать дальше. Используя эти побрякушки в

оперативных целях, он хотел придать своему новому делу более весомый характер. Все по его расчету было предельно просто. Крылов, заслуженный разведчик, орденоносец, оказался совсем не тем человеком, за которого он так долго себя выдавал. Помимо того, что он совершил серьезный дисциплинарный поступок, он оказался еще и мародером. Кто знал, что он, блуждая там по тылам моджахедов, еще обирает их трупы. Ему уже виделись майорские звезды на погонах, и вдруг эта хитро задуманная и просчитанная им комбинация сломалась до того, как он начал ее раскручивать.

Мало того, что у него ничего не получилось с Крыловым, ему сейчас срочно нужно было принимать какое-то процессуальное решение и в отношении этих двух арестованных им солдат, так как суд едва ли будет рассматривать это уголовное дело в отсутствие вещественных доказательств.

От накатившей злости он заскрипел зубами и посмотрел на простодушное лицо своего водителя.

«Сидит, сволочь, делает вид, что ничего не случилось. А сам, наверняка, еле сдерживается от смеха и радости, что у меня ничего не получилось с Крыловым, – подумал он. – Ничего, мы найдем на всех управу – и на него, и на тебя».

Машина снова остановилась. До расположения особого отдела было не так далеко, однако Овечкин не решился в одиночку передвигаться по городу. Он не боялся смерти, он боялся угодить в плен, где шансов на то, чтобы выжить, практически не было.

– Все, ты мне надоел со своей машиной! – громко произнес он. – Завтра возвращаешься в свою роту. Передашь, пусть ротный пришлет мне нового водителя.

– Товарищ капитан! Сейчас поедем дальше, я только подтяну ремень и все.

– Что все! – заорал на него Овечкин. – Мне это все надоело, ты понял меня?

Водитель промолчал. Машина снова тронулась и медленно поехала дальше.

* * *

Не успел Овечкин появиться у себя в отделе, как его вызвал к себе начальник. Майор Жданов сидел в своем кабинете и пил чай. На расстеленной газетке стояла открытая банка со сгущенным молоком и пачка печенья «Юбилейное».

– Вызывали, товарищ майор? – спросил его Овечкин.

Тот кивнул ему головой и чайной ложкой указал на стул. Овечкин снял фуражку и сел. Жданов, не обращая внимания на присутствие Овечкина, продолжал, есть печенье, запивая его чаем. Капитан хорошо знал, что его начальник не любил, когда кто-то из его подчиненных мешал ему закончить трапезу. Наконец он прекратил жевать и, отодвинув от себя недопитый стакан с чаем, посмотрел на него.

– Как дела? – поинтересовался у него Жданов. – Что ты тянешь с Крыловым? Может, тебе напомнить, кто стоит за этим рапортом?

– Я знаю, товарищ майор. Стараюсь накопать на него боль-

ше. Того, что написал полковник Грачев, мало, нужны свидетели всего этого.

– Ну и что? Что тебе мешает найти их?

– Есть трудности, товарищ майор. Двое сейчас находятся в госпитале, а третий – Сергеев, отказывается давать какие-либо показания против Крылова.

Майор откинулся на спинку стула и внимательно посмотрел на Овечкина. Он впервые за долгие годы их совместной работы видел его таким растерянным.

– Ты меня извини, но нас там просто не поймут с тобой. Я рекомендовал тебя, заявил, что ты у меня самый – перспективный оперативник, пообещал им, что ты разберешься с этим делом. А ты вдруг заявляешь мне, что ты ничего не можешь сделать с этим мальчишкой. Подумай, что тебя ждет дальше? Хочешь служить на Кушке, служи, но не тащи меня за собой.

Овечкин сидел с поникшей головой. Докладывать Жданову, что Крылов его переиграл, как мальчишку, он не хотел.

– Ну а эти, два твоих крестника, как они?

Овечкин вздрогнул и посмотрел на Жданова. Он на секунду задумался, а затем, не моргнув и глазом, соврал.

– Я их отпустил, товарищ майор. Судить ребят за мелочь не стоит. Теперь они мне будут сообщать все, что творится в их подразделении, кто, чем дышит, кто и что ворует и кому продает.

– Значит, решил завербовать? Смотри сам, а то можно ма-

териалы и в трибунал передать.

– Не стоит их загружать лишней работой. Для многих сейчас зона лучше, чем Афганистан.

– Ну, ты не тяни с Крыловым. Ты же сам мне всегда говорил, что безгрешных людей не бывает. Так что, Овечкин, давай, копай.

Капитан поднялся со стула и направился к двери. Когда он вышел из кабинета, то облегченно вздохнул и сразу же направился в изолятор, в котором сидели два этих солдата. Контролер открыл дверь камеры и Овечкин вошел в это полутемное помещение. Он не сразу увидел бойцов, которые сидели в углу камеры, прижавшись, друг к другу. Они со страхом смотрели на капитана, ожидая своей участи.

– А ну, пошли отсюда! – громко произнес он. – Чего застыли? А ну, пошли!

Солдаты выскочили из камеры и остановились в коридоре.

– Проводи их до выхода! – приказал он конвоиру.

Когда они исчезли за поворотом коридора, он еще раз облегченно вздохнул и направился к себе в кабинет.

* * *

Утром Крылов был в штабе дивизии. Заглянув в приемную комнату командира дивизии, он заметил там командира полка.

– Заходи, Крылов, – пригласил его полковник и рукой указал ему на свободный стул.

Александр сел рядом с полковником и стал ждать, когда его пригласит к себе генерал. Сначала в кабинет генерала вошел командир полка. Прошло минут десять томительного ожидания. Раздался телефонный звонок. Сидевший за столом молодой лейтенант с опаской поднял телефонную трубку и посмотрел в его сторону.

– Есть, товарищ генерал! – отчеканил он и положил трубку на рычаг телефона.

– Заходите, Крылов, – холодно произнес лейтенант и снова углубился в чтение газеты «Правда».

Александр открыл дверь и вошел в небольшой кабинет. За столом сидел генерал в полевой форме, справа от него – командир полка. Он долго всматривался в его лицо, словно стараясь вспомнить или запомнить его. Наконец он прекратил рассматривать офицера.

– Вот, что Крылов. В отношении тебя поступила информация о том, что в твоем отряде имеют место противоправные действия и творится полное беззаконие. Что в отряде процветает мародёрство, и даже то, что наши офицеры на боевых операциях расстреливают неугодных им солдат.

Александр был поражен этим сообщением. Это был какой-то бред сивой кобылы. Командир полка Михайлов только что разговаривал с ним не больше пяти минут назад в приемной генерала, и не обмолвился ни одним словом о преступлениях его подчиненных. При этом полковник лично сказал ему, что не верит в то, что написал на него полковник

Грачев, и что ему надо срочно убыть в отряд после разговора с генералом.

– Извините, товарищ генерал, но все это не соответствует действительности, – произнес Крылов. – Я прошу вас разобраться во всем этом и привлечь к ответственности человека, который хочет очернить бойцов отряда и мое честное имя.

– Прекратите, Крылов! Не нужно оправдываться. Нужно быть честным, вы же – офицер! В вашем отряде уже работает сотрудник особого отдела дивизии капитан Овечкин. Вот он и разберется в твоих партизанских действиях. Ты что о себе возомнил, Крылов? Думаешь, что если отряд находится сравнительно далеко от основных частей дивизии, то тебе все позволяется?

Лицо его покраснело. Глаза стали похожи на узкие амбразуры дота.

– Извините, товарищ генерал, но я действительно не понимаю, о чем вы говорите.

– Плохо, Крылов, плохо, что ты не понимаешь меня. Как же я могу за тебя просить кого-то, если ты ничего не понимаешь и не даешь отчета своим поступкам.

Александр стоял по стойке «смирно» и переводил свой взгляд с генерала на командира полка, еще надеясь, что тот скажет свое веское слово в его защиту. Однако командир полка тоже молчал, пряча от него свой взгляд. Чем было вызвано его молчание, Крылов не знал, но оно не сулило ниче-

го хорошего.

– Что стоите? Я вас больше не задерживаю, Крылов. Готовьте передачу отряда новому командиру.

– А я куда?

– Этот вопрос не ко мне, а скорей, к капитану Овечкину. Посмотрим, что решит следствие.

Александр развернулся через левое плечо и вышел из кабинета генерала.

* * *

Расстроенный этим разговором, Крылов поехал к командиру батальона. Оставив машину с водителем на улице, Александр вошел в его палатку.

– А Саша, заходи, – произнес комбат, вставая с койки. – Я слышал, что тебя вызывал к себе комдив?

Крылов вошел внутрь палатки и присел на свободную койку.

– Похоже, я приплыл. Ты знаешь, он такую ахинею понес, что у меня встали волосы дыбом. Говорит, что мы во время рейдов с Белоусовым расстреливали своих бойцов, что многие из них занимались мародерством. Я попытался что-то сказать ему, но он меня даже слушать не стал.

Александр закурил и, выпустив дым, посмотрел на него.

– А что командир полка?

– Он все время молчал. Я рассчитывал, что он что-то возразит генералу, но он почему-то промолчал.

– Я вчера с ним говорил на эту тему, и он пообещал мне,

что замолвит за тебя слово.

– Видно, что-то помешало ему это сделать. Короче, приказали мне сдать отряд.

– Вон оно что? Похоже, на них сильно надавили. Кто-то очень хочет твоей крови.

– Но за что? Я честно воевал, за чужие спины не прятался.

– Не знаю, Саша, не знаю. Мы с тобой – маленькие винтики в этой большой военной машине.

– Тогда я поехал. Кому сдавать отряд?

– Сдай пока старшине, а там будет видно.

Крылов вышел из палатки и направился к машине. Неожиданно из-за палатки показалась медсестра. Увидев его, она вспыхнула. Ее пухлые щеки покрылись румянцем.

– Крылов! Почему не приходите на перевязку? – строго спросила она его. – А ну, пойдемте со мной, я вас сейчас перевяжу.

Он, молча, направился вслед за Настенькой. Она осторожно сняла старую повязку и стала обрабатывать рану.

– У вас, товарищ старший лейтенант, большие неприятности? – спросила она его.

– С чего вы взяли? – сделав удивленное лицо, спросил Александр.

– Просто я случайно услышала разговор этого капитана с нашим хирургом. Он просил у него дать ему официальное заключение о том, что вас можно содержать в камере.

– И, что?

– Хирург написал ему такую справку. Вы сами знаете, что с сотрудниками особого отдела лучше не ссориться.

Эта новость не прибавила ему оптимизма. Когда она закончила перевязку, он вышел во двор и закурил. В голове крутилась одна мысль: что делать дальше? Ехать в подразделение, где его, по всей вероятности, ждет Овечкин и арест, или плюнуть на все и удариться в бега. Однако вторую составляющую он тут же отбросил в сторону. Куда бежать и от кого бежать? Бежать, тем самым, признавая все эти абсурдные обвинения в свой адрес? Нет, этого делать было нельзя, ведь за его спиной незаслуженно обиженные кем-то бойцы его отряда. Нужно что-то делать. Однако, что конкретно, Крылов не знал. Загасив сигарету, он направился к ожидавшей его автомашине.

– Куда? – спросил водитель.

– На базу, – коротко ответил он.

Волна отчаяния захлестнула Александра. Он впервые оказался в таком положении, когда не видел из него выхода. Он еще раз пожалел о том, что не расстрелял Грачева, сейчас хоть было бы за что отвечать. Он снова достал из кармана сигареты и закурил.

* * *

Когда его машина остановилась в расположении отряда, там вовсю работал капитан Овечкин. Самому ему разбираться с личным составом отряда не пришлось, с бойцами уже разобрался капитан. Сволочи есть везде, и в армейской сре-

де тоже, хотя, конечно, поменьше, чем на гражданке. Овечкин, похоже, хорошо знал свое дело. В этот раз он действовал совершенно по-другому. Он уже не рылся в его бумагах и вещах, он не задал ни одного вопроса. Все «факты мародерства и расстрела своих бойцов во время рейда» ему рассказали два десантника, прибывших из последнего пополнения, которые ни разу не ходили, ни в «зеленку», ни на «дорогу». Однако этот факт его меньше всего интересовал. Самое главное – он добыл эти показания, и теперь их хватало для разговора с ним.

– Капитан! Ты-то сам в это веришь, в то, что ты мне предъявляешь? – спросил его Крылов.

– А почему бы и нет? Дыма без огня, старлей, не бывает. Если бойцы рассказывают об этом, значит, что-то подобное было. Вот мы и разберемся, где ложь, а где, правда.

– Давай, разбираться прямо сейчас, на месте.

– Ты мне не указывай, герой, где мне разбираться, здесь или в другом месте. Сейчас поедем к нам в отдел, там и поговорим. Знаешь, Крылов, что я заметил в этой жизни – пока человек на воле, он говорит одно, а стоит его закрыть в камеру, он говорит совершенно другое. Вот вы утверждаете, что все это вымысел, а я говорю, что нет. Может, вам напомнить гибель бойца Смирнова?

– Какого Смирнова? У меня такого бойца в отряде никогда не было. Это какой-то бред параноика.

Александр моментально вспомнил, что в отряде было

несколько несчастных случаев при чистке оружия, но все это было до его назначения на эту должность. Насколько он помнил, таких не боевых потерь за все время существования отряда было четыре, в том числе и гибель рядового Смирнова, погибшего от случайного выстрела сослуживца. По каждому из них была проинформирована военная прокуратура и особый отдел. Он хорошо помнил, по каждому подобному случаю были возбуждены уголовные дела, которые затем прекращались из-за отсутствия состава преступления. Никто из командования батальона и отряда не был привлечен ни к уголовной, ни к дисциплинарной ответственности.

– Чего молчишь? Сейчас приедем к нам, и мы тебе там восстановим память.

– А, если я не поеду? Что, застрелите на месте?

Крылов был возмущен до предела, но все его возражения по данным вопросам Овечкин полностью игнорировал.

– Ты не дергайся, герой. Разберемся, там и решим, что с тобой делать дальше. Ты вчера посчитал себя достаточно умным человеком, как же, обманул самого Овечкина. Нет, брат, это я тебя обманул. Это я тебя загнал в угол, из которого нет выхода.

Александр сидел за столом и слушал его. Все происходящее здесь, в его кабинете, казалось ему кошмарным сном. Ему все время казалось, что он вот-вот проснется, и все это исчезнет – и Овечкин, и Афганистан. Но это почему-то не исчезало, а все больше и больше превращалось из фарса в

настоящую реальность.

– Крылов! Сдайте табельное оружие, оно вам больше не понадобится. На основании постановления военного прокурора, вы задерживаетесь на десять суток, для выяснения всех обстоятельств. По истечении этого срока вам может быть предъявлено обвинение или вы будете освобождены по реабилитирующим вас обстоятельствам. Надеюсь, вы поняли меня? – официально произнес Овечкин. – Надеюсь, что вопросов у вас ко мне нет.

Крылов кивнул ему, достал свой пистолет и положил его на стол.

– Старшина, примите временно командование отрядом! – приказал он ему – Думаю, что к вечеру у вас будет новый командир. Да, еще. Передайте этот нож новому командиру отряда.

– Есть принять командование и передать нож новому командиру отряда! – тихо отчеканил старшина.

При выходе из помещения его с Овечкиным окружили десантники, которые попытались препятствовать аресту.

– Командир! Что за беспрел! За что вас? Не дадим нашего командира – закричал кто-то из них. – Вы куда его ведете? За что?

Некоторые десантники схватились за оружие.

– Отставить! – громко скомандовал Крылов. – Всем разойтись.

Бойцы застыли на месте, а затем стали медленно расхо-

диться в разные стороны, бросая недобрые взгляды на капитана Овечкина. Они сели в ожидавшую их автомашину, которая, добродушно урча мотором, тронулась с места. Крылов проводил взглядом место дислокации отряда и отвернулся в сторону. Сердце подсказывало, что он никогда больше не вернется сюда.

* * *

Крылов впервые ночевал в камере. В углу помещения стояло ведро, от которого сильно воняло нечистотами. На жестком деревянном топчане лежало два солдатских серых одеяла. В последнее время многое происходило у Александра впервые в жизни. Впервые он встретил девушку, которую полюбил, впервые оказался за границей нашей Родины, впервые вышел на «дорогу», впервые убил своего врага, а теперь впервые вот оказался в этой небольшой камере.

Где-то недалеко надрывно прокричал мулла, призывая правоверных к вечерней молитве. Темнота на улице наступила быстро. Он сидел на топчане и смотрел на эту узкую оконную щель, за которой находилась свобода. Раньше, еще в детские годы, когда он смотрел фильмы «Граф Монте-Кристо», «Овод», он почему-то мечтал оказаться в камере, как герои этих произведений. Так же, как и они, бороться за справедливость и мстить своим заклятым врагам. Однако, оказавшись в этом каменном мешке, Александр понял, что значит – потерять свободу. Время шло, звезда, светившая всю ночь, стала меркнуть, а затем и совсем пропала.

Крылов не спал всю ночь, сильно болело раненое плечо, и он всю ночь провел на ногах, шагая из угла в угол. За металлической дверью камеры иногда раздавались какие-то голоса, но разобрать, о чем кто говорил, было довольно сложно. Гулкое коридорное эхо искажало голоса, и трудно было определить, с какого конца коридора они доносятся. Он поднялся с деревянного топчана и стал рассматривать свою камеру. Вчера, когда его поместили в камеру, было темно, и он не мог хорошо рассмотреть свое место заключения.

Камера была небольшой, от силы восемь квадратных метров. Она была рассчитана на двух заключенных, но он содержался в ней один. Стены камеры были все исцарапаны чем-то острым. Он подошел к стене и стал рассматривать эти надписи. Среди них были и русские надписи.

«Выходит, я здесь – не первый заключенный – подумал он и сел на топчан. – Плохо, что поговорить не с кем».

Александр сидел на топчане и вспоминал свой первый вчерашний допрос. Вел его незнакомый ему молодой лейтенант. Наверное, это было его первое самостоятельное дело, и поэтому он был надут, словно индюк, и всячески старался показать ему свою исключительную важность. Он важно ходил по комнате, сверкая начищенными до блеска хромовыми сапогами, и задавал вопрос за вопросом:

– Скажите, Крылов, вы хорошо знакомы с уставом и текстом воинской присяги? Вы знаете, что бывает с военнослужащими, которые отказываются выполнять приказы выше-

стоящего начальника? – задавал он ему вопрос за вопросом.

– Извините, но я не совсем вас понимаю, товарищ лейтенант. Прошу вас конкретизировать вопросы, во-первых. А во-вторых, я практически не знаком с Уголовным кодексом нашей державы. Насколько я понял, ваши вопросы касаются именно уголовной ответственности за их нарушение и неисполнение?

Лейтенант улыбнулся ему, словно старому школьному другу и, сделав важное лицо, начал декларировать данную статью Уголовного кодекса.

– Слушайте и запоминайте, Крылов. Ваше преступление заключается в злостном неисполнении приказа вышестоящего командира, сопротивлении начальнику, в нарушении правил Устава, взаимоотношений между военнослужащими, а также – в оскорблении подчиненным своего начальника или другого военнослужащего. Вам понятна эта формулировка или нет?

– Понятно. Однако мне не понятно лишь одно – какое отношение она имеет ко мне? Прошу вас, поясните все это мне, товарищ лейтенант?

– Давайте сразу договоримся, Крылов, что вы больше не будете ко мне обращаться, употребляя слово «товарищ». Это слово теперь не для вас. Я вам советую привыкать к этому. Мы теперь с вами не товарищи, мы по разные стороны одного закона, который называется «Уголовный кодекс». Надеюсь, я излагаю на понятном вам языке?

Во-вторых, я вам пока разъясняю, что вы не выполнили приказ вышестоящего командира. Каков был приказ – найти сбитых летчиков и полковника Главного политического управления и переправить их в расположение наших войск. Вспомнили этот приказ или нет? Пока мне неизвестны причины его невыполнения. Насколько я знаю, у вас была возможность переправить полковника Грачева в расположение наших воинских подразделений первым вертолетом, но чувство личной обиды и неприязненных отношений к полковнику Грачеву заставило вас не выполнить приказ командования, тем самым вы умышленно подвергли его жизнь смертельной опасности. Вы знаете, что за это бывает на войне? Хотите, поясню?

Он сделал паузу и посмотрел на Крылова, стараясь угадать, как он отреагирует на его дальнейшие слова.

– Неисполнение подчиненным приказа начальника, отданного в установленном порядке, наказывается лишением свободы до пяти лет.

Александр невольно присвистнул и удивленно посмотрел на лейтенанта. Он хотел что-то возразить, но тот знаком руки пресек его попытку.

– Так вот, вам вменяются еще две статьи, это – насильственные действия в отношении вышестоящего начальника и нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности. Сейчас я вам все поясню. Данное нарушение

трактуется следующим образом. Нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности, связанное с унижением чести и достоинства или издевательством над потерпевшим либо сопряженное с насилием.

Он закончил говорить и, взяв в руки стакан с налитым в него чаем, сделал глоток из него и, повернувшись к Александру, произнес:

– По-моему, у вас были какие-то ко мне вопросы?

– Слушайте, гражданин лейтенант, я устал от ваших обвинений. Давайте говорить конкретно, в чем вы меня обвиняете. Я – не юрист и мне все ваши формулировки ни о чем не говорят.

– Крылов! Вы же – умный человек и все это хорошо понимаете. Я вам даю ночь, одну ночь, чтобы вы смогли все вспомнить и мне завтра все подробно рассказать. А сейчас вас отведут в камеру.

В сопровождении вооруженного солдата его проводили до камеры.

* * *

Где-то в глубине коридора раздались гулкие шаги. Шаги звучали все громче и громче, пока не затихли около дверей его камеры.

– Крылов! На допрос! – раздалось в коридоре.

Он встал с топчана и направился к металлической двери. Она противно лязгнула, и приоткрылась. Он вышел в кори-

дор.

– Лицом к стенке! – послышалась команда, и сильный толчок в спину прикладом автомата заставил его вжаться в эту серую бетонную стену. Сильная и резкая боль прострелила его руку. Александр невольно оглянулся назад и посмотрел на молоденького конвоира, который был около двух метров ростом. Его покрасневшее от загара лицо оттенял светлый пушок над верхней губой. Он явно был не городским парнем. Его ладони были словно лопаты, а висевший на шее автомат больше походил на кнут пастуха, который те вешают себе на грудь при перегоне скота.

– Что, непонятно? Что вылупился, как козел на новые ворота? – произнес солдат и еще раз сильно ударил его прикладом в спину.

Удар прикладом был настолько сильным, что Крылов снова моментально уперся лбом в серую бетонную стенку. Сильная боль пронзила его плечо. Он ойкнул и замер на месте. На лбу моментально выступила холодная испарина, а перед глазами появились радужные круги.

– Боец! Ты что-то путаешь. Я – не преступник!

– Здесь все одинаковы и преступники, и не преступники. Еще раз возникнешь, потеряешь зубы. Больше предупреждать не буду.

– Ты бы там, в горах, проявлял такое рвение и храбрость. А бить безоружных людей легко и просто. У нас с тобой большая разница, ты меня можешь ударить, а я вот тебя –

нет.

Не успел Крылов закончить свою мысль, как сильный удар в область почек заставил его опуститься на колени. Что-что, а бить, похоже, он умел. От сильной боли у Александра перед глазами поплыли разноцветные круги. Пересилив боль, он поднялся с колен и прижался лицом к стене.

– Вперед по коридору! Шаг влево, шаг вправо, расценивается как попытка к бегству. Стреляю без предупреждения! – зло произнес конвоир.

Ему больше не хотелось ни разговаривать, ни спорить с этим деревенским на вид парнем, который мог искалечить его в любой момент. Они медленно двигались вдоль узкого бесконечного коридора.

– К стене лицом! – снова скомандовал конвоир.

Крылов повернулся лицом, заметив идущего ему навстречу военнослужащего и сопровождающего его конвоира. Он не сразу узнал в этом исхудавшем человеке Сергеева.

– Командир! А вас за что? – успел спросить он у него и тут же сильный удар приклада в спину опрокинул его на бетонный пол.

– Отставить разговоры! – послышалась команда. – Запрещено!

Когда Сергеева провели мимо него, конвоир снова приказал ему двигаться дальше. Он открыл металлическую дверь и втолкнул Александра в уже знакомый кабинет. В этот раз, помимо молодого лейтенанта, в кабинете находился его ста-

рый знакомый – капитан Овечкин.

– Проходи, Крылов. Присаживайся, – произнес Овечкин. – Как ваше плечо? По-прежнему болит?

Он промолчал, так как хорошо понимал, что им глубоко наплевать на его раненое плечо.

– Если можно, угостите меня сигаретой? – обратился он к ним. – Умираю, как хочу курить.

– Сигарету нужно заслужить, Крылов, как заслужил хорошее отношение к себе твой старый знакомый Сергеев. Сейчас все нужно заслуживать – и хорошее к вам отношение, и возможность покурить. Вот Сергеев сейчас был у меня на допросе, он все мне рассказал. Рассказал, как ты пытался застрелить полковника Грачева. Как таскал его по тылам противника в надежде, что того убьют. Так что, если хочешь покурить, то тоже расскажи нам все это.

– Спасибо. Я все понял, гражданин капитан.

– Вот и хорошо, что вы все поняли, нам меньше объяснять вам. Ну что, приступим, Крылов, к разговору?

– Я не против начала допроса, давайте, задавайте свои вопросы.

Лейтенант переглянулся с капитаном Овечкиным и, устроившись удобнее на стуле, задал первый вопрос.

– Скажите, Крылов, в чем заключалось задание командования по спасению сбитых летчиков?

– Передо мной была поставлена задача по обнаружению и спасению летчиков сбитого моджахедами вертолета. До меня

также было доведено, что на этом вертолете летел представитель Главного политического управления Советской Армии полковник Грачев.

– Все правильно, Крылов. Именно такую задачу поставило командование перед вами и вашим отрядом.

– Скажите, пожалуйста, вы были до этого знакомы с полковником Грачевым? Когда и при каких обстоятельствах вы познакомились с ним? В каких отношениях вы с ним были?

– Да, я хорошо знал полковника Грачева. Мы вместе служили в подразделении в городе Витебске. Скажу одно, мы с ним не дружили. Он занимал более высокую должность, чем я. Вскоре его перевели служить в Москву.

– Скажите, Крылов. Почему вы молчите о том, что этот человек сейчас живет с вашей бывшей женой? С чем были связаны все ваши ранее перечисленные поступки? Со старой обидой на полковника Грачева или еще с чем-то?

– Какое это имеет отношение ко всему этому. Ну, живет он сейчас с моей бывшей женой или нет, что это меняет? Вы знаете, я уже давно забыл про все это. Это не он увел от меня мою жену. Это она ушла от меня к нему, так как считала его более перспективным офицером. Я рад за него, если Грачев счастлив с ней.

– Вот вы говорите, что это меняет? Могу сказать вам – многое. Так, из показаний полковника Грачева следует, что вы, испытывая к нему негативное отношение, не дали ему возможности эвакуироваться из зоны боевых действий вме-

сте с ранеными бойцами, хотя вы в исключительном случае могли его посадить в эту машину. Что вы можете сказать следствию по этому вопросу?

– Я действительно не дал ему возможности эвакуироваться первым вертолетом, в котором находились раненные бойцы моего отряда, так как вертолет был сильно перегружен и мог не оторваться от земли. Во-вторых, он не был ранен и мог вылететь следующим вертолетом, который должен был забрать нас всех через пять минут после отлета первой машины.

– Что там произошло дальше? Почему вы не вылетели?

– Когда подлетел второй вертолет и попытался сесть на площадку, моджахеды открыли по нему огонь из крупнокалиберного пулемета. Чтобы не рисковать людьми и машиной, я дал команду, и вертолет улетел, не забрав ни одного человека.

– Скажите, если бы полковник Грачев все же сел в первый вертолет, что изменилось бы? Может, вертолет не поднялся бы из-за перегруза или еще что-то?

– Я – не летчик и ответить на ваш вопрос не могу. Спросите об этом пилота. Машина была забита ранеными бойцами, и летчик просил меня больше никого не сажать. Поэтому я не знаю, мог вертолет поднять его или нет, но я решил первым делом эвакуировать раненых бойцов.

– То есть, вы не можете мне ответить на вопрос, взлетел бы вертолет с полковником Грачевым или нет. Следователь-

но, вам ничего не мешало исполнить приказ командования, я правильно вас понял, Крылов?

Александр промолчал, так как сразу же догадался, каким будет следующий вопрос.

– Почему вы молчите? Выходит, вы осознанно не выполнили приказ командования по эвакуации полковника Грачева?

– Почему вы это утверждаете? Я не согласен с вашим выводом. Я же вам уже говорил, что он должен был улететь следующим вертолетом. Скажите мне, откуда я мог знать, что второй вертолет попадет под пулеметный огонь? Если бы я это знал, то я его обязательно отправил бы первым вертолетом.

– Все правильно, Крылов. Вы сейчас произнесли то, что я так хотел услышать от вас все это время. Получается, что вы ему просто не дали улететь первым вертолетом из-за своих негативных взаимоотношений с ним.

– Это – неправда. Я никогда ему ничего не высказывал. В конечном итоге это был выбор моей жены – с кем из нас жить, с ним или со мной. Она выбрала его.

– Все ясно, Крылов. В Союзе вы не могли ничего сделать с полковником Грачевым. Служили вы в разных гарнизонах, на разных должностях. Здесь же судьба свела вас вместе, и вам впервые за все это время представилась возможность отыграться на этом человеке.

– Вы не правы. Я больше не хочу отвечать на ваши вопро-

сы. Прикажите отвести меня в камеру, я устал. Вы все время пытаетесь меня на чем-то поймать, в чем-то уличить. Я вам уже говорил и буду всегда говорить о том, что я не испытывал и не испытываю к полковнику Грачеву неприязненных отношений. Я не знал, что вторая машина, на которой мы все собирались улететь, попадет под пулеметный огонь.

Они снова переглянулись между собой.

– Дело ваше, Крылов. Я думал, что вы поумнели за эти сутки. Однако, похоже, я ошибся. Если вы ранее утверждали, что вы не виновны и вас ошибочно арестовали, то теперь вы сами добровольно просите меня, чтобы я отправил вас в камеру. Поверьте, Крылов, что мне вас по-человечески жаль. Сначала вы потеряли свою жену, а теперь вот теряете и свободу, – произнес лейтенант и, вызвав конвоира, приказал ему отвести Александра в камеру.

* * *

Крылов лежал на жестком топчане, уставившись в серый потолок, и лихорадочно искал выход из сложившейся ситуации. Чем больше он думал, тем сильнее его накрывало отчаяние. Он не видел выхода из сложившейся ситуации и впервые в жизни будущее пугало его своей непредсказуемостью.

«Крылов, возьми себя в руки, – пытался успокоить он себя. – Почему ты испугался этих людей? Нет безвыходных ситуаций, есть лишь не совсем приятные решения. Они – специалисты своего дела и гонят тебя своими вопросами на минное поле, откуда уже выхода нет. Но ты – тоже неглупый

человек и должен что-то придумать. С другой стороны, что придумывать? Врать, стараться вывернуться? А как же тогда быть с правдой? Выходит, что прав был этот полковник Грачев, когда он советовал нам сдаться в плен? Выходит, он еще тогда строил план своей мести?»

Однако и смириться со своим положением ему не хотелось. Не знаю, почему, но Александру еще верилось, что эти люди, облеченные властью и положением, должны разобраться в этом простом вопросе. Обвиняя его в неприязненных отношениях к Грачеву, они почему-то отбрасывали версию о возможной мести самого Грачева. Нужно было что-то придумать, что-то очень важное, что могло повернуть это дело вспять. То ли с памятью что-то стало, то ли охватившая Александра паника не давала ему сосредоточиться на этих тонкостях, но ничего стоящего в голову не приходило.

Крылов встал с топчана и начал ходить по камере, в надежде успокоиться и привести свои мысли в нормальное состояние. После его разговора с генералом рассчитывать на помощь командования ему явно не приходилось. Да и вряд ли генерал пошел бы против родственника такого большого начальника, ведь ему еще служить и служить в войсках. Чем дольше Александр ходил по камере, тем все больше и больше успокаивался. Сидевший в нем страх потихоньку куда-то улетучился. Голова снова стала ясной, способной анализировать сложившуюся ситуацию.

«Андрей! Ты для чего собираешь эти объяснения с бой-

цов?» – неожиданно вспомнил он этот момент. – Да так, на всякий случай, командир. Может быть, когда-нибудь они и пригодятся нам».

Похоже, это была самая лучшая мысль, посетившая Крылова за весь этот непростой для него день. Однако он тут же сник, ведь Белоусов в настоящее время находится в Ташкенте в госпитале, и где он хранил все эти объяснения, которые он тогда собрал, Александр просто не знал.

По коридору загрохотали шаги и стихли у двери его камеры. Дверь, издав противные звуки, внезапно открылась, и в дверях показалась веснушчатое лицо уже знакомого конвоира.

– Крылов, встать! – приказал он. – Выйти из камеры! Лицом к стене!

Он быстро исполнил эту команду, так как уже хорошо знал, что может произойти в случае ее неисполнения.

– Вперед, марш! – скомандовал ему конвоир и уперся стволом автомата в его спину.

Александр медленно побрел вдоль коридора. Остановившись около знакомой двери, он уперся лбом в серую бетонную стенку. В этот раз в кабинете был один лишь лейтенант.

– Проходи, присаживайся! – произнес он и погрузился в чтение какого-то документа.

Крылов присел на табурет.

– Гражданин лейтенант! У меня очень болит раненое плечо. Вы бы не могли отдать распоряжение на перевязку. Рана

может загноиться и я бы не хотел потерять из-за этого руку.

Он оторвался от бумаг и посмотрел на него.

– Не много ли ты просишь у меня, Крылов? То тебе курить хочется, а теперь вдруг у тебя заболела рана?

– Гражданин лейтенант! Я – не преступник и прошу со мной обращаться, как с человеком и офицером.

– А кто вам сказал, что вы – не преступник? – удивленно спросил он Александра. – Вы и есть самый настоящий преступник. Вы, наверное, забыли, что когда-то давали присягу, клялись служить честно и выполнять приказы вышестоящего начальства. А теперь вы считаете, что вы ничего не сделали и сидите здесь в камере по чьей-то злой воле.

Лейтенант перевел дыхание и продолжил:

– Скажи, Крылов? Вот я смотрю на тебя и думаю. Вроде бы умный сидит передо мной человек, дающий отчет своим словам и действиям. Ты же хорошо знал, кто такой полковник Грачев? Наверное, догадывался о его возможностях? Почему же ты так поступил? На что ты вообще рассчитывал? На то, что он не дойдет до наших войск? А он взял и дошел, а если вернее, то ты сам его и довел.

Он замолчал и, взяв металлическую кружку в руки, сделал несколько глотков воды.

– Вот ты мне скажи, кто тебе позволил угрожать оружием старшему по званию? Грозить ему расстрелом? Ты же был там не один! Почему ты это делал на глазах своих подчиненных? Какой пример ты подавал им? Что так удивленно

смотришь на меня? Скажешь, что все это придумано лично мной?

– Я вам не верю. Мои бойцы не могли дать таких показаний. Покажите мне их. Я хочу убедиться в том, что это они действительно дали такие показания против меня, а не против полковника Грачева, который оказался трусом и предателем.

– Ого, го! Теперь, значит, полковник Грачев стал трусом и предателем? Расскажите мне об этом поподробнее.

Крылов рассказал ему всю свою историю с момента знакомства с Грачевым и выхода отряда из тыла моджахедов. Он слушал, не перебивая, и лишь тогда, когда был закончен его рассказ, тихо произнес:

– Интересная история получается. Тогда у меня к тебе один вопрос, почему ты ничего этого не написал и не доложил своему командиру?

– Не знаю. Теперь я очень сожалею об этом.

– Назад пятками, Крылов, не ходят. Теперь мы, вместо того, чтобы разбираться с Грачевым, разбираемся с тобой. Но самое главное еще заключается в том, что он – родственник очень большого человека, который уверен в его непогрешимости. Ведь ты сам сейчас в своем рассказе сказал мне, что действительно угрожал ему оружием, и все это происходило на глазах твоих подчиненных. То есть ты подтвердил его слова об угрозе оружием.

– Лейтенант! Скажите, как бы вы бы поступили на моем

месте?

– А я бы отправил его первым вертолетом и не стал бы таскать его по горам. Зачем он был нужен тебе? Как солдат, ты сам говоришь, что он никакой.

Он замолчал и, достав из кармана сигареты, протянул их ему. Александр с жадностью закурил. Когда он закончил курить, лейтенант приказал отвести его в камеру.

Шагая по коридору, Крылов тогда еще не догадывался, что этот молоденький лейтенант записал на магнитофон весь их разговор. И то, что он ему рассказал, впоследствии ляжет в основу обвинения.

* * *

Крылов лежал на топчане в камере и пытался угадать, какой сегодня день недели. В камере трудно было понять, что сейчас – день или ночь. О времени суток он догадывался лишь по допросам. Если его вели на допрос, значит, на улице был день. Судя по тому, как велись все эти допросы, как преподносились все моменты их нахождения в тылу моджахедов, он делал вывод, что шансов выйти отсюда, а вернее – из камеры, у него не было.

В процессе последнего допроса, следователь обвинял его в преступной близорукости, в результате которой он подверг опасности своих бойцов и полковника Грачева.

– Скажите, Крылов, почему вы поверили изменнику Родины Сергееву и вручили ему автомат? Этот человек добровольно перешел на сторону врага, принял ислам и вы, слов-

но школьник, поверили в его раскаяние, тем самым вручили ему в руки жизни своих бойцов. Насколько я знаю, против этой затеи был полковник Грачев, но вы игнорировали его мнение. Как вы все это можете объяснить? Неужели вы не понимали, что делали?

– У меня не было оснований не доверять Сергееву. Только благодаря Сергееву мы вышли к колонне наших войск. Это раз. Во-вторых, Сергеев, насколько я знаю, попал в плен в результате разгрома их воинской колонны, будучи раненым, а о том, что он принял ислам, знало лишь несколько человек. Вы, наверняка, помните, что говорил товарищ Сталин. Он всех пленных автоматически переводил в разряд врагов народа и за это отвечал не только он, но и все его родственники. Но сейчас не Отечественная война и приказы товарища Сталина не являются законом. Сергеев осознал свою ошибку и постарался исправить ее. Он выполнил то, что обещал тогда нам. Он вывел нас на дорогу.

– Но он воевал против наших войск, разве этого мало? Если бы он захотел добровольно вернуться к нам, то он мог это сделать один, самостоятельно, а не ждать, тогда его захватят ваши люди.

– Вы не правы. Вы там бывали, вне гарнизона наших войск? Если бы вы бывали там, то не задавали бы мне этих вопросов.

На этом допросе Александр много говорил, однако, когда следователь протянул протокол допроса для подписи, он был

просто поражен. В нем не оказалось ничего того, что он говорил.

– Извините, но я не буду подписывать этот протокол. В нем не отражено ничего, что я вам говорил.

– Дело ваше. Я сейчас напишу, что вы отказались подписывать этот протокол и вас проводят в камеру. Кстати, хочу вам сообщить, что мы практически закончили свою работу и скоро материалы уголовного дела будут направлены в военный трибунал. Пусть они решают, что с вами делать дальше. Несмотря на то, что вы симпатичны мне, я вам помочь не могу. Прав тот, у кого больше прав.

– Скажите, почему все названные мной люди, которые могли бы подтвердить мою невиновность в выдвинутом вами обвинении, до настоящего времени не допрошены?

Лейтенант слегка улыбнулся.

– Скажите мне, где я должен разыскивать всех этих людей? В действующих частях их нет, они все в госпиталях или уволены из рядов Советских войск, в связи с истечением срока службы. Вы сами-то думали о том, как мы можем их найти в Союзе, да еще доставить их сюда, в Афганистан? Белоусов в госпитале в Ташкенте, вместе с ним там лежат еще двое ваших бойцов. Один находится в Кабуле, двое демобилизовались и уехали по адресам своего постоянного проживания. Теперь это – проблема трибунала, а не наша. Если они сочтут нужным, то вызовут ваших свидетелей на судебное заседание. А на нет – и суда нет. Вы же, наверное, знаете,

что у нас есть сроки проведения следствия, и я не могу их нарушить без указания своего руководителя капитана Овечкина. А он, похоже, не намерен это делать, его вполне устраивают полученные нами результаты расследования. Так что ожидайте обвинительного заключения, которое можете попытаться обжаловать через военную прокуратуру.

– Скажите, лейтенант, вам не страшно, что вы осудите ни в чем не повинного человека?

– Я, в отличие от вас, никого не сужу. Судит суд, а не я. Если суд посчитает вас не виновным в предъявленном нами обвинении, вас освободят от наказания. Не буду вас обнадеживать, этого практически никогда не бывает.

– Выходит, ложь одного человека в состоянии пересилить правду десятка человек?

– На что вы намекаете, Крылов? Вот лично я склонен верить полковнику Грачеву, а не вам. Это вы сейчас говорите о справедливости, а там вы справедливо относились к нему? Там вы были готовы перегрызть ему глотку из-за личной обиды. Скажу больше, вы специально таскали его по тылам мятежников, в надежде, что его убьют или искалечат моджахеды. Однако все ваши надежды не сбылись, и полковник Грачев остался жив и здоров.

Крылов сидел и молчал. Ему было ясно, что никакие его доводы не в состоянии поколебать уверенность следователя в преступности его действий.

– Как ваше плечо? – неожиданно спросил он Алек-

сандра. – Не беспокоит?

– Спасибо, уже нет, – ответил Крылов ему. – Однако, от перевязки я бы не отказался.

– Вот и хорошо. Так что, скоро суд, готовьтесь к нему.

Он поднялся из-за стола, давая Александру понять, что их разговор закончен. Вошедший конвоир увел его в камеру. Когда дверь за конвоиром закрылась, он стал ходить по камере. В какой-то момент его посетила мысль покончить жизнь самоубийством, однако, он ее быстро отбросил. Умереть преступником ему не хотелось.

«Нет, я просто так не сдамся, – решил он и сел на топчан. – Нужно любым способом разыскать Белоусова. Только он может реально помочь ему в создавшейся ситуации».

Он лег на топчан и закрыл глаза. Перед глазами поплыли улицы Казани, лица родителей и слезы на глазах Ольги. С мыслями о доме он и заснул.

И мне не так уж важно, откуда этот парень.
Мне важно, что оттуда, мне важно, что был там
И не пройду я мимо, а лишь скажу тихонько
Единственное слово, пароль один – Афган.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
Зона

Суд был скорым, он длился всего три часа. Крылов сидел за решеткой в небольшом зале заседания, не совсем понимая, что с ним происходит. Все было, словно в дурном сне. Александр все еще надеялся, что он вот-вот проснется и это все моментально исчезнет. Перед председателем Военного трибунала выступил полковник Грачев, который специально прилетел для этого в Афганистан. Затем слово предоставили военному прокурору. Прокурор говорил долго и нудно. Он повторил все то, что уже сказал Грачев. В заключение своей речи он попросил у суда для него пять лет лишения свободы, так как считал все его преступления доказанными.

Наконец, суд предоставил Крылову последнее слово. Он говорил, не слыша своих слов. Лицо судьи было непроницаемо и ему казалось, что его слова не долетают до его ушей, растворяясь в этом душном спертом воздухе. Не смотря на его заявления о привлечении в качестве свидетелей военнослужащих отряда, суд просто проигнорировал их и отказал ему в этом.

Когда заседатели вышли в совещательную комнату, к Александру подошел полковник Грачев. Два солдата из состава конвоя попытались остановить его, но, нарвавшись на

его грозный вид, отвернулись в сторону, сделав вид, что ничего существенного не происходит.

– Ну, что теперь скажешь, лейтенант? – произнес он, смакуя каждое свое слово. – Теперь ты понял, что в жизни главное – не служить, а служить в Главном политуправлении.

Взгляд Крылова упал на его орден, который матово поблескивал на правой стороне его кителя.

– Ты угадал, это – за рейд по тылам душманов. Вот так нужно служить, Крылов.

Грачеву было весело, и он громко засмеялся над своей шуткой.

– Ну, ты и сука, полковник.

– Выходит, ты так ничего и не понял, лейтенант. Мне жалко тебя.

– Ты меня не хорони, Грачев. Я еще молод и надеюсь, что выйду из зоны. Вот тогда мы и посмотрим, кто из нас был прав.

Лицо его побелело. Он не на шутку испугался последних слов Крылова. Он хотел что-то ответить ему, но секретарь суда громко объявила о появлении суда. Присутствовавшие в зале суда люди встали с мест.

Вердикт суда сразил Александра наповал. Суд признал его виновным, лишил воинского звания, наград и приговорил к трем с половиной годам лишения свободы. Крылова вывели из зала суда и повели к стоявшей во дворе автомашине. Он шел, словно на автопилоте, ничего не соображая и ни-

чего не понимая. Все его мысли по-прежнему крутились вокруг зачитанного судьей приговора. Из всего того, что говорил судья Александр, запомнил лишь срок приговора и то, что у него по закону есть десять суток, чтобы обжаловать это решение суда. Когда его привезли обратно в камеру, он попросил офицера конвоя, чтобы он предоставил ему бумагу и ручку.

– Никак, решил писать протест на приговор? – поинтересовался он у Крылова. – Бесполезно.

– Да? А почему?

– А потому, что ворон ворону глаз не выклюет. Не ты первый, не ты последний.

Он весь вечер и всю ночь писал кассационную жалобу в Верховный суд СССР, объясняя им все обстоятельства своего дела. Он старался описать все, что произошло с ним, до мельчайших подробностей. Написал он и о том, что, не смотря на его ходатайства, суд отказался допросить свидетелей по его делу, которые смогли бы внести какую-то ясность по всем этим незаслуженным обвинениям в его адрес.

Закончив писать, Крылов трижды переписал свою жалобу, одну он адресовал в Верховый Суд СССР, вторую – Генеральному прокурору Советского Союза, а третью – он адресовал Ольге. В ней он попросил ее найти Белоусова Андрея и все ему рассказать. Он знал почему, но почему-то был уверен, что тот ему обязательно поможет.

Запечатав написанные обращения и подписав адреса на

конвертах, Александр лег отдохнуть. Теперь все его надежды на справедливость были связаны с Верховным Судом и Генеральной прокуратурой. Он еще верил в торжество правды и всячески себя подбадривал в этом. Передав все эти письма через конвоира в секретариат военного трибунала, он стал ждать реакции на них со стороны вышеперечисленных органов.

* * *

Рано утром Крылова разбудила зычная команда конвоира.

– Встать! С вещами на выход! – прокричал он. – Быстрей, быстрей!

Александр быстро вскочил с койки и выполнил его команду, еще не понимая, почему его разбудили так рано. Быстро схватив свой небольшой мешок, в котором находилось сменное нижнее белье, зубная щетка и мыло, он выскочил из камеры и повернулся лицом к стене.

– По коридору, бегом марш! Быстрее, быстрее! Что, бегать разучились, сволочь? – неслось в спину.

Он попытался остановиться около уже знакомой ему двери, где сидели следователи, но сильный толчок стволом автомата в спину погнал его дальше по этому коридору. Наконец, он оказался вне стен этого старого серого здания. Из-за высокого забора с колючей проволокой поверху были видны вершины гор, окрашенных в золотистые тона. Где-то взахлеб пела какая-то маленькая птичка, то ли прощаясь с ним, то ли наоборот здороваясь с ним.

– Слушай, ты, куда меня ведешь? – спросил он конвойного. – Ты можешь мне что-то сказать?

– Давай, двигай быстрее, арестантская харя! – услышал он у себя за спиной. – Сейчас сам все узнаешь!

Он хотел оглянуться, так как не совсем понял эту команду. Моментально последовал сильный дар прикладом в спину. Во дворе здания стоял армейский фургон зеленого цвета. Одна из дверей его была открыта и около нее стояли двое – солдат и офицер.

– В машину! – скомандовал ему капитан. – Двигайся быстрее! Дважды команды повторять не буду! Понял?

Крылов быстро забрался в кузов машины, и та, поднимая облака пыли, быстро помчала в сторону знакомого ему аэродрома. Машина резко замерла около готового взлететь в небо вертолета. Александр моментально все понял – его, похоже, перевозят в другое место. Передав его с рук на руки другому конвою, вертолет быстро взлетел и взял курс на Кабул.

Все время полета Крылов, не отрываясь, смотрел на территорию, проплывающую под брюхом винтокрылой машины. Из кабины пилота вышел молоденький второй пилот и, взглянув на конвой, направился в его сторону. Его остановил оклик конвойного:

– Назад! Общение запрещено!

– Слушай, сержант! Это же старший лейтенант Крылов! Вы хоть знаете, кого вы конвоируете?

– Я сказал, нельзя, значит нельзя! Мне все равно, кто он! Он – осужденный.

– Гады, вы все! – прокричал лейтенант, стараясь перекричать шум работающего двигателя. – Да вы знаете, сколько за его голову давали духи? А вы взяли и осудили его. Сволочи!

Лицо сержанта вспыхнуло. Он молча передернул затвор автомата и направил его на пилота. Тот повернулся и исчез в кабине.

В Кабуле Александр пробыл около недели. Условия содержания были ужасные. Грязь, полная антисанитария царила в камере. Все его тело ныло и чесалось от укусов земляных блох и клопов

– Терпи, братишка! – посоветовал ему сокамерник. – Скоро нас всех отправят в Союз.

– А ты за что здесь? – спросил Крылов его.

– За коммерцию, – как-то буднично ответил тот. – Продавал афганцам продовольствие, а на вырученные деньги скупал антиквариат, технику. Через знакомых пилотов все это гнал в Союз. Если короче, то делал неплохие деньги. Пока делился с начальством, все было нормально, все были при своих интересах. Стоило только один раз не поделиться с ними, и я оказался вот здесь – на нарах.

– И сколько тебе дали за эту коммерцию?

– Два года, – ответил он. – А что? Мало?

– Как тебе сказать, я – не юрист и не могу судить об этом, много это или мало. Два этих года тоже нужно прожить.

– Ничего, проживем! Все покупается в этом мире, в том числе и правосудие. А деньги у меня есть. Скорей бы отправили нас отсюда, а там держись за меня, не пропадешь.

Потом были Термез и Ташкент. Поздно ночью его неожиданно подняли и погнали на вокзал. Там посадили в поезд, который помчал его в Нижний Тагил.

* * *

Урал встретил поезд тридцатиградусным морозом. За окном ветер гнал поземку. Ветер натужено свистел в щелях неплотно закрытых окон.

«Холодно, – подумал он. – Холодно».

Крылов уже стал привыкать к этим перегонам, грозным крикам конвоя, к рычанию и лаю конвойных собак. За стеклом показались станционные постройки. Состав резко дернулся и замер на месте. Опытные заключенные быстро вскочили со своих лежанок и стали быстро одеваться. Из-за стенки вагона были слышны команды и надрывный лай собак. Александр открыл глаза и посмотрел в потолок. На улице было темно, и лишь небольшой пятачок около их вагона был ярко освещен прожектором и фарами стоящих «воронков».

«Похоже, приехали», – подумал он, быстро натягивая на себя свитер.

– Крылов! – услышал он свою фамилию и, схватив небольшой вещевой мешок, устремился к выходу из вагона.

Александр быстро бежал к выходу, не останавливаясь, потому что здесь нельзя было задерживаться. Конвой из Там-

бова отличался особо жестким отношением к осужденным. В лучшем случае он мог получить сильный удар прикладом по любому месту его тела, в худшем – на него могли натравить одну из громадных собак, которые рвались с поводков и норовили вцепиться в человеческую плоть.

Крылов выскочил из специального вагона и, увидев сидевших на корточках заключенных, сразу же принял подобное положение. Солдаты внутренней службы были одеты в белые армейские полушубки, на ногах практически у всех были серые валенки. Их было человек пятнадцать – семнадцать. Они стояли полукругом, направив на них свои автоматы.

– Шаг влево, шаг вправо, прыжок, расценивается как попытка к бегству. Конвой стреляет на поражение! Всем понятно? – изрек молоденький лейтенант, постукивая своими хромовыми сапогами.

Ему было очень холодно и неуютно в серой офицерской шинели. Он постоянно прятался от ветра за широкими спинами солдат конвоя и похлопывал одетыми в черные перчатки руками. Неожиданно он остановил свой взгляд на Крылове.

– Ты что уставился? Может, тебе не все понятно? Если еще раз посмотришь на меня, то получишь по морде. Ясно, вошь арестантская?

Александр оторвал свой взгляд от его начищенных до блеска сапог и снова посмотрел на офицера. Перед глазами все поплыло и он, схватившись за разбитое ударом сапога

лицо, упал в грязный серый снег. Когда он открыл глаза, перед ним стоял все тот же лейтенант. Носок его начищенного до блеска сапога был в его крови.

– Надеюсь, ты хорошо усвоил этот урок! – произнес он и громко рассмеялся. – В следующий раз получишь сильнее.

Крылов сплюнул на снег два выбитых ударом сапога зуба и снова посмотрел на него.

Очнулся он уже в больничной палате. Ему трудно было дышать. Он хотел повернуться на бок, но сильная боль моментально сковала его тело.

«Похоже, сломаны ребра – подумал он. – Поэтому и дышать трудно».

– Вот и очнулся! Значит, будешь жить, – услышал он незнакомый мужской голос. – Я уж думал, что ты совсем окочурился. Похоже, сильно на тебе оторвался лейтенант.

– Где я? – спросил Крылов нагнувшегося к нему мужчину. – Как я тут очутился?

– Ты в больничной палате специального учреждения УЩ-349/ 13 города Нижний Тагил. Приходилось раньше бывать? Вот и мне…

– Что это за учреждение?

– Это специальная исправительная колония, в которой отбывают свой срок бывшие сотрудники правоохранительных органов и военнослужащие Советской Армии. Что? Ни разу не слышал об этой колонии? Ничего, не только услышишь, но и почувствуешь, что это такое. Ты знаешь, ты был весь

синий, как баклажан. Одна сплошная гематома.

– Я ничего не помню. Я просто посмотрел на молодого лейтенанта и больше ничего не помню.

– Не ври мне, парень. Насколько я знаю, он до этого выбил тебе два зуба, но ты снова посмотрел на него. Дерзость здесь не приветствуется.

– Не помню. Помню только блестящий сапог и все.

Мужчина засмеялся.

– Благодари бога, что так легко отделался. Могли бы совсем затоптать. Здесь, брат, прав тот, у кого больше прав. Ты за что осужден?

– Не знаю. Мне кажется, ни за что.

Мужчина снова улыбнулся. В его глазах сверкнул какой-то хитрый огонек.

– Здесь все сидят ни за что. В чем тебя обвинили?

– В невыполнении приказа, унижении старшего по званию начальника. А, если короче, то за личные неприязненные отношения с дальним родственником одного крупного воинского начальника.

– Да, не повезло тебе, брат. Эти люди хорошо помнят и никогда не забывают нанесенные им обиды. Я слышал, тебя притащили сюда из Афганистана?

– Да. Все там и произошло.

Мужчина нагнулся надо ним и приложил к его пересохшим и разбитым губам стакан с водой.

– Вот, попей немного. Наверное, пить хочешь?

Александр сделал несколько глотков и почувствовал сильную боль. Закрыв глаза, он снова провалился в небытие.

* * *

В больничке Крылов провалялся около месяца. Врач, который осматривал его перед выпиской, похвалил.

– Ты молодец, Крылов! Сразу чувствуется, что ты бывший разведчик. У тебя необычайное желание жить, а это здесь самое главное. Я думал, что ты не выживешь, а ты оклемался. Пока я тебя освобождаю от тяжелых работ, но ненадолго. Думаю, что через неделю, ты совсем окрепнешь.

Александр поблагодарил его за заботу и лечение и вышел из палаты. Накинув на себя черную телогрейку с пришитой на груди биркой с фамилией и номером отряда, он вышел из здания больницы и, медленно шагая, направился к себе в отряд.

Неожиданно из-за угла здания вышел мужчина в форме майора внутренних войск. Крылову сразу же бросилось в глаза его лицо, покрытое следами перенесенной оспы.

– Ты что, козел? Порядка не знаешь? Передвигаться по территории учреждения в одиночку строго запрещено!

– Извините, гражданин начальник. Я только что вышел из больницы и еще не знаком с внутренним распорядком учреждения. Сейчас следую в свой отряд, хотя не знаю, где он находится.

Он взглянул на бирку и сразу все понял.

– Вон, видишь те каменные корпуса? Вот туда и двигай.

– Спасибо, – поблагодарил Крылов его и, ускорив шаг, направился в указанном направлении.

Он осторожно переступил порог и вошел в помещение в сопровождении начальника отряда, старшего лейтенанта. Он был небольшого роста, в стоптанных сапогах. Форма висела на нем, словно на вешалке. Остановившись в дверях на минуту, Крылов стал внимательно рассматривать лица заключенных, которые находились в помещении. До того, как войти в помещение, он хорошо усвоил наставления, которые ему дал бывший начальник финансовой части УВД, оказавшийся в местах лишения свободы за хищение денежных средств.

– Ты, Крылов, не смотри, что здесь отбывают наказания генералы и рядовые милиции, внутренних войск и офицеры Советской Армии. Это – зона, и внутренние порядки здесь те же самые, что и на других «воровских» зонах». Здесь – есть свои «паханы», «авторитеты», «шныри» и «обиженные». Так что держи ухо востро. Не спеши здороваться за руку, можешь ошибиться и пожать руку «петуху», тогда сам станешь таким же «обиженным», как и он. К «блатным» не рвись. Ты – боевой офицер, а не преступная пыль. Сразу же определись, кто ты по «жизни». Рекомендую пойти к «мужикам». К работе привыкнешь быстро, да и время за работой пролетит быстрее, чем в штрафном изоляторе. И запомни еще одно: как бы больно не было, не стучи никому, а иначе можешь не дожить до освобождения. Здесь тебя не спасут навыки руко-

пашного боя, зарежут ночью, как свинью, тихо и спокойно.

Начальник отряда толкнул Александра в спину, а сам повернулся и отправился обратно.

– Привет честным сидельцам! – произнес Крылов. – Где у вас здесь можно приземлиться?

– У параши! – произнес один из заключенных и спрыгнул с верхней койки.

Все громко засмеялись, но громче всех смеялся именно тот, который предложил ему это место.

– Ты кто такой? – с угрозой в голосе спросил он Крылова, подходя к нему вплотную. – Какой масти будешь?

– Разве не видишь, мужик, – коротко ответил Александр. – А, ты из каких будешь, дяденька? На авторитета вроде не тянешь?

Крылов повернулся на окрик. Ему махал рукой один из заключенных.

– Эй, мужик! Иди к нам! У тебя, похоже, первая ходка, вот ты и мечешься по углам?

– Да, – коротко ответил Крылов и направился в их сторону.

Несмотря на небольшой рост, мужчина был неплохо скроен. У него была большая могучая грудь, и можно было подумать, что он всю свою жизнь проработал кузнецом. Неожиданно дорогу Александру преградил все тот же заключенный, что спрыгнул с койки.

– Ты, что сука, не уважаешь пахана? Сначала ты ему дол-

жен представиться, а уж только затем, с его разрешения, ты должен идти туда, куда он тебе укажет.

– Извини меня, но мне не нужно указывать, куда мне следовать. Я и так хорошо знаю свой маршрут. Да и ты, как указатель, мне тоже не нужен.

Он моментально понял, что для того чтобы «прописаться» в отряде, нужно определиться, как жить дальше. Если он сейчас послушает этого человека и обратится за разрешением на «прописку» к так называемому «пахану», то это автоматически будет означать, что он признает действующие воровские законы и слово «пахана» будет для него равносильно закону. Драться Крылову не хотелось, но еще больше ему не хотелось быть зависимым от этого меньшинства, которое именовало себя «отрицаловкой». Александр отодвинул в сторону этого «шныря» и хотел проследовать дальше, однако сильный удар в лицо моментально решил всю эту проблему. Крылов не дал ему возможности нанести следующий удар и, хорошо приложившись, двумя поставленными ударами отправил его в нокаут.

В помещении стало так тихо, что было слышно, как тикали напольные часы в кабинете у начальника отряда. С койки спрыгнул второй заключенный и достал из носка металлическую заточку. Перебрасывая ее из руки в руку, он медленным шагом двинулся в его сторону.

– Порежу, сука! Разрисую рожу как Павел Пикассо.

Александр видел, как в его глазах наряду со злостью,

мелькали огоньки страха. Он явно боялся его и поэтому вел себя недостаточно уверенно.

«Когда ты атакуешь противника, ты не должен сомневаться в своем успехе. Если ты не уверен, что твои действия принесут тебе победу, лучше не атаковать, а просто ретироваться перед ним», – вспомнил он слова тренера по рукопашному бою.

Крылов вовремя успел увернуться от колющего удара противника. Лезвие заточки порезало ему щеку. Не смотря на обильно хлынувшую кровь, он успел его ударить раньше, чем тот смог нанести повторный удар. Мужчина тихо ойкнул и стал медленно оседать на пол, хватаясь руками за металлические спинки кровати. Ему не дали его добить. Все тот же мужчина ловко схватил Александра за пояс и рывком прижал его к панцирной сетке кровати.

– Все, все, хватит! – прокричал он. – Они и так получили все, что хотели. Теперь ты, Крылов, нажил себе врагов на всю оставшуюся жизнь.

«Интересно! Откуда он знает мою фамилию? – подумал он, но воздержался от своего вопроса. – Странно. Только переступил порог отряда, а обо мне уже знают?»

Он не стал вырываться из его крепких объятий. Когда он освободил его от своего захвата, то показал ему на пустую койку.

– Падай здесь. Меня зовут Сергей Иванович.

– Сергей Иванович, а откуда вам известна моя фамилия? –

спросил Александр его.

– А с чего ты взял, что я знаю твою фамилию? – тихо ответил он, оглянувшись по сторонам, словно чего-то испугавшись.

– Так вы сами только что назвали ее!

– Никакой фамилии я не называл. Тебе это все показалось.

«Странно – подумал Крылов. – Сам назвал, а теперь отказывается от этого».

Александр расстелил на койке матрас и направился в туалет, чтобы смыть с лица кровь. Рядом с ним стоял первый его противник, который тоже смывал с лица кровь.

– Ну, сука, мы с тобой еще сойдемся на узкой дорожке! – прошипел он. – Посмотрим, кто кого?

Он ничего ему не ответил. Ему было вполне достаточно для прописки одной драки, и он не хотел больше драться, хотя желание врезать ему у Александра было.

* * *

Вечером Крылова вызвал к себе начальник отряда. Он вошел в его небольшой кабинет и бодро представился ему.

– Крылов! Мне доложили, что вы устроили драку в отряде? Это – правда?

– Вас неправильно проинформировали, гражданин начальник. Я не дрался, а лишь защищался.

– И кто напал на тебя, если не секрет?

– Я не помню, гражданин начальник. У меня так часто

бывает. Провалы в памяти. Я афганец, контуженный.

– Смотри, Крылов! У меня есть хорошее лекарство от этих провалов памяти. Называется оно штрафным изолятором или помещением камерного типа. Там память моментально возвращается. Ты понял, меня?

– Все понял, гражданин начальник. Если что вспомню, обязательно вам доложу, – выпалил он.

– Вот возьми. Это тебе письма. Одно из Верховного Суда, другое из Прокуратуры СССР, а эти два, похоже, из дома.

– Спасибо, гражданин начальник.

Увидев его удивленный взгляд, он сразу догадался, в чем дело.

– Не удивляйся, Крылов. Здесь – колония, а это значит, есть специальная цензура. Все письма сюда и отсюда проверяются.

Александр вышел из его кабинета и направился на свое место. Он быстро прочитал официальные ответы на его жалобу. Верховный Суд и Прокуратура СССР отказали ему в его жалобе. Он отложил их в сторону и стал читать письма из дома. Особенно его обрадовало письмо Ольги. В своем письме она сообщала ему, что ей удалось разыскать Белоусова. После ранения он бы уволен из рядов Советской Армии по состоянию здоровья и в настоящее время проживал в городе Новосибирске. Из ее письма он узнал, что ему не известно о том, что он был осужден военным трибуналом на основании заявления полковника Грачева. Сейчас бывший его замести-

тель занимается тем, что устанавливает места проживания бывших бойцов отряда, которые входили в состав их группы. Крылов был рад, что Ольге удалось разыскать Белоусова и вселить в него пусть маленькую, но надежду на возможный пересмотр этого дела. Он не заметил, как рядом остановился Сергей Иванович.

– Что пишут? – поинтересовался он у Александра. – Из дома?

– Да, вот девушка моя пишет, что разыскала моего бывшего сослуживца, который был моим заместителем. Самое главное, что он готов дать любые показания в мою пользу и сейчас начал разыскивать других бойцов, которые входили в состав моего отряда и могут опровергнуть показания полковника Грачева.

Сергей Иванович усмехнулся.

– Это хорошо, Крылов, что у тебя есть такие друзья, и они готовы дать подобные показания. Как ты сам-то считаешь, эти показания учтет наш советский суд или ему достаточно показаний лишь родственника этого большого начальника? Ты сам-то прикинь, чьи показания более весомы, твоих друзей или его. Вот я бы на твоем месте особо не радовался.

Счастливая улыбка моментально сползла с лица Крылова. Он удивленно посмотрел на него.

– Да ты не смотри на меня, как солдат на вошь. Не забывай, в какой стране мы живем. Твоему Грачеву достаточно только одного движения пальцем – и ты сгоришь около своей

литейной печи. Никто даже этого и не заметит, а не то, что кто-то начнет разбираться в этом.

– Сергей Иванович, вы меня не пугайте. Во-первых, откуда Грачев может узнать, что к этому делу подключился Белоусов?

– Наивный ты парень, Крылов. Вроде бы взрослый, командовал разведывательным отрядом, а задаешь такие глупые вопросы. Здесь же вся почта читается, и я нисколько не удивлюсь, если он уже об этом знает.

– Зачем я ему, Сергей Иванович? Он уже сделал свое дело, посадил меня. Что ему еще нужно?

– Странный вопрос, разведчик. Сейчас ты для него намного опасней, чем был там, в Афганистане. Там вы не поделили лишь одну женщину, а теперь и свободу. Ты для него теперь – самый опасный человек в мире.

– Извините меня, но я не собирался ему мстить.

– Но он же, об этом не знает. Это раз. А, во-вторых, неужели ты ему все это простишь? И женщину, и свободу? Я бы, на твоем месте, точно его завалил, когда бы освободился из зоны. Так что живи, Крылов и не дергайся раньше времени. На условно-досрочное освобождение можешь не надеяться, тебе его никто не даст. В первую очередь, не даст твой враг – Грачев. Это – тварь, которую нужно не прощать, а уничтожать. Пусть он боится тебя, дрожит по ночам… Вот это и усвой, Саша.

Он взглянул на Крылова. В глазах его сверкнул какой-то

неизвестный ему огонек.

– А впрочем, это твое дело. Даже, если ты ему расскажешь, что не собираешься мстить, то он все равно тебе не поверит. Да и я лично в это не верю. Ты парень хитрый, хотя и выглядишь простаком. Если бы все это произошло со мной, то я бы всю жизнь затратил на то, чтобы отомстить этому человеку. А ты говоришь, что не хочешь мстить, что готов простить.

– Мне все равно, верите вы мне или нет. Вы лучше скажите, что сейчас делать, Сергей Иванович? Радоваться или печалиться об этом?

– Насторожиться – вот что, наверное, сейчас для тебя самое главное. Когда человек рад и беспечен, его легче устранить, это ты и без меня хорошо знаешь. Будь внимательным не только на работе, но и в отряде. Я мужиков попрошу, они тебя немного покараулят ночью. А в отношении полковника Грачева, ты все же подумай. Неправильно все это, он тебя в грязь рылом, а ты ему – спасибо за это. Пусть ответит за свои дела.

Александр с признательностью посмотрел на него.

– Спасибо за помощь, Сергей Иванович. А в отношении Грачева, я подумаю.

– Рано благодарить, жизнь покажет, кто из нас окажется прав.

– Все равно, спасибо.

Он по-отцовски похлопал Крылова по плечу.

– Не расслабляйся, разведчик. Стоит немного расслабиться, обязательно проиграешь. Будь осторожен, не доверяй здесь никому, ну, кроме меня, – произнес он и громко рассмеялся над своей шуткой.

Сергей Иванович встал с койки и стал одеваться.

– Это вы куда, на ночь, глядя? – поинтересовался Александр у него.

– В цех. Меня попросили подменить Гришина, он, похоже, заболел.

Спрятав письма, Крылов вышел в туалет, чтобы покурить.

* * *

Александр присел на подоконник и, достав из кармана черной рабочей куртки сигареты, закурил.

– Крылов! Сигаретой не угостишь?

Он поднял глаза и увидел Гришина, который стоял напротив него. Он протянул ему сигарету. Когда тот прикурил, он поинтересовался у него здоровьем.

– А почему это так тебя волнует? – спросил он его.

– Да я слышал, что ты заболел.

– Это ты заболел на голову, Крылов. Я здоров и тебе это желаю.

«Неужели Сергей Иванович что-то напутал? – подумал Александр. – Гришин здоров и отдыхает, а он почему-то потащился на работу».

Он глубоко затянулся и, выпустив дым в серый потолок, снова поинтересовался у Гришина.

– Ты, в какую смену работаешь? Я почему-то думал, что ты работаешь в ночную смену.

– Я что-то тебя не пойму, Крылов? Зачем тебе все это? Ну, работаю я в первую смену и что из этого? Вопросы еще есть?

Крылов бросил сигарету в урну и, посмотрев на Гришина, направился на свое место. Он разделся и лег на койку. Посмотрев на пустующую койку Сергея Ивановича, он снова подумал о странностях последнего.

«Чего крутит – думал он. – Вроде бы умный мужик, в возрасте, а все в какие-то секреты играет».

Проснулся он оттого, что заскрипела койка его соседа. Он открыл глаза и посмотрел направо. На койке мирно спал Сергей Иванович. Когда он пришел, он не знал. Александр наклонился над ним и почувствовал запах копченого мяса и чеснока.

«Интересно, где он сумел все это отхватить?» – подумал он о пище, так как хорошо знал, что подобных продуктов ни у кого не было.

Взгляд его невольно упал на пальцы соседа. Несмотря на темноту в отряде, в свете полной луны он сумел рассмотреть следы чернил.

«Надо будет спросить его об этом утром», – подумал он, ложась обратно на койку.

Крылов снова быстро заснул. Ему снился сон о войне, о горящих кишлаках и мертвых людях, которые валялись на пыльных дорогах. Он снова командовал своим отрядом, но

почему-то весь его отряд был составлен из погибших в боях бойцов.

Он открыл глаза оттого, что почувствовал, что кто-то трясет за плечо. Перед ним наклонился Сергей Иванович.

– Ты что орешь, Крылов? Опять, наверное, войну увидел? – спросил он его.

– Точно, – ответил Александр, поднимаясь с койки. – Не отпускает она меня, Сергей Иванович. Сколько сейчас времени?

– Через полчаса будет подъем, – ответил он ему.– Ты хоть себя немного контролируй, а то получишь сапогом в тыкву, будешь знать, как людям спать не давать.

Он невольно посмотрел на руки Сергея Ивановича. Пальцы правой руки были чистыми.

«Неужели это все мне приснилось во сне, – подумал он. – И руки у человека чистые, и запаха копчености и чеснока нет».

* * *

Москва. Летний ветерок слегка шевелил плотные шторы. Было жарко и душно. Где-то вдалеке гремели раскаты грома, напоминая далекую и давно забытую городом канонаду.

Генерал-лейтенант внутренней службы положил телефонную трубку и посмотрел на сидящего в большом кожаном кресле гостя. Он прошел к журнальному столику, на котором стояла бутылка коньяка и две рюмки. Генерал сел в кресло и, взяв в руки бутылку армянского напитка, наполнил им

рюмки. Они подняли рюмки и, не чокаясь, выпили. Генерал крякнул и, взяв дольку лимон, и положил ее в рот. Сморщившись от кислоты лимона, он произнес:

– Не переживай, Антон Сергеевич. Там все решат на месте, что дальше делать с твоим Крыловым. Если ты понял, то я сейчас при тебе разговаривал с начальником тринадцатой колонии, в которой содержится твой крестник. Мы с ним когда-то вместе учились в одном училище. Он уехал в Нижний Тагил, там женился, сейчас он – начальник тринадцатой специальной зоны, а я вот здесь, в Москве обосновался.

– Спасибо, Костя. Я твой должник. Если я правильно уловил суть твоего разговора с начальником колонии, то там его должны так нагнуть, чтобы он больше никогда не выпрямился?

– Ты все правильно понял, Антон. Сейчас он пока хорохорится, мечтает выйти на волю и свести с тобой свои счеты. Если бы не Павлик, то знаешь, что могло бы быть? Спасибо ему, что он до сих пор держит свою руку на пульсе твоего Крылова. Ты у меня не первый, кто обращается ко мне с подобными просьбами. Хочу отметить, что он никогда мне не отказывал в этих просьбах. Там у него своя система подавления, отработанная годами и надежная, как швейцарские часы.

– Спасибо, Костя. Тогда я пойду, не буду больше отвлекать тебя от государственных дел. Ты пойми меня правильно, я его, конечно, не боюсь, но встречаться с ним я точно

не желаю. Страшный он человек, жестокий. Боюсь, не отыгрался бы он на Кате.

Генерал усмехнулся.

– Не переживай, не таких борзых в стойло ставили. Погоди, давай еще по рюмочке.

Он быстро разлил коньяк, и они вновь выпили. Закусив лимоном, Грачев направился к двери.

– Антон Сергеевич! Передай большой привет ему, – произнес генерал и пальцем показал в потолок.

– Непременно передам. Всего хорошего.

Грачев вышел за дверь заместителя начальника Главного управления исправительно-трудовых учреждений МВД СССР и вздохнул полной грудью.

«Мы еще посмотрим, Крылов, кто кого пересилит в нашей борьбе. Власть не таких строптивых людей ломала», – подумал он и от предстоящего удовольствия потер ладони своих рук.

О том, что какая-то девчонка вышла на Андрея Белоусова и сейчас они предпринимают какие-то шаги к пересмотру этого дела, он хорошо знал. Эта причина и привела его в кабинет генерала. Сам он не боялся Белоусова, так как этот инвалид ничего не мог ему сделать, даже если ему удастся собрать вокруг себя бывших бойцов. В этом деле все решает не желание одного или группы людей, а возможности, которыми они обладали. У него было намного больше этих возможностей, чем у них всех вместе взятых. Однако какой-то внут-

ренний страх все же погнал его к генералу. Сейчас, выходя из здания Главного управления исправительно-трудовых учреждений, он почувствовал себя непотопляемым и вполне успешным человеком. Грачев невольно вспомнил капитана Овечкина, с которым он сумел так быстро договориться в отношении Крылова. Лишь благодаря всем этим договоренностям, следствие не могло разыскать ни одного свидетеля по этому делу.

«Надо будет с ним еще переговорить, что он мне посоветует по этому делу. Будет совсем здорово, если ударить по Крылову с двух сторон: со стороны администрации колонии и со стороны оперативных служб. Как говорил покойный Каганович – если есть проблема, значит, есть и человек, – эта пришедшая ему внезапно мысль заставила его улыбнуться. – Было бы здорово, если бы Овечкин возбудил уголовные дела и в отношении друзей Крылова, в частности этого Белоусова. Когда над человеком висит топор правосудия, ему не до моральных ценностей. Вот тогда с ними можно будет легко договориться и Крылов, как бы ни пытался противостоять ему, ничего сделать не сможет. Своя рубашка ближе к телу».

Грачев вышел из машины и направился в свой подъезд. Здесь он жил не так давно и поэтому еще не привык к планировке подъезда. Он дважды повернул направо, прежде чем оказался перед лифтом.

– Извините, мужчина, – обратился к нему молодой человек. – Вы не подскажете, живет в вашем доме Лаврентьев?

– Я не знаю такого, я здесь живу не так давно, – ответил Грачев, чувствуя, как одеревенел от страха его голос.

– Извините, – ответил мужчина и направился к выходу из подъезда.

«Это все неспроста, – подумал Грачев. – Наверняка, хотели убедиться в том, что я живу в этом доме. Как хорошо, что у меня есть загородный дом и сейчас мы все живем в нем».

Он осторожно вышел из подъезда и посмотрел на мужчину, который сидел на лавочке и, развернув газету, что-то читал в ней или делал вид, что читает.

«Нужно срочно уезжать за город, – решил он. – Скорей бы пришла жена, и мы сразу же уехали бы из этого дома».

Он снова вернулся в подъезд и, вызвав лифт, поехал на нем на седьмой этаж, где находилась его квартира.

* * *

Екатерина подъехала к дому на « Форде». Эту иностранную машину подарил ей муж, который приобрел ее через своих влиятельных друзей. Отыскав место на стоянке, она умело припарковала свою машину около дома и, подхватив пакеты с покупками, направилась к себе домой. Она открыла дверь и вошла в квартиру. Грачев сидел за столом на кухне, перед ним на столе стояла початая бутылка водки. Она мельком взглянула на бутылку, отметив про себя, что половину бутылки он уже успел выпить. Раньше она не замечала, что он пьет, но теперь, после возвращения его из Афганистана, он пил почти каждый день, не ограничивая себя в объеме

принимаемого алкоголя. Напившись, он часто плакал и винил ее во всех грехах.

– Что случилось, Антон? Почему ты пьян? – строго спросила она его, входя на кухню. – Ты бы хоть форточку открыл, а то воняет, как в грязном трактире.

Он посмотрел на нее мутным взглядом и, заметив пакеты, поинтересовался у нее.

– Ты что опять по магазинам таскалась? А я вот был у генерала Никишина. Разговаривал с ним о твоем бывшем муже – Крылове. Ты знаешь, что он по-прежнему спит и видит, как отомстить нам с тобой!

– С чего это ты взял, Антон? Я-то здесь причем? Ты же его посадил, а не я? Я смотрю, ты до сих пор боишься его.

– Нет, Катя! Это не я посадил его, это мы с тобой его посадили. Кто мне посоветовал написать этот рапорт? Не ты ли? А сейчас хочешь все свалить на меня? Не выйдет, дорогая! Сейчас твой Крылов собирает своих сослуживцев. Это – не люди, а звери. Я там был и видел, что они там делали, для них зарезать человека, что чихнуть. Мне кажется, что они уже следят за нами.

Она громко рассмеялась. Смех ее был каким-то неестественным – нервным и натянутым.

– Кто следит, Антон? Ты можешь мне все нормально объяснить, что с тобой происходит? Мне не нравится, что ты после возвращения из Афганистана стал часто заглядывать на дно бутылки. Что произошло, Антон? Кого ты боишься?

Ты знаешь, что я не могу смотреть, как ты спиваешься прямо у меня на глазах?

Грачев усмехнулся и посмотрел на нее.

– Ты за меня не бойся, Катя! Ты лучше себя пожалей. Ты думаешь, что он забыл, как ты его бросила и уехала со мной в Москву?

Она удивленно посмотрела на него. Он протянул руку к бутылке и налил себе четверть граненого стакана. Он выпил водку и, не закусывая, вытер губы рукавом белой рубашки.

– И еще, вчера мне позвонили из колонии и сообщили одну неприятную для нас новость. Его бывшие бойцы хотят обратиться в суд и опротестовать приговор.

– Ну и что? Это – их личное дело. Причем здесь мы с тобой?

Он пьяно засмеялся и посмотрел на нее остекленевшими глазами.

– Ты, как была дурой, так и осталась ей. Неужели тебе не ясно, что может произойти, если его дело пересмотрят? Он обязательно отомстит нам за это. Он не пощадит ни меня, ни тебя. Я видел там, как он убивает людей, в том числе и раненых. У него нет сердца, а пощады от него едва ли дождешься.

– Антон, прекрати! Это ваши мужские дела. Ну, а я причем здесь, женщина? Ты его сажал, ты и отвечай за это.

– Не прикидывайся дурой и не пытайся переложить всю ответственность на меня!

Катя присела на стул и посмотрела на него. Ей стало

страшно не за него, а за себя. Она никогда не любила Грачева и жила с ним лишь из-за того, что с ним ей было довольно комфортно. То, что он ей изменял, она хорошо знала и платила ему той же монетой.

– Антон! Ты, почему мне раньше ничего об этом не рассказывал?

– Раньше я не придавал этому особого значения. Теперь дело коренным образом изменилось, у него появились друзья, которые готовы оказать ему помощь. Кстати, тебе что-нибудь говорит эта фамилия – некто Ольга Максимова. Похоже, это его девушка, которая сейчас и занимается всем этим делом.

– Нет. Я никогда не слышала этой фамилии. Я плохо знаю друзей Крылова. Некоторых я видела у нас на свадьбе, но это было так давно, что я никого не помню.

Грачев снова потянулся к бутылке, однако она успела первой. Она схватила бутылку и, подойдя к мойке, вылила туда остатки водки.

– Ты что сделала, дура! Это же – водка! – заорал он на нее.

– Я знаю, что это – водка, а не вода. Ты для чего мне все это рассказал? Для того, чтобы я тоже тряслась с тобой от страха?

– Я уже предпринял кое-какие шаги. Мне пообещали, что там сделают все, чтобы он не вышел из зоны. Но я не совсем верю в эти обещания. Крылов – человек опытный и может разгадать и спутать все эти планы.

Катя побелела. Она ужасно боялась умереть сейчас, когда в ее жизни появился новый любовник, у которого было поистине прекрасное будущее. Он уже развелся со своей женой и ждал, когда она определится с Грачевым. Эта новость, что она услышала сегодня от него, путала все ее далеко идущие планы. Нужно было что-то предпринимать, но что именно, она пока не знала. Сейчас, сидя напротив него и внимательно рассматривая его внешность, она все больше приходила к неприятному для себя решению, а именно – обменять его жизнь на свое будущее.

«А почему бы и нет? Он его посадил, а она теперь должна нести за это какую-то солидарную ответственность? Нет, и еще раз – нет! Пусть сам отвечает за свои поступки и не втягивает ее в это дело. А для этого нужно встретиться с Крыловым и все ему объяснить, кто виноват в этом, а кто – нет. Для этого просто нужно приехать в Нижний Тагил и встретиться с ним. Но как это сделать, ведь муж моментально узнает об этом? Значит, нужно все решить непосредственно на месте и чем ниже будет начальник, тем это будет надежнее» – подумала она.

Катя еще раз взглянула на его раскрасневшееся от водки лицо и тихо произнесла:

– Давай, вставай, воин. Поехали за город, а то ты здесь умрешь от страха.

Он медленно поднялся из-за кухонного стола и направился в прихожую, чтобы обуться.

* * *

Екатерина уверенно вела свой «Форд». За это время, что она жила с Грачевым в Москве, она хорошо выучила все необходимые для жизни дороги и улицы города. Вот и сейчас, она умело свернула с одной улицы на другую и тем самым избежала большого дорожного затора. Остановив машину на светофоре, она посмотрела на спящего Грачева. С момента его возвращения из Афганистана, он сильно сдал. Водка и пережитый им там стресс сделали свое дело. На его красивом лице появились тонкие капилляры, под глазами – чернота, повисли мешки, что говорило о проблемах с почками.

Первое время она пыталась повлиять на него. Устраивала скандалы, грозилась обратиться с жалобой на него руководству, но это ничего не меняло. И тогда она приняла довольно рискованное для нее решение. Она решила найти себе нового человека, с которым попытается связать свою жизнь. Вращаясь среди политического бомонда, она обратила внимание на молодого красивого сотрудника министерства иностранных дел, сына известного дипломата. От его друзей она узнала, что его пророчат на должность заместителя посла в Аргентине. Такого шанса она решила не упускать. Ей удалось затащить его к себе в кровать.

Через два месяца он понял, что влюбился в жену полковника Грачева. Сначала его тешило, что он мог покорить такую красивую женщину, но он даже не предполагал, что стал

своеобразной дичью в руках этой женщины. Дома у него начались скандалы, спровоцированные ее звонками. Все это привело к тому, что ее новый поклонник разошелся со своей женой.

Добиваясь одного, она не учла другого, а именно того, что его развод затянул решение о его назначению в Аргентину. Министерство иностранных дел не очень приветствовало подобное и старалось комплектовать свои учреждения за границей хорошо проверенными и женатыми людьми. Сейчас для нее было важно разойтись с Грачевым. Разойтись без скандала и раздела имущества.

Она снова посмотрела на спящего Грачева. Он спал, забывшись в пьяном угаре. Из его приоткрытого рта тонкой струйкой по подбородку стекала слюна.

«Свинья, – коротко заключила она, посмотрев на него. – И с этим человеком я собиралась связать всю свою жизнь».

Она толкнула Грачева локтем в бок. Он открыл глаза и непонимающим взглядом посмотрел сначала на дорогу, а затем на нее.

– Что случилось?

– Не храпи!

Он снова закрыл глаза и погрузился в дремоту. Екатерина мельком посмотрела на него и, притормозив автомашину, съехала с трассы. Машина медленно стала углубляться в лес.

* * *

– Крылов, зайди в комнату мастера, – произнес Сергей

Иванович, подходя к нему.

– Зачем? Что ему нужно от меня?

– Это ты у него спросишь. Меня попросили тебя передать, я и передал. Все вопросы к нему.

Александр вымыл руки и, вытерев их тряпкой, направился в комнатушку, в которой сидел мастер. Открыв дверь, он был немного удивлен, увидев молодого оперативника, который сидел за столом мастера и пил из алюминиевой кружки чифирь.

– Заходи, Крылов. Присаживайся. Хочешь чифирнуть? – спросил он его. – Что стоишь, замерз что ли?

– Спасибо, гражданин начальник, я чифирь не пью. Говорят, что от него цвет лица портится.

– Зря. У мастера неплохой чифирь, да и с лицом у тебя вроде все в порядке.

Александр сел на табурет и посмотрел на оперативника.

– Вот что, Крылов. Слушай меня внимательно. Крутить вокруг я не буду. Тебе сколько еще лет чалиться?

– Мне? – почему-то переспросил он его, – Чуть более двух лет, гражданин начальник.

– Какие планы у тебя на будущее? Наверное, по-прежнему хочешь отомстить этому Грачеву? Ведь это он тебя упрятал сюда? Что скажешь? Можешь не говорить, я и так все о тебе знаю.

– Почему вы так решили, гражданин начальник? Я об этом и не думал. Мне до «звонка» еще чалиться и чалиться.

Срок – большой и его еще нужно пережить.

Оперативник достал из кармана кителя сигареты и закурил. Посмотрев на Александра, он протянул ему сигарету.

– Не курю, гражданин начальник. Кашель мучает, – ответил Крылов.

Офицер рассмеялся.

– Ты правильно рассуждаешь, Крылов. Срок – большой, и не каждый заключенный доживает здесь до этого выпускного звонка. Видел за цехом холмики? Это – могилы заключенных, которые так и не дожили до своего «звонка». Это я к чему тебе все рассказываю, Крылов? Просто этот Грачев регулярно интересуется твоим здоровьем. Похоже, он очень боится тебя и не хочет, чтобы ты вышел отсюда живым.

– Вы зачем мне об этом говорите, гражданин начальник? Хотите напугать или еще за чем-то? Если он боится чего-то, то это дело его. Не я же его запрятал на зону, а он меня?

Лицо оперативника оставалось абсолютно спокойным. Лишь в уголках его небольшого рта мелькнула едва заметная улыбка. Он достал сигарету и протянул одну ему.

– Кури, – снова предложил он Александру.

– Спасибо, я покурю. От ваших могу закашляться.

Оперативник снова усмехнулся.

– Колючий ты, Крылов. Ты пойми меня правильно, ты должен навсегда оставить эти мысли о мести здесь, в зоне, если хочешь выйти на волю здоровым и в установленные законом сроки.

– И как вы определите, гражданин начальник, с какими мыслями я «откидываюсь»? В этих условиях, человек забывает о добре. Если честно, то я и вам не верю. У вас служба такая – стравливать людей.

– Это – твои проблемы, Крылов. Иначе, ты просто можешь не выйти отсюда. Мало ли что может произойти здесь, в зоне. Можно случайно сломать позвоночник от непосильного труда, можно и сгореть на работе. Ты думаешь, что если это произойдет, кто-то будет разбираться во всем этом?

– Для чего вы все это мне говорите, гражданин начальник? Пытаетесь меня напугать? Я – не из пугливых людей. Вам бы в политчасти работать…

– Зачем мне тебя пугать, Крылов? Я просто тебя проинформировал о превратностях жизни в колонии. А то, что ты, Крылов, не трус, я это хорошо знаю. Знает об этом и полковник Грачев.

– Скажите, гражданин начальник, и каким образом я должен зафиксировать свою лояльность к гражданину Грачеву? Может, написать мне какую-то расписку или еще как-то?

Выпустив очередную струю дыма в грязный потолок комнаты, он буднично произнес:

– Ты просто должны сотрудничать с администрацией колонии. Главное для тебя, Крылов, это доказать свою лояльность руководству, а также, что вы полностью смирились со своим сроком и не собираетесь сводить свои личные счеты с Грачевым.

– Значит, вы мне предлагаете стать вашим осведомителем, я правильно вас понял?

– Мне, Крылов, не нравится это слово. Я бы заменил его на другое. Назвал бы его «помощник оперативника по работе с осужденными», а не осведомитель. Мне от тебя ничего не нужно. Давай договоримся сразу, ты можешь мне ничего не рассказывать, я и без тебя хорошо знаю, что творится в твоем отряде, кто с кем дружит, и кто о чем разговаривает. Так что, твоя информация мне просто не нужна, здесь и без тебя достаточно много людей, которые сотрудничают с администрацией колонии. Ты, по всей вероятности, забыл, что сидишь в специальной колонии, а не в воровской зоне.

Здесь явно таился какой-то подвох. Для чего оперу предлагать стать ему осведомителем, если его не интересует его информация. Александр смотрел на него, стараясь отгадать, где спрятаны эти подводные камни.

– Пойми, Крылов, твое согласие позволит тебе чаще получать письма и встречаться со своими родственниками.

– Извините меня, гражданин начальник, вы совсем запутали меня. Для чего я вам, если я вам совсем не нужен и не интересен. Бежать я не собираюсь, от работы не отказываюсь. Вы просто пугаете меня своими загадками.

Он замолчал и пристально посмотрел на него. В этот момент Крылову показалось, что он понял, что тоже заговорился, и тем самым напугал его своим необычным предложением.

– Я больше говорить тебе ничего не буду. Мне нужен от тебя лишь ответ, да или нет. О последствиях этого шага я тебя проинформировал. А теперь иди, работай.

Александр вышел из комнатки и направился обратно к себе на участок.

* * *

Сергей Иванович сморщил свой лоб и посмотрел на него. Он долго цокал языком, прежде чем произнес:

– Ты об этом кому-то рассказывал или нет?

– Зачем рассказывать? Кроме вас, никому, я – не идиот.

– Да, Крылов, плохи твои дела. Этот Антипов плотно сел на тебя. Гонит он тебя прямо на минное поле, где спасения практически нет.

– Постой, Сергей Иванович. Я что-то тебя не понимаю. Ты можешь мне все доходчиво объяснить. Какое минное поле, какое спасение?

– Не перебивай и слушай, что я тебе скажу. Ты, как я понял из твоего рассказа, ему лично не нужен. Ему главное – заставить тебя работать на администрацию колонии.

– Я что-то никак не могу въехать, Сергей Иванович.

– Антипову, ты как мужик не нужен, ты работаешь и, насколько я знаю, с «отрицалами» не общаешься. Похоже, твой Грачев не успокоился, запрятав тебя сюда, и хочет, чтобы ты сгорел здесь, то есть погиб. Расклад такой: ты соглашаешься с этим предложением, а затем он тебя просто сливает «отрицалам». Ты, наверное, знаешь, что бывает с людьми, которые

сотрудничают с администрацией колонии. Их просто убивают. Теперь понял, для чего ты ему нужен. Просто он хочет, чтобы тебя убили, но убили именно блатные, а не администрация. Это – один из вариантов.

Теперь ему стала ясна суть этого предложения.

– Спасибо, Сергей Иванович – поблагодарил его Александр. – Ты даже не догадываешься, как помог мне.

– Это почему я не догадываюсь. Как- никак, я на воле был начальником районного отдела милиции, а службу начинал оперативником в уголовном розыске. Если бы ты прошел ту же школу, что и я, ты бы сразу же понял всю эту комбинацию. Ну, и что ты сам решил?

– Чего, чего? Пошлю его подальше. Пусть других дураков ищет.

– Ты не спеши, Крылов, с этим. Есть еще один вариант. Можно дать и согласие на его предложение. Он доложит наверх, что все нормально, Крылов больше не опасен для Грачева, так как встал на путь исправления, помогает администрации выявлять отрицательно настроенных к администрации заключенных. Он, по всей вероятности, отказался от намерений отомстить полковнику Грачеву за то, что тот его упрятал сюда на три с лишним года. Как такой вариант? Он тебя устраивает?

– Нет. И вообще, я никому не собираюсь мстить. Почему ты меня всегда подводишь к этому вопросу, буду я мстить или нет?

– Потому, что хочу тебя понять, кто ты, Крылов? Человек или скотина, которую поставили в стойло? Он ведь правду тебе сказал, что в случае твоего отказа, администрация сама решит, что с тобой делать дальше. Похоже, в отношении тебя поступил конкретный заказ. Боится тебя этот полковник Грачев, вот и принимает все меры к твоему уничтожению.

Александр еще посидел с ним, покурил, поговорил и направился отдыхать. Всю ночь он не спал. Он уже догадывался, как может повлиять на принятие решения оперативник. Ему удобнее всего натравить на него блатных, которые своей активностью заставили бы его искать защиты у этого Антипова.

В углу, где группировались блатные, послышалась возня. Крылов приоткрыл газа и увидел, как двое мужиков в одних трусах направляются в его сторону. В руках одного из мужчин он увидел заточку.

«Вот они, первые ласточки Антипова, – подумал Александр. – Неужели ко мне?»

Мужчины остановились в метрах трех от его койки и стали жестикулировать руками, объясняя друг другу алгоритм дальнейших действий. Наконец, они, похоже, договорились между собой и снова двинулись к нему. Сердце Крылова учащенно забилось в преддверии драки. Когда они остановились около его, Александр неожиданно для них набросил на одного из них свое одеяло и сильно ударил его в лицо ногой. От неожиданности тот с криком упал на спящего внизу за-

ключенного, который тоже вскочил на ноги и, не разбираясь, начал избивать упавшего на него заключенного. Второй заключенный, который был с заточкой, навалился на Крылова и несколько раз ударил ей, стараясь угодить ему в грудь. Ему удалось сбросить его с себя и сильно ударить ногой в пах. Противник охнул и упал на колени. Из рук его выпала заточка и закатилась за прикроватную тумбочку. Это нападение блатных спровоцировало большую драку в отряде. Когда в помещение ворвался дежурный наряд во главе с дежурным помощником начальника колонии, все было уже закончено. Группа избитых блатных валялась на полу в туалете. Пол и стены украшали яркие пятна крови.

Наряд быстро рассортировал избитых блатных. Одних отправили в больницу, часть – в штрафной изолятор, остальные вернулись обратно в отряд. Они забились в свой угол и смотрели на «мужиков», ожидая от них нового нападения.

Утром начался разбор «полетов». Крылова вызвал к себе Антипов. В этот раз он уже не предлагал ему чая.

– Крылов! Все говорят, что эту драку начал ты? Это – правда?

– Я спал, гражданин начальник. Когда проснулся, все было уже закончено. Поэтому не могу сказать вам, кто и с кем дрался.

– А ты оказался хитрей, чем я считал. Ты – действительно опасный человек.

– Вы преувеличиваете мои возможности, гражданин на-

чальник. Я действительно ничего не знаю, так как ничего не видел.

– Придется тебе посидеть в штрафном изоляторе, подумать немного о жизни. В администрацию обратилась твоя мать, просит краткосрочного свидания с тобой, но ты сам все испортил.

– Гражданин начальник, я действительно не знаю, кто начал эту драку. И, во-вторых, лишать заключенного свидания не совсем законно.

– Ты меня не учи, что законно, а что – нет. Я хотел бы проинформировать тебя, что штрафной изолятор лишает тебя возможности выйти отсюда условно-досрочно. Ты понял меня, Крылов?

– Понял, гражданин начальник, но я все равно ничего не видел и не слышал. Вы же не хотите, чтобы я оболгал ни в чем не повинного человека. Я вижу, что вы, гражданин начальник, этого не хотите, и я тоже.

Лицо Антипова исказила совсем не добрая улыбка. Он достал сигарету, и не спеша, ее прикурил.

– Ты сам себе выбрал судьбу, Крылов.

– Я ее выбрал еще тогда, когда поехал в Афганистан. Вы выбрали, гражданин начальник, свою судьбу. Вам, видимо, приносит какое-то маниакальное удовольствие издеваться над теми, кто не разделил с вами вашу судьбу. Придет, наверное, время, и вы пожалеете об этом. Вам же нечего будет рассказывать своим сыновьям о своем героизме. Я не думаю,

что Вы им расскажете про наш с вами разговор.

Лицо его покраснело. Я видел, как его распирало желание ударить его, но он сумел сдержать себя.

– Идите работать, Крылов. Крылов еще с вами поговорим о героизме и патриотизме как-нибудь в другой раз.

Он встал с табурета и вышел из его кабинета в коридор, где его уже ждали два прапорщика. Скрутив Александру руки, они повели его в штрафной изолятор.

* * *

Отсидев десять суток в штрафном изоляторе, Крылов вернулся к себе в отряд. Все эти десять суток, что он там находился, его не покидала одна мысль, которая, словно гвоздь, застряла у него в мозгу.

«Откуда оперативник узнал, что это он затеял драку тогда ночью в отряде? Кто ему об этом рассказал? Блатные – едва ли. Об этом ему мог рассказать лишь один человек, с которым он поделился утром, рассказав ему о том, что его ночью чуть не зарезали блатные, и ему пришлось отбиваться. Этим человеком был Сергей Иванович».

Крылову не хотелось верить, что этот уже немолодой человек сдает его администрации, так как он не видел мотивов, из-за чего он мог так поступать.

– Ну и как? – спросил его Сергей Иванович, когда он повалился на свою койку.

– В каком смысле, как? – вопросом на вопрос ответил Александр ему. – Жить можно, даже в этих скотских усло-

виях.

– Да, брат Крылов! Здорово тебя подставил Грачев. Я думаю, что блатные непросто так напали на тебя. По всей вероятности, на тебя поступил заказ, и думаю, что этим заказчиком является Грачев.

– Да, брось ты, Сергей Иванович! Ты все почему-то переводишь в плоскость моих отношений с Грачевым. Он, наверняка, уже давно забыл про меня.

– Смотри, Крылов! Эти люди ничего не забывают.

Александр махнул на него рукой и повернулся на бок. Вскоре он крепко заснул.

Время шло, он немного свыкся с сознанием постоянной опасности и те моменты, которые раньше заставляли его напрягаться, стали довольно обыденными. Ему казалось, что и его враги устали от этого напряжения, но он, видимо, неправильно оценил их возможности.

Вскоре его перевели с одной работы на другую. Теперь он работал на формовке земляных форм для чугунного литья. Работа сродни каторжной, тяжелая и грязная. Как-то вечером он отложил в сторону лопату и, достав из кармана телогрейки тряпку, стал вытирать выступивший на лбу пот. Неожиданно из-за угла выскочил мужчина небольшого роста, в руках которого находился заостренный металлический штырь, чем-то напоминающий копье. Его появление было столь неожиданным для него, что он на какой-то миг удивился и растерянно посмотрел на него. Ни слова не говоря, муж-

чина ловко ударил его этим штырем. Сильная боль пронзила левый бок Крылова. Он почувствовал, как холодная сталь, вспоров его мышцы, вошла в бок. Он схватился за бок и повалился лицом в кучу земли. Незнакомец хотел добить его, но, услышав шаги, бросил свой штырь скрылся за углом комнаты мастера. Александр попытался подняться на ноги и выпрямиться, но сразу понял, что не может этого сделать.

– Помогите! – закричал он. – Помогите!

Шаги стихли, словно человек, испугавшись его крика, спрятался за стоявшими в углу металлическими ящиками.

– Помогите! – снова закричал он в темноту.

Крылов расстегнул телогрейку и задрал вверх свой старый свитер. Телогрейка и свитер уже успели набухнуть от крови. Он поднял с земли выроненную им тряпку и заткнул ей рану, а затем, опираясь на правую руку, медленно пополз к двери комнаты мастеров. Прислонившись спиной к стене каптерки, Александр стал ждать рабочих, которые должны были вернуться с обеда. Дверь комнаты мастеров неожиданно для него открылась и из нее вышел Сергей Иванович.

– Сергей Иванович, помоги, – произнес он, чувствуя, что начинает терять сознание, – меня кто-то подрезал немного.

Он бросился к нему, а затем выскочил в соседнее помещение и стал громко звать работающих там заключенных. Вскоре около него образовалась небольшая толпа заключенных. Уложив его на самодельные носилки, они потащили Крылова в больничный корпус.

Очнулся Александр через двое суток в больничной палате. Ему сделали операцию, и теперь его жизни уже ничего не угрожало.

– Привет! Наконец-то очнулся, – произнес знакомый голос.

Крылов повернул голову и увидел знакомое лицо Сергея Ивановича.

– Как вы оказались здесь? – поинтересовался он у него. – Неужели дежурили?

– Договорился. У них не хватает людей, и начальник колонии разрешил мне в свободное от работы время приходить к тебе и помогать медперсоналу.

– Здесь так не бывает, чтобы начальник учреждения взял и просто так разрешил дежурить здесь.

– Все правильно. Меня попросили, чтобы я договорился с тобой на предмет получения ранения. Сейчас в колонии идет областная проверка. Приехавшие из управления люди пытаются найти человека, который подрезал тебя. Завтра к тебе придет Антипов и ты должен дать официальные показания по поводу полученного ранения. Пока ты здесь лежал, я все время хотел тебя спросить, ты хорошо запомнил человека, который пропорол тебя металлическим штырем?

– Нет, – коротко ответил он. – Я его не помню. А вы его, случайно, не запомнили? Он должен был попасться вам навстречу. Как мне показалось, он тогда заскочил в комнату мастеров.

– Ты что, Крылов? Ты что-то путаешь. В комнате мастеров никого, кроме меня, не было. Если честно, то я не только не слышал твоих криков о помощи, но и не видел, как все это произошло.

– Как – никого не было, кроме вас? Неужели мне все это показалось?

– Конечно, никого. Мастер ушел на обед, а я там просто закимарил с усталости. Если бы кто-то вошел в комнату, я бы видел.

Крылов посмотрел на него непонимающим взглядом. Он не выдержал его взгляда и отвел глаза в сторону.

– У тебя, по всей вероятности, возникли глюки, вот тебе это и показалось.

– Но этого не могло быть, вы должны были столкнуться с ним в этой комнате. Там только один вход, а значит, и выход.

Теперь он посмотрел на него, словно он действительно сильно заболел головой.

– Вот тебе мой совет – завтра скажешь Антипову, что ты сам, в темноте, налетел на этот штырь, а иначе тебя закроют в карцер.

– Он же мне не поверит? Он же неглупый мужик?

– Поверит. Он за этим и придет к тебе. Им ЧП в колонии тоже не нужны.

– Хорошо, я все понял.

– Крылов, когда ты бредил, ты несколько раз произнес незнакомое мне слово Бодабер. Что это такое? Расскажи, ес-

ли тебе это не трудно!

Александр невольно усмехнулся, не потому, что он не знал этого слова, просто оно не было знакомо ни одному человеку из огромного Советского Союза.

– Ты что улыбаешься? Смешно, что не знаю этого слова?

– Это слово редко кто знает, Сергей Иванович. Это место – славы и большой трагедии для всего нашего народа, просто об этом месте предпочитают не говорить. Да, я и сам узнал о нем чисто случайно. Мне о нем рассказал один майор из штаба дивизии.

– Ну, и ты расскажи мне о нем, чтобы и я знал. Я расскажу об этом другим, пусть об этом знают все. Как ты себя чувствуешь, можешь говорить или нет?

Он кивнул и посмотрел на него. Он удобнее устроился у его койки и приготовился слушать рассказ.

* * *

– Бодабер – это небольшой кишлак, расположенный на территории Пакистана, в десяти километрах южнее Пешавара и в двадцати пяти километрах от границы с Афганистаном. Во всех имеющихся документах, это место называют лагерем для беженцев, хотя, как потом стало известно, там был организована специальная школа, а если вернее, то Центр подготовки боевиков Святого Халида ибн Валида. В этом Центре под руководством американских инструкторов, а также инструкторов из Пакистана, Египта и Китая проходили обучение моджахеды. По неофициальным данным,

в лагере находилось около шестидесяти пяти инструкторов, специалистов и больших профессионалов своего дела. Данный лагерь пользовался поддержкой официальных пакистанских властей.

Лагерь вместе с военной базой занимал огромную, по меркам Пакистана, площадь – около пятисот гектаров. Помимо глинобитных домов и походных палаток, там располагалось шесть складских помещений с оружием и боеприпасами, а также три тюрьмы. Сюда привозили пленных советских солдат и военнослужащих афганской республиканской армии. Русских было не так много, говорят человек пятнадцать – двадцать, и где-то около сорока – афганцев.

Режим содержания в этих тюрьмах был очень строгим. Под угрозой расстрела был запрещен какой-либо контакт между заключенными. Русских они использовали на самых тяжелых работах, стараясь физически и морально сломать их, для того, чтобы они приняли ислам.

Как это бывает довольно часто, у кого-то из русских пленных созрел план захватить этот лагерь и, уже вооружившись, потребовать от руководства моджахедов и официальных пакистанских властей встречи с представителями советского или афганского посольства в Исламабаде. План был немного авантюрный, но другого выхода подать о себе какой-то знак у них не было.

Двадцать шестого апреля 1985 года, вечером, когда весь личный состав лагеря был собран на плацу для совершения

вечернего намаза, русские военнопленные сняли двух часовых у складов и попытались скрыться из лагеря. В распоряжении восставших оказались гранатометы РПГ и один миномет. Им также удалось захватить радиостанцию.

Моджахеды пришли в себя довольно быстро. Уже в одиннадцать часов вечера им удалось полностью заблокировать лагерь. Командовал моджахедами некто Раббани. В блокировании лагеря наряду с моджахедами участвовали регулярные воинские подразделения Пакистана, которые использовали для этих целей, артиллерийские, танковые и авиационные части. Когда кольцо вокруг лагеря окончательно сомкнулось, Раббани обратился к русским с призывом сдать оружие, пообещав взамен им жизнь и свободу. Наши не поверили ему, так как знали, что их ожидало в случае сдачи оружия.

Утром, как только солнце осветило горные вершины, по лагерю ударила артиллерия. Вскоре к ним присоединились танки, которые вышли на прямую наводку и стали расстреливать дома, в которых, по их предположению, могли скрываться русские военнопленные. Артиллерийская подготовка велась несколько часов подряд. Посчитав, что этого вполне достаточно для уничтожения наших военнопленных, моджахеды прекратили артиллерийский огонь и пошли в атаку. Когда до ближайших строений оставалось метров пятьдесят, их встретил плотный пулеметный огнь. Не ожидавшие этого моджахеды сначала остановились, а затем бросились бежать обратно. В этот момент Раббани понял, что русские сдавать-

ся не намерены.

Волна за волной накатывались атаки моджахедов на позиции, занимаемые русскими военнопленными, и каждый раз им приходилось откатываться назад, теряя убитых и раненых. После каждой неудачной атаки на позиции русских обрушивался артиллерийский шквал, после которого, как им казалось, невозможно было выжить. Но огневые позиции русских оживали вновь, стоило лишь моджахедам подняться в атаку. Видя все это, пакистанские власти бросили в бой авиацию. Вертолеты и штурмовики делали заход за заходом. В кишлаке не осталось ни одного дома, в который бы не угодил снаряд или авиационная бомба. Оставались лишь не разрушенными шесть складов с боеприпасами, оружием и амуницией.

Моджахеды дождались наступления темноты и под покровом ночи предприняли несколько попыток подавить огневые точки русских. Однако и в этот раз ничего у них не получилось. Им снова пришлось отходить назад, теряя убитых и раненых.

Положение русских тоже было критическим. К утру двадцать седьмого апреля в живых оставалось лишь трое военнопленных. Они уже не мечтали выжить в этой огненной мясорубке, и каждый из них думал лишь о том, как бы дороже продать свою жизнь.

Отбив последнею атаку моджахедов, они вскрыли склад с взрывчаткой и закрылись в нем. Через щель в воротах скла-

да они увидели, как территорию бывшего лагеря заполняют удивленные и озлобленные сопротивлением моджахеды. Раздалось несколько одиночных выстрелов – это разъяренные сопротивлением моджахеды добивали раненных русских военнопленных. Когда моджахеды окружили воинские склады, раздался оглушительный взрыв. Затем последовало еще несколько мощных взрывов. Реактивные снаряды, хранившиеся в одном из складов, словно ракеты, разлетались в разные стороны, накрывая взрывами огромную территорию вокруг этих складов. Все было кончено. В этом бою за кишлак Бодабер моджахеды потеряли лишь только убитыми около двух сотен своих бойцов, около семи сотен были ранены и изувечены.

Александр замолчал и посмотрел на Сергея Ивановича. Он был просто подавлен его рассказом.

– Крылов. Ты говорил, что наши военнопленные захватили радиостанцию? Почему они не вышли на наши части и не попросили у них помощи?

– Во-первых, насколько я знаю со слов этого майора, радиоразведка нашей сороковой армии фиксировала эти обращения, их слышали и наши летчики, однако оказать какую-то помощь они не могли. Лагерь находился на территории суверенного Пакистана и наши не решились перейти границу, так как думали, что это радио игра разведки Пакистана. А во-вторых, помимо воли самих военных, нужна была и политическая воля нашего правительства, которой не оказалось

в тот момент.

Сергей Иванович молчал. Молчал и он. Александр устал и перенесенная недавно операция, заметно сказывалась на его состоянии. Еще минут тридцать назад ему казалось, что он готов подняться и направиться к себе в отряд, сейчас же он чувствовал себя лишенным сил.

– Слышишь, Крылов, а причем здесь ты и этот кишлак в Пакистане?

– А притом, Иванович, что правительство нашего государства забыло об этих ребятах, сложивших свои головы в этом горном кишлаке. Их почему-то забыли, и наградить – пусть посмертно, но наградить. Ты помнишь слова товарища Сталина, сказанные им во время войны?

– Это о том, что у нас пленных нет, есть предатели, – ответил он ему. – Помню.

– Вот и я помню. Прошло сорок лет после войны, а ничего не изменилось. Наверное, там были и такие, кто добровольно перебежал на сторону моджахедов, кто-то потерялся, кого-то, возможно, захватили в плен, когда они вышли из воинской части, решив нарвать винограда. Главное не в этом. Главное, что они подняли восстание и погибли с оружием в руках. Вот и с меня сняли орден Красной Звезды, Боевого Красного Знамени и не дали вторую звезду, словно я никогда и не был там, в Афганистане. Скажи мне, Сергей Иванович, будет ли в нашей стране когда-нибудь справедливость? Когда наша страна не будет срывать ордена и погоны с невин-

ных людей? Не знаю, почему, но этот вопрос, словно гвоздь, торчит в моей голове, мешая мне жить и думать. Вот почему я, наверное, и бредил этим кишлаком.

– Да, вопрос ты задал мне непростой, и на него просто так однозначно не ответишь. Ты давай, поправляйся, а я пойду, мне скоро на смену. Завтра к тебе подойдет Антипов. Ты с ним не спорь. Скажи, что упал в темноте и напоролся на штырь.

– Спасибо, Сергей Иванович, я все понял – прощаясь с ним, тихо произнес Крылов.

* * *

– Итак, заключенный Крылов, вы утверждаете, что сами по неосторожности упали в темноте и напоролись боком на заостренный металлический штырь.

– Все правильно, гражданин начальник. На участке никого не было, все обедали. Было темно. Я решил чуть задержаться, и когда я направился в помещение для приема пищи, споткнулся и упал. Это я потом узнал, что напоролся на кем-то оставленный металлический штырь. Никакого нападения на меня не было, это был просто несчастный случай. Все это я могу подтвердить и членам комиссии, если они меня будут об этом спрашивать.

– Вот и хорошо. Я все записал. Вот здесь распишитесь, – предложил мне Антипов и внимательно посмотрел на него. – Скажите, Крылов, может, все было по-другому?

Александр удивленно посмотрел на него.

– Нет, гражданин начальник. Все было, как я вам рассказал. Было темно, шел, упал.

– А ты живучий, Крылов. Другой бы на твоем месте «ласты» бы склеил от подобного ранения, а тебе – ничего, – переходя то на вы, то на – ты, произнес оперативник. – Я вот о чем, твоя невеста Максимова Ольга обратилась в администрацию, просит предоставить ей краткосрочное свидание. Несмотря на то, что данное свидание предоставляется только родственникам осужденного, администрация все же пошла ей навстречу и разрешила приехать в учреждение. Так что поправляйтесь, она приедет через две недели.

– Спасибо, гражданин начальник. Думаю, что я к этому времени восстановлюсь.

Александр хорошо понимал, что это был жест доброй воли со стороны администрации колонии за его молчание.

– Вот и хорошо, Крылов. Однако, мое предложение, которое я тебе сделал до болезни, по-прежнему остается в силе. Если ты хочешь с ней встретиться, чтобы твое свидание было не три часа, а трое суток, так что – подумай о моем предложении.

– Я и так все время думаю об этом, гражданин начальник. Спать ложусь, думаю – проснусь утром, тоже думаю.

Он ухмыльнулся и встал с табурета.

– Ты не смейся, Крылов. Смеется тот, кто смеется последним, а им, я думаю, буду, как всегда, я.

– Я даже в этом и не сомневаюсь, гражданин начальник.

Он посмотрел еще раз на него и направился к выходу из палаты.

«Орел! Можно подумать, что я не знаю, откуда растут эти ноги, – подумал Крылов, провожая его взглядом. – Подпишись, и ты меня сразу же «спустишь меня под сплав» блатным. Бесплатный сыр бывает только в мышеловке».

В том, что в этот раз его хотели завалить не блатные, он был уверен на все сто процентов. Попасть в рабочую зону никто из них просто так не мог. Здесь нужно было договариваться с оперативниками. А на это вряд ли кто из них пошел бы из-за него. Следовательно, все, что произошло на этом участке, было спланировано самими же оперативниками. Желающих выйти досрочно достаточно много и каждый из желающих мог легко подписаться под это дело.

Он закрыл глаза и стал думать, как ему сорваться с крючка оперативника. Однако, сколько он не думал, ничего хорошего ему в голову не приходило. Почувствовав боль в затылке, он бросил думать и решил немного поспать.

Утром его разбудил санитар.

– Крылов! Ходить можешь? – поинтересовался он у него.

– Что-то случилось? – спросил Александр его.

– Меня просили разбудить тебя. К тебе приехала какая-то баба из Москвы. Говорят, что жена большой шишки.

«Интересно! Неужели Катя? – сразу же подумал он, так как других знакомых женщин в Москве у него не было. – Интересно, что ей нужно от него и как она смогла решить

проблему со свиданием?»

Он быстро стал одеваться. Кое-как натянув на себя свитер, он надел телогрейку и, держась за стенку, медленно направился в административный корпус.

* * *

Его остановил дежурный помощник начальника колонии.

– Крылов?!

Он кивнул.

– Мне звонил начальник колонии и приказал организовать встречу с гражданкой Грачевой. Сам он, к сожалению, приехать не может, но это для тебя, наверное, не так уж и важно.

Александр посмотрел на электрические часы, которые висели на административном здании колонии. Они показывали начало девятого утра.

«Рановато свиданьице», – подумал он.

Крылов вошел вслед за помощником начальника колонии в комнату для свиданий и присел на табурет. Дверь вскоре открылась и в комнату вошла Катя. Она остановилась на пороге и внимательно посмотрела на него.

– Что, изменился? – поинтересовался он у нее. – Да, Катя, здесь не курорт.

– Здравствуй, Крылов! – еле выдавила она из себя. – Ты действительно сильно изменился за это время. Если бы я встретила тебя на улице города, то просто прошла бы мимо, не узнав тебя.

– Ты тоже сильно изменилась. Я помню тебя девчонкой, а сейчас ты стала настоящей женщиной. Скажи, Катя, что тебе от меня нужно? Я же знаю, что ты просто так бы ко мне никогда не приехала?

– Ты прав, Саша, просто так я бы к тебе не приехала. Ты же знаешь, что я тебя никогда не любила, а замуж вышла за тебя лишь для того, чтобы избежать контроля со стороны родителей. Ты не обижайся на меня, что я сломала тебе жизнь, просто так получилось.

Она достала из сумочки носовой платок и приложила его к уголкам своих накрашенных губ.

– Чего кружить, скажу тебе прямо, привело меня к тебе следующее. Я хотела попросить у тебя прощения за все, что сделала. Поверь, я не виновата в том, что произошло между тобой и Грачевым. Он сам решил тебя посадить, так как все время боялся, что ты как-нибудь отомстишь ему за то, что он увел меня.

– Я что-то не совсем понимаю тебя, Катя. За что ты собираешься просить у меня извинения? Причем здесь ты? У меня к тебе претензий вообще нет. Ты же сама только что сказала, что никогда не любила меня. За то, что ты сломала мою жизнь, извиняться не нужно, я давно уже простил тебя и забыл про все это.

Александр невольно усмехнулся. Заметив это, она пристально посмотрела на него.

– Ты что, Катя, так смотришь на меня? Ты что, не веришь

мне? Да, мне было очень больно, когда ты ушла от меня. Я думал, что не переживу этого, но вот видишь – я не только пережил, но и живу. Я уже давно забыл про тебя. Мне совсем не интересно слушать о твоих взаимоотношениях с твоим мужем. Я могу сказать тебе лишь одно, что твой муж – трус, негодяй и сволочь. Если бы я его убил там, в Афганистане, поверь, ты бы ничего не потеряла, а он превратился бы из труса в героя. Но я пожалел его из-за тебя. Мне не хотелось лишать тебя этого ценного жизненного приобретения.

Крылов замолчал и полез в карман за сигаретами. Достав сигарету, он прикурил и выпустил струю дыма в потолок комнаты.

– Какую гадость ты куришь, Крылов, – произнесла она, сморщив свой аккуратный носик. – Насколько я помню, ты раньше не курил?

– Других сигарет здесь в колонии нет, – отрезал Александр. – Ты мне все-таки скажи, почему ты приехала ко мне, договорилась об этой встрече с руководством колонии? Наверное, козыряла большими именами?

– Это не важно, чем я козыряла. Дело в том, Крылов, что я ухожу от Грачева. Я нашла человека, которого полюбила. Грачев боится тебя, боится твоей мести. Я тоже этого боюсь, хотя я не виновата в том, что ты оказался здесь, в колонии. Поэтому я не хочу, чтобы ты, мстя мне, мстил и моему дорогому человеку, которого я люблю. Ведь он ни в чем не виноват, он ничего не знает о тебе. Скажу больше, Грачев догово-

рился с кем-то из местных руководителей, чтобы они «раскрутили» тебя на новый срок или сделали так, чтобы ты погиб здесь.

– Я об этом знаю. Могу сказать одно, что ни ему, ни тебе, тем более, я мстить не собираюсь. Живите, как хотите, как вам позволяет ваша совесть.

– Это ты говоришь правду или пытаешься притупить нашу с ним бдительность? Грачев мне все рассказал о том, что ты творил в Афганистане. Говорил, что от тебя пощады ждать не стоит.

– Катя! Там, в Афганистане, была война, и там действовали военные законы. Если враг не сдается, то его уничтожают. Нельзя воевать в белых перчатках, там вопрос ставится ребром – или ты его, или он тебя. Твой муж оказался трусом, неспособным не только защитить кого-то, но и защитить сам себя. Он отказывался брать оружие в руки, так как, если бы его ранили с оружием в руках, то моджахеды бы его убили на месте. Он несколько раз предлагал мне сложить оружие и сдаться врагам. Когда мы вышли к своим воинским частям, то он испугался того, что я могу доложить начальству о нем, и решил меня оклеветать. Теперь я здесь, а он в Москве.

– Ты знаешь, Крылов, я об этом ничего не знала. Он никогда мне об этом не рассказывал. Он лишь рассказал мне о том, что ты не выполнил приказ командира, а также, что ты все это время, пока вы были вместе, издевался над ним, угрожал ему убийством за то, что он увел меня от тебя.

Александр снова ухмыльнулся. Он не верил ни одному ее слову, она просто спасала себя от возможной его агрессии, почему-то думая, что он ей буду мстить.

– Скажи, Крылов, кто такая эта Ольга Максимова? Ты ее любишь или решил отомстить мне, встречаясь с ней?

– Ты – глупая женщина. Я уже сказал, что давно забыл о тебе. Ты мне – абсолютно чужой человек и мне от тебя ничего не нужно. А Ольгу Максимову – я люблю. Она мне очень дорога. Она, в отличие от тебя, меня никогда не предаст, что бы со мной ни случилось.

– Тогда я рада за тебя, Крылов. Бывай. Будь осторожен, Грачев сделает все, чтобы отравить тебе жизнь.

– Спасибо за визит. Живи, как хочешь, Катя. Мне ни ты, ни Грачев не нужен.

Она встала со стула и направилась к двери. Около двери она остановилась и посмотрела на него.

– Вот здесь в пакете апельсины и другие фрукты…

– Забирай, мне от тебя ничего не нужно.

После этого Крылов никогда ее больше не видел. Как сложилась ее судьба, он не знал.

* * *

После свидания со своей бывшей женой давление на него со стороны администрации, можно сказать, прекратилось. Он не знал, встречалась ли она с начальником колонии или нет, но изменения были разительны.

Прошла неделя, Крылова вызвал к себе начальник произ-

водства колонии и предложил ему занять должность нормировщика в литейном цехе. Эта должность была мечтой каждого зека колонии.

– Что молчишь, Крылов? Здесь люди готовы рвать глотку друг другу, чтобы занять эту должность, а ты молчишь?

– Извините меня, гражданин начальник, но это все так неожиданно для меня, что я даже не совсем все понимаю.

– Хорошо. Иди. Завтра дашь мне ответ, если не можешь это сказать прямо сейчас.

Александр вышел из административного здания и направился в сторону здания, в котором располагался отряд.

– Как дела, Крылов? – неожиданно спросил его догнавший Александра Антипов. – Я слышал, ты в активисты собрался, хочешь стать нормировщиком. Это хорошо. Значит, будем работать вместе.

Активистами в зоне считали заключенных, вставших на путь исправления. Они, как правило, занимали престижные места в трудовой иерархии заключенных, имели больше свиданий с родственниками, могли больше получать посылок с воли. При этом они должны были следить за порядком в отрядах, своевременно выявлять и докладывать руководству лагеря о нарушениях дисциплины и порядка не только в своих отрядах, но и на производстве.

– Вы знаете, гражданин начальник, я еще не принял окончательного решения. Я совершенно далек от какого-либо учета, и поэтому не знаю, смогу ли оправдать предложенную

мне руководством колонии должность.

– Не Боги горшки обжигают, – несколько казенно произнес он. – У нас здесь, как в армии – не можешь, научим, а уж если не хочешь, то заставим.

– Вот этого я и боюсь, что могу не сработаться с администрацией. Мне осталось два года до «звонка» и мне бы не хотелось куда-то дергаться.

– Смотри сам, Крылов. Рыба выбирает, где глубже, а человек – где лучше.

– Я тоже так думаю, гражданин начальник.

Антипов свернул к зданию, а он направился дальше. Зайдя в отряд, он снял телогрейку и прошел к своей койке.

– Ну и как? – поинтересовался у него Сергей Иванович. – Согласился?

Крылов настороженно посмотрел на него. О том, что ему сделали предложение, никто из заключенных не знал, и поэтому вопрос Сергея Ивановича насторожил его.

– Пока думаю, – уклончиво ответил он ему. – Как говорят мудрые люди, если не можешь победить противника, приблизь его к себе.

– Это все – философия, – резюмировал Сергей Иванович. – Что думаешь делать дальше? Ты не думай, что мне абсолютно безразлична твоя судьба, я человек взрослый и не хотел бы, чтобы ты натворил глупостей.

– Интересно. Раньше вы, Сергей Иванович, почему-то проповедовали совершенно другую идеологию. Глаз за глаз,

а кровь за кровь. Ведь вы мне это шептали по ночам, а теперь вы переживаете за мое будущее?

– А ничего странного в этом нет, Крылов. Я просто понял, что ты, Саша – гуманист, и мстить Грачеву не намерен. Однако все это не мешает мне общаться с тобой. Я бы на твоем месте согласился с предложением администрации.

– Я подумаю, – коротко ответил он ему.

– Вот и я говорю, подумай.

Крылов лег на койку и закрыл глаза. Он старался вспомнить все то, что было перед его ранением и после его выхода из больницы. Александр хорошо запомнил лицо напавшего на него мужчины и сейчас он мог безошибочно сказать, что он его несколько раз видел до этого нападения. Этот мужчина часто встречался с Сергеем Ивановичем и каждый раз, когда он направлялся в их сторону, тот моментально расставался с ним и быстро уходил. Вчера он снова увидел Сергея Ивановича с этим мужчиной, но сделал вид, что не заметил этого контакта. Ему не верилось, что Сергей Иванович сотрудничал с администрацией, и его с ним контакт был специально подготовленным администрацией актом.

* * *

Крылов очнулся от легкого прикосновения чьей-то руки к плечу.

– Крылов, вставай, пора идти на работу! – произнес бригадир.

Он встал с койки и, поправив одеяло на кровати, медлен-

но побрел в сторону выхода. Как он не хотел, но в голове прочно застряла мысль о том, что Сергей Иванович появился около него не случайно, что это все – дело рук администрации колонии.

– Бригадир! А где у нас Сергей Иванович? – поинтересовался он у него.

– А он чуть раньше ушел на участок. Говорит, что у него какие-то там дела.

Они медленно прошли сквозь строй конвоя и, построившись по четыре человека в ряд, двинулись в сторону литейного цеха. При входе в промышленную зону их снова остановил караул. Они вторично медленно прошли сквозь строй и лишь только после этого их стали разводить по рабочим участкам.

«Интересно, как мог Сергей Иванович вне строя пройти в промышленную зону? – подумал Александр, наблюдая за прапорщиками из конвоя. – Ведь перемещение по территории колонии вне строя запрещено! Выходит, у него есть какой-то документ, который позволяет ему спокойно передвигаться по территории колонии. А это значит, что мои подозрения имеют под собой почву».

На воле Крылов мало интересовался тем, кто его окружает. Может, оттого, что ему не приходилось, сталкивался с плохими людьми, и поэтому ему всегда казалось, что его окружают вполне нормальные и адекватные люди. Здесь же, в колонии, где человек лишен не только свободы передвиже-

ния, но и свободы выбора общения, этого было явно недостаточно. Здесь требования к человеку намного ужесточались. Помимо вышеуказанных качеств, появлялось еще одно требование к человеку – его порядочность. Ты спишь рядом с этим человеком, делишься с ним куском хлеба, доверяешь ему свою жизнь, свои мечты и становится особо больно и обидно, если человек, с которым ты буквально сросся всеми своими мыслями, оказался стукачом. Чтоб не было между людьми никакой дружбы и взаимопонимания, а было лишь только одно – корысть. Чем глубже этот человек проникал в твое сознание, тем обиднее был финал всего этого. Становилось страшно, что все твои переживания и чувства его вообще никогда не волновали, и все, чем ты делился с этим человеком, нужно было администрации учреждения, а не ему. Что все это делалось лишь для того, чтобы больней ударить тебя, когда ты этого совсем не ожидаешь.

Крылов вошел на участок в надежде увидеть там Сергея Ивановича, но участок был пуст, его на месте не оказалось. Чтобы окончательно проверить свою версию, Александр разработал свою комбинацию. Утром он передал написанную им записку от лица Сергея Ивановича, адресовав ее мужчине, который нанес ему ранение. В записке было указано место встречи.

Зайдя в отряд, он увидел Сергея Ивановича, который сидел на койке и штопал свою телогрейку. Поздоровавшись с ним за руку, Александр произнес:

– Сергей Иванович! Меня попросили вам передать, что вас ждет какой-то мужчина за углом нашего здания. Он очень просил вас выйти и встретиться с ним.

Сергей Иванович быстро оделся и направился во двор. Крылов подошел к окну и стал наблюдать за их встречей. Сергей Иванович вышел из здания и, оглядевшись по сторонам, сразу же направился в сторону незнакомца. Они поздоровались за руку, и отошли в дальний угол локальной зоны. О чем они разговаривали, он мог лишь догадываться. Незнакомец достал из кармана записку и протянул ему. Сергей Иванович посмотрел на окна здания, рассчитывая, по всей вероятности, увидеть заинтересованное лицо, однако Крылов успел вовремя укрыться.

Прошло минут двадцать, прежде чем Сергей Иванович вошел в помещение отряда. Александр за это время успел умыться и встретил его приход, лежа на койке.

– Ну и как? Увиделся с человеком или нет? – поинтересовался Крылов у него.

– Нет, – коротко ответил Сергей Иванович. – Во дворе никого не оказалось. Скажи, а кто тебя просил мне это передать?

– Мужик из соседнего отряда. Если хочешь, я тебе могу его показать?

– Не нужно, Саша. Если кто со мной хочет встретиться, пусть сам ко мне подойдет. Не буду же я бегать по отрядам и искать его?

– Хозяин – барин, – коротко ответил ему Крылов и повернулся к стене.

«Значит, они знакомы и его слова о том, что он не знает напавшего на меня заключенного, не соответствуют действительности. Неужели это он навел его на меня. Наверняка, только он знал, что я остался на участке один, так как уходил с участка последним», – подумал он.

Крылов повернулся лицом к соседу и внимательно посмотрел на него.

– Сергей Иванович! Скажите мне, как вам удается передвигаться по зоне в одиночку? У вас есть пропуск, или как-то по-другому?

Он усмехнулся и подозрительно посмотрел на Александра.

– Кто тебе сказал о том, что я свободно передвигаюсь по зоне?

– А я сам вчера это видел.

– Ты сколько здесь сидишь, Крылов. То-то и оно, а я, брат, седьмой год. Меня здесь все уже знают и иногда дают такую возможность погулять по зоне одному.

Он повернулся на бок и закрыл глаза. Больше у него к Сергей Ивановичу вопросов не было.

* * *

На следующий день у него состоялось свидание с приехавшей к нему Максимовой. Ольга сильно изменилась за то время, что он не видел ее. Ее цветущее красивое лицо приобре-

ло настоящую женскую красоту, ту, которая бывает у молодых женщин в возрасте двадцати трех – двадцати пяти лет. На ее щеках играл небольшой румянец – похоже от волнения. Ее волосы были аккуратно уложены. От нее пахло какими-то полевыми цветами, от запаха которых у него закружилась голова. Ольга была одета в легкое серое демисезонное пальто с ярким шарфом на шее. Когда она вошла в комнату для краткосрочных свиданий, в которой уже находился он, она на какую-то долю секунды застыла на пороге, а затем бросилась Крылову на шею и стала целовать его в губы.

– Оленька, золотце, не нужно плакать. Ну, я прошу тебя, прекрати! – шептал он ей в ухо, крепко сжимая ее в своих объятиях.

Когда она, наконец, успокоилась, они сели за стол и стали разговаривать.

– Саша! У меня хорошая новость для тебя. Брат Андрея Белоусова, Игорь, живет в Москве и работает в Верховном Суде СССР. Мы на той неделе встречались с ним, и он подготовил для нас жалобу в Военную коллегию Верховного Суда СССР. Мы просим коллегию пересмотреть решение Военного трибунала в связи с тем, что во время процесса были нарушены твои конституционные права. Тебе не был предоставлен защитник, твои ходатайства о привлечении в качестве свидетелей Белоусова и других бойцов твоего подразделения судом были просто проигнорированы. Он пообещал нам с Андреем, что сам лично передаст нашу жалобу Пред-

седателю Верховного Суда СССР.

Ольга замолчала и посмотрела на него – как он отреагировал на ее сообщение?

– Спасибо, Оля, тебе, Белоусову Андрею и всем бойцам. Чтобы я делал, если бы ты не помогала мне. На той неделе сюда приезжала моя бывшая жена, Катя. Она сообщила мне, что уходит от Грачева.

– Неужели она на что-то рассчитывает? Я не отдам тебя ей! – вспылила Максимова. – Ты – мой и только мой!

Александр взял в ладонь ее руку и нежно ее погладил. В глазах девушки застыли слезы.

– Ты меня неправильно поняла, – тихо произнес он. – Она боится, что я, когда выйду из колонии, начну им всем мстить. Вот она и прикатила ко мне, чтобы объясниться по этому вопросу. Она просила не трогать ее будущего мужа, так как он ни в чем не виноват.

Ольга заулыбалась впервые за все время их встречи.

– А я-то, дура, подумала, что она хочет снова сойтись с тобой.

– Нет, милая, я ей не нужен, как и она мне. С ее слов, ее муж Грачев, используя свои каналы, попросил местное руководство колонии создать для меня здесь невыносимые условия.

– Что это такое? Если можешь, объясни мне?

– Это означает, – заставить меня совершить какой-то поступок, за который мне могут увеличить срок моего пребы-

вания здесь, а в худшем случае – искалечить или убить. Меня уже здесь подрезали и я совсем недавно вышел из больнички.

Лицо Максимовой побледнело.

– Прости меня, Саша, но я этого не знала. Мне никто об этом не сообщил.

– Ничего, милая. Сейчас со мной все нормально. После того, что мне сообщила Катя, я буду крайне осторожен. Если администрация узнает об этом, у меня могут возникнуть большие неприятности. Что ни говори, Грачев еще при силе, вернее, его родственные связи и возможности. Здесь люди носят погоны, и многое здесь зависит от приказов руководства. Да, ладно, о чем это я. Давай, не будем говорить о плохом, лучше расскажи мне о доме.

Она достала из сумки чай, сахар, продукты. Они быстро вскипятили чайник, и она, сев за стол, стала рассказывать ему последние городские новости.

* * *

Вечером, когда Крылов собирался на работу в ночную смену, к нему подошел Сергей Иванович. Он остановился за его спиной и, коснувшись рукой его плеча, тихо спросил:

– Крылов, что произошло с тобой? Ты давай, не темни….

Александр повернулся к нему и совершенно спокойно заявил:

– Ничего, Сергей Иванович. У меня все нормально. Что вас беспокоит во мне? Косяков за мной нет.

– Ты мне не ври, Крылов! Я тебя вижу насквозь. Ты последнее время стараешься избегать меня. Я – не мальчик и все это хорошо вижу. Если ты не хочешь со мной общаться, так и скажи. А то все темнишь и темнишь.

– Вы ошибаетесь, Сергей Иванович. В моем отношении к вам ничего не изменилось. Если бы что-то произошло, то я вам бы об этом сказал.

По всей вероятности, он не услышал в его словах искренности и поэтому снова настойчиво потребовал ответа, схватив его за рукав телогрейки:

– Ты не ври мне, Крылов! Если раньше ты сам искал меня, чтобы поделиться своими проблемами, получить какой-то совет, то теперь ты замкнулся в себе, и я вижу, не хочешь общаться со мной.

– Вы правы, Сергей Иванович. На это есть ряд причин, – ответил Александр ему. – Да, я вам доверял, делился с вами, но вы меня обманули. Взяли и просто так, как малыша, обманули. Я имею в виду мое доверие к вам.

– Как я тебя обманул, Крылов? Ты не заболел ли случайно?

– Вы помните, когда меня подрезали на участке, я поинтересовался у вас, видели ли вы этого человека или нет. Что вы мне ответили тогда, помните? Вы мне сказали, что не видели этого человека, хотя он должен был столкнуться с вами в этой комнате мастеров. Несколько дней назад я свел вас с ним. Вы разговаривали в локальной зоне, не правда ли? Вы

поздоровались с ним за руку и стали с ним беседовать. Он вам еще показал записку, которую я передал ему от вашего имени. Значит, вы его не только видели, но и хорошо знаете.

– Слушай, Крылов! Я что-то не пойму тебя? Это какой-то бред сивой кобылы.

– Не нужно притворяться, Сергей Иванович. Я – не мальчик, и все понимаю. Это вы его страховали тогда, на участке. Только вы знали, что я один остался на формовке. Это по вашему указанию этот человек попытался убить меня.

– Это какая-то ошибка, Крылов! О каком мужике ты мне говоришь? Я здесь сижу семь лет и многих заключенных хорошо знаю. Что здесь удивительного, если я с кем-то здороваюсь?

Лицо его вдруг запылало. Ноздри его большого носа стали похожи на два небольших крыла. Он великолепно все понимал и знал, как это называется и как за это наказывают в местах лишения свободы. Скажи я кому-то слово – и жизнь этого человека оборвется в первую же ночь. Он схватил Крылова за грудки и прижал к стене. В его глазах царил страх и не просто страх, а животный ужас.

– Не нужно меня лечить, Сергей Иванович. Это вы по приказу администрации стали моим покровителем в отряде. Вас интересовало лишь одно, готов ли я отомстить Грачеву за то, что он меня сюда упек, или нет. Вы – простой стукач и если вы мне сейчас не расскажите все, то я вас просто сдам блатным, и тогда ваша жизнь в лагере не будет стоить и гроша.

Он вжал голову в плечи и испуганно посмотрел по сторонам.

– Ты не шуми, Крылов! Недооценил я тебя, парень, ты оказался умнее нас с Антиповым. Да, я действительно выполнял задание Антипова и наблюдал за тобой. Его интересовало буквально все, что было связано с тобой и Грачевым. В частности, его очень интересовал вопрос мести. Когда ты отказался от мести, он не поверил и решил сам переговорить с тобой и привлечь тебя к работе, а затем засветить тебя блатным.

– Зачем это ему?

– Его просили уничтожить тебя или раскрутить на новый срок. Да, это я навел на тебя этого человека, и если бы ты был менее удачлив, то просто умер бы в формовочном отделении. Но ты выжил. Я не поверил тебе, что ты не запомнил этого человека, и когда ты так искусно свел меня с ним, то я понял, что ты меня вычислил. Тогда я сделал так, чтобы тебе предложили хорошую должность. Это позволило бы нам перевести тебя в другой отряд, но ты, похоже, отказался от этой должности. Сейчас ты знаешь все, и мне ничего не остается, как просто убить тебя, хотя я этого не хочу.

– Вот что, Сергей Иванович. Я не собираюсь сдавать тебя блатным и предлагаю тебе самому решить вопрос о твоем переводе в другой отряд, а если можно, то и на другую зону. Я буду молчать о тебе до тех пор, пока мне ничего не угрожает. Если я пойму, что меня хотят завалить люди Антипо-

ва, то я сдам тебя.

Сергей Иванович замолчал и посмотрел на него. Крылов надел на себя рабочую робу и направился к выходу из отряда.

* * *

Время шло. Сергея Ивановича вскоре после этого с ним разговора перевели в другой отряд. Крылов с ним встречался лишь на вечерних проверках. Тот старался держаться от него подальше, всем своим видом показывая ему, что он его не знает.

Наступила настоящая весна, и все заключенные, свободные от смены, высыпали в локальную зону и, подставив свои лица под ласковое весеннее солнце, сидели на лавочках, ведя неторопливые разговоры.

– Крылов!

Александр приоткрыл глаза и посмотрел на мужчину, который стоял перед ним, закрыв своей могучей фигурой солнечный диск.

– Есть тема, нужно перетереть, – произнес неизвестный и направился в здание отряда.

Крылов совсем не знал этого человека. Он пришел в их отряд совсем недавно и сразу же направился в дальний угол, где обитали блатные.

«Что ему нужно от меня? – подумал он, вставая со скамейки. – Опять, наверное, что-то начнут мне предъявлять».

Последние полгода, что Александр жил в колонии, у него не было ни одной стычки с блатными. Он работал на произ-

водстве, а они предпочитали сидеть в отряде и целыми днями играть в карты и рассказывать друг другу придуманные ими байки о серьезности их преступлений. И вдруг – на тебе, зовут к себе блатные.

Мужчина свернул налево и направился в сторону туалета.

«Что-то здесь не так», – подумал он.

Крылов хорошо усвоил за время своего заключения, что в туалете никаких серьезных дел не решается. Это место служило у блатных местом предъявления претензий и различных насильственных действий. Он крепко сжал свои кулаки и внутренне приготовился к предстоящей драке.

В туалете на подоконнике сидел незнакомый ему молодой человек. Заметив Александра, он встал с подоконника и направился в его сторону. Судя по его сломанным ушам и кривому носу, Крылов сразу же догадался, что перед ним стоит настоящий боец, а скорей всего в прошлом неплохой спортсмен.

– Посмотри, как там! – произнес он, обращаясь к новенькому парню, который пригласил его сюда.

Шнырь выглянул в коридор и, повернувшись к ним, произнес:

– Все в порядке, тихо.

Незнакомец достал из кармана сигарету и, прикурив ее, выпустил в лицо Александра струю дыма. Он невольно закрыл глаза от едкого дыма, и замахал рукой, разгоняя, клубы дыма.

– Зачем звал и кто ты? – спросил Крылов его, чувствуя, что задает свой вопрос впустую, так как на него ему все равно не ответят. Это был туалет, а не вечер вопросов и ответов.

Неожиданно одна из кабинок открылась, и за его спиной выросла фигура знакомого ему мужчины, а именно того, который напал на него на формовочном участке. Александр оглянулся назад и увидел в его руке сверкающую на солнце заточку.

«Что делать?» – лихорадочно подумал Крылов, автоматически меняя свое положение в пространстве, стараясь занять такую позицию, которая не позволила бы им ударить его со спины.

Наконец за его спиной оказалась покрытая светлой плиткой стена.

– Что вам от меня нужно? – еще раз тихо спросил он мужчину со сломанным и кривым носом.

Он промолчал. Его дыхание стало глубоким и прерывистым. Он, по всей вероятности, хорошо знал, с кем имеет дело, и поэтому не спешил бросаться на Александра с кулаками. Наконец их глаза встретились. У него были маленькие карие глазки с четкими желтыми крапинками, они больше походили на глаза животного, чем человека. В них отсутствовала пощада, и он решил, что тоже щадить их никого не будет.

– А, а, а! – закричал мужчина и попытался заточкой ударить его в бок. Крылов вовремя отскочил в сторону и удар

пришелся в бок кривоносого мужчины. Тот взвыл от боли и выронил из рук свою заточку. Свитер его моментально окрасился кровью и он стал медленно оседать на грязный пол туалета. В этот момент в туалет ворвался начальник отряда с двумя солдатами срочно службы.

– Что случилось? – спросил он Крылова.

– Да вот, гражданин начальник, захожу я в туалет, а здесь вот такая канитель. Похоже, что они не поделили что-то между собой.

Солдаты быстро скрутили мужика и вывели его из помещения. Александр стоял, все так же прижавшись к стене туалета, и смотрел на начальника отряда.

– Чего смотришь, Крылов? Делаешь вид, что случайно оказался в туалете? Только не нужно передо мной оправдываться, я таких людей, как ты, за версту чую. Что они тебе предъявили?

– Я не при делах, гражданин начальник. Я только вошел в туалет, а здесь идет разборка.

– Смотри, Крылов. Жить, как живешь ты – нельзя. Нужно прибиваться к какому-то берегу.

– А я не хочу, гражданин начальник, прибиваться. Меня не устраивает ни тот, ни другой берег. Это государство оттолкнуло меня от себя и сделало из меня преступника.

– Но, но, Крылов. Ты мне антисоветчину здесь не гони. Здесь нет случайных людей, и ты здесь – тоже не исключение. Я знаком с твоим делом и хорошо знаю, за что ты си-

дишь.

Александр замолчал, так как спорить с начальником отряда было бесполезно. У каждого из них была своя правда.

– Разрешите мне идти, гражданин начальник, – тихо обратился он к офицеру.

– Свободен, – коротко ответил он ему и тоже направился к выходу из туалета.

* * *

Прошло еще два месяца ожиданий. Крылов ложился спать и вставал с одной лишь мыслью, что его вызовут в администрацию колонии и сообщат дату рассмотрения его жалобы. Наконец, в конце июля его вызвал к себе начальник учреждения. В его душе все затрепетало, сердце громко застучало, и он на обмякших ногах направился в специальный отдел колонии. Зайдя в спецотдел, Александр сразу же прошел в кабинет начальника колонии.

– Здравствуй, Крылов, проходи, присаживайся, – произнес полковник и указал ему рукой на стул. – В спецотделе был?

Александр прошел вперед и сел на предложенный им стул и кивнув головой.

– Кури, – предложил ему начальник учреждения и протянул ему пачку болгарских сигарет «Интер».

Он давно не курил дорогих и престижных сигарет и поэтому протянул руку и взял одну сигарету.

– Кури, кури, не стесняйся, Крылов, – произнес полков-

ник и пододвинул ему коробок спичек.

Александр прикурил и затянулся полной грудью. После сигарет «Памир», «Интер» показался ему травой. Он посмотрел на начальника и, загасив сигарету пальцами, положил ее в пепельницу.

– Что, не нравится? – поинтересовался он у Крылова.

– Не то, чтобы не понравились, просто не привык к этому табаку. Слабый он, да и вкуса у него нет. Так, трава, и не более.

– Ты знаешь, Крылов, почему я пригласил тебя к себе? Я вижу, ты догадался об этом. Завтра тебя перевезут в Москву. На следующей неделе состоится заседание Верховного Суда СССР по твоей жалобе, а вернее, по жалобе твоих бывших бойцов, которые посчитали, что ты был осужден незаконно.

– Извините, гражданин начальник, судить воюющего человека по гражданским законам, наверное, неправильно. Поэтому я и хочу, чтобы суд поставил в этом деле свою жирную точку. Можно еще один вопросик? Скажите, вы всех так провожаете на пересуд, или только меня?

– Ты знаешь, Крылов, я никогда практически не встречаюсь с заключенными, которых этапируют на пересмотр дел. Ты у меня – первый. Я хотел посмотреть на тебя, на человека, которого, возможно, оправдают и которого почему-то так боятся отдельные люди из Москвы.

– И как?

– Да, никак. Человек как человек, ничего особенного.

Мне Антипов докладывал о тебе, и я представлял тебя совершенно другим. Ты знаешь, Крылов, что в колонии можно сломать любого человека. Можно запугать, можно обласкать – и он твой, но ты, по-видимому, действительно честный человек и не стал хвататься за положение в зоне и за это я тебя уважаю. Постарайся, Крылов, не возвращаться сюда из Москвы.

– Спасибо, гражданин начальник.

– А сейчас иди. У меня много работы.

Александр повернулся и вышел из его кабинета.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
Весна

Все повторялось с обратной последовательностью. Машина для перевозки заключенных, путь от учреждения до железнодорожного вокзала, тупик, надрывный лай собак, сидящие на корточках заключенные с закинутыми руками за голову.

– Шаг влево, шаг вправо, прыжок на месте расценивается как попытка к бегству! Конвой стреляет без предупреждения и на поражение! – произносит молоденький паренек с блестящими на солнце хромовыми сапогами.

На его плечах все те же погоны лейтенанта внутренних войск. Все та же наглая ухмылка и сигарета в зубах. Где-то вдали раздался гудок тепловоза, и люди, до сих пор молча сидевшие на корточках, почему-то заволновались. Они, словно по чьей-то команде, повернули головы в сторону раздавшегося гудка тепловоза и с замиранием сердца стали пристально всматриваться вдаль, туда, где, сверкая на солнце, словно две стальные спицы, переплетались и уходили вдаль железнодорожные рельсы. У всех словно по немой команде усиленно застучали сердца. Никто из них не знал, что их ждет там, вдали, куда скоро умчит их тепловоз.

Солнце пекло спину Крылова, но это было уже совсем

другое солнце, не такое яркое и жаркое, как в далеком Афганистане. Александр хотел сменить положение тела, но грозный окрик сержанта из конвоя, заставил его вжать голову в плечи. Опыт, приобретенный им в колонии, подсказывал ему не делать этого. Снова раздался протяжный для кого-то тоскливый, а для него радостный гудок локомотива.

Тепловоз появился совершенно с другой стороны. Он приветливо загудел и остановился напротив него, таща за собой два специальных вагона для перевозки заключенных.

– По моей команде, по одному бежите к вагону! Задача ясна?

Все молчали, так как хорошо знали, чем может обернуться подобное учение. Офицер начал выкрикивать фамилии заключенных. Названный вскакивал с корточек, быстро хватал свой мешок и, словно пуля, летел к входу в вагон, где его ожидали уже двое конвойных солдат.

Его фамилию лейтенант, выкрикнул последней. Крылов быстро вскочил на ноги и, схватив свои небогатые пожитки, побежал к ожидавшим его конвоирам.

– Куда его? – спросил один из них вышедшего из вагона офицера. – Он же с «красной» зоны, его же не посадишь со всеми?

Офицер посмотрел на Александра. Взгляд его был настолько тяжелым, что он невольно опустил свои глаза.

– Можете посадить его к себе, если он вам так понравился, – произнес он и громко засмеялся. – Сажайте этого педе-

раста в общий отсек. Посмотрим, доедет он до станции назначения или нет, здесь купейных мест нет.

– Но они его порежут, если узнают, что он красный, – произнес все тот же солдат.

– Одним предателем просто станет меньше, – произнес офицер. – Скажем, что не посмотрели в документы и посчитали его обычным заключенным. Что смотрите, в первый раз, что ли?

– Пошел! – скомандовал солдат и больно ткнул Крылова в спину стволом автомата.

Он быстро поднялся и побежал по коридору в дальний конец вагона, где стоял конвоир со связкой ключей в руке. Стоило Александру только войти в свой «отсек», как за ним закрылась решетка. Заметив свободное место, он сразу же направился к нему.

– Так это «красноперый»? – спросил его мужчина в годах, лицо которого пересекал большой и глубокий шрам, а на веках его красовалась синяя татуировка – «Не буди». – Братва, я не поеду с этим красным. Мне это за падло! Меня же опустят за это свои же!

Крылов молча сел в угол и стал наблюдать за этим блатным, так как он представлял наибольшую опасность для него.

«Откуда они узнали о том, что я из тринадцатой колонии?» – подумал он, хотя был хорошо осведомлен, как отлично работает арестантская почта.

– Ты, похоже, не слышишь меня, «петушок» – красненькая бородка? Это я к тебе обращаюсь? Мне «западло» сидеть рядом с таким, как он, и дышать с ним одним воздухом!

Это было, похоже, уже на обращение к зекам, которые сидели вдоль стены вагона и с интересом наблюдали предстоящий спектакль. Все повернули головы и посмотрели на Александра. Похоже, они оценивали его физические возможности, если начнется заваруха в их отсеке. А в том, что это обязательно произойдет, Крылов уже не сомневался.

* * *

Александр сидел и считал, сколько их может ввязаться в эту драку. Судя по их лицам и взглядам, которые они бросали друг на друга, таковых было от силы четыре человека.

«Господи! Пронеси! Я не хочу драться, – подумал он. – Этого еще не хватало, чтобы они убили тебя или ты раскрутился еще на один срок, ведь через две недели у тебя суд».

– Ну, ты, арестантская вошь, может, уступишь место уважаемому сидельцу? Ведь твое место у параши! – произнес все тот же осужденный с татуировками на веках.

Он снял с себя кирзовый сапог и запустил им в Крылова.

– Ты, что глухой, петух?

Александр промолчал. Тогда он снял с себя второй сапог и снова запустил его в него.

«Боже! За что?» – подумал он, наблюдая, как из дальнего угла поднялся мужчина.

Он посмотрел сначала на него, а затем перевел свой

взгляд, на мужчину с татуировкой.

– Чего смотришь, Бобон? Может, тебе приятно делить площадь с этим угловым соседом? Ты блатной или, может, тоже в мужики подался? Расскажи кому, что Бобон делил свою хату с красным, никто не поверит!

Чтобы как-то сравнять свои шансы и не быть забитым ногами в своем углу, он поднялся из своего угла.

«Куда он может меня ударить? – подумал он. – Наверняка, попытается ударить в голову. Судя по его габаритам, он хочет одним ударом решить этот вопрос».

Заключенные притихли. Десять пар глаз уставились на него, прикидывая его шансы в этой драке.

«Эти двое – явные лидеры, и если их устранить, то остальные вряд ли впишутся в эту драку, так как, похоже, что они не блатные» – решил он, глядя на лица заключенных.

Мужчина сделал шаг в его сторону. Он снова посмотрел на мужчину, а вернее, в его глаза, которые налились кровью. Рассчитывать на то, что он пожалеет его, уже не приходилось. Он сделал еще один шаг. На его лице появилась победная ухмылка. Ухмылка, но не победа. Собрав все свои силы, Крылов ударил его в область кадыка. Он захрипел, словно раненный бык и, схватившись руками за горло, медленно осел у ног мужчины своего приятеля. Это оказалось столь неожиданным для наблюдавших за этим поединком мужчин, что никто из них не проронил и слова.

– Ну, кто еще из вас хочет испытать подобное, – спросил

он и обвел всех взглядом. – Ты? Ты? А, может, ты?

Все молчали. Он сделал шаг в сторону мужчины с татуировкой на веках. Он испугано закрыл голову руками, словно предчувствуя его удар. Александр ударил его по лицу промеж его рук. Он по-женски ойкнул и стал лихорадочно вытирать кровь со своего лица.

Александр повернулся и вернулся на свое место.

– Кому здесь не нравится, пусть ломится отсюда, – произнес Крылов. – Держать никого не буду.

Первым к решетке бросился мужик с татуировкой на веках.

– Конвой! – что есть силы, закричал он. – Конвой!

К отсеку подошел сержант и посмотрел на окровавленное лицо мужчины.

– Что орешь? По морде хочешь получить?

– Пригласи офицера!

– Бегу и падаю, – ответил ему сержант. – Я же спросил тебя, что тебе надо?

– Позови командира! – снова закричал он ему. – Ты, что по-русски не понимаешь!

Сержант исчез и вскоре появился в сопровождении начальника конвоя.

– Что случилось? Ты что людям отдыхать не даешь?

– Гражданин начальник, переведите меня в соседний отсек. Я не могу здесь сидеть с этим «красноперым»!

Лучше бы он этого не говорил, так как эта цитата момен-

тально вывела офицера из себя.

– Что, не нравится, козел вонючий? Хотели опустить мужика, не получилось? Ты же сам меня просил об этом, чтобы я тебя посадил с ним в один отсек. Авторитет хотел свой поднять! Что не получилось? Что смотришь, вошь арестантская? Пусть теперь он вас научит, как нужно жить в этой жизни.

Он демонстративно повернулся и, сверкнув своими блестящими сапогами, направился обратно.

* * *

Ему сначала показалось, что он может праздновать свою победу. Но это скорей была не победа, а подписанный себе смертельный приговор. Что он мог сделать один, в забитом под завязку блатными вагоне. Это он понял минут через сорок, когда, хватаясь за стенку руками, с пола поднялся поверженный им противник. Он замотал головой, словно пытаясь отбросить в сторону то, что произошло с ним полчаса назад. Мужчина сверкнул глазами и снова попытался ударить его правой рукой. Александр вовремя сумел отскочить в сторону. Удар потряс стенку отсека. Не обращая на боль никакого внимания, мужчина попытался схватить его своими большими и могучими руками. Прежде, чем мужчина успел его схватить, Крылов сильно ударил своими ладонями по его ушам. Он снова, как и в прошлый раз упал на колени и тихо скуля, пополз на свое место.

– Сука красная! – гудел весь спецвагон. – Давай, его к нам,

мы порвем его на лоскутки.

– Братва! Помогите! – орал мужчина с татуировками на веках. – Красный творит беспредел!

Крылов не успел оглянуться на лязг металлической двери, как сильный удар резиновой дубинки опрокинул его на грязный пол. Ворвавшиеся в отсек конвоиры стали избивать его ногами и резиновыми палками. Александр попытался укрыться от ударов, как мог, катался по полу, но ноги специалистов сделали свое дело. Последнее, что он запомнил, это яркий свет электрической лампы. Он погрузился в темноту, которая, словно живая черная материя, спеленала его по рукам и ногам, не давая ему возможности пошевелиться.

Крылов очнулся в холодном, мокром и вонючем туалете. Его правая рука была намертво прикована к какой-то металлической трубе, проходящей на уровне пола. Он попытался пошевелить свободной рукой, но у его ничего не получилось. Боль, намертво засевшая в левом плече, не позволила ему этого сделать. Он подтянул под себя распухшие от ударов сапог ноги, чтобы хоть как-то изменить свое положение на полу.

– Очнулся? Вот и хорошо, – произнес подошедший к нему сержант.

– За что? Они первыми напали на меня, – прошептал он разбитыми губами.

– Не важно, кто начал. Важно другое, чтобы это все не переросло в бунт. Ты «красный» и тебе не место в общем от-

секе. Если бы не мы, то тебя бы они точно убили этой ночью. Так что, все к лучшему.

– Значит, мне до Москвы так и валяться в этом толчке?

– Лучше здесь, чем в холодильнике морга.

– Отстегни, я обещаю тебе, что больше драться не буду.

– Извини, не могу. Сейчас переговорю с командиром, что он скажет.

Сержант повернулся и направился в служебное купе, где отдыхал свободный от службы конвой. Александр проводил его взглядом до двери и попытался сесть на этом грязном и сыром полу. Однако прикованная к трубе рука не позволила ему это сделать.

– Что, не получается? – услышал он за спиной незнакомый ему голос.

Крылов обернулся и увидел молодого офицера. Он протянул ему ключ от наручников.

– Вот возьми. Отстегни себя.

Александр выполнил его команду и, отстегнув наручники, поднялся с пола.

– Давай, двигай батонами, – приказал он ему и толкнул Крылова рукой в спину. – Не туда, давай, в тамбур.

Он выполнил его команду. Когда он вошел в тамбур, офицер пристегнул его к решетке окна.

– Вот что, Крылов! Если хочешь живым доехать до Москвы, сиди здесь и не дергайся. Если что, убью лично. Понял?

Александр кивнул. В том, что он может убить, он тогда не

сомневался.

* * *

Москва встретила поезд проливным дождем с громом и молниями. Спецвагон загнали куда-то в тупик, подальше от глаз общественности. Их было человек тридцать заключенных, все сидели на корточках, образовав небольшой полукруг, и с удовольствием вдыхали наполненный озоном воздух. Дорога от Нижнего Тагила до Москвы заняла около семи суток. По меркам движения специального вагона с заключенными, это было довольно быстро. Часто в пути их вагон загоняли в тупики, где они иногда стояли сутками.

Наконец подошли два автомобиля для перевозки заключенных. Из кабины одного из них вышел офицер с капитанскими погонами на плечах и подошел к начальнику конвоя. Они о чем-то поговорили и, обменявшись сопроводительными документами, разошлись в разные стороны.

– В машину по одному, бегом марш! – громко скомандовал капитан и стал выкрикивать фамилия заключенных.

Заключенные быстро вскакивали на ноги и, схватив свои пожитки, бегом устремлялись к машине, где быстро исчезали за открытой дверью. Его фамилию капитан назвал последней. Александр схватил свой небольшой мешок и быстро побежал к машине. Как он и предполагал, для него было отдельное место, или так называемый «стакан». Это было довольно узкое место, огражденное металлом и решеткой, в котором можно было лишь сидеть, кое-как втиснувшись в

эту своеобразную щель.

Послышалась команда, машина мелко затряслась и тронулась. Путь от вокзала до пересыльной тюрьмы занял более двух часов. Машина часто застревала в уличных пробках, и скоро Крылов почувствовал нехватку кислорода. Металлический кузов автомашины раскалился под летним солнцем, и внутри ее стало нестерпимо душно и жарко. Он сидел в этом узком «стакане» и каждой клеткой своего тела чувствовал эту жару. Вскоре вся его одежда пропиталась потом.

«Скорей бы доехать», – шептал он пересохшими губами, мечтая, как и в Афганистане, о глотке свежего воздуха и воды.

Наконец автомашина переехала какие-то железнодорожные, а может быть, и трамвайные пути и тихо въехала в большой, закрытый со всех сторон тюремный двор.

Крылов выпрыгнул из машины и, подгоняемый грозными криками конвоя, устремился вперед. Их быстро разделили по десять человек и загнали в небольшую камеру без окон. Это была карантинная камера. Александр быстро присел в дальнем конце камеры и прислонился к толстой тюремной стене, от которой веяло прохладой. В этой камере они провели несколько часов. Ближе к вечеру, их всех погнали в баню. Он с нескрываемым удовольствием смыл с себя пот и стал мыть голову. Стоило ему только закрыть глаза от мыла, сильный удар в лицо опрокинул Крылова на пол. Александр схватил свой оцинкованный таз и подставил его под следую-

щий удар крупного мужчины.

– Ломись отсюда, «красноперый», пока мы тебя здесь не «опустили» ниже плинтуса! – выкрикнул он.

Крылов поднялся с пола, смыл с себя остатки мыла и быстро направился к двери. На его стук в предбанник заглянул конвоир.

– Отведите меня в камеру или они меня убьют, – попросил он его.

– А ты, из каких мастей будешь? Опущенный, что ли?

– Нет. Я с «красной зоны», – ответил он ему.

– Бери одежду и пошли за мной, – приказал конвоир. – Почему раньше об этом не сказал? Они же могли тебя убить или опустить.

– В документах все написано – ответил Крылов.

– А кто их, кроме начальства, читает?

Закрыв его в небольшой камере, он быстро удалился куда-то по коридору.

* * *

Утром Крылова перевели в общую камеру, в которой содержались бывшие сотрудники правоохранительных органов. Камера была не очень большой, рассчитанной на восемь арестованных. Половину дня он отвечал на вопросы арестантов, рассказывая им о колонии номер тринадцать. Отдельные из них были уже осуждены и теперь со страхом ждали предстоящего этапа.

– Крылов, что будешь делать, если Верховный Суд СССР

оставит приговор без изменения? – поинтересовался у него один из арестованных.

– Если сказать честно, то не знаю. Мне до звонка осталось два года, придется чалиться, деваться некуда. А так, я все-таки надеюсь на торжество справедливости.

– Это хорошо, когда есть хоть малейшая надежда на свободу, – вклинился в разговор один из арестованных. – Люди хоть сидят за что-то стоящее, а я попал сюда за глупость.

Все повернулись в его сторону. Заметив, что на него обратили внимание, он стал рассказывать свою незатейливую историю. Все, затаив дыхание, слушали эту историю, иногда прерывая ее громким смехом. Александру было неинтересно, не только потому, что сам рассказ был довольно глупым, но и потому, что он уже знал, кто этот человек и на кого он здесь работает.

Когда арестованный закончил свой рассказ, в разговор вступил второй мужчина. Крылов резко оборвал его, чем вызвал недовольство у первого рассказчика.

– Ты что права качаешь? Ты кто такой? – поинтересовался он у него.

– Отвали, – процедил сквозь зубы Александр. – А ты не будь дурачком и держи язык за зубами. В камере друзей не бывает. Запомни это раз и на всю жизнь. Забудешь, пожалеешь.

– Ты сам об этом не пожалей, – предупредил его рассказчик.

– Мне жалеть уже не придется. Вся моя жалость осталась там, на воле. Я тоже одного пожалел, вот теперь и сижу за эту жалость.

В камере сразу же стало тихо. Крылов повернулся на бок и закрыл глаза. Он буквально провалился в яму сна. Сколько он спал, он не знал. Проснулся он от грохота открываемой металлической двери. По привычке, вскочив на ноги, он с интересом посмотрел на чернеющий проем двери, ожидая какого-то чуда. Увы, чуда не произошло, в камеру вошел рассказчик и сел за стол. Дверь за ним с грохотом закрылась и в камере повисла тягучая тишина, прерываемая лишь храпом одного из осужденных.

– Ну, как? – спросил его один из сокамерников.

– Плохо. Менты шьют новое дело, – произнес вошедший в камеру арестант. – Похоже, мне – вилы.

Все снова собрались за столом и стали обсуждать волнующие их проблемы.

– Крылов, чай будешь? – спросил его один из арестантов.

– Нальешь, не откажусь, – ответил Александр и спустил ноги с койки.

Он сел рядом с рассказчиком и протянул стоявшую на столе металлическую кружку.

– Крылов! Что скажешь? Ты человек с опытом, помоги мне.

Он посмотрел на него, он явно ждал его совета.

– Если это – преступление не твое, то не нужно на него

грузиться. Этого никто не оценит. Если ты думаешь, что впоследствии оперативники найдут настоящего преступника и реабилитируют, этого не произойдет. Стоит подписаться под этим преступлением и они моментально прекратят работать и повесят все на тебя. Это – первое. А второе – если это – твое преступление, то я бы посоветовал взять его. Может получиться так, что тебя осудят за первое преступление, а потом докажут и второе. В этом случае уже будут судить как ранее судимого. А это – срок, и срок немалый.

Все притихли. Каждый задумался над своей судьбой.

* * *

В камере Крылов пробыл трое суток. Утром его вызвали к заместителю начальника следственного изолятора по режиму. Он осторожно переступил порог его кабинета и, представившись, как это положено в учреждениях этого типа, стал ждать, когда он объяснит мне причину его вызова.

– Я тебя вызвал, Крылов, для того, чтобы сообщить тебе о предстоящем завтра заседании Верховного Суда. Суд начнется в десять часов утра. Ты подготовься к заседанию, побрейся, одень что-нибудь приличное. Ну, в общем, чтобы выглядел вполне нормально и достойно. Надеюсь, жалоб на содержание в изоляторе у тебя нет?

Александр стоял и молчал. Весть о завтрашнем заседании суда лишила его языка. Он кивнул ему в знак согласия.

– Вот и хорошо. Удачи тебе, десантник, – произнес он и приказал увести его в камеру.

Весь остаток дня Крылов провел в камере, лежа на койке. Перед глазами, словно в кино, проплывали фрагменты его прежней жизни: школа, военное училище, первый прыжок с парашютом, казанский Парк имени Горького, первая встреча с Катей, железнодорожный вокзал в Витебске, улыбающееся лицо Грачева, первый рейд на «дорогу», первое ранение, суд и зона, и лицо Ольги.

«Что решит суд? – спрашивал я себя. – А вдруг…?»

Ему не хотелось верить в это «вдруг», но исключить эту возможность из своей жизни он тоже не мог. Рассматривая этот вариант, Александр не исключал того, что Грачев предпримет все шаги для того, чтобы оставить решение Военного трибунала без изменения. Грачев очень боялся иного решения суда, и как показывала жизнь, страх заставлял людей предпринимать такие отчаянные шаги, которые бы никогда не пришли на ум нормальному человеку.

«Интересно, кто будет на суде? Максимова, Белоусов – точно, а вот кто еще из ребят приедет?» – размышлял он.

Он хорошо понимал, что собрать всех людей – задача непростая. Многие после демобилизации устроились на работу, обзавелись семьями. Не каждый захочет бросить все и поехать в Москву, защищать своего бывшего командира. Он не мог винить тех, кто не смог приехать в суд, они и так много сделали для него, дали правдивые показания и всячески старались поддержать его в эту сложную минуту моей жизни.

– Крылов? – услышал он голос сокамерника. – Ты особо не

гони, крыша может поехать. Настраивай себя на самое худшее.

Александр невольно улыбнулся. Ему было приятно, что вместе с ним за него переживают и его сокамерники.

– Спасибо, Истомин, за поддержку. Я и так все эти дни только и думаю об этом суде. Я всегда думал про себя, что вот соберутся вместе человека два или три, послушают, а затем возьмут и решат его судьбу. Захотят, поднимут на щит, захотят, опустят ниже канализации. Не всегда в решениях суда существует справедливость, чаще всего в них преобладает буква закона, а не справедливость.

– А я вот сейчас думаю, как бы быстрей уехать на зону. Там кормежка лучше и свободы больше.

– Это, смотря с чем сравнивать, – ответил он ему.

– Может ты и прав, Крылов, но мне в этом каменном мешке тяжело. Я небо люблю, и чем больше этого неба, тем лучше для меня.

Он улыбнулся, невольно вспомнив синее бездонное афганское небо. Сейчас он знал лишь одно, что небо в клетку ему было не нужно.

* * *

Солнце било Крылову в глаза и, чтобы разглядеть всех, кто находился в зале заседания, ему приходилось прикрывать глаза ладонью. Он останавливал свой взгляд на каждом своем бойце и кивал ему – здороваясь. Чуть в стороне от них сидели Максимова Ольга и Белоусов. Он сразу обратил на

них внимание, когда его под конвоем ввели в этот небольшой зал. Ольга была необычно красива. В строгом темно-синем костюме, в белой блузке, с красивой брошью. Увидев его, она тихо заплакала. Александр заметил, как мелко задрожали ее хрупкие плечи. Он помахал ей рукой и нежно улыбнулся. Он представил себя со стороны – худой, почерневший от работы в литейном цехе, с выбитыми зубами. Представленная им картина – впечатлила его.

Грачева в зале не было. Его интересы представлял молоденький адвокат. На вопрос суда, почему на заседание не прибыл сам Грачев, он встал с места и протянул председательствующему судье лист бумаги. Судья быстро пробежал глазами по документу и отложил его в сторону.

– Грачева не будет, он сейчас находится в служебной командировке. Его интересы будет представлять адвокат Гаврилов.

Возражений не последовало. Адвокат, нанятый Грачева, зачитал жалобу. В конце он попросил суд не рассматривать поданную кассационную жалобу и оставить решение Военного трибунала в силе.

Сердце Крылова екнуло и замерло в ожидании решения. Он сидел и внимательно следил за перебранкой адвокатов, которая, как правило, всегда прерывались голосом председательствующего. Вскоре суд перешел к заслушиванию свидетелей. Все они, как один, утверждали только одно – что в тех условиях, которые сложились на тот момент в Афгани-

стане, Крылов не мог посадить Грачева в вертолет, в котором находились раненые бойцы. Этот вертолет и так был сильно перегружен и мог не подняться в воздух. Во-вторых, на подлете был еще один вертолет, и никто тогда не мог просто предположить, что он может быть обстрелян моджахедами.

Наконец, суд предоставил слово его бывшему заместителю Белоусову. Андрей подошел к трибуне, опираясь на трость. Александр видел, каких больших усилий ему стоило это сделать. Он долго молчал, стараясь восстановить дыхание. Он с замиранием в сердце стал слушать его выступление. Все собравшиеся в этом зале хорошо понимали, что от его выступления зависит все: оправдают ли его или обратно отправят в колонию.

Начал он довольно тихо и судья, прервав его выступление, попросил говорить громче. Крылов понимал, что громко говорить ему сложно, полученное им ранение легкого не позволяло говорить громко. Однако он, пересилив себя, стал говорить громко. Речь его с каждой минутой становилась все громче и громче, а обвинения в адрес полковника Грачева – все серьезней и серьезней.

– Уважаемый суд! Когда мы поняли, что остатки нашего отряда намертво заблокированы превосходящими силами противника, полковник Грачев в присутствии меня обратился к Крылову с предложением прекратить вооруженное сопротивление и сложить оружие. При этом он говорил нам, что вернуться обратно на родину нам должен помочь Крас-

ный крест или Красный полумесяц. Именно в этот момент, старший лейтенант Крылов напомнил ему, что бывает с трусами и паникерами на войне. Никаких прямых угроз оружием Грачеву не было, это я утверждаю точно.

Выслушав его, суд объявил о перерыве на два часа. Мимо Александра прошли все его боевые товарищи, каждый из которых старался всячески подбодрить его, кто своим взглядом, а кто и словами. Последней мимо него прошла Максимова. Глаза ее были полны слез и жалости. Она, по всей вероятности, только здесь, в зале суда, услышала об обстоятельствах этого дела и поняла всю суть этих незаконных обвинений.

– Я люблю тебя, Крылов, и буду любить всегда, чтобы ни случилось с тобой, – произнесла она и протянула к ему свою руку, сквозь прутья решетки.

– Не положено, – строго произнес конвоир. – Проходите, гражданочка. Останавливаться около осужденного нельзя.

Она убрала свою руку и, взглянув на конвоира, прошла дальше.

* * *

Через два часа суд снова приступил к своей работе. Заслушав возражения адвоката Грачева, высказанные в адрес выступивших свидетелей, суд оставил их без особых комментариев. Наконец судьи переглянулись и отправились в совещательную комнату.

Сердце Крылова учащенно забилось в груди, а он момен-

тально покрылся испариной, словно пробежал без тренировки несколько километров. Он почувствовал каждой клеткой своего тела огромное напряжение, которое повисло в зале.

Александр попытался заговорить с присутствующими в зале бойцами, однако дежурный конвой быстро пресек эту попытку. Они просто вывели его из зала заседания и завели в соседнее пустующее помещение. Один из конвойных протянул Крылову сигареты.

– Кури, старлей, – добродушно произнес он. – Если все, о чем говорили эти люди, правда, то я снимаю перед тобой свою шляпу. Ну и мразь этот полковник, и как таких людей только земля носит.

Он прикурил и посмотрел на ребят из конвоя. Все они были молодыми и многие из них даже не представляли, что значит – вот так просто оказаться на войне, в полном окружении.

– Слышишь, старлей? – снова обратился к нему конвойный, который угостил его сигаретой. – А правительственные награды у тебя были?

– Да. Два Ордена Красной звезды, Боевого Красного Знамени, медали. Был представлен еще к одному, но не получил, так как арестовали.

Они восхищенно посмотрели на него. Они были солдатами и хорошо понимали, что просто так наградами наше государство не разбрасывалось.

– Чай, будешь? – неожиданно спросил его один из кон-

войных. – Сейчас я тебе налью в эту кружку.

Он протянул Крылову металлическую кружку с чаем. Он сделал несколько глотков и поставил ее на стол, так как в этот момент в помещение вошел старший наряда и приказал завести его обратно в зал заседания.

Как только конвой завел его в зал, открылась дверь совещательной комнаты.

– Встать! Суд идет – подала команду секретарь.

Все встали с мест. Трое судей прошли за стол и молча сели. В этот момент напряжение достигло своего апогея. В зале стало вдруг так тихо, что было слышно, как тяжело дышал председательствующий судья. Александр тоже замер, ожидая вердикта.

– Я не буду читать все решение, – произнес судья. – Оглашу лишь постановляющую часть. Итак, решение Верховного суда СССР – признать гражданина Крылова невиновным, вернуть ему воинское звание старшего лейтенанта, а также вернуть заслуженные им правительственные награды. После получения решения суда на руки, гражданин Крылов вправе обратиться в Министерство обороны СССР с рапортом о восстановлении его на воинской службе.

Крылов сначала не поверил тому, что услышал. Ему показалось, что судья пошутил. Слезы невольно брызнули из его глаз, и комок счастья подкатил к горлу, мешая ему нормально говорить.

– Конвой, освободите гражданина Крылова! – произнес

судья и, улыбнувшись, посмотрел на него.

Александр сделал шаг и попал в объятья друзей. Все они жали ему руки, обнимали, целовали. Освободившись от объятий, он устремился к Ольге, которая по-прежнему сидела на лавочке и плакала, в этот раз от радости. Он крепко обнял ее и поцеловал в губы.

– Спасибо тебе, Оленька. Если бы не ты …

Он не договорил, ее маленькая ладонь закрыла его рот.

– Это – не я. Это все сделали твои боевые друзья. Я лишь нашла их и собрала здесь, в этом зале.

– Мужики! – громко произнес Белоусов. – Я думаю, надо отметить этот день, день, когда нашему командиру возвратили его честное имя.

– А заодно отметим и возможную его свадьбу! – произнес кто-то из бойцов.

Они дружной толпой вышли из здания суда и направились в ближайшее кафе отметить этот долгожданный для него день свободы.

* * *

Солнце с трудом пробивалось сквозь сетку зелени. Рядом со скамейкой играли дети, оглашая парк своими звонкими головами. Мимо них проходили взрослые степенные люди, бросая на них свои любопытствующие взгляды.

– Извините, а что было дальше? – спросил я у Крылова и с нескрываемым интересом посмотрел на него.

Он грустно улыбнулся и, загасив свою сигарету, бросил ее

в стоящую недалеко от них чугунную урну.

– А ничего. Понимаете, ничего, – произнес он и тяжело вздохнул.

– Как так – ничего? – удивленно спросил я его. – Такого не бывает.

– Я надеюсь, вы поймете меня. Я больше года добивался возврата мне моих заслуженных наград, восстановления звания. Около года я пытался восстановиться на службе, но везде получал отказ. Многие начальники намекали мне на судимость, другие делали загадочное лицо и упорно молчали. Наконец, я понял, что, никогда, не смогу восстановиться в рядах армии. Нужно было что-то предпринимать. Я ходил по замкнутому кругу. Мне нигде не отказывали в приеме на работу, но почему-то всегда мне предлагали самый худший из вариантов. Вскоре развалился Советский Союз, а затем стала потихоньку валиться вся наша армия и идеология.

– А что стало с Максимовой Ольгой? Вы поженились?

– Да. Мы прожили с ней два счастливых года. Я очень благодарен ей за ее поддержку. За все это время она ни разу меня, ни в чем не упрекнула.

Крылов сделал паузу и, достав из кармана сигареты, снова закурил. Я видел, как дрожали от волнения его пальцы. Прикурив, он продолжил:

– Оля умерла при родах, так и не сумев родить мне мальчика. В ее смерти были виноваты врачи. Она рожала в ночь с тридцать первого декабря на первое января. Врачи справля-

ли Новый год, и им было не до моей жены. Я тяжело перенес эту утрату. Вслед за ее смертью, я потерял и временную работу. Мне приходилось перебиваться случайными заработками. Мыл машины, работал охранником, охранял по ночам киоски коммерсантов. Пробовал сам заняться бизнесом, не получилось. Тогда я понял, что бизнес – это не для меня. Вскоре умерла моя мать. Я остался один. Запил, но вовремя остановился. Не буду скрывать, были предложения от лидеров группировок, сулили большие деньги…

Он снова замолчал. Сделав глубокую затяжку, он продолжил:

– Снова попробовал восстановиться в армии, но в очередной раз ничего не получилось. Я и мой боевой опыт оказались не нужны российской армии, ведь воевать на тот момент она ни с кем не собиралась. Чисто случайно я встретил своего знакомого по Афганистану. Он так же, как и я, мыкался без работы. Посидели с ним, выпили, вспомнили Афганистан и решили поехать с ним в Приднестровье, где тогда шла война. Там наши пути на время разошлись. Меня назначили командовать спецподразделением, а он пристроился при штабе. Воевали мы недолго. Россия ввела свою четырнадцатую армию на территорию непризнанной республики, и генералу Лебедю удалось приостановить эту войну.

– А что было потом?

– Вы, наверное, догадались и сами. Потом была Югославия. Мы с товарищем воевали против хорватов. Воевал я

неплохо, за что и получил две высшие награды Республики Сербии. Там же был ранен в бедро. Когда вышел из госпиталя, война закончилась, и мы, русские потянулись кто куда. Были приглашения из Франции и ряда других стран, которые нуждались в иностранных наемниках. Неожиданно для себя узнал, что нахожусь в международном розыске, как военный преступник. Видимо, хорваты узнали обо мне то, что не должны были знать. Около года скрывался, менял одну страну на другую, пока не понял, что нужно возвращаться домой, на Родину. Уже здесь я узнал, что розыск в отношении меня прекращен. Через друзей сумел вернуться сначала в Украину, где прожил около года. Там же приобрел фальшивый паспорт с новой фамилией. Через полгода вернулся в Россию. Здесь получил новый российский паспорт.

– Значит, сейчас вы живете по чужим документам?

– Почему – по чужим? Паспорт сейчас у меня нормальный, правда, фамилия там не моя.

– Почему Вы не хотите восстановить свою действительную фамилию?

– А зачем она мне? Я за эти годы уже и забыл, как она звучала. Да и рассчитывать на помощь государства мне не приходится. Кто я для него? Лишь пыль на его сапогах. Протер, и нет ее. Да и родина уже давно вычеркнула меня из своих списков. Ей не нужны герои, ведь так всем проще.

– Можно еще спросить? А как сложилась судьба у полковника Грачева? Вам не приходилось больше с ним встречать-

ся?

– Встречаться не приходилось, но слышать о нем я слышал. Когда я воевал в Приднестровье, он, по слухам, служил при штабе четырнадцатой армии. Как у него дальше сложилась судьба, я не знаю.

– А как Катя?

– Не знаю. Слышал, что вышла замуж. Муж служил в посольстве в одной из южноамериканских стран.

Он замолчал, а затем, поднявшись с лавочки и прихрамывая на правую ногу, медленно направился к остановке трамвая. Я проводил его сгорбленную фигуру взглядом, пока она не затерялась в толпе людей. Я медленно шел по улице города, не замечая идущих мне навстречу людей. Его рассказ буквально потряс меня, а если сказать правду, то я был просто потрясен этой человеческой и солдатской трагедией.

ЭПИЛОГ

Человеческая память избирательна, многие некогда яркие события нашей жизни уходят из ее цепких объятий, другие же намертво застревают в ней. Как-то, просматривая медицинскую литературу, я наткнулся на интересный термин – посттравматический стрессовый синдром. Любопытство заставило меня порыться в медицинском справочнике, и я нашел определение: «Посттравматический синдром – депрессия во всех ее проявлениях, гнев, злость, чувство вины, омертвение души человека, навязчивые идеи, отчуждение, чувство ранимости и обостренной справедливости». Эта информация шокировала меня. Тысячи молодых людей, прошедших Афганскую войну и выживших, оказались безнадежно душевнобольными, страдающими синдромом, который впоследствии назовут «афганским». Около трех десятков лет прошло с окончания Афганской войны. Много это или мало, не берусь судить об этом. Люди говорят, что у каждого поколения есть свои памятные даты, как и своя война. За спиной моего деда была первая мировая, а затем Гражданская война. У отца – Финская и Великая Отечественная войны, а для моего поколения мальчишек, рожденных в 50–60-е годы прошлого столетия, – Афганская. Война, которая шла около десяти лет, теперь легко умещается на одной страничке учебника современной истории. Всего две даты: нача-

ло и окончание войны, и все. Мы почему-то стесняемся этой войны, пытаемся умолчать о ней, словно не было тех ста тринадцати месяцев боев, полных героизма и мужества. Говорят, что народ, забывающий свое прошлое, лишен будущего. Возможно, это так, но я сомневаюсь. Потеря памяти – это тоже одно из проявлений болезни души, изувеченной той же войной, о которой я хотел рассказать на страницах этой книги. Война – это пир садистов и колыбель героев одновременно. Для большинства участников войны – это борьба за то, что они понимают под справедливостью, но для многих это еще и что-то другое. Война есть война, где героизм, взаимовыручка и боевое братство уживались с грабежами, выстрелами в спину, жестокостью. Бессмысленно спорить с историками и политологами о справедливости этой войны, каждый из них в подобной дискуссии будет прав по-своему. Ведь даже самое страшное преступление всегда можно попытаться оправдать, прикрыв его громкими лозунгами. У каждого из нас – своя правда, которая может разительно отличаться от правды другого. Размышляя о правде войны, о ее необходимости спустя десятки лет, я уверен, что принятое «кремлевскими старцами» решение о вводе войск в Афганистан было губительным для нашего государства, в ходе этой войны погибли десятки тысяч советских ребят, и сотни тысяч афганцев. Я хорошо помню первые репортажи из Афганистана: толпы ликующих людей на улицах Кабула. Мы тогда верили, что несем этой стране свободу, знания, мир и дружбу. Поче-

му-то хотелось верить, что там, в горах и песках Афганистана, в Кабуле и Баграме мои сверстники действительно выполняли свой интернациональный долг, защищали интересы нашего необъятного государства и дружественного нам Афганистана. Однако даже сейчас, через столько лет, я не могу ответить на вопрос: в чем именно заключался тот интернациональный долг? Не стоит искать людей, развязавших эту войну, – их нет и спросить с них за тысячи смертей невозможно. Надеюсь, что наш опыт – живых и мертвых пригодится вам, читающим эти строки. Ведь война никогда не заканчивается. Говорят, что война – правда обмана, что она заканчивается лишь тогда, когда умирает последний солдат или исчезает человеческая память. Статистика утверждает, что к 2060 году умрет последний солдат Афганской войны. Интересно: 10 лет войны и 100 лет человеческой памяти. Нам осталось не так уж и много, чтобы сохранить правду об Афганской войне, в которой погибли 14453 солдата и офицера Советской Армии, 469685 военнослужащих получили ранения и стали калеками и инвалидами. Вдумайтесь: за каждой единицей – человеческая трагедия, слезы матерей, не рожденные дети. Я хочу, чтобы мы никогда не забывали о солдатах и офицерах, которые полегли на выжженной солнцем афганской земле за непонятные им государственные интересы.